

НОВЫЙ ЧАСОВОЙ

НОВЫЙ ЧАСОВОЙ

ПЕТЕРБУРГ

1996

№4

№4

Редакция “Нового Часового”
благодарна Р.В.Полчанинову (США),
Российско-Американской Компании (С.-Петербург)
и ООО “КЛЕАТРОН ТЕРМИНАЛ” (С.-Петербург)
за финансовую поддержку издания.

НОВЫЙ ЧАСОВОЙ

Русский
военно-исторический
журнал

Russian Military History Journal

№ 4

Издательство Санкт-Петербургского университета
Санкт-Петербург
1996

Памяти В.Г.Бортневского

Ушел из жизни Виктор Бортневский — талантливый историк, порядочный человек, патриот нашего Отечества. Невозможно поверить в то, что его уже нет среди нас...

Виктор Георгиевич родился в 1954 году в Ленинграде. Как и многие, отслужил в армии, затем окончил исторический факультет Ленинградского университета. По окончании аспирантуры защитил кандидатскую диссертацию, работал в Институте истории Академии Наук, а потом, уже будучи доцентом, преподавал в Санкт-Петербургском государственном университете. В 1991 году он начал редактировать и издавать первый в перестроечной России историко-документальный альманах "Русское прошлое", который сразу обрел своего заинтересованного читателя и сегодня по праву считается одним из лучших академических изданий.

Научные интересы Виктора Георгиевича всегда отличались широтой — это и проблемы истории России XIX века, и Вторая мировая война, и история отечественной культуры. В последние годы главной темой его исследований стали Гражданская война и русская эмиграция. Его перу принадлежат десятки работ, посвященных этим драматическим страницам исторического прошлого. Увлеченно занимаясь архивными изысканиями, преподавательской работой, Виктор Георгиевич самозабвенно отдавался и популяризации русской истории — им подготовлены несколько радио- и телевизионных программ для самой широкой аудитории.

Судьба распорядилась так, что талантливый ученый был вынужден покинуть стены Alma mater и уехать за океан. Виктора Георгиевича пригласили читать лекции в известных американских университетах. В США он продолжил работу в архивах, совершил несколько сенсационных открытий, подготовил фундаментальные публикации. При этом он никогда не терял связи с Родиной, острожно воспринимал все ее беды.

Будучи членом Редакционной коллегии "Нового Часового", его полномочным представителем в Америке, Виктор Георгиевич приложил немало усилий для того, чтобы не только на Родине, но и за ее пределами узнали правду о величайшем расколе XX века, о трагическом противостоянии белых и красных, о судьбах русских эмигрантов. Он был преисполнен оптимистичных надежд, увлекательных идей, интереснейших планов. В Издательстве Санкт-Петербургского университета вот-вот должна выйти его книга "Загадка смерти генерала П.Н.Врангеля".

Будучи человеком целеустремленным, твердым и бескомпромиссным во всем, что касалось его жизненных принципов, он при этом оставался романтиком, натурой чуткой и очень ранимой. Самоотверженно защищая идеалы справедливости и добра, он сам оказался беззащитен перед жестокими реалиями жизни.

Ушел Виктор Бортневский... Пусть в нашей благодарной памяти он навсегда останется таким, каким запечатлел его фотообъектив на этом любительском снимке — открытым, добрым, жизнерадостным человеком. Другом и коллегой. Настоящим Историком.

Как пронзительно больно, что уже ничего нельзя изменить.

Коллеги и друзья

Главный редактор *А. В. Терещук*

Редакционная коллегия *К. М. Александров, В. Г. Бортневский, А. Б. Егоров, В. Б. Конасов, В. М. Монахов, О. А. Поливанов, Б. А. Старков, С. Л. Фирсов, М. Н. Яковлев*

Экспертный совет *Вас. А. Булкин (история Древней Руси), Ю. Л. Коршунов (военно-морская проблематика), В. М. Лурье (биографика), С. И. Романовский (история науки, публицистика), А. Н. Цамутали (история России XIX—XX вв.)*

Редакция журнала *Г. И. Чередниченко (заведующая), Е. Р. Михайлова (редактор), Е. С. Егорова (секретарь), Е. А. Соловьева (художник)*

Компьютерная группа *Е. В. Величкина, С. В. Лобачев, С. В. Стремилев*

Административная группа *И. С. Петров, В. Г. Ситник*

Адрес редакции Российская Федерация, 197198, Санкт-Петербург, Мытнинская наб., 5/2. Телефон: (812) 238-47-09, 218-30-21. Факс: 233-06-72

Банковский счет

В России: Т/с 48100609216 Гаванский филиал АО БАНК “Санкт-Петербург” кор/счет 700161848, с/сч 748911301. МФО 044030748; 171326

В Германии: J. Friesen (“Новый Часовой” — С.-Петербург) Frankfurter Volksbank e G. Frankfurt am Main BLZ: 50190000 Conto NR: 0301188471

Представители журнала

в Москве: Шатунов Юрий Александрович, 105077. Москва, ул. Первомайская, 101 (Институт национальных проблем образования, зам. директора). Тел.: (095) 461-92-45. Факс: 461-92-45

в Вологде: Конасов Виктор Борисович, 16000024, Вологда, ул. Северная, д. 28-А, кв. 31. Тел.: (81722) 46431

в Севастополе: Ревин Сергей Федорович. Тел.: (069) 41-31-97, Ветров Игорь Геннадьевич (распространение, реализация). Тел.: (069) 57-34-34

в Германии: Фризен Иван Иванович (J. Friesen) Flurscheideweg 15, D — 65936 Frankfurt a.M. BRD

© “Новый Часовой”, 1996

© Издательство С.-Петербургского университета, 1996

© Авторы публикаций, 1996

Издательства и редакции средств массовой информации, желающие полностью или частично перепечатать какие-либо материалы “Нового Часового”, должны предварительно сообщить о своих намерениях редакционной коллегии журнала.

Содержание

ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Дубенцов Б.Б.</i> Создание Санкт-Петербургской портовой таможни (первая треть XVIII в.)	7
<i>Искюль С.Н.</i> Александр I и Фридрих-Вильгельм III: свидание в Мемеле (июнь 1802 г.)	13
<i>Бовкало А.А.</i> Архимандрит Сергей (Шеин) и его предки: историко-генеалогический очерк	19
<i>Морозан В.В.</i> Из истории русской экономической эмиграции конца XIX—начала XX в.	23
<i>Пчелянская Т.М.</i> Памятный отдел императора Александра III в Русском музее	35
<i>Лукоянов И.В.</i> С.Ю.Витте и планы сооружения Сибирской железной дороги: к предыстории русско-японской войны	45
<i>Фирсов С.Л.</i> Обер-Прокуроры Святейшего Правительствующего Синода в последнее десятилетие существования самодержавия в России	53
<i>Подсобляев Е.Ф.</i> Какой флот нужен России? По материалам дискуссии, состоявшейся накануне Первой мировой войны	61
<i>Виноградов С.А.</i> Подготовка русской военной экспедиции на Балканы в 1916 г.	66
<i>Николаев А.Б.</i> Думские комиссары в русской армии (февраль—март 1917 года)	72
<i>Мусаев В.И.</i> Рейд английских торпедных катеров в Кронштадт 18 августа 1919 года: его цели, ход и результаты	84
<i>Полторак С.Н.</i> “Красная” и “Белая” Россия: два взгляда на проблему российского гражданства бывших военнопленных Первой мировой войны	91
<i>Александров К.М.</i> Трагедия русского казачества: 1943—1944 гг.	97

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ВОЕННО-КОНСТРУКТОРСКОЙ МЫСЛИ

<i>Рубан Ю.И.</i> Электрическая мина штабс-ротмистра Павла Шиллинга	115
<i>Нацваладзе Ю.А.</i> Конструктор стрелкового оружия А.И.Судаев	121

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

<i>Дякин В.С.</i> Церковь и государство в период третьеиюньской монархии	126
<i>Жеребов Д.К.</i> Мга. Жаркое лето 1943-го... ..	131

НЕИЗВЕСТНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

О деятельности контрразведывательных органов противника на оккупированной территории Ленинградской области (докладная записка П.Н.Кубаткина) Публикация С.В.Чернова	140
--	-----

МЕМУАРЫ

Языков Г.Л. Эвакуация Черноморского флота из Крыма в Бизерту в 1920 году.....	160
Чередниченко Е.А. Подъем под огнем (Об одной уникальной спасательной операции, проведенной в 1943 г.)	167
Вербицкий Г.Г. Выдача в Лиенце	173

ПЕРСОНАЛИИ

Смирнов В.Н. Капитан Лукин — легенда русского флота	183
Коршунов Ю.Л. Последний Генерал-Адмирал (Великий Князь Алексей Александрович)	188
Фирсов С.Л. Императрица Александра Федоровна как религиозный тип	196
Лурье В.М. Адмиралы Военно-Морского Флота СССР	205

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Романовский С.И. От мессианской идеи до социальной утопии.....	220
Вольский А.И. Активная безопасность	235

ИНТЕРВЬЮ

Владимир Владимирович Гранитов.....	242
Граф Генрих фон Айнзидель	246

РУССКИЙ СКАУТЬ

ХРОНИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (июнь—декабрь 1995 г.)	250
Скаутмастер Р. Полчанинов. Скауты — разведчики накануне Второй мировой войны	256
Борис Георгиевич Врангель	263
Георгий Викторович Месснер	264
Олег Олегович Пантюхов	265

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Межвузовская научная конференция “Элита российского общества XIX—начала XX веков: состав, отдельные судьбы, деловые и родственные связи”	266	
Международная конференция в Москве и Красногорске	270	
Межвузовская научная конференция «Вторая волна эмиграции (1939—1947)»	273	
Книжные новинки	274	
Рецензия на книгу А.Н. Кашеварова “Государство и Церковь: Из истории взаимоотношений Советской власти и Русской православной церкви. 1917—1945 гг.”	276	
 ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ	 278	
 <table border="1"><tr><td>Юрий Давидович Марголис</td></tr></table>	Юрий Давидович Марголис	 288
Юрий Давидович Марголис		

Б.Б.Дубенцов

Создание Санкт-Петербургской портовой таможни (первая треть XVIII в.)*

Вопрос о появлении в Санкт-Петербурге таможенных учреждений уже в XVIII в. обратил на себя внимание исследователей. Сведения о строительстве таможенных зданий впервые были приведены в книге А.Богданова и В.Рубана, которые полагали, что первое здание Санкт-Петербургской портовой таможни было сооружено в 1720 г.¹ М.Д.Чулков, как можно понять из его изложения, считал, что портовая таможня возникла в 1713 г., поскольку ранее иностранные купеческие корабли в Петербург не приходили². Позднее историки, как правило, ограничивались воспроизведением этих сведений. Так, их механически соединил А.Е.Сукновалов, писавший в 1 томе “Очерков истории Ленинграда” о возникновении и размещении первых таможен в Петербурге³. Н.Н.Репин привел даже точную дату учреждения Санкт-Петербургской портовой таможни, но не стал никак ее обосновывать⁴. Таким образом, приходится констатировать, что обстоятельства и дата создания Петербургской портовой таможни остаются не выясненными.

Как известно, Петр I, основывая Санкт-Петербург, полагал сделать новый город не только военным форпостом России на Балтике, но и морским торговым портом европейского значения. Однако Петербург, создававшийся буквально на голом месте, сначала стал речным портом и местом выгодного сбыта привозившихся из различных регионов России продовольственных и иных товаров, в которых нуждалось быстро увеличившееся население города⁵. Поскольку в начале XVIII в. еще существовали внутренние таможенные пошлины, т.е. обложение торговых операций, совершавшихся на внутреннем рынке, то уже в год основания Петербурга⁶ (и никак не позже 1704 г.⁷) появилась в Санкт-Петербурге внутренняя таможня. Но если в систему российской внутренней торговли Санкт-Петербург включился естественным путем уже с момента своего основания, то занять подобающее место во внешней торговле будущей столице удалось далеко не сразу и в результате целенаправленных усилий государственной власти. Петр I, торопясь превратить Санкт-Петербург в морской торговый порт, действовал в двух направлениях. Во-первых, через своих дипломатов он стремился побудить иностранных купцов использовать Петербург для торговли с Россией. Во-вторых, еще в июне 1703 г. выражал намерение переключить на невские берега товаропотоки с Нарвы и Риги⁸. Надеясь в том же 1703 г. увидеть там датские и английские корабли⁹, Петр

* В основу настоящей статьи положен доклад, прочитанный на семинаре “Санкт-Петербург и Старая Финляндия” в сентябре 1995 г. в г.Котка (Финляндия). Семинар был организован Институтом России и Восточной Европы.

в следующем году направил в Новгород, Псков, Тверь и Торжок указ, которым подписывал все товары, которые ранее русские купцы возили в Нарву, доставлять в Петербург, где за них обещано заплатить из казны “по настоящей торговой цене безволокитно”¹⁰. Ссылаясь на тяготы военного времени, купцы уклонились от исполнения указа¹¹. К тому же Петербург, находясь фактически в зоне военных действий, не мог быть местом совершения экспортно-импортных операций. Ежегодно с 1703 по 1706 г., а также в 1708 г. шведы атаковали Петербург с моря и суши¹², и вплоть до 1713 г. блокировали его с моря. В 1706 г. российским дипломатам удалось побудить Англию вступить в переговоры со шведами о пропуске английских торговых кораблей к Петербургу, но практических результатов они не принесли¹³. Через шведскую блокаду прорывались лишь английские суда.

Положение существенно изменилось в 1713 г. В навигацию этого года Россия имела уже на Балтике 13 кораблей с 450 пушками, что в 3 раза превышало численность русского флота, находившегося там в 1712 г. Не без удовлетворения Петр I писал в мае 1713 г. Г.И.Головкину: “Ныне от неприятельских кораблей никакова опасения не имеем”¹⁴. К этому же времени Санкт-Петербург стал официально столицей России и туда же переехали царский двор и дипломатический корпус¹⁵. Это делало Петербург привлекательным для иностранных купцов в качестве рынка сбыта их товаров¹⁶. Так сложились предпосылки для открытия систематической морской торговли в Санкт-Петербурге. По утверждению М.Д.Чулкова, именно в 1713 г. “начали приходить иностранные корабли к Санкт-Петербургскому порту” и это “благополучное начало” было отмечено изготовлением специальной медали, на одной стороне которой был помещен портрет Петра I, а на другой изображен корабль в море и выбита надпись: “Имея надежду на Бога, желаем получить благо. 1713 год”¹⁷.

Вероятно, первые визиты иностранных торговых кораблей в Петербург были для их владельцев не слишком успешными, поскольку традиционных русских экспортных товаров там оказалось мало или не было вовсе. Принимая во внимание это обстоятельство и не дожидаясь, пока русские купцы сами убедятся в преимуществах Петербурга по сравнению с Архангельском, Петр I дал 31 октября 1713 г. именной указ, предписавший пеньку, юфть, а также “государевы товары”, т.е. товары, продажа которых составляла государственную монополию и к которым относились икра, клей, поташ, смола, щетина и ремень, возить в Петербург, а “к городу [Архангельску — Б.Д.] не отпускать”¹⁸. Осуществлению этой меры Петр придавал столь большое значение, что считал необходимым буквально через несколько дней 16 ноября дать аналогичный именной указ Сенату, дополненный положением о равенстве пошлин в Архангельске и в Петербурге. Этот указ был разослан по всем губерниям¹⁹. Тем не менее по именованному указу царя 16 января 1714 г. состоялся приговор Сената, подтвердивший обязательность привоза пеньки и юфти для продажи “за море” в Петербург. Нарушителям указа грозила конфискация имущества²⁰.

Следовало ожидать, что решительные меры верховной власти принесут свои результаты. Исходя из этого, инспектор Санкт-Петербургской ратуши Афанасий Гурьев в декабре 1713 г. обратился к губернатору А.Д.Меншикову с просьбой прислать в Петербург людей для браковки пеньки. Помимо этого Гурьев затребовал из Москвы 6 человек купцов “в службы же в Ратушу, в таможенную и на кабак”. А.Д.Меншиков в свою очередь обратился в Сенат. 15 января 1714 г. состоялся приговор Сената: 2 человек из гостиной сотни и 4 человек “добрых и знатных людей, которые наперед сего бывали у городской ярмонки в головах, в бурмистрах и ларешных и у таможенного сбора за выбором гостиной сотни и слобочких людей выслать в Санкт-Петербург в скорых числах”²¹. 29 января 1714 г. состоялся именной указ о присылке торговых людей уже не

только из Москвы, но из всех губерний “по 3 человека добрых и пожиточных”²². Очевидно, что ожидая существенного расширения торговли в Петербурге, верховная власть обратилась к традиционному способу обеспечения таможни дополнительными служащими, практиковавшемуся еще в XVII в.²³. Вместе с тем обращение А. Гурьева к А. Д. Меншикову дает все основания полагать, что Петербургская таможня была сформирована подобно таможням других городов из выбравшихся купечеством лиц. Не получая жалованья, они служили таможенными головами, с 1699 г. называвшимися бурмистрами; целовальниками, выполнявшими функции досмотрщиков.

Запросом о присылке людей для выполнения таможенных обязанностей Петербургская ратуша не ограничилась. В том же 1714 г. 27 января по ее инициативе А. Д. Меншиков повторно обратился в Сенат. “Понеже его царское величество указал вместо города Архангельского генеральной с иноземцами коммерции быть в С. Петербурге, — говорилось в его доношении, — того ради С. Петербургская ратуша требует копий со всех указов, каковы к городу Архангельскому о пошлинных сборах и о торговом таможенном поведении из приказов и из Московской ратуши посыланы, дабы возможно было знать, как в той коммерции здесь в ратуше поступать.” Одновременно ратуша просила прислать в Петербургскую таможню таможенных подьячих из Архангельска²⁴. Очевидно, что ей предстояло взяться за совершенно новое дело, для чего и требовалось иметь в своем распоряжении законодательные материалы и сведущих служащих.

Сенат удовлетворил все просьбы А. Д. Меншикова. Но выполнение сенатских приговоров затягивалось. В марте 1714 г. Сенат был вынужден послать в губернии “вторичные указы” “о высылке в С. Петербург купецких лутчих людей в бурмистры”²⁵. Последовавшие 15 марта 1714 г. разрешение Петра возить товары в Архангельск “по причине военного времени”²⁶ и отмена “на первое лето” взимания пошлин в Петербурге²⁷ должны были бы приостановить реализацию мер по подготовке Петербургской таможни к обслуживанию внешнеторговых сделок. Но Гурьев настаивал на их исполнении и уже сам обратился в Сенат в июне 1714 г., прося о высылке таможенных подьячих и копий с указов “о торговом поведении”. Соответствующий приговор Сената состоялся 16 июня²⁸. В июле Сенат повторно предписал выслать 6 человек из Москвы²⁹, в августе в третий раз был вынужден рассматривать просьбу Гурьева о присылке таможенных подьячих из Архангельска “того ради, что в С. Петербургской таможне в подьячих великое оскудение”³⁰, хотя ранее, в мае в Петербург прибыли 94 подьячих, часть из которых была определена в Ратушу³¹.

Указы Правительствующего Сената о присылке в Петербург выборных от купечества для несения разных служб, в том числе и таможенной, по-видимому, исполнялись плохо. В декабре 1714 г. Сенат вновь вернулся в вопросу о направлении в столицу бурмистров и целовальников. На этот раз Петербургская ратуша представила перечень мест, куда требовались бурмистры, с указанием их точного числа — 27 человек. Целовальников было нужно 260 человек. Этим последним по предложению самой Ратуши было решено брать из городов Санкт-Петербургской губернии, а бурмистров, как и ранее, из всех губерний по 3 человека из каждой³².

Как видно из представленного Ратушей перечня, “к досмотру товаров и прибылых кораблей” требовался всего 1 бурмистр в Петербурге и еще 2 на о. Котлин сразу к таможенным и питейным сборам и к продаже соли. Вероятно, даже 1 бурмистр мог справиться с досмотром кораблей в это время, поскольку их приходило в Петербург сравнительно немного: в 1715 г. было 52 корабля, в 1716 — 33, в 1717 — 51, в 1718 — 54, 1719 — 33. И только в 1720 г. число побывавших в Петербурге кораблей достигло 75³³, хотя в 1716—1721 гг. правительство Петра последовательно провело ряд мер с целью переориентировать с Архангельска на Петербург внешнюю торговлю³⁴. Рост числа

прибывавших в столицу кораблей обнаруживал несовершенство практики направления в Санкт-Петербургскую губернию выборных из купцов других губерний. В 1720 г. Камер-коллегия обратилась в Сенат с доношением, в котором отмечала, что “купецкие люди к сборам присылаются одной Санкт-Петербургской губернии городов... и в том оных городов купецким людям тягость”. Сенат приговорил на 1721 г. прислать выборных из всех губерний. Но даже многократные посылки указов (в Москву трижды, в Калугу и Тулу дважды) не дали результатов. Из-за этого, как доносила Камер-коллегия в Сенат, “в сборах чинится помешательство и могут быть и недоборы великие”. И только после того, как Сенат в своем приговоре предписал недоборы взysкивать с “управителей тех губерний и провинций”, откуда купцы не будут высланы, дело сдвинулось с мертвой точки, хотя так и не было доведено до конца — в апреле 1721 г. Петр распорядился прежних выборных 1720 г. оставить и на 1721 г.³⁵

В конце 1721 г. вопрос о том, откуда и сколько брать на 1722 г. бурмистров и целовальников, подняла Акцизная камора, обратившись в Коммерц-коллегию. Последняя предложила в ответ “требовать из Магистрата и определять их так, как прежде сего были определены, потому что Коммерц-коллегия об определении к тем сборам бурмистров и целовальников по доношению в Канцелярию Правительствующего Сената действительной инструкции о том не имеет”. И все же Коммерц-коллегия сочла необходимым определить требуемое число бурмистров и целовальников, а также установить круг их главных обязанностей и некоторых профессиональных качеств, как то: “знание в товарах” и владение иностранными языками. Был составлен список должностных лиц, которым присваивались особые наименования и сфера компетенции. Его Коммерц-коллегия направила в Магистрат и одновременно послала указ в Акцизную камору, требуя прислать именной список тем, кто служил в 1721 г. бурмистрами и целовальниками в Санкт-Петербургской таможне “для сбора пошлин с привозных и с отпускных на кораблях товаров”. Акцизная камора не смогла такой список представить и отвечала, что “по справке в Акцизной каморе в Санкт-Петербургской большой таможне бурмистров и целовальников у досмотра товаров и у отправления кораблей и у взятых пошлин особливых во оной таможне нет и не было, а отправляли одни настоящие бурмистры, которые у сбора внутренней пошлины все и заморскую собирают, подъячих у того отправления присланные из Камер-коллегии два человека”³⁶. Таким образом Коммерц-коллегия, к тому времени сосредоточившая в своих руках надзор за деятельностью таможен, обнаружила отсутствие особой портовой таможни. Ее функции исполняла внутренняя таможня, а взимание пошлин с импортно-экспортных сделок осуществляли те же служащие, которые занимались и сбором внутренних пошлин.

Ставшие ежегодными затруднения в обеспечении людьми налоговых служб, в том числе и таможенной, а также многочисленные жалобы купечества на разорение и тяготы заставили Петра I попытаться хотя бы частично снять с торговых людей обязанность служить “у казенных сборов”. В январе 1722 г. Петр предложил Сенату передать, где удастся, сбор пошлин на откуп и приступить к замене выборных от купечества отставными офицерами и солдатами³⁷. В апреле был издан указ о том же, причем предполагалось “службы, у которых никого подчиненных не бывает”, возложить на “раскольников и бородачей”; из купцов и “посацких людей добрых” выбирать людей для оценки и освидетельствования товаров “повсегодно с переменою”. Указом вводилась выплата им жалования³⁸. Осуществление этой меры должно было положить начало замене выборных служащих чиновниками, которым предписывалось “быть у... сборов беспременно”. Но Сенат не стал добиваться немедленной реализации царского указа. В сентябре 1722 г. Военной коллегии было предложено направлять офицеров и солдат в Камер-коллегию, а “до определения из офицеров” быть “прежним зборщикам из купечества”³⁹.

Скорее всего, указы 1722 г. не изменили сколько-нибудь значительно существовавшее положение. Казенные сборы по-прежнему оставались обязанностью торговых и посадских людей. И по-прежнему в конце 1723 г. встал вопрос о подыскании бурмистров для службы в Петербургском порту⁴⁰. Тем не менее возложение таможенной службы в приморских и пограничных городах на выборных, которых следовало «отсылать из Магистрата», было предусмотрено сохранить п.17 утвержденного 31 января 1724 г. Регламента Коммерц-коллегии⁴¹.

В документах 1723 г. начинают встречаться упоминания о Санкт-Петербургской портовой таможне⁴². Несомненно, что или в деятельности Петербургской таможни досмотр кораблей и сбор внешнеторговых пошлин стали играть особую роль, или в ее составе выделились структуры, для этого предназначенные. Это и позволяло упоминать портовую таможню и «портовое повытье». Но точных сведений о возникновении Петербургской портовой таможни в 1723 г. не имеется. Вместе с тем очевидно, что среди бурмистров уже произошла определенная специализация и те из них, кто занимался досмотром кораблей, назывались «Санкт-Петербургской портовой таможни бурмистрами» или «Санкт-Петербургской таможни корабельного порта бурмистрами»⁴³. Введение в действие первого российского Таможенного тарифа, отличавшегося довольно сложной системой ставок таможенного обложения, а также Морского торгового регламента, утвержденных 31 января 1724 г., должно было серьезно усилить эту специализацию. Как отмечалось в указе Петра I от 15 февраля 1724 г., Коммерц-коллегия почти сразу же после утверждения тарифа обратилась в Сенат с доношением, в котором было «написано, что по присланному из Сената тарифу без определения служителей беспеременно со определением оным жалованья в действо вступать невозможно и что оных определять заблаговременно, так же по оному тарифу в которых портах поступать чтоб указ учинить»⁴⁴. Коммерц-коллегия отмечала также, что в таможенном «служении для интересу его императорского величества надлежит быть беспеременным, которые б. торгов и промыслов собственных не имели» и что «содержать таможенных служителей без жалованья опасно для таможенных сборов»⁴⁵. Петр указал в 1724 г. затребовать для службы в таможнях «из Магистрата купеческого звания людей», а на будущее время «об определении к тому сбору непременных служителей публиковать в тех публичных местах кому какое жалование определено будет»⁴⁶. Главный магистрат прислал с марта по июнь 1724 г. в Коммерц-коллегию более 60 петербургских купцов. Сенат указом 19 февраля распорядился публиковать листы о найме служителей в портовые таможни⁴⁷. Так началось формирование контингента государственных чиновников Петербургской портовой таможни, штат которой был представлен Коммерц-коллегией Сенату «для апробации» 25 июля 1724 г.⁴⁸, а утвержден уже после смерти Петра Екатериной I⁴⁹. Введение нового принципа формирования состава таможенных служащих одновременно обособило Петербургскую, Выборгскую и Архангельскую портовые таможни от таможен внутренних. Поэтому неслучайно в 1756 г. на запрос Ревизион-коллегии о том, что «в котором году» учреждена Петербургская портовая таможня, Коммерц-коллегия отвечала, что «Санкт-Петербургская портовая таможня учреждена в 1724-м году»⁵⁰.

Как отмечает Н.В.Козлова, на приглашение стать таможенными чиновниками наиболее активно откликнулись купцы⁵¹. Однако и в 1726 г. Петербургская и Кронштадтская таможни испытывали недостаток служащих. Из 159 должностей, полагавшихся по штату, оставались незаполненными 44⁵². Только в 1727 г. число вакансий сократилось до 3 или 6⁵³.

Таким образом, создание Санкт-Петербургской портовой таможни было сопряжено с заменой выборных таможенных служащих постоянными государственными чи-

новниками, получавшими жалование. Главной предпосылкой осуществления такой замены и вместе с тем выделения в качестве обособленных учреждений портовых таможен явилось принятие таможенного тарифа 1724 г. и Морского торгового регламента, значительно усложнивших таможенную деятельность. Свою роль играло и стремление изъять таможенные обязанности в сфере внешней торговли из рук купечества для предотвращения злоупотреблений.

Примечания

- 1 *Богданов А., Рубан В.* Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга с начала заведения его, с 1703 по 1751 год. СПб., 1779. С.93.
- 2 *Чулков М.Д.* Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего, и всех преимущественных узаконений по оной государя императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей государыни императрицы Екатерины Великия, сочиненное Михаилом Чулковым. Том IV. Книга 1. М., 1785. С. 32, 731.
- 3 Очерки истории Ленинграда. Т.1. М.;Л., 1955. С.90.
- 4 *Репин И.Н.* Внешняя торговля России через Архангельск и Петербург в 1700 — начале 60-х годов XVIII в. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1985. С.85.
- 5 *Петров П.Н.* История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по Учреждениям о губерниях. 1703—1782 гг. СПб., 1885. С.43.
- 6 Очерки истории Ленинграда. Т.1. С.90.
- 7 *Петров П.Н.* Указ. соч. С.43.
- 8 *Репин И.Н.* Указ.соч. С.59—60.
- 9 Письма и бумаги Петра Великого (далее — ПБП). Т.11. СПб., 1889. С.350, 499.
- 10 Российский государственный архив-древних актов (далее — РГАДА). Ф.158. Оп.1. 1704 г. Д.77. Л.1.
- 11 Там же. Д.85. Л.1.
- 12 *Петров П.Н.* Указ. соч. С.47—51, 65, 69, 71—73.
- 13 *Щербатов М.М.* Тетради записныя всяким писмам и делам, кому что приказано и в котором числе от его императорского величества Петра Великого 1704, 1705, 1706 годов с приложением примечаний о службах тех людей, к которым государь сей писывал. СПб., 1774. С.155, 216.
- 14 ПБП. Т. XIII. Вып.1. М., 1992. С.381, 146.
- 15 *Петров П.Н.* Указ.соч. С.62.
- 16 *Репин И.Н.* Указ.соч. С.67.
- 17 *Чулков М.Д.* Указ. соч. С.31.
- 18 Полное собрание законов Российской империи. 1 Собрание (далее — ПСЗ 1). Т.V. № 2732.
- 19 Там же. № 2737.
- 20 Там же. № 2760.
- 21 Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате и царствование Петра Великого (далее — ДПС). Т.IV. 1714-й год. Книга I (январь-июль). СПб., 1888. С.38—39.
- 22 ПСЗ 1. Т.V. № 2766.
- 23 *Захаров В.Н.* Таможенное управление в России в XVII в. // Государственные учреждения в России XVI—XVII вв. М., 1991. С.53.
- 24 ДПС. Т.IV. Книга 1. СПб., 1888. С.127—129.
- 25 Там же. С.206.
- 26 ПСЗ 1. Т.V. № 2784.
- 27 ДПС. Т.IV. Книга 1. СПб., 1888. С.226.
- 28 Там же. С.520.
- 29 Там же. Книга II. С.665—666.
- 30 Там же. С.725.
- 31 Там же. С.666.
- 32 ПСЗ 1. Т.V. № 2866; ДПС. Т.VI. Книга II. СПб., 1891. С.1235—1236.
- 33 *Репин И.Н.* Указ.соч. С.72, 82.
- 34 Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразование Петра I. М., 1954. С.142; ПСЗ 1. Т.VI. № 3672; РГАДА. Ф.276. Оп.1. Д.72. Л.2.
- 35 РГАДА. Ф.248. Оп.12. Д.811. Л.308—332.
- 36 РГАДА. Ф.276. Оп.5. 1721 г. Д.2792. Л.1—2, 6—7об., 9об.
- 37 РГАДА. Ф.248. Оп.15. Кн.812. Л.67—68.
- 38 Там же. Оп.12. Кн.661. Л.198—198об.; ПСЗ 1. Т.VI. № 3966.
- 39 РГАДА. Ф.248. Оп.15. Кн.812. Л.70—70об.
- 40 РГАДА. Ф.276. Оп.5. 1723 г. Д.2804. Л.1—2; 1724 г. Д.2805. Л.1.
- 41 ПСЗ 1. Т.VII. № 4453.
- 42 РГАДА. Оп.1. 1723 г. Д.2488. Л.1, 9.
- 43 Там же.
- 44 ПСЗ 1. Т.VII. № 4477.
- 45 *Козлова Н.В.* Коммерц-коллегия в 20—50-х годах XVIII в. // Государственные учреждения России XVI—XVIII вв. М., 1991. С.157.
- 46 ПСЗ 1. Т.VII. № 4477.
- 47 *Козлова Н.В.* Указ.соч. С.157.
- 48 РГАДА. Ф.276. Оп.1. 1723 г. Д.4. Л.4об.
- 49 ПСЗ 1. Т.VII. № 4659.
- 50 РГАДА. Ф.276. Оп.1. 1756 г. Д.2349. Л. 1, 4—4об.
- 51 *Козлова Н.В.* Указ.соч. С.147—158.
- 52 РГАДА. Ф.248. Оп.12. Кн.661. Л.238—241.
- 53 *Кирилов И.К.* Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977. С.43.

С.Н.Искюль

Александр I и Фридрих-Вильгельм III: свидание в Мемеле (июнь 1802 г.)

После удаления графа Н.П.Панина от дел, первоприсутствующим в Коллегии иностранных дел стал “молодой друг” Императора, граф Виктор Павлович Кочубей. Принял он назначение без особой охоты: “ибо, — писал он графу С.Р.Воронцову еще весной 1801 г., — всегда внутренний департамент мне казался предпочтительнее”¹. Подчинившись и приняв в управление внешнеполитическое ведомство, Кочубей в согласии со своими убеждениями считал нужным направлять российскую внешнюю политику, руководствуясь уверенностью в необходимости держаться в стороне от европейских дел, вмешиваясь в них возможно менее и находиться со всеми в добрых отношениях, обращая внимание преимущественно на улучшение внутреннего положения Империи. Россия, по его мнению, довольно велика и пространна, чтобы вполне чувствовать себя в безопасности со всех сторон. В прошлом, действительно, слишком часто и без всякого повода Россия вмешивалась в дела Европы, прямо до нее не касавшиеся, постоянно вела войны, которые мало того, что были для нее бесполезны, но дорого обходились России. Ныне же, благодаря принятой системе невмешательства, Император может, пребывая в дружественных отношениях со всем остальным миром, заняться исключительно внутренними преобразованиями². Во взглядах на внешнюю политику России В.П.Кочубей и Александр I поначалу, казалось, вполне сходились друг с другом. Известно письмо Императора С.Р.Воронцову, в котором тот через несколько месяцев по воцарении писал о своем желании “следовать преимущественно национальной системе, т.е. системе, основанной на пользе государства, а не на страсти к той или иной державе, как это часто случалось”³. Однако вскоре “национальную систему” Александр I стал понимать по-своему, и это совпало с событием, которое произвело самое сильное впечатление на лиц из ближайшего окружения Императора и на дипломатов.

Встреча Александра I с прусским королем, как теперь известно, предполагалась еще летом 1801 г., когда сестра Императора, Великая княгиня Елена Павловна, со своим мужем, наследным принцем Мекленбург-Шверинским, побывали в Петербурге⁴. Великая княгиня была дружна с прусской королевской четой и именно тогда возбудила у брата желание познакомиться с Фридрихом-Вильгельмом III и королевой Луизой лично, но предложение о свидании прозвучало только в письме Фридриха-Вильгельма от 13 января 1802 г.: король предполагал в конце мая поехать на маневры войск в Кенингсберг и приглашал Императора встретиться по ту или другую сторону границы⁵. Вопрос о свидании был быстро решен, и Император сообщил о нем членам Негласного Комитета.

О предполагавшемся свидании стало известно в дипломатических кругах Петербурга. Еще 30 апреля один из дипломатов, вслед за объявлением на конференции при дворе о том, что его отзывают, заговорил с канцлером о прусском военном лагере между Мемелем и Полангеном, упомянув в этой связи о распространившемся слухе насчет ожидающегося свидания Императора с королем Прусским⁶. Через неделю о том же заговорил имперский (австрийский) посланник в Петербурге граф фон Заурау; 7 мая он заявил на конференции, возможно, канцлеру А.Р.Воронцову о том, что, по его сведениям, полученным из Берлина и в Петербурге, Император собирается ехать на встречу с королем Пруссии. По словам Заурау, это вызвало при Венском дворе “с трудом скрываемые опасения”, а “тайна, коей покрывают сие намерение Императора, должна еще более умножить сии справедливые беспокойства”, ибо для Австрии это свидание было далеко не безразлично: “его последствия могли ныне споспешествовать упрочению уз, связующих Императора, которого она рассматривает как первого своего союзника, и монарха, каковой является естественным ее соперником”. В ответ А.Р.Воронцов, а это скорее все-таки был он, выразился в том смысле, что ему ничего не известно об этом свидании. “Император, — сказал он, — не отдавал еще никакого повеления, каковое вызвало бы подобное предположение”, но что “в его твердости и принципах отнюдь не может быть каких бы то ни было сомнений”. Воронцов позволил себе заметить послу, что “личное знакомство” Александра I с Фридрихом-Вильгельмом еще не означает склонности Императора к восприятию “иных намерений, отличных от тех, каковые внушаются его осмотрительностью, его привязанностью к своей стране и заботой об общем благе Европы”⁷.

Сообщая о предстоявшем свидании, В.П.Кочубей писал 7 мая 1802 г. С.Р.Воронцову: “Надеюсь, достойный друг, что нет необходимости уверять вас в том, что я ни коим образом не принимал участия в столь неполитичном поступке и что не в моих силах было помешать этому. Оказалось, что Император, не сказав кому бы то ни было ни слова, еще год назад обещал королю Прусскому встретиться с ним на границе, и все произошло при посредстве наследного принца Мекленбургского, его двоюродного брата...” Сообщая далее о составлении им маршрута поездки, Кочубей не скрывал своей досады: “Кто поверит тому, что два монарха встречаются того ради, чтоб произвести смотры нескольких полков? А между тем это так. Кто поверит, что министр иностранных дел не имел ни малейшего понятия об этой поездке? А между тем, это — чистая правда...”⁸

В разговоре со Строгановым, который имел место при свидании 27 мая 1802 г., С.Р.Воронцов выразился в том смысле, что “это — самый легкомысленный шаг, какой только можно себе представить; что этим свиданием нарушается равновесие между Пруссией и Австрией, которая должна будет еще более унижаться перед Бонапартом, оберегая свое спокойствие; что никто не верит, что на этом свидании не будет идти речи о делах...” К этому посол добавил: “Последний из русских подданных знал, что все государи мира приезжали к покойной Императрице Екатерине II; теперь же русский Император сам едет к другим государям. Ежели б вместо путешествия по большим дорогам он посвятил это время на изучение полезных для России реформ, положение дел было бы иное...” и далее: “Советуюсь с людьми почтенными, которых, по счастью, средь окружающих его лиц довольно, мог бы он в короткое время возвести страну свою на высшую степень величия и могущества”⁹. Таким образом, по стечению обстоятельств, деятельность Негласного Комитета и разного рода предположения касательно реформ между Александром I, “молодыми друзьями” и “людьми почтенными”, — все это так или иначе оказалось связанным с “мемельским свиданием”. И едва ли выше приведенные высказывания это только брюзжание “катеринствовавшего” фронтера, с которым вовремя не посоветовались; ведь и члены Негласного Комитета не

ждали “ничего хорошего от этого свидания”, а граф Кочубей старался ограничить время встречи Императора и короля — пять дней представлялись ему “страшно” большим сроком — и он просил Александра I ограничиться тремя днями¹⁰.

Министр иностранных дел чувствовал себя обойденным милостью Императора и опасался политических последствий. В течение некоторого времени “молодые друзья” прилагали усилия для того, чтобы убедить Александра I в том, сколь опасной могла оказаться его частная и частая переписка с прусским королем. Их опасения имели все основания; они усматривали в этой переписке опасность потерять контроль над внешней политикой и предостерегали царя, что его письма могут, став однажды достоянием публики, быть использованы в качестве повода ко всевозможным предположениям о российских союзных планах в будущем. Для Кочубея возможность тройственного союза Петербурга с Берлином и Парижем не была такой уж невероятной, что от нее можно было с легким сердцем отмахнуться: депеши российского посланника А.И.Крюднера из Берлина и российского представителя в Париже А.И.Моркова определенно указывали на растущее сближение между Пруссией и Францией особенно в вопросе об “индемнизациях” — территориальных вознаграждениях Пруссии за ее потери в результате Люневильского мира между Священной Римской империей и Французской республикой. Именно поэтому В.П.Кочубей возражал против поездки в Мемель, зная, и притом в достаточной мере, склад характера Императора, чтобы предположить, как легко можно было его склонить к поспешным обещаниям. Протест Кочубея, правда, не отменил уже намеченной поездки, однако министр настоял на том, чтобы никаких политических разговоров на этой встрече не велось¹¹. Он отклонил предложение сопровождать Императора в этой поездке, но дал себя переубедить лишь после того, как узнал, что государственный министр и советник Фридриха Вильгельма III Иоганн Вильгельм Ломбард также приедет в Мемель. Ему казалось целесообразным самому присутствовать там, где, вопреки договоренности, политические разговоры все же не исключались.

1 июня 1802 г. Александр I покинул Петербург (из ближайших друзей в поездке его сопровождал, кроме Кочубея, только Н.Н.Новосильцев) и направился в Мемель¹². К месту встречи Император прибыл 10 июня¹³; там его уже ожидали Фридрих Вильгельм III и королева Луиза. Оба государя тотчас почувствовали расположение друг к другу, но больше нежели к королю Император привязался к королеве, которая не меньше, чем он, была очарована им¹⁴. По настоятельной просьбе королевской четы Александр I покинул Мемель только 16 июня и возвратился в столицу 4 июля¹⁵.

Графиня фон Фосс, обер-гофмейстерина королевы, несколько страниц своего дневника посвятила встрече в Мемеле, однако, по понятным причинам смогла коснуться только внешней стороны этого свидания, уделив внимание официальным приемам, обедам, прогулкам, балам, смотрам войск¹⁶. То же с некоторыми любопытными подробностями можно найти и в дневнике королевы Луизы¹⁷. Однако в политическом плане “мемельское свидание” имело, вероятно, весьма немаловажное значение как для прусской стороны, так и для Александра I. Правда, сам Император впоследствии отрицал, что эта встреча с прусским королем имела какое-либо политическое значение. Так, 26 июля 1802 г. в инструкции, подписанной Александром I и направленной в Берлин российскому посланнику М.М.Алопеусу, о только что состоявшемся свидании говорилось: “По вступлении моем на престол, нашел я Двор Берлинский в хорошем с Россией расположении. С тех пор разные подвиги оного в разсуждении меня и мысли, кои о личных свойствах короля прусского я возымел, установили между нас непосредственные сношения, следствием коих было свидание наше в Мемеле, о котором однако ж сказать должно здесь, что не имело оно предметом какие-либо политические соображения, как то многими было воображено”¹⁸.

На деле же ни у Фридриха Вильгельма, ни у Александра не было никаких препятствий для обсуждения за закрытыми дверями интересовавших их политических вопросов. Для Императора это был еще и дипломатический дебют, в котором ему едва ли не хотелось проявить себя наилучшим образом; кроме того — и это немаловажно — Александр I, тяготясь опекой со стороны Негласного Комитета, обнаруживал явное нежелание выслушивать здравые мнения и суждения своих более опытных “молодых друзей” (далеко не случайно по возвращении из Мемеля Александр I уже не созывает Негласный Комитет в течение полутора лет). Продолжая свою переписку с С.Р.Воронцовым, Кочубей писал ему из Мемеля о том, что “король и слова не проронил о политике”¹⁹; конечно, это могло быть справедливым только в отношении встреч с участием самого Кочубея, но никто не мешал королю, да и королеве, высказывать свои мнения или пожелания в интимной беседе. Для политических бесед в Мемеле были и внешние причины: 9 июня туда прибыл французский курьер, который передал Императору и королю письма от Первого Консула, касавшиеся франко-прусской конвенции, подписанной в Париже²⁰ и, весьма вероятно, король поручил своему министру обсудить этот вопрос с Кочубеем. Во всяком случае так оно и было, правда, Ломбард, по словам Кочубея, “от своего имени” пришел к нему поговорить о конвенции, заключенной 23 мая, “дабы не класть никаких пределов доверию, каковое испытывали к Его Императорскому Величеству”²¹.

Для пруссаков, вероятно, было важно заручиться поддержкой России и закрепить за собой причитающуюся (по франко-прусской конвенции) долю при распределении земельных вознаграждений, но Кочубей предпочел уклониться от решительного ответа и отложить рассмотрение этого вопроса до возвращения в Петербург, что было вполне понятно, так как министр мог не владеть всей необходимой информацией, в том числе и от своих дипломатов на местах и в рейхстаге Империи. Под влиянием своего министра иностранных дел Император сдержанно реагировал на сообщение о франко-прусских переговорах и о заключении конвенции. В своем ответе Наполеону он сослался на то, что стоящие на очереди проблемы должны решаться с российским послом в Париже Морковым²², но, как вскоре оказалось, был готов по просьбе прусского короля ратифицировать в скором времени подписанный в Париже Морковым русско-французский договор; стоило великих трудов отговорить Императора от немедленной ратификации без ознакомления детально со всеми нюансами этого дела²³.

Тогда, в Мемеле, Кочубею в какой-то момент, вероятно, удалось убедить Императора в справедливости своего взгляда на дипломатическую ситуацию, но одновременно он вызвал его неудовольствие самостоятельностью своей позиции настолько, что Кочубею пришлось выслушивать наставления посланного к нему Императором обер-гофмаршала графа Н.А.Толстого. К этому прибавилось и то, что министр выказал себя, быть может, излишне щепетильным, когда речь зашла об обыкновенных дипломатических подарках, которые собирались вручить членам свиты Александра I; Кочубею ни в малейшей степени не хотелось чувствовать себя в ложном положении, хотя бы потому, что в Мемеле он оказался отнюдь не по своей воле.

Любопытную оценку “мемельского свидания” мы встречаем в бумагах прусского министра Ломбарда: “Ежели возможно в политике предугадывать события и пускаться в предположения, то осмеливаюсь полагать, что результаты, кои оно обещает, окажутся вполне счастливыми. Оба государя возымели друг к другу живейшее уважение и дружбу. Быть может разлуке и интригам и удастся со временем охладить эти взаимные чувства, но сомневаюсь, чтоб могли они расстроить принятое друг другом взаимное обязательство оставаться соединенными навеки общими интересами и дружбой. Вы поймете, что волшебница немало способствовала скреплению уз, связывающих ныне

обоих государей. Поистине, это — сама фея, подчиняющая все власти своего очарования”²⁴. Так отзывался прусский министр о влиянии королевы Луизы на события, происходившие в Мемеле; однако, это все же скорее всего одностороннее преувеличение. В поведении же Александра I, при всем несомненном его увлечении, явно ощущалось то, что называется “политическим флиртом”²⁵.

Для современников “мемельское свидание”, разумеется, так и осталось сокрытым под плотной пеленой тайны. Насколько многообразными были догадки тогдашних “политических обозревателей”, видно из публикаций осведомленного “Политического журнала”, издававшегося в Гамбурге и переводившегося в Москве. В июньской книжке этого журнала за 1802 г. была, например, помещена такая корреспонденция: “Политический взор на новейшие Прусские достопамятности представлен в письме из Берлина. По возвращении Короля с ревью, бывших в Пруссии, и после переговоров с Российским Императором в Мемеле, поднимется завеса приготовленных сцен. Тогда увидим, сколь основательно распространное известие, что в Мемеле происходили соглашения о положении Претендента Французского престола, который все еще живет в Варшаве весьма тихо...” [речь идет о Луи Франсуа Ксавье, будущем Людовике XVIII — С.И.]. В том же номере, но по другому поводу, помещено было другое, столь же неожиданное суждение о “мемельском свидании”: “Хотя в публичных листах сказано было, что свидание Императора Российского с Королем Прусским в Мемеле, 10 июня и в следующие дни, имело единственную целию личное знакомство обоих Монархов; однако ж есть причины, заставляющие с достоверностию догадываться, что при сих переговорах были и другие политические предметы. Конечно не Немецкие вознаграждения для Пруссии были разбираемы в Мемеле, но может быть другие предметы, находившиеся с ними в связи. Ежели проект в разсуждении уменьшения, или и совершенного преобразования Турецких земель в Европе исполнится, то Пруссия будет первая Держава, которая примет в том существенное участие”²⁶.

И, наконец, в июльской книжке журнала, как бы понимая всю тщету дальнейших предположений о событиях в Мемеле и их последствиях, обозреватели ограничивались таким пассажем: “...В Мемеле при свидании Императора и Короля была ли речь о вознаграждениях в Немецкой империи, о обстоятельствах Европейской Турецкой империи, о доходах и содержании Бурбонскому Дому в Варшаве, или о других предметах; сие может занимать только праздное любопытство, без всякого однако ж удовлетворения. Самые происшествия откроют все в ясном свете...”²⁷

Не только С.Р.Воронцов и В.П.Кочубей усматривали большую ошибку в “мемельском свидании” и предвидели дурные его последствия, в том числе и для Негласного Комитета и реформаторской направленности его деятельности. Их оценкам вторит и обращенное в недавнее прошлое суждение А.Чарторыйского в одном из писем к Александру I. “Надо ...приписать свиданию в Мемеле прискорбную развязку наших действий, — писал Чарторыйский в августе 1806 г., имея в виду тяжкие и, в конечном счете, бесплодные усилия, предпринимавшиеся русской дипломатией в 1805 г. с целью привлечь Пруссию к решительному участию в коалиции против Франции. — Я считаю эту встречу одним из самых несчастных происшествий, когда-либо случившихся в России, как вследствие непосредственных последствий, так и по причине тех, которые были позже и даже могли грозить в будущем”. Указав на то, что интересы Пруссии были “большей частью противоречивы интересам России”, Чарторыйский писал далее: “...Вашему Величеству казалось, что вы измените вашим личным чувствам к королю, если согласитесь на враждебный план действий относительно Пруссии... и поэтому вступление войск в Пруссию было отложено, хотя весь план и был основан на принципе вынуждения этого государства к военным действиям...”²⁸

Одобрительно отзываясь о “системе” стоявшего в 1802 г. во главе Коллегии иностранных дел графа Кочубея, Чарторыйский позднее в своих воспоминаниях вместе с тем отмечал, что “система эта, хотя во многих отношениях и правильная, имела тот недостаток, что слишком последовательное ее применение грозило чрезчур принизить международное политическое положение страны...”²⁹ Вероятно, именно это и имел в виду Александр I, когда поначалу, казалось, вполне восприняв коренные черты новой политики, он вскоре почувствовал явное охлаждение к этой “сторонней” системе. Для него оказалось невозможным отказаться от уже намеченных планов участия России в переустройстве Германии. Для него не могли пройти бесследно многочисленные просьбы германских государей касательно территориальных приращений и разного рода отличий, с которыми они обратились к нему, узнав о его восшествии на престол. Родственные связи и укоренившиеся отношения также оказывали свое влияние, перевешивая нередко очевидную политическую целесообразность. Именно в этом контексте и становится понятным “мемельское свидание” и его политические последствия для российской внешней политики.

Примечания

- 1 Архив князя Воронцова. Кн.18. М., 1880. С.240 (далее — АВ).
- 2 *Чарторыйский А.* Мемуары ... и ... переписка с Императором Александром I. / Пер. с франц. А.Дмитриевой. Прим. А.Кизеветтера. Т.2. М., 1912. С.257.
- 3 АВ. Кн.28. С.451
- 4 *Дживелегов А.К.* Александр I и Наполеон. М., 1915. С.132.
- 5 *Correspondance inédite de Roi Frédéric-Cuillaume III et de la Reine Luise avec l'Empereur Alexandre I d'après les originaux des Archives de Berlin et de Saint-Petersbourg.* Publiée par P.Bailleu. Leipzig—Paris. 1900. P.14—15.
- 6 Архив внешней политики Российской империи. Ф.Канцелярия. 1802. Оп.468. Д.7836. № 52. Л.59
- 7 Там же. № 53. Л.62—63.
- 8 АВ. Кн.18. С.271—272.
- 9 *Вел.кн Николай Михайлович.* Граф Павел Александрович Строганов (1774—1817). Историческое исследование эпохи Александра I. Т.2. СПб., 1903. С.275—276.
- 10 Там же. С.230.
- 11 Сборник Императорского Русского исторического общества. Т.70. № 174.
- 12 О поездке Императора в Мемель см.: *Russland unter Alexander dem Ersten. Eine historische Zeitschrift.* Hrsg. von H.Storch. Bd.4. St.Petersburg und Leipzig. 1804. S.337—349
- 13 *Luise, Königin.* Aufzeichnungen // *Correspondance inédite...* P.531. Luise Königin von Preussen in ihren Briefen. Hrsg. von J.Braun. Berlin. 1888. № 22.
- 14 АВ. Кн.18. С.275—276.
- 15 Камер-фурьерский журнал. СПб. 1902. С.701 и далее.
- 16 *Voss, Sophie Marie Gräfin von* Neunundsechzig Jahre am Preussischen Hofe Aus den Erinnerungen der Oberhofmeisterin... Leipzig. 1876. S.242—245.
- 17 *Luise, Königin.* Aufzeichnungen // *Correspondance inédite...* P.371—375
- 18 АВПРИ. 1 ф. Канцелярия. 1802. Оп.468. Д.660. Л.106.—2.
- 19 АВ. Кн.18. С.275.
- 20 *Letteres personnelles des Souverains à l'Empereur Napoléon I, publiés par le Prince Napoléon et Jean Hanoteau.* Vol.I. P.1939. P.271
- 21 АВ. Кн.18. С.275.
- 22 *Tatitscheff S.* Alexander I et Napoléon, d'après leur correspondance inédite 1801—1812. P.1891. P.31.
- 23 *Васильчиков А.А.* Семейство Разумовских. Т. II. СПб. 1880. С.42.
- 24 *Bailleu P.* Preussen und Frankreich von 1795 bis 1807. Bd. 2. Leipzig, 1887. S.103
- 25 *Дживелегов А.К.* Королева Луиза и Александр I // *Голос минувшего.* 1913. № 1. С.88.
- 26 *Политический журнал, или современная история света, на 1802 год / Пер. с нем. Ч.2.* Кн. III. месяц июнь. М. 1802. С.300—301, 335—336.
- 27 Там же. Кн.IV. Месяц июль. С.75.
- 28 Беседы и частная переписка между Императором Александром I и князем Адамом Чарторыйским (1801—1823), опубликованные князем Ладиславом Чарторыйским / Пер. с франц. С.Явленской. М. 1912. С.56—57.
- 29 *Чарторыйский А.* Мемуары. Т.I. С.258

А.А.Бовкало

Архимандрит Сергей (Шейн) и его предки: историко-генеалогический очерк

Шейны — одна из старинных русских фамилий. Предания ведут этот род от боярина Александра Невского — Терентия. Наибольшую известность представители этой фамилии получили в XVI—XVII веках. Сын первого Шейна, Дмитрий Васильевич (ум. в 1506) стал боярином. Деятельность его внука, Бориса Васильевича, погибшего во время Ливонской войны в 1579 г.; правнука Михаила Борисовича (ум. в 1634), возглавлявшего оборону Смоленска в 1609—1611 гг.; сподвижника Петра I Алексея Семеновича Шейных подробно описаны в литературе. Со смертью А.С.Шейна в 1700 г. эта ветвь рода прервалась.

В 30-х годах XVII века Шейны, принадлежавшие, согласно традиции, к побочной линии рода, поселились в Новосильском уезде (впоследствии Тульской губернии). Архивные материалы¹ позволяют проследить историю этой ветви на протяжении почти трех столетий, хотя пока нет возможности с полной уверенностью говорить о ее родстве с ветвью, к которой принадлежали известные деятели XVI—XVII веков. Представители этой ветви рода Шейных занимали скромные должности; многие из них служили в русской армии, а в XX веке один из членов рода Шейных был причислен Русской Православной Церковью к лику святых.

“В 7136 (т.е. 1628 — А.Б.) году марта 11 день” в Новосильском уезде был записан в числе детей боярских с поместным окладом и денежным жалованьем Мина (Третьяк) Васильев Шейн. Его сын, Иван Минаевич, за службу, начатую после Поляновского мира и до окончания войны с Польшей получил от царя Алексея Михайловича похвальную грамоту на вотчины в Новосильском уезде. Некоторые его владения, как, например, село Яксино, принадлежали Шейным еще в начале XX века. От Акулины Прокофьевой Иван Минаевич имел пять сыновей, которые в 1688 году произвели раздел отцовских владений. Внук его младшего сына, Фирса, Иван Алексеевич, с 1732 года “находился в службе”, в 1749 г. из поручиков он стал капитаном, а 4 марта 1757 года вышел в отставку в чине секунд-майора. Сын его Кондратий не служил, от жены Натальи Ивановны он оставил трех дочерей и двух сыновей, Дмитрия и Ивана, основавших две линии рода Шейных.

С началом Отечественной войны 1812 года тульское дворянство сформировало 7 полков и одну роту, которые насчитывали 12809 ратников. Ополчение возглавил сам губернатор Николай Иванович Богданов. Во второй пеший полк “с порывом усердного дворянина” поступил урядником (зауряд-офицером) Дмитрий Кондратьевич Шейн. Вместе с полком он был в великом герцогстве Варшавском, в Пруссии, участвовал в осаде Данцига, а 17. 21, 22 и 23 августа 1813 года “в действительном находился сражении и за оказанную против неприятеля храбрость и мужество” М.Б.Барклаем-де-

Толли был 13 ноября 1813 года произведен в прапорщики (что было утверждено Александром I). На следующий год Д.К.Шеин вышел в отставку². Из его сыновей Кондратий (род. 15 сентября 1815), Федор (17 февраля 1818 — 20 декабря 1890) и Иван (7 января 1829 — 12 марта 1896) также были офицерами.

Кондратий Дмитриевич поступил 1 января 1833 года рядовым в 29-й егерский полк, 24 марта стал унтер-офицером, а 1 июня 1833 года перешел в Рязанский пехотный полк. В 1839 году прапорщик К.Д.Шеин удостоился Высочайшего благоволения. 27 марта 1843 года он был уволен со службы в чине штабс-капитана. 23 мая 1849 года у него родился сын Дмитрий. 9 января 1853 года Кондратий Дмитриевич женился во второй раз на Александре Павловне Дурново. Вскоре началась Крымская война, и К.Д.Шеин вступил в ополчение Тульской губернии. 23 апреля 1855 года он был определен в 86 дружину. Будучи в Крыму, “под неприятельскими выстрелами он проводил в траншее работы”. После окончания войны, 12 декабря 1856 года К.Д.Шеин был уволен со службы.

Один из внуков Кондратия Дмитриевича, Борис Дмитриевич (род. 13 февраля 1884), окончивший Орловский-Бахтина кадетский корпус и Александровское военное училище, с 1912 года служил в Главном штабе (с 6 декабря 1914 года в звании капитана). В конце 1916 года он подал ходатайство об утверждении герба Шеиных: “Герб с эмблемами на щите, — писал он, — деленном пополам диагональю из угла на две части: серебряную — левую и лазоревую — правую, с золотой восьмиконечной звездой на лазоревом поле и щитодержателями — зелеными драконами; Высочайше неутвержденный, коим однако издревле пользовался наш род”³. Герб этот, по всей видимости, был утвержден, и тогда Иван Кондратьевич Шеин, младший сын Кондратия Ивановича, основавший вторую линию рода, унаследовал село Якшино. Сын его Василий недолго служил во 2-м Бугском уланском полку. Он оставил несколько детей, из которых Павел (род. 28 июня 1828) также имел большую семью. Судьбы Сергея и Василия Павловича сложились трагически.

Сергей Павлович Шеин (род. 8 августа 1856) начал в 1875 году службу на флоте. В 1884 году он окончил Николаевскую морскую академию. С 1896 С.П.Шеин стал старшим офицером на крейсере 1 ранга “Рюрик”, в 1898 году был назначен морским агентом во Франции, с 1901 года командовал морской канонерской лодкой “Храбрый”. 6 декабря 1902 года С.П.Шеину было присвоено звание капитана 1 ранга, а 6 апреля 1903 года он стал командиром крейсера 1 ранга “Светлана”. С.П.Шеин был награжден орденами св.Анны II степени и св.Владимира IV степени. Он имел также бронзовую медаль за труды по 1-й переписи (1897) и многочисленные иностранные ордена: бухарский, черноморский, офицерский крест Почетного легиона, австро-венгерский, нидерландский, французский, аннамского дракона, болгарский, греческий, прусский, мекленбург-шверинский, тунисский, датский...⁴

Во время русско-японской войны “Светлана” вошла в состав 2-й Тихоокеанской эскадры, которой командовал вице-адмирал З.П.Рожественский. 14—15 мая 1905 года “Светлана” приняла участие в Цусимском сражении. очевидец вспоминал: “Японские крейсера подошли к нам близко и сосредоточили страшный огонь. Каждый снаряд попадал в цель. Весь корпус “Светланы” дрожал от непрерывных взрывов снарядов(...) В нескольких местах вспыхнули пожары. Все патроны были расстреляны. Тогда, по отданному заранее приказанию, трюмный механик открыл кормовые клапаны затопления и дверь непроницаемых перегородок. Один снаряд влетел через дымовую трубу в кочегарку и там разорвался(...). Крейсер стал заметно тонуть. Когда гибель его стала очевидной, приказано было доставать койки, спасательные круги и пояса. Раненых привязывали к койкам, надевали на них пробковые пояса и выносили наверх. Затем

команде было разрешено оставить крейсер. Команда выходила на палубу, которая быстро покрывалась убитыми и ранеными. Люди шли из всех трюмов на бак, где было удобно войти в воду, и тут разрывавшиеся снаряды осыпали их осколками". С.П.Шеин все время находился на мостике, где его ранило в лицо. Он спустился на палубу" и увидел старшего офицера капитана 2 ранга Зурова: "А вы что не спасаетесь? Видите, сейчас потонет", — обратился он к нему. "Если вы остаетесь, то останусь и я", — ответил старший офицер и спустился в нижнюю палубу. "Светлана" накренилась на левый борт настолько, что верхняя палуба стала уходить в воду, и в таком положении, неся на гафеле Андреевский флаг, около 11 ч. утра крейсер погрузился в воду окончательно". Судовая икона св.Николая Чудотворца была спасена прапорщиком Михайловым⁵.

С.П.Шеин был женат на княжне Екатерине Александровне Урусовой. Вскоре

после окончания войны родственники погибших моряков, жившие в Петербурге, стали собираться, чтобы вместе помолиться во временной церкви, устроенной в морской казарме на Васильевском острове. Однако общим было желание почтить память погибших сооружением храма. Осенью 1908 года было возбуждено ходатайство перед министерством Внутренних дел о разрешении организовать Комитет по сбору пожертвованных на храм. Одновременно, по почину Е.А.Шеиной, обратились с просьбой к греческой королеве Ольге Константиновне (дочери великого князя, генерал-адмирала Константина Николаевича) о принятии этого Комитета под ее почетное председательство. 22 ноября 1908 года Николай II утвердил доклад Министра внутренних дел, и королева Ольга Константиновна стала почетной председательницей Комитета, а председательство было возложено на сенатора Петра Николаевича Огарева (его сын Сергей погиб на эскадренном броненосце "Наварин"). Комитет по сооружению храма был составлен из лиц, непосредственно приглашенных королевой: в него вошли Екатерина Александровна и Василий Павлович Шеины. На первом же собрании Комитета 21 декабря 1908 года были отмечены труды Е.А.Шеиной по устройству в Галерной гавани походного храма для поминовения моряков. 21 августа 1909 года была образована строительная комиссия, в которую также вошла Е.А.Шеина. Работы шли быстро, и величественный храм во имя Происхождения Честных Древ Креста Господня и Святителя Николая Чудотворца ("Спас-на-Водах"), сооруженный по проекту М.М.Перетятковича, был освящен 31 июля 1911 года. На стенах храма были помещены бронзовые доски с именами всех погибших. На доске, посвященной "Светлане", кроме С.П.Шеина, были начертаны имена 8 офицеров и иеромонаха Феодора (Хандалеева). Над каждой доской находился образ того святого, икона которого была на корабле. Е.А.Шеина участвовала и в вышивании ковра для верхней церкви⁶. "Спас-на-Водах" простоял недолго: в 1932 году он был снесен...

Еще более трагичной стала судьба брата Сергея Павловича — Василия. Он родился 30 декабря 1870 года⁷. В 1893 году В.П.Шеин окончил училище Правоведения в

Архимандрит Сергей (В.П.Шеин) — секретарь Поместного собора Православной Российской Церкви 1917—1918 гг.

Рисунок сделан В.Богдановичем на заседании Собора.

Петербурге и был причислен к Министерству юстиции. В 1903 гѣду он перешел в Государственную канцелярию в отделение свода законов. В 1906 году Василий Павлович был назначен членом Особого при Св.Синоде присутствия для разработки и подготовки вопросов, подлежащих рассмотрению Поместного Всероссийского Собора. С 1906 года он служил в Государственном Совете, а в 1907 был командирован в канцелярию Государственной Думы, где с 1908 года был начальником отдела. В связи с избранием членом IV Государственной Думы в 1912 году В.П.Шейн ушел с государственной службы. В Думе В.П.Шейн приписался к фракции националистов. В.П.Шейн работал в церковной и вероисповедной комиссиях, обычно он был докладчиком бюджетной комиссии по смете Св. Синода. В июне 1917 года В.П.Шейн был назначен членом Предсоборного Совета и по этой должности стал членом Поместного Собора, который 19 августа 1917 года избрал его своим секретарем. После прекращения деятельности Собора некоторое время Василий Павлович служил в Главкрахмале и Центральном Железнодорожном управлении. В 1920 году он осуществил свое давнее желание — принял священный сан, а 12 сентября 1920 года был пострижен в монашество с именем Сергий. Он был назначен настоятелем подворья Троице-Сергиевой лавры в Петербурге и возведен в сан архимандрита. Однако при его церкви существовал и приход. Вскоре о.Сергий вошел в правление приходских советов и был избран товарищем председателя. Весной 1922 года началась кампания “по изъятию церковных ценностей”. В церкви о.Сергия “изъятие” прошло “безболезненно”, поскольку ценностей было мало. Тем не менее, по “делу” митрополита Петроградского и Гдовского Вениамина (Казанского; 17 апреля 1873 — 13 августа 1922) был арестован и он. 10 июля начался суд, который нужен был лишь для соблюдения формальностей⁸. Один из присутствовавших на процессе спустя многие годы вспоминал царивший там дух обмана, резко контрастировавший со “святостью служителей” церкви того мрачного времени. 6 июля был вынесен приговор: 10 обвиняемых, включая архимандрита Сергия, были приговорены к расстрелу (через некоторое время шестеро осужденных были помилованы). В ночь с 12 на 13 августа 1922 года приговор был приведен в исполнение. Мученическую кончину приняли митрополит Вениамин, архимандрит Сергий, профессор Ю.П.Новицкий и присяжный поверенный И.М.Ковшаров.

Лишь 31 октября 1990 года Президиум Верховного Совета РСФСР отменил приговор Петроградского губернского ревтрибунала по делу митрополита Вениамина и 58 лиц, осужденных вместе с ним, а само дело было прекращено “за отсутствием в их действиях состава преступления”.

Проходивший 31 марта — 4 апреля 1992 года Архиерейский Собор Русской Православной Церкви причислил невинно убиенных к лику святых. Память священномученикам митрополиту Вениамину, архимандриту Сергию и мученикам Юрию и Иоанну постановлено совершать 13 августа (по новому стилю).

Примечания

1 Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.1343. Оп.33. Д.916.

2 *Чернопятов В.И.* История дворянского сословия Тульской губернии. Т.V (XIV). М., 1910.

3 РГИА. Ф.1343. Оп.36. Д.27621.

4 Список лицам, состоящим в морском ведомстве и флоте, адмиралам и штаб-офицерам и чинам, зачисленным по флоту. СПб., 1904. С.155-156.

5 Гибель одной из жертв Цусимы (Из рассказа оче-

видца) // Унтер-офицер. 1914. № 43. С.16.

6 *Смирнов С.Н.* Храм-памятник морякам, погибшим в войну с Японией. Пг., 1915.

7 РГИА. Ф.1278. Оп.9. Д.1263. Л.9—9об.

8 *Вострышев М.* На основе устных директив // Журнал Московской Патриархии. 1993. № 8. С.5—10; “Дело” митрополита Вениамина (Петроград, 1922 г.). М., 1991.

В.В.Морозан

Из истории русской экономической эмиграции конца XIX — начала XX в.

Трудовая эмиграция из России конца XIX — начала XX вв. представляла собой органическую часть общеевропейских эмиграционных процессов. Они достигли наибольшего развития во второй половине XIX столетия. При этом причины, вызвавшие массовый отъезд за рубеж русского населения, имели те же корни, что и аналогичные явления в других странах.

Глубокие изменения в экономическом строе страны, особенно в сельском хозяйстве, вызвали массовый отток российского населения из страны в поисках заработка. Среди причин, вынуждавших россиян выезжать за рубеж были: естественный прирост населения, затруднявший возможность достаточного заработка на месте; низкая агротехника и малоземелье; сокращение крупных хозяйств, пользующихся наемным трудом; частые неурожаи. И хотя Россия включилась в это масштабное “переселение народов” значительно позднее других европейских стран, количество эмигрировавших российских подданных, особенно за океан, росло из года в год и достигло в предвоенное время большого размаха. Достаточных данных об оттоке населения из России нет, так как большая часть отъезжавших, избегая больших расходов и бюрократических трудностей, связанных с получением заграничного паспорта, покидала страну нелегально, главным образом через западную сухопутную границу. Наиболее полные сведения можно почерпнуть только из статистических материалов тех стран, в которые устремлялись российские эмигранты. При этом наиболее качественная эмиграционная статистика существовала только в Соединенных Штатах Америки, где она была должным образом поставлена и хорошо классифицирована по разным признакам (по полу, возрасту, национальности, социальной принадлежности и пр.).

Выезд на заработки за границу из России совершался не только в США. Он шел в двух главных направлениях: за океан (в США, Канаду, Южную Америку и Австралию) — с одной стороны, и на Европейский континент (в Германию, Данию, Швецию) — с другой. Среди этих стран США, безусловно, занимали исключительное положение. Русская эмиграция в Соединенные Штаты Америки складывалась на протяжении почти всего XIX столетия и до конца 90-х годов имела характер единичных поездок — это был “период ходоков”. Из такого состояния она вышла только в 90-е годы, когда в переселенческое движение было втянуто большинство западных губерний.

Всего же из России в США за период с 1820 по 1913 г. эмигрировало 3003428 человек, которые по десятилетиям и отдельным годам распределялись следующим образом¹:

Годы	Выехало чел.	Годы	Выехало чел.	Годы	Выехало чел.	Годы	Выехало чел.	Годы	Выехало чел.
1820—1829	86	1875	8981	1885	17158	1895	35907	1905	184897
1830—1839	280	1876	5700	1886	17800	1896	51445	1906	215665
1840—1849	520	1877	7132	1887	30766	1897	25816	1907	258943
1850—1859	542	1878	3595	1888	33487	1898	29828	1908	156711
1860—1869	3627	1879	4942	1889	33916	1899	60982	1909	120460
1870	1030	1880	7191	1890	35598	1900	90787	1911	158721
1871	1208	1881	10655	1891	47426	1901	85257	1910	186792
1872	2665	1882	21590	1892	81511	1902	107347	1912	162395
1873	4972	1883	11920	1893	42310	1903	136093	1913	291040
1874	5868	1884	17226	1894	39278	1904	145141		

Эти данные дают наглядное представление о том, как складывался процесс эмиграции российских подданных в Соединенные Штаты Америки. До 1857 г. выезд русских на заработки оставался вообще на очень низком уровне и лишь трижды превысил 100 человек, а именно: в 1833, 1841 и 1846 гг. После 1858 г. (и до 1869 г.) поток русских эмигрантов колебался между 100 и 1000 человек в год. Только в 1870 г. количество отъезжавших превысило тысячный рубеж, а в 1881 г. перевалило за 10000. В 1891 г. численность покинувших страну составила более 45 тысяч, а в 1902 г. впервые из России выехало 100 000 человек, после чего волна эмиграции пошла по нарастающей, достигнув своей кульминационной точки в 1913 г. (тогда страну покинуло 291 040 человек). В целом, к марту 1917 г. в Соединенных Штатах Америки проживало 2 877 746 уроженцев России².

До 80-х годов XIX в. США нуждались в людях, главным образом, для колонизаторских целей, направленных на “завоевание Запада”, а основными поставщиками эмигрантов были Великобритания, Германия и Скандинавские страны. Россия же в эти годы, в силу сложившихся социально-экономических условий, стояла в стороне от общеевропейских эмиграционных процессов.

С 80-х годов Соединенные Штаты Америки переживали бурный рост промышленности, интенсивно строились железные дороги. Америка стала нуждаться в значительном количестве дешевых рабочих рук, главным образом чернорабочих и ремесленников. Именно в этот период на первые места в качестве поставщиков эмигрантов выдвинулись сначала Австро-Венгрия и Италия, а затем и Россия³.

Годы	Вся эмиграция	Эмиграция из Великобритании, Германии и Скандинавских стран		Эмиграция из Австро-Венгрии, Италии и России	
		абсол.	%	абсол.	%
1882	788992	535375	66	82900	10
1907	1285349	201339	15	883126	69

Чем глубже в экономику США проникал очередной кризис, тем оживленнее были последующие периоды промышленного подъема, которые, в свою очередь, вызывали усиленный приток эмигрантов с Европейского континента. Обычно новая волна переселенцев в Америку вдвое превосходила предшествующую. Американские работодатели очень скоро оценили превосходные качества русского рабочего, обладавшего крепким телосложением, выносливостью, крайней неприхотливостью и соглашавшегося на

любую работу. Наглядным доказательством высокой оценки этнических русских американскими промышленниками являлось то, что в момент кризиса и сокращения производства русских рабочих увольняли последними, вследствие чего уменьшение числа эмигрантов из России в те или иные годы не отразилось на “чисто” русском элементе.

Это тем более примечательно, что собственно этнические русские принимали недостаточно активное участие в эмиграционном движении за океан. Они оставались еще не втянутыми в это движение американской промышленностью, которая к тому времени довела эмиграцию свободных рабочих рук остальных народов Европы до максимального напряжения.

Только к концу девяностых годов этнические русские стали более или менее заметным фактором в общем потоке отъезжавших из России. Именно в то время официальные эмиграционные справочники Соединенных Штатов Америки стали выделять их в отдельную графу. В XIX столетии “чисто” русский элемент покидал пределы страны неохотно: до 1903 г. от 1 до 2 тысяч человек, с 1903 по 1906 г. от 3 до 4 тысяч человек, в 1906 г. уже 5 282 человека, а в 1907 г. их число достигло 16 085 человек⁴. Всего же за период с 1900 по 1913 г. этнических русских эмигрировало 165 тысяч⁵.

Однако приведенные данные об отъезде населения из России не дают еще возможности оценить всю многонациональную палитру российской эмиграции и проследить распределение “очагов отхода” по всей территории империи. Рассматривая национальный состав и места первоначального проживания в империи, можно с уверенностью сказать, что волна отъезжавших за рубеж началась в крайне западных областях страны и очень медленно передвигалась на Восток. Процесс этот был настолько медленным, что к началу I Мировой войны большая часть российских губерний была лишь слегка затронута этим явлением.

Об интенсивности выезда за рубеж по национальному признаку можно судить по приведенной ниже таблице⁶.

Национальность	1899—1903		1904—1908		1909—1913		Всего	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
Евреи	185	38	482	50	297	32	964	41
Поляки	133	28	237	25	305	33	675	29
Литовцы и латыши	50	10	82	8	96	10	222	9
Финны и эстонцы	61	13	61	6	52	6	174	7
Немцы	35	7	48	5	55	6	138	6
Русские	9	2	45	5	111	12	165	7
Остальные	8	2	6	1	9	1	23	1
Всего	481	100	961	100	919	1	2361	100

О динамике отъезда за рубеж по национальному признаку можно также судить при сопоставлении количества уехавших русских, евреев, поляков и представителей других национальностей с их общей численностью в России. В среднем за 1904—1908 гг. на каждые 100 000 душ населения России выезжало в США всего 12,9 человек, применительно же к отдельным национальностям это соотношение было следующим⁷:

Евреи	1662	Литовцы	456
Поляки	514	Финны	182
Немцы	491	Русские	9
Прочие национальности	6		

В последующее пятилетие (1909—1913 гг.) это соотношение несколько изменилось. В то время, как количество выехавших в США из России (на 100 000 человек) практически оставалось на прежнем уровне, численность этнических русских, эмигрировавших из страны, увеличилась в 2,4 раза и составила 21,6 человек на 100 000 жителей; поляков в 1,28 раз и составила 661,4 человека; количество же отъезжавших евреев сократилось в 1,5 раза и составило 1108 человек на 100 000 жителей этой национальности. Отъезд представителей других народов (литовцев, латышей, финнов, эстонцев и немцев) оставался на прежнем уровне⁸.

Кроме данных о национальном составе российской эмиграции, американские статистические справочники содержали сведения о социальном составе, возрасте и другие данные:⁹

Национальность	Пол		Возраст			По числу самостоятельных лиц
	мужчины	женщины	до 13 лет	14—15 лет	свыше 45 лет	
Евреи	55,7%	44,3%	25,3%	69,6%	5,1%	43,6%
Поляки	70,0%	30,0%	9,0%	88,8%	2,2%	80,7%
Литовцы	69,7%	30,3%	7,7%	90,7%	1,6%	81,1%
Финны	67,1%	32,9%	7,8%	89,8%	2,4%	85,3%
Русские	86,4%	13,6%	6,6%	91,1%	2,3%	82,5%

Приведенные данные свидетельствуют, что более 2/3 выходцев из России были мужчинами, а среди русских их было еще больше — 4/5. Исключение составляли лишь евреи, среди которых соотношение по полу было почти равным. Что касается возраста эмигрировавших за океан российских подданных, то 9/10 от их общего количества составляли лица от 10 до 45 лет, причем наименьший процент детей был у русских (не превышал 9%). У евреев, напротив, этот показатель был выше и доходил до 1/4 общего количества эмигрантов. Наконец, у представителей всех национальностей, за исключением евреев, 4/5 выехавших были самостоятельные лица; у евреев же иждивенцы преобладали над остальной массой эмигрировавших.

В 1909 г.	Евреи	Поляки	Немцы	Литовцы	Финны	Русские
Выехали в США	39150	37770	7781	14595	11202	9099
Возвратились в Россию	3989	8421	338	1944	1035	3819

Совокупность всех приведенных данных позволяет утверждать, что только евреи и немцы выезжали из России с целью навсегда покинуть ее пределы, поскольку эмигрировали целыми семьями. Основная же масса отъезжавших считала свой переезд временным, хотя нередко и растянутым на целое десятилетие. Убедительным доказательством временного характера пребывания за океаном, может также служить сопоставление числа выехавших в США и вернувшихся обратно в Россию¹⁰.

Возможно, число реэмигрантов могло быть более значительным, если бы правительство России упорядочило систему выдачи заграничных паспортов и уменьшило издержки при их получении.

Срок пребывания россиян в Америке был различным и колебался от 1 до 15 лет. Так, проведенные статистические обследования в одной из волостей Сурожского уезда

Черниговской губернии показали, что из вернувшихся на Родину крестьян в США находились 1—2 года 62% прибывших; от 2-х до 5-ти лет — 35% и свыше 5 лет — 3% крестьян¹². Подобные данные в той или иной степени были характерны и для других регионов России.

Год	Прибыло из России		Выбыло в Россию		
	всего	в т. ч. русских	всего	в т. ч. русских	%
1908	156711	16324	37777	6636	40,6
1909	120460	9099	19707	3819	41,99
1910	186792	14768	17362	4223	28,6
1911	158721	17581	27053	6508	37,0
1912	162395	21101	34681	8139	38,6
1913	291040	48472	26923	7980	16,4

Интересен был и социальный состав российской эмиграции, данные о котором приводятся в таблице¹³:

Национальность	Доля профессии, %					
	интеллектуальные профессии	ремесленники	чернорабочие	прислуга	остальные занятия	без занятий вкл. детей
Евреи	0,8	39,7	7,0	6,3	3,3	44,7
Поляки	0,2	5,8	58,7	16,1	0,6	18,6
Литовцы	0,1	6,7	58,9	17,1	0,6	16,6
Финны	0,4	6,2	52,8	21,3	3,2	16,1
Русские	1,3	7,7	71,5	3,4	2,1	14,0

Из этой таблицы видно, что по роду своей профессиональной деятельности только евреи резко отличались от остальной массы отъезжавших. Так, если основную массу эмигрировавших поляков, литовцев, финнов и русских составляли чернорабочие (от 53 до 71%), то среди евреев эта категория эмигрантов составляла всего 7%, и, напротив, ремесленников среди указанных национальностей было не более 6—7%, в то время, как среди евреев — 39%.

Соединенные Штаты Америки, безусловно, были не единственной страной назначения отъезжавших за океан россиян. Они оседали и в ряде других стран Американского континента. Однако получить полное представление о русской эмиграции в Канаде, Бразилии, Аргентине и других американских государствах нет никакой возможности. Данные статистики по этим странам либо отсутствуют, либо имеют случайный характер. Отчасти этот пробел может быть восполнен данными германской статистики, которая вела учет русской эмиграции, следовавшей через немецкие порты, с указанием страны назначения; а также отчеты германских комиссаров по эмиграции. Обобщая эти данные, Министерство торговли и промышленности России в своем докладе для Межведомственного совещания по вопросам об отъезде рабочих на заработки за границу приводило следующие цифры: из 46 376 русских эмигрантов, следовавших через германские порты в 1908 г., 33 958 человек направлялись в США, 2 143 человека — Великобританию, 148 — в Канаду, 3 — в Мексику, 4 — на Кубу, 4 421 — в Бразилию, 5 594 — в Аргентину, 94 — в Южную Африку и 11 — в Австралию¹⁴. Но

Германия была не единственной страной, портами которой пользовались русские эмигранты, они следовали и через другие страны: Голландию, Францию, Италию, Австро-Венгрию и собственно российские порты. Следовательно, приведенные данные как абсолютные величины значения не имеют, но достаточно точно показывают пути следования русской эмиграции, а также их интенсивность. Можно предположить, что количество переселенцев из России, следовавших через другие страны, в три раза превышало число воспользовавшихся немецкими портами.

Возвращаясь к 1908 г. и соотнося общее количество эмигрировавших из России в США (а их было 156 000) с числом россиян, прошедших через германские порты, можно прийти к выводу, что отъезд в другие страны должен был составить около 500 000 человек, что, вероятно, соответствовало действительности.

В частности, по данным Министерства иностранных дел только в Аргентину выехало в 1904 г. 4 393 человека, а 1905 г. — 10 078, в 1906 г. — около 20 000. Всего же в Аргентине и Бразилии к 1906 году проживало по 60 000 человек¹⁵.

Иначе была организована статистическая служба на Европейском континенте, которая фиксировала движение выходцев из России с достаточно высокой точностью.

Движение русских рабочих в сопредельные европейские страны впервые началось с конца 80-х годов и стало постоянным явлением, повторявшимся из года в год. Так, в начале XX столетия основная масса сезонных рабочих из России направлялась в Германию (главным образом в Пруссию) и Данию. В других европейских странах число русских выходцев, искавших заработок, было очень невелико, и часто поездки туда носили случайный характер.

Согласно российской статистике пассажирского движения через государственную границу, передвижение русских рабочих на сельскохозяйственные работы в Германию и Данию и обратно по особым плакатным паспортам* выражалось за период с 1902 по 1912 г. в следующих цифрах¹⁶:

В среднем за год	Выбывало по европейской границе из России, чел.	Прибывало обратно в Россию, чел.
1902—1906 (за пятилетие)	348205	336926
1907	542103	511408
1908	569603	533004
1909	513184	499193
1910	636826	638885
1911	739969	736697
1912	793716	766505

Возможно, приведенные данные о количестве сельскохозяйственных рабочих, пересекших государственную границу, несколько неточны, так как при получении плакатных паспортов бывали случаи, когда последние попадали в руки лиц, не связанных с сезонными работами, в частности, доставались контрабандистам. Тем не менее, эти данные близки к реальным.

Данные российской статистики можно сравнить с материалами из германских источников, полученными путем регистрации иностранных рабочих. Эта регистрация была введена в 1908 г. в Пруссии, а затем проводилась в других частях Германской империи. По этим источникам количество российских подданных, работавших в сельском хозяйстве и промышленности, составляло¹⁷:

* Плакатные паспорта выдавались уездной полицией бесплатно для пропуска на сельскохозяйственные работы в Германию и Данию на срок с 1 февраля до 20 декабря.

Национальность	1909—1910 гг. (чел.)	1910—1911 гг. (чел.)	1911—1912 гг. (чел.)
Поляки	239879	253143	281813
Немцы	19111	19913	17937
Русские	136	388	148
Литовцы	—	3424	3862
Прочие	—	—	5072
Всего	259126	276868	308832

Регистрация, или, если использовать немецкий термин, — легитимация, прибывших из-за границы рабочих производилась Центральным справочным бюро труда сельскохозяйственных палат. Легитимация могла быть проведена в иных случаях и в момент перехода границы на пограничных станциях, которые выполняли посреднические функции между иностранными рабочими и Центральным бюро. Допускалась регистрация полицейскими органами на местах работы. Легитимация заключалась в том, что каждому иностранному рабочему выдавалась особая карточка (различного цвета в зависимости от национальности), заключающая в себе точные данные о рабочем и данные работодателя, а также условия найма на немецком, польском или русском языках.

Однако не все регионы Германии имели подобные бюро, следовательно, они не могли полностью охватить всю массу иностранных рабочих, прибывших в эту страну.

Подавляющим большинством отъезжавших в Германию в поисках заработка были поляки (свыше 90%), далее следовали немцы (около 7%), и наконец литовцы (1,8%)¹⁸. Этнические русские составляли незначительное число. (Впрочем, немецкая статистика относилась к литовцам и жителей белорусских губерний.)

Из-за отсутствия точных сведений о выезде россиян на заработки, Отдел сельской экономики и сельской статистики использовал в своих расчетах не только официальную отечественную и зарубежную статистику, но также донесения дипломатических органов и некоторые косвенные данные. В итоге Отдел пришел к выводу, что из России ежегодно выезжало в сопредельные страны около 500 000 человек, главным образом в Германию и Данию.

Причины отъезда русских рабочих в Германию, как страну главного назначения в поисках заработка, заключались в доступности выездных документов благодаря Межгосударственному соглашению 1897 г. Это соглашение подводило законодательную основу под данное движение рабочих. В отд. V заключительного протокола русско-германской конференции, созванной в 1896 г. в Берлине для обсуждения недоразумений по применению договора 1894 г., было решено, что русским рабочим, выезжавшим в Германию на полевые работы, или тем, кто имел какое-либо отношение к земледелию, выдавать плакатные паспорта. Впоследствии, по конвенции 1904 г., срок действия паспортов был продлен и практически был действителен в течение всего года.

Получавшие плакатные паспорта работали в Германии не только в сельском хозяйстве, но и в промышленности и распределялись по роду занятий в предвоенные годы следующим образом¹⁹:

1910—1911				1911—1912				1912—1913			
в сельском хозяйстве		в промышленности		в сельском хозяйстве		в промышленности		в сельском хозяйстве		в промышленности	
чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
251493	90,8	25375	90,8	274443	90,8	34389	90,8	279833	90,8	37297	90,8

Распределение русских рабочих по отдельным регионам Германии в 1911 г.²⁰:

Государства	В сельском хозяйстве	В промышленности
Пруссия	182285	15044
Юж. Германия	3435	255
Саксония	8045	5740
Мек.-Шверин	22742	380
Мек.-Штрелиц	4156	106
Ольденбург	189	721
Обл. Тюрингия	5621	1776
Брауншвейг	4708	1028
Ангальт	4496	179
Липпе и Вальдек	915	127
Вольные города	298	738
Всего	236890	26094

Что касается тех местностей, откуда выезжали за рубеж отечественные эмигранты, то среди российских губерний ведущее место в эмиграционном движении и отходе на заработки занимали губернии так называемой черты еврейской оседлости (Ковенская, Виленская, Гродненская, Витебская, Могилевская, Волынская, Подольская, Бессарабская, Черниговская, Киевская, Таврическая, Полтавская, Херсонская, Екатеринославская) и Царство Польское. Из этих местностей России выезжали главным образом евреи и поляки, — первые за океан в США (с целью навсегда осесть там), а вторые — в сопредельные европейские страны и в Америку на сезонные работы. Остальные регионы страны давали незначительное количество эмигрантов и сезонных рабочих.

К примеру, из Финляндии отход начался в 1870-х годах и достиг своей максимальной точки в предвоенные годы, когда в среднем ежегодно отъезжало около 5 тыс. человек²¹. Большинство выходцев из этой части России направлялись в США, небольшая же часть эмигрировала в Южную Америку, особенно в Аргентину, где в Миссионерсе образовалась целая финская колония. В большинстве случаев финны выезжали из города Ганге, — через Гуль и Ливерпуль, или через Глазго и Саутгэмптон, исключительно на судах Финляндского пароходного акционерного общества.

Архангельскую губернию покидало минимальное число жителей. Помимо отхода в Америку, выходцы этой северной губернии отправлялись еще на заработки в соседнюю Норвегию (около 100 человек ежегодно), где мужчины могли заработать до 120 рублей за сезон, а подростки — до 50 рублей²².

Совсем незначительной была группа отъезжающих из С.-Петербургской и Новгородской губерний, причем выезжали главным образом в европейские страны, отъезд в которые приобретал все более и более регулярный характер. Страна назначения были: Швеция, Норвегия и Австро-Венгрия.

Выезжали исключительно русские рабочие: лесорубы, пилоставы, точильщики и др., сроком на 6—8 месяцев²³.

В Прибалтийском крае отъезд за рубеж получил наибольшее распространение в Курляндской губернии, откуда выехало несколько тысяч человек, в основном крестьяне. Уезжали в большинстве своем за океан, а не в европейские страны.

Некоторое оживление отъезда на заработки за рубеж наблюдалось и в Эстляндской губернии, где эстонская молодежь нанималась в экипажи иностранных судов и надолго покидала Россию. Напротив, Лифляндскую губернию практически никто не покидал и “отхода” почти не существовало.

В отличие от вышеперечисленных губерний, где за границу выезжали по различным мотивам, отъезд на Кавказе, например, преследовал исключительно переселенческие цели. Так, из Кубанской области в 1905 и 1906 гг. переселились в Турцию 3600 горцев-магометан. Переселение это состоялось с Высочайшего разрешения и с условием, что выехавшие из России обратно не вернуться. Из Терской области выезжало ежегодно до 120 человек в Америку и до 50 — в Турцию (в основном осетины, чеченцы и немцы). Из Ставропольской губернии переселились в Америку за первые 10 лет XX в. 153 семьи (875 человек), в том числе 145 немецких и 8 русских семей. За этот же период выехало за рубеж из Эриванской губернии 325 русских и 300 армян. Не менее интенсивен был выезд из Карской области, которую покинули за этот же период свыше 900 человек (молокане и духоборы) и более 100 армян. Все они переселились в Америку. Кроме того, в Турцию переселилось 341 турок и 112 курдов, в Грецию — 127 греков, и в Персию — 158 человек. Наконец, из Елисаветпольской губернии выехало на постоянное место жительства в Америку около 800 духоборов²⁴.

Перечисленные районы, образовали полосу, к востоку от которой в пределах Европейской России наблюдались лишь незначительные случаи “отхода”.

Исключение составляли Вятская, Самарская и Саратовская губернии. К примеру, только из трех уездов последней губернии: Камышенского, Акторского и Саратовского, за период с 1900 по 1910 г. выбыла 21 тысяча человек, в основном немецкие семьи²⁵.

Что касается Азиатской части России, то здесь отток населения за границу не носил массового характера.

Как уже указывалось, одним из наиболее существенных препятствий, не позволявшим многим желающим покинуть Родину, являлась система выдачи заграничных паспортов с ее чрезмерно высокими обложениями. Так как основную массу эмигрантов составляли наиболее бедные слои населения, на оплату своей поездки собиравшие последние средства, то путь в губернский город за заграничным паспортом, бюрократические проволочки при его выдаче и, главное, высокие обложения, были непомерно тяжелыми для их тощего кошелька. Все это толкало русскую эмиграцию к необходимости экономить где только можно и она, естественно, легко поддавалась соблазну выехать из страны нелегально.

Тем более, что вдоль западной границы организовался целый промысел тайной переправки желающих за рубеж. Будучи хорошо организованным, он сводил риск при пересечении границы к минимуму; стоила же эта процедура всего 3 рубля. В целом, 75% российских эмигрантов выезжало за рубеж нелегально, без паспортов, через русско-германскую границу. Это приводило к огромным потерям для экономики страны, ведь каждые сто тысяч эмигрантов, уехавших нелегально, приносили около 2 млн. рублей дохода немецким железным дорогам и 7—8 млн. рублей немецким пароходным обществам (таким как Hamburg — America Line и Nord Deutscher Lloyd)²⁶.

Впрочем, возможности российских пароходств были весьма ограничены, и, в случае упрощения процедуры получения заграничных паспортов, они вряд ли смогли бы справиться с потоком эмигрантов. Только в 1910 г. из 186 792 человек, уехавших в США, Русское восточно-азиатское пароходство, занимавшееся перевозкой пассажиров в США, перевезло всего лишь 18 000 человек²⁷.

Сознавая, что плохо налаженная система перевозки пассажиров через океан приводила к крупным финансовым потерям, комитет “Добровольного флота” предлагал

еще накануне Русско-японской войны открыть линию Либава—Нью-Йорк. Но в силу известных обстоятельств реализация этого проекта стала возможной лишь в 1906 г. Как показывает официальная статистика того времени, число отечественных судов, годных для океанских пассажирских перевозок, было крайне невелико, и для того, чтобы справиться со всем потоком русской эмиграции, флоту потребовалось бы увеличить свой тоннаж во много раз. Приспособляемость русского флота к нуждам эмиграции, независимо от усилий морских компаний, шла достаточно тяжело, и к 1913 г. он смог довести перевозку переселенцев лишь до 50%, что, в целом, исчерпало его резервы.

Из русских портов отход за рубеж совершался через Одессу, Либаву, Виндаву, Ригу и Ганге. Подавляющая часть эмигрантов выезжала из России через Либаву и Ганге, как это мы наблюдаем в следующей таблице²⁸:

Годы	Выехало чел.						
	через Либаву	через Виндаву	через Ригу	через Одессу	через Ганге		всего
					из Финляндии	из остальной части России	
1900	8032	—	—	—	10397	3392	13789
1901	7458	—	—	—	12561	208	12769
1902	13253	—	—	—	23152	404	23556
1903	11247	—	—	—	16964	247	17211
1904	21624	1384	656	—	10952	—	10952
1905	22105	—	693	—	17427	796	18223
1906	50506	—	3297	198	17517	13219	30735
1907	59077	1013	4871	90	16296	17644	33940
1908	20799	463	520	191	5813	687	6500
1909	27543	—	134		19144	469	19613

Роль Либавы в движении эмигрантов была значительна, особенно после 1906 г., когда была налажена беспересадочная русско-американская пароходная линия. Не случайно в этом городе в 1908 г. было учреждено “Общество для защиты переселенцев”, целью которого являлось “предохранение переселенцев христианского вероисповедания от всякого рода эксплуатации. Средствами для достижения этой цели служат: 1) учреждение в Либаве конторы с руководящей деятельностью; 2) распространение брошюр и изданий, содержащих указания и советы для переселенцев; 3) принятие мер к ограждению переселенцев от разного рода эксплуатации во внеевропейских городах и портах; 4) назначение в г. Либаве агента для духовной и материальной помощи переселенцев”²⁹.

С 1906 г. в число русских портов, через которые выезжали эмигранты, вошел и Владивосток (хотя количество покинувших страну через этот город было очень невелико). В середине 1906 г. в Приморской области ходили слухи о том, что на строительстве железных дорог в Калифорнии и Мексике можно было заработать немалые деньги и в течение этого года из Владивостока выехало 200 человек³⁰. В следующем году из него в Америку отправилось еще 300 россиян³¹. Положение русских рабочих на строительстве железных дорог в Калифорнии и Мексике было исключительно тяжелым. Многие, недовольные условиями труда, разъехались по всей территории континента в поисках

лучшей работы. В конце 1907 г. в местных газетах и в отдельных объявлениях начали появляться сообщения российского консула в Сан-Франциско о крайне бедственном положении русских переселенцев в США. И хотя в 1908 г. Россию покинуло 500 человек, к концу года наметилась тенденция к уменьшению оттока эмигрантов из страны³². Этому способствовала значительная разъяснительная работа местных органов и ряд запретительных мер. В 1909 г. через Владивосток выехало всего лишь 125 человек³³.

Движение русских эмигрантов с Дальнего Востока шло двумя путями: из Владивостока на Цуругу и Иокогаму, и из Дальнего — через южные японские порты. Уезжавшие вторым путем, благодаря особым порядкам, существовавшим в Манчжурии, в пределах полосы отчуждения, имели возможность покинуть страну не только без паспортов, но и вообще без всяких документов. А так как они не задерживались в местах пересадок, то проследить их дальнейший путь было невозможно.

Отправлявшиеся из Владивостока, как правило, имели паспорта и останавливались в Иокогаме, где им необходимо было ждать очередной паром. Все они проживали в гостинице “Миурия”, которая была приспособлена к нуждам эмигрантов. За доставку переселенцев гостиница платила паромству от 3 до 5 иен за человека³⁴. Помимо дешевого жилья за плату в 35 сене в день, гостиница обеспечивала эмигрантов переводчиками и помогала им выполнять всю сложную процедуру отправки, начиная от медицинского осмотра и кончая посадкой на паром³⁵.

В целом, русский эмигрант, направляясь в США, тратил на проезд, пищу, жилье и иные цели около 100 рублей³⁶. Кроме того, он ввозил с собой в страну еще 30—35 рублей³⁷. Если учесть, что большая часть переселенцев пользовалась услугами иностранных компаний, то станет очевидным, сколь значительны были потери для русской экономики. И только благодаря притоку в Россию заработанных эмигрантами средств эти потери с лихвой покрывались, принося экономике существенную прибыль. При среднем годовом заработке в 500 долларов США русские эмигранты сберегали около 2/3 от этой суммы. Если принять во внимание, что в США число русских выходцев в каждый данный момент составляло около 600 тыс. человек, то общая сумма их ежегодных сбережений определялась в 70 млн. долларов, или 140 млн. рублей³⁸. Из этой суммы в Россию поступало не более 45 млн. долларов³⁹. По точным сведениям Американского почтового ведомства, за 7 лет — с 1 января 1900 г. по 31 декабря 1906 г. — в Россию было послано всего 1 347 618 почтовых переводов на сумму в 23 671 169 долларов США⁴⁰. Причиной столь незначительного перевода денег почтовым ведомством являлась неотлаженность почтовых связей двух стран, незнание русскими переселенцами порядка пересылки денежных средств и высокий процент неграмотности среди эмигрантов. При таких условиях российские рабочие вынуждены были либо хранить деньги при себе, либо помещать их в местные, преимущественно мелкие, банки, где эти сбережения часто подвергались значительному риску.

Чтобы свести к минимуму потери русских выходцев и надежно сохранить их сбережения, 29 ноября 1915 г. было принято решение открыть в Америке сберегательные кассы. После тщательного изучения этого дела сотрудники Управления государственными сберегательными кассами пришли к выводу, что наиболее целесообразно было бы учредить кассы при российских консульствах. Этот путь обеспечивал достаточный надзор за производством сберегательных операций и, безусловно, повышал авторитет консульской службы среди русской эмиграции. В конце июня 1916 г., в виде опыта, сберегательные кассы были открыты при консульствах в Нью-Йорке, Чикаго и Питтсбурге⁴¹. Недолгий опыт деятельности этих касс по сохранению эмигрантских денег на месте (или при их переводе на родину), показал значительные возможности этих органов. Любопытно, что с первых месяцев работы сберегательных касс в Америке среди

русских переселенцев высоким спросом пользовались облигации государственных 5¹/₂% краткосрочных военных займов. Стремясь удовлетворить интерес к этим ценным бумагам, Управление выслало в Нью-Йорк облигации на номинальную сумму в 4 000 000 рублей⁴².

Итак, после многих лет переселенческого движения в Америку была решена одна из самых важных задач, ради которой выезжала основная часть эмигрантов, — доставка на родину своих сбережений, добытых нелегким трудом. Всего за первые три месяца работы сберегательной кассы при консульстве в Чикаго туда было внесено 1 300 000 долларов США⁴³. Операции впоследствии могли приобрести значительный размах, если бы не революционные события 1917 г., приведшие к полному разрыву налаженных связей.

Примечания

- 1 РГИА. Ф.581. Оп.1. Д.721. Л.55. *Тудоряну Н.Л.* Очерки российской трудовой эмиграции периода империализма (в Германию, Скандинавские страны и США). Кишинев, 1986. С.171—172.
- 2 *Тудоряну Н.Л.* Указ. соч. С.172.
- 3 РГИА. Ф.581. Оп.1. Д.721. Л.2.
- 4 Там же. Л.57.
- 5 *Оболенский В.В.* Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР. М., 1928 С.23.
- 6 Там же.
- 7 РГИА. Ф.581. Оп.1. Д.721. Л.56.
- 8 Расчеты наши.
- 9 РГИА. Ф.581. Оп.1. Д.721. Л.56.
- 10 Там же.
- 11 *Щербатский А.И.* Русская эмиграция в США // Известия Министерства иностранных дел. 1914. Кн. VI. С.117—119, 130—131.
- 12 *Мухин А.* Отход крестьян на заработки в Америку // *Агрономический журнал.* 1913. № 9—10. С.150.
- 13 РГИА. Ф.581. Оп.1 Д.721. Л.57.
- 14 Там же.
- 15 Там же. Л.57—58.
- 16 Там же. Ф.395. Оп.1. Д.2622. Л.6.
- 17 Там же. Л.7.
- 18 Там же.
- 19 Там же. Л.8.
- 20 Там же. Л.9.
- 21 Там же. Ф.581. Оп.1. Д.721. Л.58.
- 22 Там же.
- 23 Там же.
- 24 Там же. Л.59—60.
- 25 Там же.
- 26 Там же. Л.7.
- 27 Там же. Ф.395. Оп.1. Д.2621. Л.30.
- 28 Там же. Ф.581. Оп.1. Д.721. Л.70.
- 29 Там же.
- 30 Там же. Л.60.
- 31 Там же.
- 32 Там же.
- 33 Там же. Л.61.
- 34 Там же. Ф.395. Оп.2. Д.2873а. Л.91.
- 35 Там же.
- 36 Там же. Ф.581. Оп.1. Д.721. Л.62.
- 37 Там же. Ф.395. Оп.2. Д.2873а. Л.91.
- 38 Там же. Ф.581. Оп.1. Д.2609. Л.5.
- 39 Там же.
- 40 Там же. Ф.581. Оп.1. Д.721. Л.9.
- 41 Там же. Ф.581. Оп.1. Д.1418. Л.159.
- 42 Там же.
- 43 *Тудоряну Н.Л.* Указ. соч. С.201.

Т.М.Пчелянская

Памятный отдел императора Александра III в Русском музее

В нынешнем году Государственный Русский музей отметил 100-летие своего основания. Следующий юбилей — 100-летие залов Русского музея императора Александра III для публики — состоится через три года. Именно поэтому сегодня особенно уместно оглянуться назад и обратиться к событиям вековой давности.

На сегодняшний день Русский музей по составу своих коллекций является крупнейшим в мире собранием произведений русского изобразительного искусства. Немаловажно и то, что это первый в России публичный государственный музей, задумывавшийся его основателями как центр российского искусства и культуры и являющийся таковым до сих пор. И, естественно, многие процессы, происходившие и происходящие в жизни Русского музея, не могли не отразиться на деятельности прочих российских музеев разного профиля, не только художественных, но и исторических, военно-исторических.

Трудно найти в России человека, хотя бы в малейшей степени интересующегося искусством, который не знал бы, пусть в самых общих чертах, произведений, составляющих экспозицию Русского музея. Однако даже среди специалистов, далеко не каждый имеет представление о том, каким задумывался Русский музей императора Александра III, как выглядели его залы в первые годы существования. Сегодня Русский музей по сути своей музей художественный, располагающий огромными коллекциями произведений изобразительного искусства. В конце же XIX — начале XX вв. он являл собой собрание предметов не только художественной, но и материальной культуры, то есть совмещал в себе функции как художественного, так и исторического, и этнографического музея. В его состав входила большая этнографическая коллекция (этнографический отдел музея, впоследствии получивший самостоятельность в качестве вновь образованного Музея этнографии народов СССР), а также особый Памятный отдел императора Александра III. Если об этнографическом отделе все же известно достаточно хорошо, хотя бы уже потому, что многие из его экспонатов можно увидеть в залах Музея этнографии народов России и сегодня, то Памятный отдел, просуществовавший всего два десятилетия, остается своего рода белым пятном в истории Русского музея. За последние уже почти восемьдесят лет о нем лишь изредка упоминалось в общих работах о Русском музее. Причем обычно либо просто констатировался факт его существования, либо давалась краткая, но всегда ярко негативная оценка. Поэтому нам представляется крайне важным именно сейчас, в преддверии юбилейных торжеств, не только “реабилитировать” Памятный отдел императора Александра III в Русском музее и найти его подлинное место в русской культуре, но и раскрыть то значение, которое имел Памятный отдел для дальнейшего развития музейного дела в России.

Экспозиция Памятного отдела, по замыслу его создателей, должна была представлять собой нечто особенное в музейной практике того времени. По сути, она ломала все сложившиеся представления об экспозиционных приемах, то есть о способах организации экспонатов в пространстве выставочного зала. Это касалось и самих экспонатов как таковых, а также методов их собирания и обработки.

Взаимосвязь экспонатов любой художественной выставки (и не только художественной) всегда обусловлена общей идеей, концепцией экспозиции, которая, в свою очередь, непосредственно связана с общекультурной тенденцией эпохи, уровнем эстетического сознания общества, с конкретной культурно-исторической ситуацией. Исследуя художественный процесс с точки зрения художественного мышления общества, Б.В.Асафьев в свое время отмечал, что искусству каждого исторического периода присущи свои, с достаточной точностью определенный, комплекс не только идей, но и выразительных средств, своя художественная система¹. То же можно отнести, в определенной степени, и к музейной экспозиции, в частности, к экспозиции Памятного отдела императора Александра III в Русском музее, создававшейся на рубеже XIX—XX веков, в переломное для российской истории время. Для того, чтобы в дальнейшем было легче ориентироваться в рассуждениях об устройстве Памятного отдела, нам представляется необходимым уточнить, что же такое “экспозиция” как таковая? “Художественная экспозиция это специфическая искусственно созданная предметно-пространственная структура, состоящая из произведений искусства и других предметов и организуемая для осуществления художественного воздействия”². Приемы же, посредством которых организаторы художественных или других выставок пытаются воздействовать на зрителя в соответствии с поставленными задачами, четко детерминированы конкретными культурно-историческими ситуациями.

Контекст экспозиции определяется совокупностью разных ее элементов, в числе которых экспонаты, архитектурно-пространственная среда и т.д. “Будучи включен в этот контекст, отдельный экспонат может приобретать дополнительные значения, определенный статус, резче выявлять какие-то свои качества, приглушать другие”³. Эта совокупность и общий экспозиционный контекст придают экспозиции уникальность и яркую индивидуальность, наделяют ее специфическими выразительными значениями и позволяют выразить некую “идею”. На всем протяжении истории музейного дела и художественного экспонирования основной проблемой было нахождение таких форм художественного воздействия, которые были бы адекватны конкретной эпохе. Изменения культурно-исторических ситуаций влекли за собой и изменения в эстетическом сознании общества, что приводило, в свою очередь, к появлению новых экспозиционных форм и решений, соответствующих новым идеям и необходимым для наиболее полного, осмысленного восприятия искусства зрителем, для наиболее адекватного отражения экспозициями художественных и других выставок современной им общественной жизни. Именно это положение особенно важно в случае с Памятным отделом императора Александра III в Русском музее.

14 апреля 1895 года был издан подписанный накануне Николаем II Высочайший Указ “Об учреждении особого установления под названием “Русский музей императора Александра III”. В указе особо оговаривалось, что “в музее этом должна быть, прежде всего, отведена подобающая важному ее значению часть, посвященная памяти о жизни и Царственных трудах Родителя Нашего”. Таким образом уже в самый момент создания Русского музея Памятный отдел мыслился обязательной и неотъемлемой частью общей музейной экспозиции. Каким же должен он был быть, какие материалы должны были входить в его состав и по каким принципам собираться и объединяться в экспозиционном пространстве? Эти вопросы устроители Памятного отдела пытались

СОБРАНИЕ ЗАКОНОВЪ И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВА,

ИЗДАВАЕМОЕ ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМЪ СЕНАТѢ.

14 АПРѢЛЯ

№ 62.

1895.

СОДЕРЖАНІЕ:

Ст. 420. Объ учрежденіи особаго установленія подъ названіемъ «Русскаго Музея Императора Александра III» и о предоставленіи для сей цѣли приобретеннаго въ казну Михайловскаго Дворца со всѣми принадлежащими къ нему «лигеями, службами и садомъ».

ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ.

420. Объ учрежденіи особаго установленія подъ названіемъ «Русскаго Музея Императора Александра III» и о предоставленіи для сей цѣли приобретеннаго въ казну Михайловскаго Дворца со всѣми принадлежащими къ нему «лигеями, службами и садомъ».

УКАЗЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЕНАТУ.

Незабвенный Родитель Нашъ, въ мудрой заботливости о развитіи и процвѣтаніи отечественнаго искусства, предудказалъ необходимость образованія въ С.-Петербургѣ обширнаго Музея, въ коемъ были бы сосредоточены выдающіяся произведенія русской живописи и валяія. Таковому высокополезному намѣренію почившаго Монарха не суждено было, однако осуществиться при Его жизни.

Нынѣ, отвѣчая душевной потребности неотложно исполнить означенную волю покойнаго Государи, признали Мы за благо уредить особое установленіе подъ названіемъ «Русскаго Музея Императора Александра III», съ возложеніемъ главнаго завѣдыванія онымъ на одного изъ Членовъ Императорскаго Дома по Нашему избранію, съ присвоеніемъ Ему заванія Управляющаго упомянутымъ Музеемъ.

Въ Музеемъ этомъ должна быть, прежде всего, отвѣдена подобающая важному ея значенію часть, посвященная памяти о жизни и Царственныхъ трудахъ Родителя Нашаго. Съ тѣмъ вмѣстѣ, и впредь до составленія этнографическихъ и историческихъ коллекцій, подлежащихъ немедленному устройству художественный отдѣлъ Музея, долженствующій обнимать собраніе картинъ и статуй лучшихъ русскихъ художниковъ, въ томъ числѣ картины, приобретенныя для Музея въ Божѣ почившимъ Императоромъ.

Дальнѣйшія подробности относительно устройства Музея и правила о завѣдываніи онымъ имѣють быть выработаны согласно указаніямъ Нашимъ и опредѣлены Положеніемъ о Русскомъ Музее Императора Александра III.

Предусматривая, что для помѣщенія названнаго Музея въ полномъ его составѣ потребуются зданіе значительныхъ размѣровъ, Повелеваемъ предоставить для сей цѣли приобретенный въ казну Михайловскій Дворецъ со всѣми принадлежащими къ нему «лигеями, службами и садомъ».

Да послужитъ учреждаемое хранилище живымъ воспоминаніемъ Царственныхъ заботъ и подвиговъ Того, Кто такъ горячо любилъ Родину и посвящалъ Свою жизнь на служеніе ей.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

Въ С.-Петербургѣ.

«НИКОЛАЙ».

13 апрѣля 1895 года.

решить на протяжении более чем двадцати лет — еще до официального основания музея, а также на протяжении всего времени существования отдела. Чем же объясняются столь длительные дебаты вокруг отдела памяти императора Александра III?

Дело в том, что уже сами материалы, которые должны были входить в состав экспозиции, вынуждали организаторов Памятного отдела искать новые, нетрадиционные приемы экспонирования. Пусть даже не осознанно, постоянно при этом меняя общую концепцию, в соответствии с которой материалы должны были размещаться в экспозиционном пространстве.

В августе 1897 года во многих российских периодических изданиях было опубликовано Письмо Управляющего Русским музеем императора Александра III великого князя Георгия Михайловича “губернаторам и областным начальникам”⁴, разосланное также и непосредственно по назначению, с просьбой “о содействии к собранию в вверенной Вам губернии всевозможных предметов, [...] посвященных памяти или каким-либо образом касающихся жизни и деятельности императора Александра III”. В числе этих предметов указывалось все, что было когда-либо напечатано, налитографировано и проч. о покойном императоре, бюсты, барельефы, горельефы, “местные произведения кисти, пера, карандаша”, до лубка включительно, рисунки, фотографии, изображающие Александра III, модели его памятников, различных сооружений, спроектированных или построенных во время его царствования, медали, жетоны и т.д. Естественно, что все эти материалы никаким образом невозможно было разместить в залах с помощью традиционных экспозиционных приемов, которым следовали уже на протяжении веков. Ставшая уже привычной “шпалерная” или “ковровая” развеска, при которой экспонаты, размещенные в несколько рядов, сплошным ковром покрывали стены, подразумевала наличие в экспозиционных залах лишь только живописных, графических и скульптурных произведений, иллюстрирующих историю развития изобразительного искусства. Предполагаемое же наличие в Памятном отделе нетрадиционных для художественного музея материалов требовало и нетрадиционных экспозиционных решений. Необходимо учитывать и оригинальность задачи, поставленной перед организаторами Памятного отдела, их цели существенно отличались от тех, к которым стремились организаторы чисто художественных экспозиций.

Кроме того, со временем менялась социокультурная и художественная ситуация в России. Причем с 1895 по 1900 год менялась она достаточно существенно и быстро. Поэтому проблема создания общей концепции экспозиционного решения Памятного отдела вставала все острее. До 1900 года было предложено несколько проектов отдела, каждый из которых во главу угла ставил вопрос о том, что же такое Памятный отдел императора Александра III в Русском музее императора Александра III, какова цель его создания?

Первым из проектов, представленных Комиссии по устройству Памятного отдела, возглавляемой Управляющим Русским музеем великим князем Георгием Михайловичем, был проект, составленный 22 апреля 1897 года А.Н.Бенуа и П.А.Брюлловым (хранителем Памятного отдела)⁵. Этот проект еще достаточно традиционен. Экспозиция отдела трактуется как своего рода Пантеон покойного императора. Это достаточно логично, если учесть, что со смерти Александра III прошло всего несколько лет, и Памятный отдел организовывался по распоряжению Николая II, желавшего увековечить память о покойном родителе. Материалы отдела предполагалось разместить по хронологическому принципу (в данном случае — биографическому), что соответствовало сложившимся представлениям о музейной экспозиции.

По замыслу А.Н.Бенуа и П.А.Брюллова каждый зал Памятного отдела должен был соответствовать определенному периоду жизни Александра III и как бы иллюстри-

ровать их. Первый зал охватывает период с рождения до объявления Александра наследником цесаревичем. В его экспозицию должны были войти, по возможности, “все предметы, бывшие в обладании умершего императора и имевшие отношение к его воспитанию и развитию: одежда, детская мебель, игрушки, учебные пособия, любимые литературные произведения” и т.д.

Второй зал — период до восшествия на престол 2 марта 1881 года. Особый акцент в экспозиции этого зала предполагалось сделать на участии Александра в войне 1877—1878 гг. в качестве Главнокомандующего Русшукским отрядом.

Экспозиция третьего зала должна была непосредственно освещать события царствования императора Александра III. В ее состав, по замыслу авторов проекта, должны входить материалы, иллюстрирующие многочисленные путешествия (например, по Кавказу), пребывание в Финляндии, Дании, Беловежской Пуще. В зале, кроме того, должны были находиться воспроизведения (в виде макетов или каких-либо изображений) начатых и оконченных по воле покойного императора сооружений: Храма Воскресения Господня в Петербурге, Владимирского собора в Киеве, Либавского порта, Сибирского железнодорожного пути, новых военных судов и т.д. Помимо этого — материалы о важнейших событиях царствования императора Александра III, в числе которых франко-русское сближение, свидания в Кронштадте и Тулоне. Большое место в экспозиции Памятного отдела отводилось, естественно, портретам и бюстам Александра III разного художественного качества (от замечательных художественных произведений до народного творчества и лубочных картинок), а также подношениям подданных.

Приведенный выше план устройства Памятного отдела, составленный А.Н.Бенуа и П.А.Брюлловым, не имеющий в своей основе определенной концепции, все же указывал направление, в котором необходимо было вести сбор материала. Исходя из этого плана организация отдела должна была проходить достаточно легко. Однако строители натолкнулись на множество непреодолимых препятствий. В их числе и громадная масса подходящего, на первый взгляд, материала, и значительное число учреждений, в которых он хранится, крайнее разнообразие этого материала, а, главное, отсутствие системы и общей концепции.

Следующим, в хронологической последовательности, был подан “Проект устройства отдела, посвященного памяти императора Александра III”, составленный статс-секретарем А.Н.Селифонтовым 4 февраля 1898 года. Этот проект⁶ предполагал разделение Памятного отдела на две части, причем центр тяжести уже перемещался в ту часть, которая должна была быть посвящена деятельности Александра как императора. Селифонтову становится очевидна “известная последовательность и постепенность в размещении тех или иных вопросов”. В его проекте рассматривается не только организационно-техническая сторона устройства Памятного отдела, но и теоретическая, основа которой — разработка единой концепции, программы организации отдела. Только исходя из нее считает он возможным создание обоих подразделов, а также решение вопросов что собирать, в каком порядке, как систематизировать материал и чем при этом руководствоваться? Кроме того, Селифонтов выдвигает требование о составлении точной исторической справки о реальных фактах за всю рассматриваемую эпоху, а также о соответствии им собранных и еще собираемых для Памятного отдела материалов. Поскольку только это, по мнению автора проекта, даст возможность представить в залах музея объективную картину всего царствования. При этом особо оговаривается необходимость основываться только на серьезных источниках — Полном Собрании Законов, Собрании узаконений и распоряжений Правительства, Сборнике Высочайших Приказов по Армии и Флоту, на документах Придворного ведомства и Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, Перечне Манифестов, Рескриптов,

Именных Указов и т.д. То есть на материалах, дающих возможность представить объективную картину эпохи в хронологической последовательности. Однако, считает Селифонтов, можно будет не опасаться за неполноту или односторонность, если разместить материал Памятного отдела не просто в хронологической последовательности, но систематизировать в соответствии с главными функциями “Самодержавной в России Власти” и параллельно разным периодам и фазам в жизни императора как человека.

Естественно, такой способ сбора и обработки материала для Памятного отдела был бы более длителен, но гораздо более устойчив и целесообразен, чем предлагаемые ранее. “Не было бы с нашей стороны слишком эгоистично, — пишет А.Селифонтов, — если бы мы, еще живые современники усопшего императора, в ущерб истине и наизадапию нашего потомства, заботились бы преимущественно о том, как бы скорее удовлетворить наше личное чувство благоговения к усопшему императору.... Да не будет же дано место торопливости, в ущерб исторической истине, но в пользу скорейшего достижения блеска, при созидании достойного Памятника Царю-Миротворцу”⁷. Однако, несмотря на изъявление верноподданических чувств, невозможно не признать того, что проект Селифонтова стал первым шагом к тому, что Памятный отдел императора Александра III перестал восприниматься только как памятник конкретному человеку. Теперь он начал мыслиться его устроителями, как выраженный в художественной форме объективный исторический памятник целой эпохе.

15 марта 1900 года состоялось заседание Комиссии по устройству Памятного отдела императора Александра III, ставшее решающим в судьбе отдела. На нем рассматривались проекты А.Н.Бенуа и П.А.Брюллова, А.Н.Селифонтова, А.А.Тевяшева (о котором будет говориться ниже), а также в общих чертах была, наконец, разработана общая концепция организации отдела⁸. Естественно, центральное место в экспозиции должны были занимать коллекции, относящиеся к жизни и деятельности Александра III как человека и как императора. Однако признавалось необходимым “создание определенной исторической обстановки”, мотивировавшееся тем, что покойный император интересовался отечественной историей, покровительствовал развитию исторических знаний, исторических обществ и т.д. На деле это должно было вылиться в экспонирование в Памятном отделе коллекций, имеющих историческую ценность. Оговаривался и исторический отрезок — XIX век. По мнению членов Комиссии, создание в Русском музее такой экспозиции закономерно при отсутствии специального исторического отдела в музее. Распространение же за пределы XIX века нарушило бы цельность экспозиции, а также совпадало бы с задачами других, сугубо исторических, музеев, то есть выходило бы уже совершенно за рамки музея чисто художественного.

Таким образом, Комиссией по устройству Памятного отдела было принято компромиссное решение. В рамках художественного музея организовывался исторический отдел, совмещающий в себе различные функции, так как в нем должны были экспонироваться наряду с произведениями искусства (в Памятный отдел предполагалось поместить работы Антокольского, Крамского, Маковского и др.) модели кораблей, макеты фортификационных сооружений и т.п. Памятный отдел разрастался и вширь, и вглубь. Его экспозиция должна была охватывать не только достаточно большой временной отрезок — целое столетие, но и различные стороны жизни России за этот период. Об этом свидетельствует даже прилагаемый к Протоколу заседания Комиссии список портретов, которые предполагалось поместить в Памятный отдел⁹. В числе портретируемых великие князья Владимир, Алексей, Михаил и Сергей Александровичи, Константин Константинович, Пржевальский, Обручев, отец Иоанн. Воронцов, Лев Толстой. Боткин, Римский-Корсаков, Победоносцев, Менделеев, Репин, Рубинштейн, Айвазовский, Набоков, Корф, Витте, Чайковский, Соловьев, Бутлеров, Васнецов, Фет,

Майков, Половцев, Страхов и другие. Личность Царя-Миротворца, естественным образом, не только не возвеличивалась, но растворялась в подобном окружении. В этом, безусловно, отдавали себе отчет члены Комиссии по устройству Памятного отдела, среди которых были граф И.И.Толстой, Л.Н.Майков, графиня А.В.Олсуфьева, А.Н.Белуа, П.В.Жуковский.

Подробный же план устройства Памятного отдела изложен в проекте помощника Высочайшего Управляющего Русским музеем А.А.Тевяшева, который подписан самим Управляющим великим князем Георгием Михайловичем. Этот проект, который можно считать официальной версией плана организации Памятного отдела, более других далек от идеи создания мемориала Александру III. Это уже не робкие тезисы о необходимости "создания исторической обстановки", а четкая концепция экспозиционного решения отдела политической, военной, экономической и культурной истории Российской Империи преимущественно второй половины XIX в.¹⁰

Согласно проекту Тевяшева, в Памятном отделе предполагалось собрать колоссальный объем материалов, причем размещаться он должен был не по хронологическому, а по тематическому принципу, в соответствующих разделах. Первый из них посвящался Александру III, поскольку Памятный отдел все же, как и весь музей, носил его имя. В центре Белоколонного зала Михайловского дворца предполагалось установить статую покойного императора работы Антокольского, а вокруг нее разместить подношения и подарки от сословий, городов, обществ и частных лиц. Здесь же должны были разместиться печатные издания, касающиеся жизни и деятельности Александра III, а также различные материалы о членах его семьи и о роде Романовых в целом, что, в общем, уже выходит за чисто биографические рамки. Особое же внимание, однако, в первом разделе предполагалось уделить деятельности Александра как императора. В нем намечалось разместить портреты выдающихся деятелей царствования, о которых уже говорилось выше, Высочайший Манифест о вступлении на престол как программу царствования, а также материалы, освещающие важнейшие мероприятия, направленные на улучшение различных сторон российской жизни: развитие промышленности, управление, народное образование, пути сообщения, обрусение окраин, на улучшение быта крестьян и для поддержания дворянства. Этот раздел должен был служить своего рода связующим звеном с остальными частями экспозиции Памятного отдела, поскольку освещал различные стороны деятельности Александра как императора — юстиция, внутренняя и внешняя политика, культура, финансы.

Специальные разделы экспозиции отводились следующим материалам — географическим картам России; медалям и монетам, вычеканенным в царствование Александра III; автографам замечательных деятелей царствования. В отдельных залах должны были экспонироваться живописные, графические и скульптурные произведения, которые, с одной стороны, должны были иллюстрировать эпоху, а с другой — демонстрировать достижения российской художественной школы.

Кроме того, в рамках Памятного отдела намечалось создание экспозиции, демонстрирующей материалы о реорганизации военного дела и флота в царствование Александра III — Военно-Морской раздел. Открывать его должна была конная статуя покойного императора и мраморная доска со словами Высочайшего рескрипта Военному министру 1890 года как сущность программы развития военных сил России. Кроме этого в экспозицию Военно-морского раздела должны были войти модели крепостей и укрепленных пунктов, построенных или заложенных по распоряжению Александра III, карты развития стратегических железнодорожных путей, материалы, касающиеся перевооружения армии, обращения регулярной конницы в драгун, упрощения формы и придания ей русского характера, образования Уссурийского Казачьего войска, введения новой мортирной полевой ар-

тиллерии, возрождения Черноморского флота (модели всех судов, заложенных и спущенных на воду в период с 1881 по 1894 г.), увеличения Балтийского флота (модели всех судов), увеличения Сибирской флотилии, сооружения Либавского порта, закладки в Кронштадте Александровского дока для больших судов и т.д.

Таким образом, рассмотрев все три предложенные Комиссии по устройству Памятного отдела императора Александра III проекта, мы можем судить о том, как изменилась концепция, основная идея организации отдела за несколько лет. С 1895 по 1900 год она прошла путь от Письма Управляющего Русским музеем к градоначальникам, предполагавшего создание своеобразного Памятника Царю-Миротворцу в форме художественной экспозиции, до проекта устройства Памятного отдела А.А.Тевяшева, декларировавшего, по сути, организацию в рамках Русского музея специального исторического отдела, охватывающего различные стороны жизни Российской Империи. Социокультурная ситуация, резко изменившаяся за пять лет, настойчиво требовала введения в экспозицию отдела не только “видимых” и “вещественных” материалов с преобладающим внешнебиографическим характером, но и привлечения коллекций, имеющих историческую ценность в общегосударственных масштабах России в пределах XIX века. Эти коллекции должны были создавать для посетителей некую, обращаясь к современной терминологии, “музейную ситуацию”, служить введением и дополнением к остальной части экспозиции Русского музея — художественному и этнографическому отделам.

После выработки основной концепции организации экспозиционного пространства Памятного отдела перед его организаторами возникла новая проблема. Они должны были, в рамках выбранной концепции, либо дать наглядную (в музейном смысле) характеристику императора Александра III и его времени, попытаться музейными средствами в форме художественной экспозиции выявить значение для России указанной эпохи, либо прийти к тому, что Памятный отдел, иллюстрируя биографию Александра III и его царствование, будет служить, главным образом, научному изучению этого периода в его глубоких связях с прошлым.

На первый взгляд, гораздо более предпочтителен первый вариант — далеко идущая задача создания широкой картины эпохи. В этом случае деятельность Памятного отдела должна была бы быть направлена не только на собирание и хранение материалов, но и на творческую работу. Но при таком положении вещей организаторы Памятного отдела наталкивались на труднопреодолимые препятствия. Так, например, если Памятный отдел — характеристика царствования, то видное место в нем должно быть отведено произведениям изобразительного искусства соответствующей эпохи. Таким образом задача Памятного отдела становится тождественна задаче художественного отдела музея, цель которого — собрать лучшие образцы русской живописи, скульптуры и т.д. Невозможно, чтобы в одном музее два отдела имели одинаковые функции, так как нельзя найти сколько-нибудь объективный критерий, по которому одни произведения помещались бы в Памятный, а другие в художественный отдел. Кроме того, если характеристика царствования, то возникает необходимость собрать все сколько-нибудь значимые произведения печатного станка за это время. Каковы же должны быть размеры и состав коллекций печатных произведений? Все, что было напечатано в царствование Александра III? Это потребовало бы колоссальных денежных затрат, соответствующих помещений и т.д. Принимая же во внимание существование в Петербурге Императорской Публичной библиотеки и библиотеки Академии Наук, а в Москве — библиотек Московского Румянцевского и Публичного музеев, в собрание которых входят произведения, созданные на протяжении всей истории российского книгопечатания, это вообще теряет смысл.

Особую сложность представляет собой собирание и экспонирование материалов по истории флота и военно-морского дела. Для создания моделей судов требуются огромные средства и наличие квалифицированных специалистов. К тому же, подобная коллекция уже существовала в Морском музее и забирать ее оттуда было бы нецелесообразно.

Самая же главная проблема состояла в том, что речь шла не об отдаленном прошлом, черты которого успели проясниться в исторической перспективе. Устроителям Памятного отдела приходилось характеризовать, по сути, “свое время”. Им нужно было “сегодня” определить основные черты вчерашнего дня, которые затем должны были войти в научный обиход исторической науки. Поэтому, в ходе длительных и острых дебатов, задача Памятного отдела императора Александра III была относительно упрощена — хранение, собирание и, по возможности, разработка материалов для научного изучения этого времени.

В этом месте автору статьи придется произнести парадоксальную, особенно после всего вышеизложенного, фразу. Памятного отдела императора Александра III в Русском музее практически не существовало. В нескольких (Белоколонном и прилегающих к нему) залах Михайловского дворца была размещена небольшая экспозиция. В нее входило несколько автографов императора Александра III, собственноручный рисунок Марии Федоровны “Портрет кучера”, приподнесенный ею в дар отделу, несколько рисунков покойного императора, один — наследника цесаревича Николая Александровича, картины, переданные в дар великой княгиней Елизаветой Федоровной и великим князем Павлом Александровичем, изображающие торжества по случаю коронации Александра III, а также развешанные по стенам Белоколонного зала блюда, поднесенные в дар императору подданными. В таком состоянии Памятный отдел находился до момента своего закрытия. Чем же объясняется такое положение вещей? Одна из причин — трудности, связанные с объемом и разнообразием материала, который планировалось разместить в Памятном отделе и, соответственно, со сбором этого материала. Вторая — отсутствие необходимого помещения для столь грандиозной экспозиции. На уже упоминавшемся заседании 15 марта 1900 г. Комиссии по устройству Памятного отдела было принято решение о необходимости постройки специального помещения для отдела, что и было поручено архитектору Высочайшего двора В.Ф.Свиныну. Однако строительство Памятного отдела (ныне это Мраморный зал Российского Этнографического музея) долго затягивалось из-за отсутствия средств, а также по другим причинам. К 1914 году оно все же было практически завершено, но тут началась война, за которой последовали события 1917 года. Памятному отделу так и не пришлось переехать в предназначавшееся для него помещение.

Главная же причина того, что грандиозным планам устроителей Памятного отдела так и не суждено было реализоваться на практике, заключалась в том, что они оказались в меньшинстве. С одной стороны, Николай II желал “увековечить память покойного Родителя”, с другой — внутри самого музея существовала достаточно серьезная оппозиция, состоявшая, в основном из представителей художественного отдела, считавших нецелесообразным организацию в рамках чисто художественного, по их мнению, музея столь обширного исторического отдела. Кроме того, даже самих организаторов отдела угнетала нетрадиционность поставленной задачи. Ведь, исходя из разнообразия и количества материалов, в рамках Памятного отдела должно было произойти смешение различных форм экспонирования. Такого в музейной практике никогда не было. Лишь взгляды в глубь веков можно найти такое смешение в формах художественного экспонирования, рассматривая которые, можно достаточно четко провести параллели с предполагаемой экспозицией Памятного отдела. Примера-

ми мест, в которых происходило подобное смешение экспозиционных форм, как ни странно, являются, например, Тауэр, первоначально использовавшийся как оружейная, архив, королевская сокровищница, и уже в конце 15 века, по сути, превратившийся в исторический музей, и кафедральный собор в г.Вавеле (Польша), считавшийся символом единства Польши и хранивший сокровищницу собора, коронную сокровищницу, частную королевскую сокровищницу, а также являвшийся “депозитарием” трофеев. На деле, Тауэр, кафедральный собор в Вавеле, как и французское аббатство Сен-Дени, лондонский Вестминстер, соборы Древней Руси, испанские и немецкие соборы уже в средние века выполняли внекультурную функцию посредством постоянного экспонирования предметов, являющихся общекультурным достоянием общества и интегрирующих народное сознание. Так, и Памятный отдел императора Александра III в Русском музее, переходя рамки музейной экспозиции, во многом превращался, в соответствии с планами его устроителей, в памятник эпохе царствования Александра III.

Однако вряд ли бы стоило говорить о практически не существовавшей небольшой музейной экспозиции, если бы проекты ее организаторов не отразились на дальнейшем развитии музейного дела в нашей стране. В 20—30-е гг. в России появился новый экспозиционный тип, так называемая “проблемная группировка”. Его целью стало не выставление произведений искусства самих по себе, а экспонирование с их помощью некоей идеи. Характерной особенностью этого типа экспонирования является равноправие в экспозиционном пространстве произведений искусства и вспомогательных материалов: репродукций, фотографий, документов и т.д. На Западе этот тип получил признание только в 1940—1950-е гг. Несомненно, перед советскими музеями были поставлены новые задачи, связанные с борьбой за господство марксистско-ленинской идеологии, а именно через экспозицию музеи могли осуществлять свою идеологическую функцию, и появление нового экспозиционного типа напрямую связано с этим. Тем не менее, невзирая на новые идеологические установки, в экспозиционных решениях большинства советских тематических выставок, особенно приуроченных к юбилеям Ленина, Сталина, годовщинам революции, образования Красной Армии и т.п. в музеях разного профиля, явственно проглядывают идеи, заложенные в основу проектов Памятного отдела императора Александра III в Русском музее.

Примечания

1 Асафьев Б.В. Русская живопись. Мысли и думы. Л.;М., 1966. С.84.	5 Там же. Ед.хр.63.
2 Калугина Т.П. Художественная экспозиция как феномен культуры // Музей. Художественные собрания СССР. М., 1988. С.12.	6 Там же.
3 Там же. С.13.	7 Там же.
4 Архив Государственного Русского Музея (ГРМ). Оп.1. Ед.хр.64.	8 Там же. Ед.хр.309.
	9 Там же. Ед.хр.308.
	10 Там же. Ед.хр.63.

И.В.Лукоянов

С.Ю.Витте и планы сооружения Сибирской железной дороги: к предыстории русско-японской войны

Сейчас, наверное, это трудно себе представить, но еще полтора столетия назад путь из столицы Российской империи до Иркутска занимал не менее 1,5–2 месяцев, не меньше времени требовалось, чтобы добраться оттуда до границ российских владений — тихоокеанского побережья. Восточная часть государства жила как бы в ином “временном измерении”, на несколько месяцев “отставая” от его европейской части.

Понятно, что такая ситуация доставляла массу неудобств и опасений в непрочности обладания Сибирью. Расстояние от центра до дальневосточной окраины следовало “сократить”, и немало людей задумывалось над тем, как это можно сделать. Появление в России первых железных дорог подсказало выход, и уже в конце 30-х гг. XIX века знаменитый первопроходец и администратор Сибири Н.Н.Муравьев-Амурский поднял вопрос о строительстве стратегической железной дороги от Самары до Байкала. По-видимому, это был первый план сооружения железнодорожного пути в Сибирь.

Родоначальником же проекта, положенного в основу программы строительства Сибирской дороги, еще в начале XX столетия был признан генерал Е.В.Богданович¹. Он впервые представил аргументированный проект магистрали, которая, по мысли автора, должна была протянуться из Европейской части России через Урал до Тюмени; дальше, на пути в Восточную Сибирь он предполагал использовать водоразделы крупных сибирских рек². Такая трасса, протяженностью в 700 верст, стоила около 48 млн. руб., что было по силам российскому бюджету (к концу 60-х гг. эта сумма составляла около 5% его доходной части). Но и двадцатая часть бюджета была достаточно большими деньгами, а вести речь о быстрой окупаемости магистрали не приходилось, на это нужны были десятилетия. Поэтому для обоснования своего проекта Богданович также обратил внимание на бедственное состояние индустрии Урала после отмены крепостного права, полагая, что железнодорожная магистраль даст толчок развитию горнозаводской промышленности Пермской губернии³. Для поддержки идеи сооружения дороги Богданович мобилизовал сибирское купечество. Он организовывал в нужные моменты потоки телеграмм и ходатайств в столицу с просьбами о строительстве железнодорожной магистрали в Сибирь для развития торговли, а также публикацию их в петербургских газетах⁴. Кроме того, Богданович предположил, что дорога окажется очень кстати для оживления русско-китайской торговли.

Выдвижение на первый план экономической аргументации было несомненной заслугой будущего хозяина политического салона. Но слабым местом проекта было то, что благие намерения в нем никак не подкреплялись конкретным расчетом. “Ураль-

ский” аргумент скорее порождал вопрос: а надо ли тянуть дорогу дальше? Таким образом, изначальная идея отходила на задний план, на первое место выступали интересы уже не Сибири, а Европейской России. Появились варианты “подправления” плана Богдановича. Так, некто П.Меньшиков в брошюре “О сибирской железной дороге” (М., 1869), заявив о необходимости связи Сибири с Москвой, оправдывал эту необходимость тем, что можно резко увеличить поток грузов из Вятской губернии. Результаты обсуждения оказались неожиданными: авторы идеи Сибирской железной дороги стали быстро забывать о своей конечной цели. Странность аргументации выдавала слабость позиции: в экономическом смысле магистраль была пока не нужна. Но, как бы то ни было, с конца 60-х гг. мысль о Сибирской дороге укоренилась и в общественном сознании, и в бюрократических канцеляриях. С этого момента обсуждение планов строительства дороги в Сибирь уже не прекращалось, постепенно все более переходя в практическую плоскость.

Первые изыскательские работы вдоль будущей трассы начались в 1872—1874 гг. и велись в основном по двум различным направлениям: Кинешма—Вятка—Пермь—Екатеринбург—Тюмень; Нижний Новгород—Казань—Красноуфимск—Екатеринбург—Тюмень. Местные власти безо всякого энтузиазма отнеслись к возможности появления на их землях железнодорожных путей. Некоторые губернаторы стали направлять протесты в Министерство внутренних дел, опасаясь, что развитие торговли, рост цен, наплыв евреев и т.п. нарушат спокойствие империи. Но в столице вопрос о строительстве дороги уже не подлежал сомнению.

Постепенно длина планируемой магистрали увеличивалась. В 80-е гг. речь зашла о железной дороге до Омска (через Оренбург), которая должна была дать толчок переселению крестьян в Сибирь. По мнению авторов идеи, крестьяне постепенно освоятся на новом месте, вырастет торговля, это окупит сооружение рельсового пути⁵. Во второй половине 80-х гг. уже заговорили о сплошной магистрали до Владивостока, что было примерно в три раза длиннее дороги, планировавшейся Богдановичем, и минимум в 7 раз дороже. Помимо местнических интересов тут добавились соображения обороны. Военные видели во Владивостоке “место, где можно уязвить Россию”, опасались, что город, в случае возникновения осложнений, будет “целью действия наших европейских врагов” и может стать “вторым Севастополем”⁶.

Появились и другие взгляды на роль будущей Транссибирской магистрали и в связи с ней — всей дальневосточной окраины России. “В Тихом океане происходит промышленное и торговое пиршество. Между европейскими, американскими и азиатскими гостями нам отведено за столом одно из видных мест. Если мы пока, сидя за столом, не удовлетворяем, подобно другим, своего аппетита, то из этого не следует, чтобы мы готовы были позволить вывести себя из-за стола”. Эти строки были опубликованы в 1883 г. в закрытом периодическом издании Генштаба “Сборник... материалов по Азии”⁷. Автор уже тогда смотрел на русский Дальний Восток не только как на слабое место империи, но и как на удобный плацдарм русской экспансии, откуда Россия могла “грозить Европе всей”: “с Амура мы можем наносить Европе самые серьезные по своим последствиям удары и всякое усиление наше на Тихом океане будет иметь неизбежным последствием возвышение нашего политического могущества в Европе”⁸. Другими словами, в военной среде с начала 80-х гг. начало формироваться представление о будущей железной дороге как орудии русской экспансии на Дальнем Востоке. Правда, надо заметить, что на первом месте пока стоял европейский театр действий, речь шла не столько о захватах, сколько о возможности удара по интересам противников России на Дальнем Востоке. Появился и план “спрямления” Сибирской железной дороги: в 1887 г. контр-адмирал Н.В.Копытов выступил с проек-

том проведения железной дороги за Иркутском через Кяхту и далее — по территории Китая до села Никольское⁹. Оживились надежды на экономическую роль дороги в связи с тем, что она дойдет до Владивостока. По крайней мере в 1890 г. был поставлен вопрос о ее значении как торговой артерии между Западной Европой и Дальним Востоком; она должна была оказаться много дешевле и быстрее, чем морской путь¹⁰. Однако детальная проработка этих предложений не была проведена.

Главным мотивом строительства магистрали продолжали оставаться все-таки интересы обороны русского Дальнего Востока. Именно к такому выводу пришел Комитет министров в 1888 г., но к сооружению железной дороги тогда не приступили: по заявлению министра финансов И. А. Вышнеградского, столь дорогостоящий проект (примерно в 350 млн рублей) был не по силам бюджету. В конце 80-х гг. была окончательно определена трасса магистрали как сплошной железнодорожный путь по территории России до Владивостока.

Железная дорога сооружалась как стратегическая, исключительно на бюджетные средства. Этот подход поддерживался военным министром П. С. Ванновским и министром путей сообщения А. Я. Гюббенетом. 25 февраля 1891 г. Александр III подписал указ о сооружении Великого Сибирского пути во Владивосток, и с февраля 1891 г. началось строительство его первых участков: 28 февраля 1891 г. — между Хабаровском и Владивостоком, 6 марта 1891 г. — от Миасса до Челябинска. Одновременно приступили к изыскательским работам по всей длине трассы от Челябинска до Хабаровска. Однако далеко не все вопросы, касающиеся сооружения дороги, были определены. К этому времени дело сооружения дороги оказалось в основном в руках нового (с августа 1892 г.) министра финансов С. Ю. Витте. В отличие от своего предшественника, Витте был сторонником быстреего строительства дороги. Чтобы убедить прижимистого Александра III в возможности масштабных работ, министр финансов сознательно снизил реальную стоимость магистрали до 350 млн руб.¹¹ Впрочем, и эта сумма была тяжелой ношей для хронически дефицитного бюджета, поэтому Витте выдвинул идею специальной эмиссии для рельсового пути (“сибирские рубли”). Одновременно Витте попробовал “улучшить” план сооружения магистрали, поставив вопрос о ее “спрямлении” через китайскую территорию с целью развития торговли России с Китаем и увеличения доходности дороги¹². Туманные перспективы поначалу не воодушевили Александра III, император был категорически против строительства части стратегической железной дороги по чужой территории¹³. Вот почему в своем всеподданнейшем докладе “О способах сооружения Великого Сибирского железнодорожного пути и о назначении Совещания для обсуждения сего дела” 6 ноября 1892 г. Витте пришлось запланировать сооружение магистрали через Хабаровск до Владивостока и предупредить, что от нее не следует ждать быстрой коммерческой выгоды¹⁴. Александр III вполне согласился с таким

С. Ю. Витте.

подходом. Все вопросы строительства дороги были переданы специально созданному 27 января 1893 г. Комитету Сибирской железной дороги под председательством наследника престола Николая Александровича, его заместителем был назначен председатель Комитета министров Н.Х.Бунге, который фактически и вел всю деятельность Комитета.

Будущая трасса была разделена на 6 участков. К первой очереди были отнесены Челябинск—Обь (1300 верст), Обь—Иркутск (1800 верст). Вторую очередь составляли Забайкальская железная дорога до Сретенска (1000 верст), трудная в техническом отношении; отрезок Владивосток—Хабаровск (700 верст); третью очередь — Амурская железная дорога (около 2000 верст) и Круглобайкальская железная дорога (240 верст), время их сооружения не было установлено. На большинстве участков строительные работы начались с лета 1893 г., магистраль должна вступить в эксплуатацию в 1903 г. В решении Комитета был специально оговорен пункт о том, что вся дорога должна стать национальным делом России, строиться исключительно русскими людьми и из русских материалов. Так оно и вышло, только участок в 17 км около Красноярска оказался сооружен из английских рельс¹⁵. На финансирование строительства предполагалось ежегодно выделять из бюджета по 40 млн руб. Однако быстро выяснилось, что скорость строительства может быть увеличена, поэтому Александр III утвердил решение Комитета Сибирской железной дороги 13 мая 1894 г. о завершении магистрали не позднее 1901 г. Темпы ее сооружения были самыми высокими в мире.

Простота и легкость создания самой протяженной железной дороги в мире была кажущейся и объяснялась не какими-то особыми достижениями отечественной технической мысли или подъемом энтузиазма, а причинами более прозаическими: особыми техническими условиями сооружения Сибирской железной дороги. Для нее были приняты специальные, облегченные параметры: значительно увеличены предельные уклоны полотна (0,0174 в горах и 0,0074 на равнине), уменьшены радиусы кривых — 300 и 500 м., сокращена ширина земельной насыпи (с 2,6 до 2,35 саж.), облегчены рельсы (18 фунтов вместо 24), укорочены шпалы, уменьшено их количество, более тонким стал слой балласта. По всей трассе только большие мосты сооружались как капитальные, все маленькие строились деревянными; было увеличено расстояние между станциями (до 50 верст), предусматривалось небольшое водоснабжение (рассчитанное на 7 пар поездов). Такая трасса имела очень скромные возможности. Располагая только одним путем, дорога была рассчитана на пропуск всего трех пар поездов в сутки (1 — пассажирской, 2 — товарных), их скорость была невысока: 20 верст в час — пассажирской, 12 верст — товарный.

Даже при таком “облегченном” варианте в 1897 г. Комитет Сибирской железной дороги констатировал, что стоимость сооружения основных участков магистрали уже превышает расчетную на 24%¹⁶. К 1901 г. на трассу было уже отпущено почти 460 млн руб., а общая стоимость исчислялась в 550 млн руб.¹⁷ К 1904 г. общая сумма затрат на Сибирскую железную дорогу (вместе с КВЖД и ЮМЖД до Порт-Артура) составила 1,135 млрд руб.¹⁸ Строительные работы не были завершены даже к 1914 г. В 1916 г. началась реконструкция дороги. Печальный опыт русско-японской войны, в ходе которой трасса, даже при чрезвычайно напряженном графике движения, не могла обеспечить потребности армии, заставил вернуться к общим стандартам сооружения железнодорожных магистралей. Строители приступили также к прокладке второго пути, к 1913 г. он был доведен до границы с Китаем¹⁹. Все это потребовало суммы, более чем в 5 раз превысившей первоначальные расчеты: к 1914 г. расходы на ее сооружение достигли более 1,5 млрд руб., следовательно, в среднем ежегодно на Сибирскую магистраль шло порядка 7—8% всех государственных расходов.

Были ли оправданы столь серьезные затраты средств? Стратегическая обстановка на Дальнем Востоке к концу XIX века не позволяла России быть уверенной в сохранении за собой Приморья. Японо-китайская война 1894—1895 гг. стала тревожным звонком для империи, необходимость транспортной магистрали для быстрой переброски войск в случае возникновения реальной угрозы на российских границах была несомненной. Но насколько обоснованными были надежды на значительную экономическую роль Сибирской дороги? Нельзя не заметить лукавства: в удешевлении сооружения дороги и ее технических характеристиках были заложены столь низкие ее пропускные возможности, что они просто не позволяли ставить вопрос о серьезном коммерческом значении дороги, особенно как главной магистрали, связывающей Европу и Дальний Восток.

Предел пропускной способности дороги в 7 пар поездов в сутки был в 1,5—2 раза меньше, чем на трассах в Европейской части России²⁰. Уже в конце 90-х гг. Сибирская дорога просто задохнулась от хлебных грузов: она располагала всего 700 крытыми вагонами, а хранилища для зерна отсутствовали вообще. Зимой 1897—1898 гг. на дороге скопились залежи грузов для 7000 вагонов (около 5 млн пудов). Ежедневная отправка зерна на дороге достигала 100—120 вагонов, а пропустить через Челябинск можно было только 50, в результате хлеб ждал по 3—4 месяца²¹. Для срочной модернизации еще строящейся дороги Николай II утвердил 11 февраля 1899 г. субсидию в 84,8 млн руб.²²

Надежды на то, что Сибирская дорога станет транзитной магистралью, соединяющей Дальний Восток с зарубежной Европой, появились еще задолго до начала ее сооружения, хотя никаких серьезных расчетов за этим не стояло. Первые же попытки МИД в начале 90-х гг. собрать среди русских консулов в Китае подробные сведения о состоянии местных рынков вызвали разочарование: донесения свидетельствовали о “более чем скромном” значении Сибирской дороги из-за того, что водный путь в Китай оказывался значительно дешевле²³. Поэтому в официальных изданиях Министерства финансов основное внимание уделялось развитию Сибири²⁴. Но надежды на развитие русско-китайской торговли продолжали существовать, будоража воображение и давая обильную пищу различным “корректировкам” проекта строительства Сибирской магистрали.

КВЖД

Первая известная попытка внести изменение в проект строительства железной дороги принадлежит П.А.Бадмаеву. Популярный в столице врач тибетской медицины и крестник Александра III, он в 1893 г. решил принять участие в большой политике. Бадмаев представил Витте записку на имя Александра III, датированную 14 февраля 1893 г. Записка эта интересна не столько рассуждениями самого Бадмаева, сколько тем, что в ней явно отразились планы самого Витте. Суть документа состояла в предложении Бадмаева соорудить от строящейся Сибирской железной дороги ветку в Китай до города Лан Чжоуфу (центр провинции Ганьсу), находившегося на расстоянии 1500 верст от русской границы. Сооружению этой железной дороги должно было предшествовать восстание монголов и тибетцев против власти Китая (которое предполагалось спровоцировать) и захват восставшими Лан Чжоуфу. Для организации восстания Бадмаев предлагал наладить активные торговые сношения с “монголо-тибето-китайским Востоком”: специальные агенты будут развозить продукцию русских фабрик в обмен на все полезное, что производится в Монголии и Тибете. Сооружение железной дороги было слабо связано с планом раздела Цинской империи. Чтобы постараться их увязать, Бадмаев объявил город Лан Чжоуфу единственным местом, имеющим “серьезное

торговое, политическое и стратегическое значение во всем мире”, так как он находился рядом с центрами производства чая и шелка. Далее доктор тибетской медицины нарисовал идиллическую картину, согласно которой “вся торговля Китая попадет в наши руки”, в Россию потекут “вековые миллиарды золота и серебра”, скопившиеся в Китае за 20 веков. Конечной целью своей программы Бадмаев провозгласил присоединение большей части территории Серединной империи к России²⁵.

Записка Бадмаева, как видно из ее содержания, явно распадается на две части: проект отторжения значительной части территории Китайской империи с использованием народно-освободительного движения, который, несомненно, был детищем самого Бадмаева, и стремление привязать данную фантастическую программу к идее железнодорожного строительства с планами масштабного развития торговли, выгоды для русской промышленности и т.п. (за этим уже явно просматривались идеи и планы Витте). Зная о неудаче попытке министра финансов в 1892 г. убедить Александра III в возможности строительства части дороги по территории Китая, можно с достаточной долей вероятности предположить, что на сей раз Витте использовал для достижения своего плана “спрямления” Сибирской железной дороги по китайской территории “оболочку” прожекта Бадмаева. Поэтому министр финансов дал высокую оценку записке доктора тибетской медицины (“весьма серьезные взгляды”), особенно Витте понравились его рассуждения о возможной опасности для Сибирской железной дороги со стороны европейцев (всяческие козни вплоть до захвата слабо охраняемых ее участков и Приморья “китайскими руками”). Свои заключения, благоприятные для автора записки, вместе с самой запиской Витте представил Александру III 5 марта 1893 г.²⁶ Царь, восхитившись грандиозностью замысла, не дал, тем не менее, немедленного согласия на строительство железной дороги в пределах Китая, однако в его душе поселилась надежда на возможность широкой экспансии России в Китае. Бадмаев же получил на реализацию своего плана ссуду в 2 млн руб. Витте не мог не понимать, что все это является бессмысленной тратой средств, и он выдавал ссуду с большой неохотой, намекая Александру III на недоработанность плана Бадмаева, на то, что шансы на возвращение денег сомнительны, апеллируя, вероятно, к скупости царя²⁷. Даже получив категоричное распоряжение Александра III деньги дать, Витте тянул как мог: выдавал сумму в четыре приема и т.п.²⁸ Вторую ссуду, о которой Бадмаев просил в конце 1896 г., он так и не получил. Министр финансов наглухо закрыл для него казенный карман²⁹. Дело в том, что он собирался действовать по собственному плану, значительно отличавшемуся от фантазий Бадмаева. Уже осенью 1895 г., когда появился слух о восстании мусульман в китайской провинции Ганьсу, Витте немедленно отреагировал на это всеподданнейшей запиской 3 октября 1895 г. В ней министр финансов заявил о том, что обстоятельства, необходимые для реализации бадмаевского плана, изменились (японо-китайская война). Витте показал себя сторонником уже исключительно мирного проникновения в Китай, в частности посредством “линии Сибирской железной дороги через Маньчжурию по направлению к Владивостоку”³⁰.

План проникновения в Китай, предложенный Витте, был частью его более широкой геополитической программы, сформулированной не позднее первой половины 1895 г. Она состояла в том, что Центральная Азия, с точки зрения министра финансов, “должна быть нашей не в смысле материального завоевания, а для того, чтобы заставить ее служить нашим целям и нашим интересам”³¹. Железная дорога становилась при таком подходе не просто средством для развития торговли, а одним из важнейших орудий мощной экспансии в Китай.

Совсем иную трактовку собственной политики Витте дал в “Воспоминаниях”. Упомянув о своем знакомстве с Бадмаевым, которого он, конечно же, быстро раскусил

как политического интригана и финансового афериста, министр финансов очень глухо и путано изложил историю возникновения идеи КВЖД. Если буквально следовать тексту его мемуаров, то получается, что проект возник едва ли не спонтанно во время подготовки коронации Николая II, то есть в начале 1896 г., с целью ускорения строительства Сибирской железной дороги³². У Витте, вероятно, были достаточно веские причины, чтобы “запомнить” некоторые детали в своих воспоминаниях, поэтому его версия об обстоятельствах подготовки русско-китайского соглашения оказалась довольно далека от действительности.

Серьезным ударом по версии Витте является история о несостоявшейся “конвенции Кассини”, получившей свое название по имени тогдашнего русского посланника в Пекине А.П.Кассини. 30 октября 1896 г. в газете “North China Daily News” был опубликован текст договора, якобы заключенного в Пекине А.П.Кассини с китайским правительством. Смысл его состоял в создании русско-китайского оборонительного союза для охраны целостности Китая и российских дальневосточных земель. За это России предоставлялось право провести часть Сибирской дороги по территории Китая, взять в аренду на 15 лет порт Киао-Чао (в случае военной опасности), а также порты Порт-Артур и Даляньвань (если на Дальнем Востоке вспыхнет война). Кроме чисто стратегических соображений, в конвенции нашли отражение экономические планы Витте. Министр финансов желал заполучить концессии на строительство железных дорог Шанхайгуань—Мукден—Гирин и Шанхайгуань—Порт-Артур по русским стандартам, а также право на участие в разработке горных богатств Гиринской и Хэйлуцзянской провинций, что означало утверждение России в Южной Маньчжурии и Центральном Китае³³.

Некоторые историки объявляли ее фальшивкой, другие, прежде всего такие известные исследователи, как Б.А.Романов и Ф.А.Ротштейн, считали ее подлинным документом, скорее всего — черновиком реальных планов России, который каким-то образом был выкраден из русского дипломатического представительства в Пекине³⁴. Специально исследовавший вопрос о ходе русско-китайских переговорах в 1895—1896 гг. Г.В.Ефимов, несмотря на категорическое заявление о том, что текст, опубликованный в “North China Daily News”, являлся английской фальшивкой, тем не менее признал, что основное содержание русско-китайского договора 1896 г. о КВЖД нашло в ней (фальшивке!) правдивое отражение³⁵. Однако ряд сохранившихся документов свидетельствуют скорее о том, что план заключения именно такого соглашения действительно существовал, а главное, — что уже в 1895 г. Витте задумал не просто сооружение железной дороги от Читы до Владивостока через Маньчжурию, но и намеревался искать для России порт на тихоокеанском побережье Китая. В черновике своего меморандума о переговорах с Китаем, составленного для Кассини, Витте обозначил предмет переговоров как желание провести железную дорогу от Читы—Нерчинска до тихоокеанского побережья Китая, а не прямо — до Владивостока. Хотя этот документ не датирован, но по его смыслу, в котором нашли отражение основные черты русско-китайского договора 22 мая 1896 г. (строительство железной дороги должно быть представлено русской “частной” компании, обещание помощи Министерства финансов), ясно, что он составлен в ходе русско-китайских переговоров не позднее конца 1895 г.³⁶ Впрочем, дату переговоров по этой инструкции можно уточнить. По свидетельству китайского биографа Ли Хунчжана, он в марте 1895 г. перед отъездом на переговоры с Японией в Симоносеки, встречался в Пекине с Кассини. Русский дипломат предлагал Китаю помощь России в сохранении его территориальной целостности, в обмен на что просил разрешения на строительство железной дороги и ее военную охрану, чтобы эту помощь обеспечить³⁷. Соглашение сорвалось из-за отказа императора Китая и протеста

“общественного мнения”. Неудача первого раунда переговоров заставила Витте отступить. Дальнейшие его инструкции Кассини предусматривали уже только проект концессии на сооружение железной дороги “в пределах Китая по направлению от Читы к Владивостоку”. Именно эта программа и была санкционирована царем³⁸. Лобанов-Ростовский поручил Кассини вести в Пекине переговоры о проведении части Сибирской железной дороги через территорию Китая 4 декабря 1895 г.³⁹ Несмотря на неудачу, Витте не забыл о своих планах, но волею обстоятельств они оказались отложенными в “долгий ящик”.

(Окончание следует)

Примечания

- 1 Саблер С.В., Сосновский И.В. Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем. СПб., 1903. С.12.
- 2 Богданович Е.В. Проект Сибирско-Уральской железной дороги. СПб., 1891.
- 3 Богданович Е.В. О Сибирской железной дороге и о развитии уральского горного промысла. СПб., 1866.
- 4 Воспоминания Н.Н.Изнара // РГИА. Ф.1101. Оп.1. Д.778. Л.101; Письма Е.В.Богдановича А.С.Суворину // РГАЛИ. Ф.459. Оп.1. Д.414.
- 5 Несколько слов по вопросу о Сибирской железной дороге. М., 1882.
- 6 Волошин В. Сибирская железная дорога. СПб., 1890. С.19.
- 7 Барабаш. Записка о Маньчжурии // Сборник ... материалов по Азии. Вып.1. СПб., 1883. С.103—104.
- 8 Там же. С.106.
- 9 Нилюс Е.Х. Исторический обзор КВЖД 1896—1923. Харбин, 1923. С.5
- 10 Анненков М.И. Сибирская транзитная железная дорога. СПб., 1890. С.9, 13
- 11 Записки А.Н.Куломзина // РГИА. Ф.1642. Оп.1. Д.186. Л.17.
- 12 Нилюс Е.Х. Указ. соч. С.14.
- 13 Путилов А.И. Воспоминания // РГАЛИ. Ф.1337. Оп.1. Д.217. Л.63.
- 14 РГИА. Ф.694. Оп.2. Д.136.
- 15 Паталеев А.В. История строительства Великого Сибирского железнодорожного пути. Хабаровск, 1962. С.8.
- 16 Соловьева А.М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. М., 1975. С.257.
- 17 Сибирь под влиянием рельсового пути. СПб., 1902. С.19
- 18 Справка об общей стоимости Сибирского транзитного железнодорожного пути. Декабрь 1903 г. // РГИА. Ф.1337. Оп.1. Д.139. Л.26—28.
- 19 Паталеев А.В. Ук.соч. С.23—24.
- 20 Мясоедов-Иванов В.А. В какой степени Великий Сибирский путь может оправдать возлагаемые на него надежды? СПб., 1902.
- 21 Сибирь под влиянием рельсового пути. СПб., 1902. С.22.
- 22 Там же. С.24.
- 23 Пак Б.Б. Вопрос о направлении восточной ветви Сибирской железной дороги во внешней политике России в конце XIX—начала XX вв. // Россия и политика держав в странах Востока. Иркутск, 1991. С.81—82.
- 24 Сибирь и транссибирский железный путь. СПб., 1891 и др.
- 25 За кулисами царизма. Архив тибетского врача Бадмаева. Л., 1925. С.51, 52, 68, 69, 73 и др.
- 26 ГАРФ. Ф.543. Оп.1. Д.585. Л.3—9.
- 27 За кулисами царизма. С.85—86.
- 28 Там же. С.87.
- 29 Там же. С.108—110.
- 30 ГАРФ. Ф.601. Оп.1. Д.688.
- 31 Письмо А.Б.Лобанова-Ростовского А.П.Моренгейму 11 мая 1895 г., которое было согласовано с Витте // Ламздорф В.Н. Дневник 1894—1896 гг. М., 1991. С.176.
- 32 Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1960. Т.2. С.48—50.
- 33 Текст конвенции — См.: *Drage G. Russian affairs.* London, 1904. P.663—666.
- 34 Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны 1895—1907. 2-е изд., испр. и доп. М.;Л., 1955. С.44—45; *Ротштейн Ф.А.* История международных отношений в конце XIX века. М., 1960. С.316—317.
- 35 Ефимов Г.В. История русско-китайского договора 1896 г. // Советское китаеведение. 1958. № 2. С.35.
- 36 Черновик меморандума Витте Кассини // РГИА. Ф.323. Оп.1. Д.425. Л.53—64.
- 37 Лян Цичао. Лихунчжан или политическая история Китая за последние 40 лет. СПб., 1905. С.190, 193—194.
- 38 Всеподданнейший доклад Витте 27 ноября 1895 г. // РГИА. Ф.560. Оп.22. Д.196. Л.1.
- 39 Ефимов Г.В. Указ. соч. С.29.

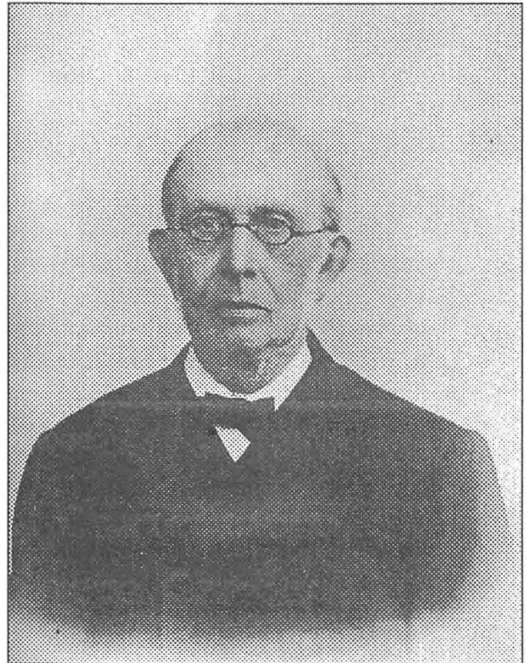
С. Л. Фирсов

Обер-Прокуроры Святейшего Правительствующего Синода в последнее десятилетие существования самодержавия в России

I

Как известно, еще со времен Петра Великого Православная Российская Церковь находилась под бдительным контролем “ока Государева” — Обер-Прокурора Св. Синода, — светского чиновника, имевшего возможность контролировать православную иерархию, а через нее — и саму Церковь. Роль Обер-Прокурора в делах главной конфессии страны особенно выросла в годы правления ведомством православного исповедания К.П.Победоносцева (1880—1905)¹. Этот государственный деятель, являвшийся наставником и идеологом двух последних самодержцев, был вынужден покинуть свой пост после принятия знаменитого Манифеста 17 октября 1905 г. По большому счету, он ушел в отставку политическим банкротом, не сумев в условиях быстро изменявшейся экономической и социально-психологической ситуации предложить какой-либо реальной *консервативной* альтернативы для страны. Стремление Победоносцева “ничего не трогать”, разумеется, не может рассматриваться в качестве реальной “альтернативы”. — Первая российская революция окончательно доказала это.

Проявившееся тогда же стремление Православной Церкви к обретению хотя бы относительной независимости во внутренних своих делах и к восстановлению соборности (прежде всего — через избрание Патриарха и реорганизацию преданных забвению еще во времена Петра I канонических норм церковного строя) было встречено Победоносцевым с большим недовольством и подозрением. Созыв в тех условиях Собора он считал не только несвоевременным, но и опасным. Не имея возможности в настоящей работе проанализировать взгляды этого Обер-Прокурора, отметим лишь то обстоятельство, что К.П.Победоносцев был идейным против-

К. П. Победоносцев.

ником проведения глобальных церковных реформ, считая петровские преобразования в данной области единственно нужными и полезными для Церкви².

Глубокий знаток церковно-государственных отношений, известный ученый-цивилист, историк Церкви и философ, К.П.Победоносцев, несмотря на свой яркий и откровенный ультра-консерватизм (а быть может, и благодаря ему), представлял собой выдающегося Обер-Прокурора Св. Синода, заменить которого было непросто. Любой претендент на кресло главы ведомства православного исповедания уже изначально уступал ему почти по всем параметрам. Из восьми человек, занимавших пост Обер-Прокурора с октября 1905 по март 1917 гг., по всей видимости, только В.К.Саблер, прошедший “победоносцевскую школу”, полностью соответствовал занимаемой должности (при этом совершенно не соответствуя своему времени).

Об отставке К.П.Победоносцева и о его ближайшем наследнике в Обер-Прокуратуре — князе А.Д.Оболенском — нам уже приходилось писать ранее³. В настоящей работе, видимо, стоит лишь отметить, что “либеральный” князь ушел в отставку после падения в апреле 1906 г. кабинета С.Ю.Витте. Его сиятельный преемник — князь А.А.Ширинский-Шихматов, короткое время занимавший пост Товарища Обер-Прокурора при К. П. Победоносцеве, и которого даже этот последний считал реакционером⁴, сумел удержаться в обер-прокурорском кресле только два с половиной месяца. — Назначенный 26 апреля, он уже 9 июля 1906 г., после того как П.А.Столыпин стал Председателем Совета Министров, вынужден был уйти. — Известно, что 8-го июля 1906 г. Николай II разговаривал как с И.Л.Горемыкиным, являвшимся тогда премьером, так и с Министром внутренних дел — П.А.Столыпиным, назначаемым на его место⁵. При разговоре с Горемыкиным царь сказал, что вместе с отставкой премьера желателен также уход Министра земледелия Стишинского и Ширинского-Шихматова⁶. По словам С.Ю.Витте, близкий в то время царю генерал Д.Ф.Трепов, вероятно, докладывал Николаю, “что для того, чтобы собрать новую Думу, более спокойную [чем Первая — С.Ф.], необходимо, чтобы министерство было составлено из людей марки более либеральной, а потому такие лица, как Горемыкин, Стишинский — главноуправляющий земледелия, **князь Ширинский-Шихматов, Обер-Прокурор Святейшего Синода**, должны уйти и быть заменены лицами более либеральной марки”⁷ [выделено нами — С.Ф.]. В любом случае, отставка Ширинского-Шихматова вскоре стала свершившимся фактом и на повестку дня встал вопрос о назначении нового Обер-Прокурора.

В условиях общей нестабильности (в том числе и в Церкви) на эту должность самодержец хотел выдвинуть проверенного консервативного деятеля, который, тем не менее, с одной стороны, отчетливо понимал бы насущные задачи, стоявшие перед Православной Церковью; и, в то же время, был бы приемлем как для нового столыпинского кабинета, так и лично для него. Найти полностью отвечающую этим “параметрам” фигуру, разумеется, было непросто. Устраивающие Николая II государственные деятели далеко не всегда аналогично воспринимались П.А.Столыпиным (если не сказать более), и наоборот. К тому же и дальнейшая судьба церковных реформ в тот момент не была ясна.

Поэтому предложение царя Ф.Д.Самарину, — видному деятелю земского движения, политически чистому и консервативному человеку, считавшему Манифест 17 октября 1905 г. гибельным для России шагом, — возглавить ведомство православного исповедания можно вполне понять. 21-го июля у самодержца состоялся разговор с Самариним⁸, результатом которого стал отказ последнего от предложенного ему высокого поста. Согласно сообщению, переданному А.А.Ширинским-Шихматовым неославнофилу генералу А.А.Кирееву, Самарин заявил императору, что в случае назначения он будет столь же консервативен, что и его предшественник (т.е. А. А. Ширинский-

Шихматов). Николай, якобы, опустив голову на руки, долго, мучительно думал; а Самарин говорил ему о необходимости выделить церковное управление из числа министерств⁹, т.е., по сути, повторял старые слова князя А.Д.Оболенского о необходимости зафиксировать независимость Церкви, исключив Обер-Прокуратуру из ведения Совета Министров (с целью избежать отставки главы ведомства православного исповедания вместе с другими Министрами в случае отставки кабинета).

Следующим кандидатом, если верить графу С.Ю.Витте, был близкий родственник П.А.Столыпина князь А.Д.Оболенский, имя которого мы упоминали выше. Однако царь отверг кандидатуру князя, предложенную премьером¹⁰ (видимо, памятуя о прошлом Обер-Прокурорстве Оболенского в кабинете опального Витте). Судя по дневниковым записям Николая II, после встречи с Самариным, царь виделся со Столыпиным лишь 24-го июля (в понедельник). А уже 31-го июля — через неделю — он принял нового Обер-Прокурора — Петра Петровича Извольского¹¹. Следовательно, в течение тех семи дней, “в одно из заседаний Совета Министров”, и могла произойти описанная С.Ю.Витте история, связанная с “поисками” очередного кандидата на Обер-Прокурорскую должность. По воспоминаниям графа, Министр иностранных дел А.П.Извольский предложил премьеру своего брата, который и был в конце концов назначен. “Этот Извольский, Обер-Прокурор, — писал Витте, — человек очень порядочный, имеет некоторые достоинства, но, конечно, не представляет собою человека, который мог бы с успехом занимать какой бы то ни было государственный пост, а особенно пост Обер-Прокурора Святейшего Синода, так как Извольский никогда никакого отношения к церковному управлению не имел и по натуре недостаточно широк для поста Министра”¹². Действительно, назначение П. П. Извольского выглядело более чем странно: выпускник историко-филологического факультета С.-Петербургского университета (“со степенью кандидата”), Петр Петрович в 1886 г. начал службу в МИДе, затем был чиновником Министерства народного просвещения и даже занимал пост Товарища Министра названного ведомства.

Видимо, удивление в обществе назначением относительно молодого (43-летнего) действительного статского советника главой ведомства православного исповедания было так велико, что еще в конце января 1907 г. хозяйка известного “правого” салона А.В.Богданович записала со слов вдовы шефа жандармов Н.А.Мезенцовой, “что все возмущены теперешним назначением Обер-Прокурором Синода Извольского, который панихида от молебна отличить не может” и здесь же дописав, что этим поражена даже мать Обер-Прокурора¹³.

После 25-летнего управления Церковью таким компетентным чиновником как К.П.Победоносцев подобные перемены в духовном ведомстве выглядели, действительно, странно. Однако с назначением Извольского в Обер-Прокуратуру наступила относительная “стабилизация”. После бурных полутора лет, когда один за другим на этом посту сменились: К.П.Победоносцев, А.Д.Оболенский и А.А.Ширинский-Шихматов, — кресло главы ведомства православного исповедания занял человек, чьи политические пристрастия не были еще проявлены слишком ярко, и чье “незнание” Церкви, как это не покажется странным, в тех условиях отвечало интересам правящего Св. Синода, получившего “свободу” действий, о которой в победоносцевскую эпоху не мог и мечтать; и интересам главы кабинета, который в то время до конца не представлял себе все нюансы церковной проблематики.

Поэтому не будет преувеличением охарактеризовать назначение П.П.Извольского как своего рода компромисс власти, на который в тех условиях и царь, и Столыпин вынуждены были пойти.

II

На посту Обер-Прокурора Святейшего Правительствующего Синода Извольский пробыл в течение двух с половиной лет — с 27 июля 1906 по 5 февраля 1909 гг. За это время он сумел добиться расположения в церковных (т.е. в синодальных) кругах, что было связано с его “позицией” в Св. Синоде: за те месяцы, пока Извольский был главой ведомства православного исповедания, члены высшего органа Православной Российской Церкви могли принимать те решения, которые считали необходимыми, в своих притязаниях почти всегда встречая поддержку Обер-Прокурора. “Добрый и благожелательный” Обер-Прокурором считал П.П.Извольского митрополит (а в описываемый период — епископ) Евлогий (Георгиевский)¹⁴. Удивительно теплые слова нашел для этого сановника в своих одиозных воспоминаниях и князь Н.Д.Жевахов. “Петр Петрович был не только церковным, но и истинно религиозным человеком, — писал князь, — и ни изумительно быстрая служебная карьера, ни придворные связи, ни исключительное положение, какое он занимал в обществе, — не заглушили в нем той религиозной настроенности, которая в результате привела к принятию им священного сана”¹⁵ (правда, уже в эмиграции — в Брюсселе). Действительно, Извольский был единственным за всю историю Обер-Прокуратуры главой ведомства, который на закате своих дней принял сан православного иерея. Однако глубокая личная религиозность Обер-Прокурора и его полное “послушание” синодальным архиереям — вещи суть разные. В условиях, когда вопрос о созыве Собора и проведении церковных реформ еще не был вынужденно “забыт” Церковью, руководитель духовного ведомства должен был очень ясно представлять себе, что по этому поводу думают власти светские; более того — он должен был иметь достаточно четкую позицию относительно дальнейших перспектив церковно-государственных отношений. Такой позиции у Извольского не было.

Видимо, все это и повлияло на столь быстрое (как бы даже “неожиданное”) увольнение Обер-Прокурора.

Мотивы увольнения Извольского излагает в своих “Записках о Распутине” скандально известный Илиодор (Труфанов). Являясь сторонником автономии духовных школ, Обер-Прокурор вначале хотел провести ее в Санкт-Петербургской православной академии. Совет Академии, приступив к делу, избрал ректором протоиерея Т.А.Налимова — одного из профессоров высшей духовной школы столицы. Однако, в связи с вмешательством “старца” Г.Е.Распутина, поддерживавшегося в то время епископами Гермогеном (Долгановым) и Феофаном (Быстровым), а также архимандритом Вениамином (Федченковым), царь на докладе Извольского поставил резолюцию: “Оставляю протоиерея Тимофея Налимова под большим сомнением. Николай”. Увидев такую резолюцию, Извольский, якобы, опешил и с горя подал в отставку¹⁶. Разумеется, полностью доверять Илиодору у нас нет никакой возможности; однако его свидетельства находят себе подтверждение в более беспристрастных источниках. Так, кадетская газета “Речь” в статье Л. Львова “К отставке П.П.Извольского”, отмечая удивительную быстроту “падения” Обер-Прокурора, акцентировала внимание на “casus belli” — вопросе об автономии духовной школы¹⁷. Однако автор статьи не останавливался только на вышеприведенной причине, цитируя фразу одного из членов столыпинского кабинета, что “смещением Извольского убиты два зайца: устранены и автономия, и Извольский”¹⁸.

Думается, автономия была не главной причиной отставки — ведь Обер-Прокурор “ни в чем не обнаруживал инициативы плыть против синодских течений”, часто последним узнавая об “активных” выступлениях Св. Синода (например, о синодальных “инициативах” в деле празднования 80-летия Л.Н.Толстого). Этим был неудовлетворен

С. М. Лукьянов.

премьер, тяготившийся своим Обер-Прокурором¹⁹. С другой стороны, особых претензий к П. П. Извольскому предъявить тоже было нельзя. Поэтому, вероятнее всего, добровольное желание главы ведомства православного исповедания покинуть свое кресло было с облегчением встречено П. А. Столыпиным и теми правыми, которые выступали за отставку «безынициативного» Обер-Прокурора. Примечательно, что в том же номере «Речи» от 6-го февраля редакция опубликовала заметку, сообщавшую о салоне графини «И» [Гнатъевой]. Этот влиятельный в кругах правых (в том числе и синодальных) деятелей салон, якобы, не признававший Извольского и проводил кандидатуру сменившего его на посту Обер-Прокурора Св. Синода Сергея Михайловича Лукьянова²⁰.

Назначение последнего произошло так же стремительно, как и отставка его предшественника.

Чтобы отставка, разумеется «согласно прошению», выглядела пристойно. П. А. Столыпин еще 4 февраля 1909 г. написал лаконичную записку на имя Гос. Секретаря А. А. Макарова, в которой передал приказание царя представить к его (царя) подписанию указ о назначении Извольского членом Государственного Совета. «Вместе с сим, — писал далее премьер, — мною сделано сношение со статс-секретарем Танеевым о назначении тайного советника Лукьянова Обер-Прокурором Св. Синода»²¹. Приписки на этой записке Столыпина свидетельствуют о большой спешке, связанной с увольнением одного чиновника и параллельным назначением на освободившийся пост другого — 5 февраля 1909 г. Председатель Гос. Совета Акимов на столыпинской записке приписал, что «желательно послать сегодня же проект указа [о назначении в Гос. Совет П. П. Извольского — С. Ф.], так как С. М. Лукьянов назначен указом от 5 сего февраля»²².

Примечательно, что Извольский (уже будучи членом Гос. Совета) получил Высочайшую благодарность «за примерно ревностные труды по должности Обер-Прокурора Святейшего Синода»²³, свидетельствовавшую о благорасположении самодержца к покинувшему свой пост Министру²⁴. (К слову сказать, ни один из его коллег по этой должности — от С. М. Лукьянова до А. Н. Волжина — после своей отставки таких рескриптов не получал.)

III

Назначение С. М. Лукьянова на пост Обер-Прокурора Св. Синода на первый взгляд было не менее удивительно, чем назначение его предшественника. 53-летний сановник, окончивший в свое время Медико-хирургическую академию, доктор медицины, профессор патологии, директор Института экспериментальной медицины, занимавший даже пост Товарища Министра народного просвещения (кстати, как и Извольский), был назначен главой ведомства православного исповедания столь быстро, что у многих возник недоуменный вопрос: почему именно он?²⁵

Описывая кандидатов правых — Роговича, Саблера и Ширинского-Шихматова, газета “Речь” заявила, что кандидатуру Лукьянова выдвинул сам Столыпин — именно в противовес этим “правым”. Задаваясь вопросом “победа ли это?” (при известных консервативных воззрениях Лукьянова) и признавая его ум и энергию, журналист “Речи” патетически восклицал: “но что общего между общей патологией и Синодом?”²⁶

Дело, впрочем, было не в поисках аналогий между профессией кандидата на пост Обер-Прокурора и самим постом, а в том, что это был за кандидат и когда этот кандидат потребовался. Витте вспоминал, что С.М.Лукьянов “был рекомендован Его Величеству Шварцем [Министром народного просвещения. — С.Ф.], как человек твердый, а тогда, как и теперь, была особенная мода на так называемых твердых людей”²⁷.

Однако в “твердости” Обер-Прокурора мы вправе усомниться. Так, митрополит Евлогий (Георгиевский), отмечая порядочность и кристальную честность Лукьянова, с особым удовлетворением касаясь его “податливости” в синодальных делах, при этом замечал, что профессор “к должности Обер-Прокурора был совершенно неподготовлен, ибо не знал ни Церкви, ни народа”²⁸. На вопрос, почему его назначили, С.М.Лукьянов, по словам Евлогия, однажды шутливо ответил: “Сам не знаю, одно скажу: я усердный читатель и большой почитатель Владимира Соловьева”²⁹.

На новом посту Сергей Михайлович Лукьянов ничем особым, кроме трудолюбия, не отличился. Он аккуратно исполнял свои обязанности, будучи, в определенной степени, “рупором” Св. Синода. Не случайно князь Жевахов отмечал в своих мемуарах то обстоятельство, что Лукьянов “находился в теснейшем единении с иерархами, и его деятельность в качестве Обер-Прокурора Св. Синода приветствовалась даже яркими противниками синодальной системы”³⁰.

В то время светским властям нужен был в Церкви хороший администратор, при этом — по возможности — в церковных делах беспомощный, который, тем не менее, понимал бы, на что в данный момент (в области “церковного строительства”) власти пойти могут, а на что — нет. В такой ситуации Лукьянов, действительно, был незаметным. Не протестуя против решений Св. Синода по большинству вопросов, он, однако, не поднимал и вопроса о созыве Собора.

Это был Обер-Прокурор “смутного времени”, когда никаких окончательных решений, касавшихся будущего Православной Церкви, светские власти принимать не хотели.

Следуя в фарватере общей политики своего премьера, С.М.Лукьянов, тем не менее, в мае 1911 г. вынужден был оставить свой пост. Его отставку в определенной степени можно связать и с капитуляцией столыпинского кабинета в вероисповедных вопросах. По мнению В.С.Дякина, эта капитуляция была видна “уже из того, что в первых числах мая Лукьянов был смещен на посту Обер-Прокурора Синода В.К.Саблером, ставленником салона Игнатъевой”³¹. Заявляя далее, что “подкоп под Лукьянова велся уже давно”, В.С.Дякин совершенно четко дает понять связь между отставкой Обер-Прокурора и делом иеромонаха Илиодора³².

Думается, это обстоятельство необходимо рассмотреть более подробно.

Известно, что С.М.Лукьянов был весьма далек от набиравшего в то время силу “сибирского старца” Г.Е.Распутина. Однако волею обстоятельств Обер-Прокурор оказался *persona non grata* для “старца”, что, в конечном итоге, и определило неизбежность отставки Лукьянова.

В тот период времени Распутин находился в дружественных отношениях с иеромонахом Илиодором, — человеком явно неуравновешенным, активным черносотенцем, своего рода церковным “анархистом-революционером”. Удаленный за регулярные нападки на власти из Царицына в Новосиль, он решил не подчиняться решению Св. Синода и сбежал обратно в Царицын, где устроил двадцатидневное сидение в мо-

настыре. В итоге — 3 апреля 1911 г. — Илиодор получил телеграмму от столичного митрополита Антония (Вадковского), где заявлялось, что “Государю императору, во внимание к мольбам народа, благоугодно было 1-го апреля разрешить иеромонаху Илиодору возвратиться в Царицын из Новосилья”³³. Если принять во внимание, что Илиодор и так уже находился в Царицыне, то указанная выше телеграмма Антония выглядела просто как откровенная уступка зарвавшемуся “чернецу”.

По мнению Товарища Председателя Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного правительства Б.Н.Смиттена, составлявшего сводку материалов о Распутине, “в эксцессах Илиодора Лукьянов в полном согласии со Столыпиным видел лишь компрометирующий Церковь беспорядок, но на пути к устранению этого беспорядка встречался с Высочайшими повелениями, бывшими помехой к устранению Илиодора”³⁴. По мнению Смиттена, “это расхождение Лукьянова со взглядами Царского Села, вероятно, и было главной причиной его отставки”³⁵. Не случайно, к слову сказать, Илиодор в своих записках приводит чванливое заявление Распутина о том, что именно он возвратил иеромонаха обратно в Царицын, — “Я царей здорово донимал телеграммами с Ерусалима... Упорно держались, а потом сдались. Возвратили. **Прокурора Лукьянова я велел им прогнать. Прогнали**”³⁶ [выделено нами. — С.Ф.].

Таким образом, С. М. Лукьянова можно назвать первой “крупной” жертвой интриг сибирского “старца”.

Случай с отставкой Обер-Прокурора был тревожным симптомом, показывающим, что в Православной Церкви происходят ненормальные явления, когда один провинциальный монах, при поддержке своего епархиального начальства и в союзе со “старцем” Григорием, может ослушаться постановлений Св. Синода и не выполнить решение высших государственных органов управления империи. Дальнейшие события явились лишь дополнительной иллюстрацией к этому печальному прецеденту.

Итак, 2-го мая 1911 г. тайный советник Лукьянов, “согласно прошению”, оставил свой пост. Желая “подсластить пилюлю”, царь в тот же день подписал указ о награждении экс-Обер-Прокурора орденом св. Равноапостольного Князя Владимира Святого 2-й степени и сохранил “за ним ныне получаемое содержание в 18 тысяч рублей”³⁷, о чем П.А.Столыпин и сообщил тогда же (т.е. 2 мая 1911 г.) Председателю Государственного Совета М.Г.Акимову.

Заканчивая разговор о Лукьянове, стоит отметить также следующий любопытный факт: 20 января 1911 г. Сергей Михайлович советом столичной Духовной академии был избран почетным членом, что и утвердил Св. Синод 8 февраля того же года. Однако, судя по автографу подписавшего диплом митрополита С.-Петербургского Владимира (Богоявленского), назначенного в столицу после смерти в ноябре 1912 г. Антония (Вадковского), документ был оформлен либо в конце 1912 г., либо в начале следующего — 1913 г. С.М.Лукьянов получил из совета академии бумагу о препровождении ему названного диплома не ранее середины февраля 1913 г.³⁸ С чем связана такая проволочка, нам неизвестно, однако можно предположить, что в условиях разгоревшегося царицынского скандала начальство духовной школы решило не спешить с вручением диплома и не ошиблось — С.М.Лукьянов, действительно, скоро перестал исполнять обязанности Обер-Прокурора Св. Синода³⁹.

(Окончание следует)

Примечания

- 1 О К.П. Победоносцеве и его политических взглядах см.: *Фирсов С.Л.* Православная Церковь и Российское государство в конце XIX — начале XX вв. (Проблема взаимоотношений духовной и светской власти): Канд. дис. СПб., 1994. С.114—121 и др.
- 2 См.: Из писем К.П.Победоносцева к Николаю II (1898—1905) // *Религии мира. История и современность.* Ежегодник. М., 1983. С.184—185.
- 3 См.: *Фирсов С.Л.* Указ. соч. С.293—298 и др.
- 4 *Витте С.Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т.3. С.351.
- 5 *Дневники императора Николая II.* М., 1991. С.323.
- 6 *Богданович А.* Три последних самодержца. М., 1990. С.395.
- 7 *Витте С.Ю.* Указ. соч. С.366.
- 8 *Дневники императора Николая II.* С. 325.
- 9 *Дневник А.А.Киреева // РО РГБ.* Ф.126. Д.14. Л 167—167об. Запись от 19 июля 1906 г.
- 10 *Витте С.Ю.* Указ. соч. С. 367.
- 11 См.: *Дневники императора Николая II.* С. 326.
- 12 *Витте С.Ю.* Указ. соч. С. 367.
- 13 *Богданович А.* Указ. соч. С.415.
- 14 *Евлогий (Георгиевский),* митр. Путь моей жизни. Воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М., 1994. С.181.
- 15 *Жевахов Н.Д.* Воспоминания Товарища Обер-Прокурора Св. Синода Н.Д.Жевахова. М., 1993. Т.2. С.274.
- 16 *Илиодор,* бывш. иер. (С. Труфанов). Святой чорт. (Записки о Распутине). М., 1917. С.103. Характерно, что о тексте царской резолюции, если верить Илиодору, последнему рассказал сам епископ Феофан (Быстров).
- 17 *Львов Л.* К отставке П. П. Извольского // *Речь.* 1909. 6 февр. С.3.
- 18 Там же.
- 19 Там же.
- 20 Там же.
- 21 РГИА. Ф.1162. Оп.6. Д.216. Л.1.
- 22 Там же.
- 23 *Церковные Ведомости.* 1909. № 7. С. 39. Назначая П.П.Извольского в Государственный Совет, Николай II, исходя из того, что тот по должности Обер-Прокурора получал 18000 рублей (при наличии казенной квартиры), определил ему годовой оклад содержания в 14000 рублей. (См.: РГИА. Ф.1162. Оп.6 Д.216. Л.33.)
- 24 Кроме теплых слов от Николая II, П. П. Извольский услышал искренние слова в свой адрес и от членов Св. Синода — 17 февраля иерархи благословили его и приподнесли св. икону Казанской Божией Матери (Колокол. 1909. 18 февр.), а служащие в центральных учреждениях Св. Синода 29 февраля поднесли Петру Петровичу благодарственный адрес (Там же. 21 февр.).
- 25 О судьбе С.М.Лукьянова см.: *Грекова Т.* Странная карьера // *Наука и религия.* 1990. № 4. С.8 — 10; № 5. С.15—17.
- 26 См.: *Львов Л.* Указ. соч.
- 27 *Витте С.Ю.* Указ. соч. С.525.
- 28 *Евлогий,* митр. Указ. соч. С.181.
- 29 Там же. С.181—182.
- 30 *Жевахов Н.Д.* Указ. соч. С.274.
- 31 *Дякин В.С.* Самодержавие. буржуазия и дворянство в 1907—1911 гг. Л., 1978. С.232. Т. Грекова в своей статье о С.М.Лукьянове также заметила, что “в яростной борьбе вокруг законопроектов [в III Государственной Думе, — С.Ф.] новый Обер-Прокурор занял умеренную позицию, но и она, по-видимому, многим показалась слишком либеральной” (*Грекова Т.* Указ. соч. С.9)
- 32 Там же.
- 33 См.: *Илиодор,* бывш. иер. Указ. соч. С.118. О скандальном поведении иеромонаха Илиодора в Царицыне см. подробнее: *Стремоухов П.П.* Моя борьба с епископом Гермогеном и Илиодором // *Архив русской революции.* М., 1993. Т.XVI. С.5—48. Чего стоит, например, проповедь Илиодора, в которой сообщалось, “что Государь находится в руках жидо-масонов-Министров, из которых самый опасный сам Столыпин, что Министров следует драть розгами, а Столыпина обязательно по средам и пятницам, чтобы он помнил постные дни и чтобы выбить из него масонский дух” (Там же. С.25).
- 34 Последний временщик последнего царя. (Материалы Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного правительства о Распутине и разложении самодержавия) // *Вопросы истории.* 1965. № 2. С.103.
- 35 Там же.
- 36 *Илиодор,* бывш. иер. Указ. соч. С.61.
- 37 РГИА. Ф.1162. Оп.6. Д.302. Л.89, 91.
- 38 Там же. Л.107, 108.
- 39 В конце 1914 г. (30 сентября) был подписан диплом Киевской Духовной академии, также присвоившей Лукьянову звание почетного члена. Диплом был утвержден Св. Синодом 24 июля 1914 г. В январе следующего — 1915 г. — бывший Обер-Прокурор получил об этом извещение. (Там же. Л. 116—117.) Как видим, даже в условиях начавшейся Мировой войны, церковные власти в Киеве действовали быстрее, чем в мирное время в Санкт-Петербурге.

Е. Ф. Подсобляев

Какой флот нужен России?

По материалам дискуссии, состоявшейся накануне

Первой мировой войны

Первый программный документ Морского Генерального штаба (МГШ) — всеподданнейший доклад “О состоянии, воссоздании и реорганизации флота” был доложен царю 2 октября 1906 года. В нем начальник МГШ предлагал создать на Балтийском море в кратчайший промежуток времени флот, который был бы способен бороться с германским в ходе оборонительной войны. При этом возможность успешной борьбы ставилась в зависимость от наличия на Балтике линейного активного флота.

Это положение всеподданнейшего доклада было далеко не однозначно принято заинтересованными кругами. Не было двух ведомств, где на вопрос “Какой флот нужен России?” отвечали бы одинаково. Да и в самом морском министерстве не было единства во взглядах. В чем же суть противоречий, где зарыто яблоко раздора?

Рассмотрим мотивы, руководившие сторонниками той или иной точки зрения.

Помимо морского министерства, свою точку зрения по этому вопросу имели министерство иностранных дел, военное министерство, Совет государственной обороны, различные фракции Думы, общественность и, наконец, царь.

Требования МИДа вытекали из того, что военно-морские силы являются эффективным орудием в проведении внешней политики. Следовательно, России необходим сильный линейный флот. “Этот флот, — говорил А.П.Извольский, — должен быть свободным, не связанным частной задачей обороны того или иного моря и залива, он должен действовать там, где укажет политика”¹. “История показывает, что государства, пренебрегавшие возобновлением утраченного ими флота, неизбежно нисходили в разряд второстепенных держав”². Эту точку зрения полностью разделял П.А.Столыпин: “Всякая мировая держава не может не участвовать в мировой политике, не может не участвовать в политических комбинациях и отказаться от права голоса в разрешении мировых событий. Флот есть рычаг для осуществления этого права, это атрибут великой державы”³.

И министерство иностранных дел, и правительство понимали, что создать мощный линейный флот на уровне ведущих мировых держав в короткий срок не удастся, однако и наличие хотя бы одной эскадры открытого моря создавало для дипломатов широкие возможности для политических комбинаций. “Обладая броненосцами, — заявлял А.П.Извольский, — которые полезны и для обороны и для наступления, мы через несколько лет, когда эти броненосцы будут готовы и когда общая политическая обстановка и группировка государств, быть может изменится, приобретем большую ценность как союзник, что не может не входить в заботы министра иностранных дел”⁴.

Внутри военного ведомства преобладающая позиция сводилась к возложению основной ответственности за оборону берегов на сухопутную армию. В основе такой

позиции лежало стремление охранить берега путем выдвижения армии к угрожаемому пункту. Следовательно, линейный флот, требующий на свою постройку огромных средств, России не нужен. Аргументов, ставивших под сомнение точку зрения политиков, было много, главный из них заключался в том, что “не флот создал Россию в ее настоящих границах, создала ее исключительно сухопутная армия”⁵.

Однако и в среде сухопутного командования существовал иной взгляд на вещи. Так, еще в 1888 г. один из участников комиссии, признавшей необходимым строить базу Балтийского флота в Либаве, генерал-лейтенант Бобриков, оставшись при особом мнении относительно выбора порта, указал на следующее: “Содействие флота операциям действующей армии на сухопутном театре войны следует[...] искать не в помещении боевой эскадры на правом фланге расположения наших войск вдоль нашей западной границы, а в ее самостоятельной силе на свободных водах и способности нанести неожиданные удары, не стесняясь местом и расстоянием”⁶. Правда, приверженцев этой точки зрения среди армейцев было немного.

Значительный разброс мнений был присущ и морскому командованию. Военно-сухопутное ведомство было право, констатируя в 1906 г., что “по-видимому, вопрос организации береговой обороны совершенно не разработан морским ведомством”⁷.

Морская проблема оценивалась с двух точек зрения: с точки зрения создания мощного флота открытого моря, который дал бы возможность вести активную внешнюю политику, и с точки зрения создания оборонительного флота, который был бы в состоянии обеспечить безопасность наших побережий. Эта последняя задача была по существу основной при суждениях о путях развития русского флота.

Задача морской обороны силами флота находила несколько вариантов решений, каждый из которых влек за собой определенную программу восстановления морских сил. И здесь нельзя не остановиться на широкой дискуссии в печати и в общественных кругах по поводу задач, которые должен был решать российский флот.

Сбор средств на восстановление флота, организованный Комитетом по его усилению, охватил самые разные силы российского общества, что позволяло им чувствовать себя сопричастными к делу строительства нового флота и, в определенном смысле, давало право на участие в формировании взглядов по этому вопросу.

Желание высказаться было велико не только у заинтересованных лиц, политиков, военных и интеллигенции, но даже и у широких слоев трудового населения страны, жертвовавших кровные, тяжело заработанные, деньги на алтарь российского флота. В качестве примера можно привести письмо, опубликованное в журнале “Море и его жизнь” в июне 1907 г.: “Чтобы создать самый флот, необходимо установить: 1) На флот принимать всех подданных России, за исключением евреев. 2) Корпус офицеров пополнять из нижних чинов флота. Перед окончанием срока обязательной службы, должны из команды выбираться способнейшие нижние чины, для прохождения общеобразовательных курсов и практически и теоретически курса морских знаний. По приобретении основательных знаний и навыка к морской службе, предоставлять таким нижним чинам право — занимать офицерские должности на судах, но назначение на все службы по флоту должно зависеть от корпуса офицеров и командира. 3) Ввести строгую дисциплину. 4) Решительно никого, кроме команд, не допускать на суда. 5) На всех судах были бы турбинные двигатели и чтобы все новейшие изобретения по морской технике приобретались бы и применялись на судах без замедления. Крестьянин Алексей Александрович Путятин”⁸.

С 1905 г. в столичных газетах появляется целый ряд статей по проблемам восстановления флота. “Слово”, “Санкт-Петербургские ведомости”, “Военный голос” публикуют материалы под броскими заголовками “Какой флот нужен обновленной Рос-

сии”, “Ведаем ли, что творим?”, “Об обороне Балтийского моря”, “К выяснению причин наших поражений”, “Наш флот”⁹ и мн. др. Выходят в свет отдельные книги и брошюры, например Ю.В.Руммеля (“Чем грозит России отсутствие флота”, “Отечественный флот как средство обороны и международной политики”). Но наибольшую остроту приобрела дискуссия на страницах флотских печатных изданий — “Морского сборника” и журнала Лиги обновления флота “Море и его жизнь”, являющихся проводниками двух различных точек зрения. “Морской сборник”, будучи официальным печатным органом морского ведомства, проводил, в основном, точку зрения Морского генерального штаба о необходимости строительства линейного флота. Журнал же “Море и его жизнь” в большей степени поддерживал сторонников идеи строительства в первую очередь минного флота на Балтийском море, а уж затем — линейного. На его страницах выступали известные во флотской среде инженеры А.Л.Бубнов и Н.Н.Беклемишев, ученые П.И.Бюлавец и А.П.Семенов-Тянь-Шанский¹⁰.

Усиление накала дискуссии, вызванное завершением конкурса на разработку проекта линейного корабля, привело к появлению значительных работ, являвшихся, по сути, программными для сторонников каждой из точек зрения и подводивших итог прениям. В “Морском сборнике” номер 2 и 3 за 1908 г. опубликована статья М.Римского-Корсакова “Зачем России нужен флот” и в номерах 6 и 7 работа А.В.Колчака “Какой нужен России флот”, “Море и его жизнь” публикует объемный труд Н.Н.Беклемишева “О морской силе России”. Появлению этих работ предшествовали выработка и опубликование “Резолюции Санкт-Петербургского военно-морского кружка о том, какой флот нужен России”¹¹ и Лигой обновления флота “Программы развития морской силы”¹².

Совет государственной обороны (СГО), призванный вырабатывать единую военную доктрину, направлявшую деятельность морского и военного ведомств в общем русле обеспечения государственной безопасности, при выработке своей точки зрения руководствовался решением специального заседания начальников обоих генеральных штабов, состоявшегося 15 декабря 1906 г. В решении отмечалось: “Балтийский флот не может быть рассматриваем как активный флот в широком значении этого понятия, а должен ограничиться высочайше указанной ему ролью оборонительной”¹³. На заседании 9 апреля 1907 г., т.е. менее чем через 4 месяца, новый морской министр адмирал И.М.Диков представил “малую программу” судостроения, в основу которой были положены следующие стратегические задачи: “Балтийскому флоту — оборонять Финский залив и вместе с тем представлять собою свободную морскую силу для поддержания интересов Империи во внешних водах”¹⁴. Программа была подкреплена приказанием царя: “Рассмотреть в Совете государственной обороны основания доклада Морского генерального штаба. В основу средств, необходимых для выполнения задач Балтийского флота, должен быть поставлен линейный флот”¹⁵. Несмотря на столь сильную поддержку, председатель СГО Вел. Кн. Николай Николаевич, подводя итоги прениям, заявил, что в законодательные органы должна быть представлена единая программа развития вооруженных сил страны. В ней распределение средств между морским и сухопутным ведомствами должно быть произведено в зависимости от важности каждого из них для обороны страны. Поскольку армия для России несравненно важнее флота, председатель СГО считал, что начинать надо именно с ее восстановления.

В Государственной Думе разброс мнений объяснялся тем, что различные фракции отстаивали точку зрения тех социальных групп, представителями которых являлись. Объединяющей всех почти избранников народа была боязнь лишь новой революции. А для ее подавления в первую очередь должна быть восстановлена армия. “Армия защищает нас не только от внешнего врага, как флот, — утверждал П.Н.Крупенский,

— но вместе с тем и от внутреннего[...] Если вы посмотрите смету Военного министерства, то увидите там 500 млн рублей, которые ассигнованы на то, чтобы мятежи, которые поднимаются слева, были усмиряемы”¹⁶. Правые призывали своих единомышленников отказывать правительству в ассигнованиях на флот до тех пор, пока в морском министерстве не будет наведен должный порядок, который даст хоть какие-нибудь гарантии не только от новой Цусимы, но и от “Потемкина”.

Октябристы считали, что России необходим линейный флот на Балтийском море, однако еще более необходима сухопутная армия: именно поэтому развитие флота и армии должно быть строго согласовано, причем приоритет во всех вопросах должен оставаться за армией. Однако после того, как кредиты на постройку 4-х броненосцев были выделены “в порядке верховного управления страной”, фракция правых голосовала по данному вопросу единогласно с высочайшим мнением.

Точка зрения кадетов, ни разу за все предвоенное время не согласившихся голосовать за строительство флота линейных кораблей на Балтике, выражалась выступлением от имени фракции депутата А.И.Шингарева при обсуждении “программы усиленного судостроения Балтийского флота”: “Политическая часть проекта нам кажется подозрительной, технически сомнительной, финансовая — ошибочной[...] Вотируйте деньги на флот, но вы будете ответственны в том горе, которое можете причинить”¹⁷.

Однако при обсуждении вопроса о строительстве флота на Черном море уже не правительство убеждало Думу в необходимости ассигнований на новые корабли, а наоборот, Дума требовала от правительства значительного усиления Черноморского флота. Так, П.Н.Милюков утверждал, что фракция кадетов не возражает против флота, не выступает по существу даже против линейного флота, но является противницей строительства Балтийского флота, как как война в Европе в ближайшее время маловероятна: “Иное дело Ближний Восток, где война возможна в некоторые времена года чуть ли не каждую минуту”¹⁸. Эту точку зрения поддерживали и прогрессисты.

Социал-демократы и трудовики, не озабоченные вопросами обороноспособности государства, безоговорочно выступали против всяких ассигнований морскому и военному ведомствам. Следует, однако, признать, что их аргументация, рассматриваемая вне политических лозунгов и нападок на империалистические амбиции царизма, была достаточно красноречивой с точки зрения общегосударственной стратегии.

Точка зрения министерства финансов была наиболее прагматичной из всех, поскольку оперировала не теоретическими выкладками, а голыми фактами. В.Н.Коковцов при обсуждении вопроса о флоте всегда напоминал о плачевном состоянии финансов и требовал, чтобы все программы, вырабатываемые в Морском и Сухопутном генеральных штабах соответствовали двум основным требованиям: во-первых, были бы согласованы друг с другом, и, во-вторых, были бы по плечу министерству финансов¹⁹.

Несомненный интерес представляет трансформация мнения о том, какой флот нужен на Балтике, человека, оказывавшего порой решающее значение — Николая II. В рескрипте от 29 июня 1905 г. директива о восстановлении морских сил гласила: “Первейшей священной обязанностью Морского ведомства Я считаю безотлагательное обеспечение морской обороны отечественных берегов во всех наших водах, а затем уже, в зависимости от средств, постепенное воссоздание боевых эскадр”²⁰.

15 декабря 1906 г. царь одобрил соображения начальников генеральных штабов, отмечавших, что Балтийский флот “должен ограничиться высочайше указанной ему ролью оборонительной”²¹.

В марте 1907 г., ознакомившись со “Стратегическими основаниями для плана войны на море”, государь одобрил “малую программу” судостроения — постройку одной эскадры для Балтийского моря²².

2 апреля 1907 г. — указание на то, что в “основу средств, необходимых для выполнения задач Балтийского флота, должен быть поставлен линейный флот”²³.

9 июня 1907 г. Николай II утвердил выработанную морским министерством “малую программу”, согласно которой предполагалось построить 2 линкора, 2 легких крейсера, 18 эсминцев, 72 миноносца, 36 подводных лодок и 3 транспорта.

12 июля 1907 г. — утверждение проекта, по которому предполагалось иметь 4 линкора, 3 подводных лодки и плавбазу, 14 эсминцев и 3 подводных лодки для Черноморского флота. 21,7 млн рублей планировалось потратить на достройку еще незаконченных кораблей Балтийского флота. 23 июня 1912 г. царем утверждена “Программа усиленного судостроения”. В рескрипте И.К.Григоровичу по поводу ее утверждения Николай II писал: “Флот должен быть воссоздан в могуществе и силе, отвечающих достоинству и славе России”. Назвав 23 июня днем великих надежд России, государь отмечал: “Как бы ни были важны сами по себе эти меры, они имеют значение подготовительной работы к осуществлению основной задачи, от которой зависит и наша внешняя безопасность, и наше международное положение: эта задача — наряду с правильной постановкой сухопутной обороны соорудить и флот, соответствующий по своей численности и боевым качествам потребностям России”²⁴.

Нетрудно заметить, что взгляды государя изменялись во многом в соответствии с изменением точки зрения Морского генерального штаба, вызывая в свою очередь рост “аппетита” морского ведомства.

Благодаря огромной работе офицеров флота и, в первую очередь, офицеров Морского генерального штаба, дискуссия о строительстве флота закончилась принятием Закона о флоте. Он предусматривал долгосрочную программу развития морских сил России с упором на строительство линейных кораблей. Критерием правильности точек зрения каждой из сторон, принимавших участие в дискуссии, послужила Первая мировая война и последовавшая за ней революция. Однако это может и, наверное, должно стать предметом отдельного разговора.

Примечания

- 1 РГВИА. Ф.2000. Оп.1. Д.26. Л.141.
- 2 РГА ВМФ. Ф.418. Оп.1. Д.1372. Л.44.
- 3 РГА ОР. Ф.598. Оп.1. Д.104. Л.2.
- 4 РГА ВМФ. Ф.418. Оп.1. Д.1243. Л.251—269.
- 5 Центр-архив. “Русско-японская война”. Из дневника А.Н.Куропаткина и В.П.Линевича. Л., 1925. С.163—164.
- 6 Петров М.А. Подготовка России к мировой войне на море. М., 1926. С.11.
- 7 Петров М.А. Морская оборона берегов в опыте последних войн России. М., 1927. С.91.
- 8 Море и его жизнь. 1907. № 21—22. С.686.
- 9 Слово. 1905. № 333, 334, 380, 401, 404; Военный голос. 1906. № 63, 71, 103, 107; СПб. ведомости. 1906. №112.
- 10 Море и его жизнь. 1907, 1908. № 31—32. С.1.
- 11 Морской сборник. 1908. № 2. С.1—2.
- 12 Море и его жизнь. 1907. № 29—30.
- 13 РГВИА. Ф.2000. Оп.1. Д.2220. Л.24—26.
- 14 РГИА. Ф.1276. Оп.4. Д.530. Л.25.
- 15 Петров М.А. Подготовка России к мировой войне на море. М., 1926. С.119.
- 16 Стеногр. отчеты ГД. Созыв 3. Сессия 1. Часть 3. Стб.1247.
- 17 РГИА. Ф.1278. Оп.4. Д.634. Л.41.
- 18 РГИА. Ф.1278. Оп.4. Д.469. Л.4.
- 19 Шацлло К.Ф. Русский империализм и развитие флота. М., 1968. С.60.
- 20 Петров М.А. Подготовка России к мировой войне на море. М., 1926. С.96.
- 21 РГВИА. Ф.2000. Оп.1. Д.2220. Л.24—26.
- 22 Петров М.А. Подготовка России к мировой войне на море. М., 1926. С.116—119.
- 23 Там же. С.119.
- 24 Морской сборник. 1912. № 7. Оп.1.

С.А.Виноградов

Подготовка русской военной экспедиции на Балканы в 1916 г.

Первого августа 1994 г. исполнилось 90 лет со дня начала Первой мировой войны, которая вспыхнула на Балканах. Важное стратегическое значение Балканского театра наиболее правильно было учтено русским командованием, а затем, в конце войны, и французами¹.

Командование Австро-венгерской армии, потерпев подряд два поражения (в районе Церского хребта и на реке Колубаре) отказалось на время от операций против Сербии и направило по требованию Германии свои основные силы на Восточный фронт².

Однако стало ясно, что сербской и черногорской армиям без присутствия войск союзников, в том числе и России, на Балканах не выстоять. Поэтому уже с осени 1914 г. встает вопрос о направлении туда русских войск.

Обстоятельства, связанные с появлением русских войск на Салоникском фронте, специально не рассматривались ни в отечественной, ни в югославской историографии. Этот вопрос лишь косвенно затрагивается в ряде работ отечественных и югославских историков. Имеются также довоенные публикации документов по данной теме в журнале “Красный архив”. Правда, в сентябре 1995 г. в Санкт-Петербургском университете состоялась защита А.Ю.Павловым кандидатской диссертации “Русские войска во Франции и Македонии во время Первой Мировой войны”³. Однако в опубликованных ее автором статьях интересующий нас вопрос почти не освещается.

Кроме того, автор настоящего материала выявил в Российском государственном архиве военно-морского флота новые документы о предыстории направления русского экспедиционного корпуса в Салоники на помощь Сербии осенью 1915 г.

Еще в ноябре 1914 г. сербское и черногорское правительства обратились к союзникам с просьбой направить русский корпус на Дунай и высадить англо-французский десант в Рагузе (Дубровнике), но исполнение этой просьбы в тот момент было признано союзниками нецелесообразным⁴.

Вторично вопрос возник в начале февраля 1915 г. В письме директора дипломатической канцелярии при верховном главнокомандующем князя Н.Кудашева от 4 февраля (22 января) 1915 г. министру иностранных дел С.Д.Сазонову говорилось: “Генерал Янушкевич просил меня предупредить вас о разговоре, который он имел на днях с сербским военным агентом Лондкиевичем, так как по существу своему разговор касался не военных, а политических предметов. Началось с военной темы: просьбы Сербии прислать русские войска на сербский театр военных действий. На эту просьбу последовал отказ; ввиду же настойчивости, с которой Лондкиевич доказывал моральное значение присутствия русских, начальник штаба с разрешения великого князя, обещал отправить в Сербию бригаду ополченцев (около 6000 человек). На этом деловой военный

разговор окончился...⁵ На международном финансовом совещании в Париже, проходившем в присутствии министров финансов трех держав (Англии, России и Франции), английский премьер Ллойд-Джордж неожиданно поставил на обсуждение вопрос о немедленном отправлении на помощь Сербии объединенного корпуса в составе войск Англии, России и Франции. По мнению автора предложения, такая активная помощь Сербии должна была побудить не только Грецию, но и Румынию, а также Болгарию немедленно примкнуть к державам Согласия.

Французский военный министр того времени А.Мильеран не выразил сочувствия этой идее, опасаясь, по-видимому, неизбежного ослабления войск на французском фронте в результате принятия этого плана.

Русская Ставка, на рассмотрение которой был передан этот вопрос, также встретила английское предложение с чувством некоторого недоверия. Поэтому русский верховный главнокомандующий полагал возможным отправить для усиления сербской армии лишь один казачий полк, который предназначался ранее к переброске в Англию.

Несколько позднее в штабе верховного главнокомандующего решили, что в случае необходимости можно будет усилить этот казачий полк бригадой пехоты.

Однако негативное отношение греческого правительства к высадке союзных войск в Салониках и его отказ присоединиться немедленно к державам Согласия явились причиной того, что план Ллойд-Джорджа остался без исполнения⁶.

В третий раз вопрос о направлении русских войск на Балканы встал в сентябре—октябре 1915 г., когда в связи с начавшимся наступлением германских войск против Сербии и выступлением на стороне Центральных держав Болгарии, англо-французские войска высадились в Салониках и началось образование Салоникского фронта.

Автору удалось обнаружить в Российском государственном архиве военно-морского флота новые документы о подготовке военной экспедиции на Балканы. Хронологические они охватывают всего неделю: с 5 по 10 октября 1915 г.

Россия предполагала отправить на Балканы экспедиционный корпус численностью 13—14 тыс. чел. в составе 1-й Туркестанской бригады с запасным батальоном, 12 горных орудий с парком, сотни казаков, запасного горного взвода, саперной роты с телеграфом и искровой станцией, автомобильной и мотоциклетной команд⁷.

Намечалось в течение двух—трех недель сосредоточить корпус в Архангельске и перевезти его в Салоники для совместных с союзными войсками действий против Болгарии⁸.

По просьбе России транспорты обещало предоставить английское адмиралтейство⁹.

Всю операцию по отправке войск намечалось произвести в возможно короткий срок, исходя из политических соображений, а также интересов безопасности плавания¹⁰.

В начальники отряда предназначались командир 6-го корпуса генерал Ромейко-Гурко, или генерал Нотбек, или генерал Дельсаль. Однако уже через несколько дней выяснилось, что события на Балканах развиваются столь быстро, что отряд, отправляемый в Сербию через Архангельск, придет туда слишком поздно. Поэтому было решено отказаться от посылки отряда северным путем и направить его южным маршрутом. Но разгром Сербии и потеря Дуная, перешедшего всецело в руки противника, сделали и этот план неосуществимым¹¹.

Эти и иные причины вынудили в начале октября императора Николая II, который к тому времени возложил на себя обязанности верховного главнокомандующего действующей армией, отправить своим западным союзникам телеграмму о невозможности направления русских войск на Балканы¹².

Взамен этого начальник Генерального штаба генерал Алексеев нашел возможным выступить с предложением о превращении будущей балканской операции из второсте-

пенной в главную путем сосредоточения на Балканском полуострове не менее 10 англо-французских корпусов и движения их навстречу русской армии (в количестве также 10 корпусов), которая брала на себя задачи подготовки к новому широкому наступлению в направлении на Будапешт.

Однако осуществление этого плана было признано нашими союзниками затруднительным. В результате лишь в конце декабря русская армия, стремясь сделать хоть что-нибудь для облегчения положения истекавшей кровью Сербии и отвлечь внимание неприятеля от Балкан, предприняла попытку пробиться через австрийские укрепленные позиции Трембовля-Чертков.

Операция эта, осуществленная без достаточной артиллерийской подготовки, в крайне тяжелых климатических условиях, завершилась крупными потерями, которые исчислялись 50 тыс. чел.¹³

Вопрос о направлении русских войск на Запад и на Балканы был поднят вновь, уже в четвертый раз, французским представителем Полем Думером во время его поездки в Россию осенью 1915 г.

В начале ноября посол России во Франции Извольский попросил русского военного агента графа А.А.Игнатьева срочно приехать для обсуждения важного вопроса.

В кабинете посла Игнатьев застал сенатора Поля Думера, будущего президента Французской Республики, а в тот момент председателя военной комиссии Сената.

“Господин сенатор выезжает завтра в Россию, — объявил ему Извольский, — и я хотел узнать ваше мнение по тому вопросу, который является главной целью его путешествия”¹⁴.

Думер поставил вопрос о посылке во Францию русских войск для участия их в военных действиях на Западном фронте.

Для Генерального штаба французской армии проект Думера явился сюрпризом, т.к. военный министр запросил главнокомандующего только об оформлении выработанного правительством проекта¹⁵.

Начальник Генштаба генерал Пелле попросил Игнатьева составить записку не позднее как к следующему утру.

С одной стороны, было необходимо предоставить русским войскам известную долю самостоятельности, но вместе с тем, не возлагать на них чересчур большой ответственности. Ни дивизия, ни полк не отвечали требованиям.

Во главе русского соединения должен был быть поставлен генерал, тем более, что этот чин пользовался во Франции гораздо большим почетом, чем в России.

Вот как создавался проект командирования во Францию наших подкреплений в форме отдельных бригад; эти войсковые соединения лучше всего отвечали требованиям военно-политической обстановки.

Предупреждая русского военного министра о целях поездки Поля Думера в Россию, Игнатьев в письме к генералу Беляеву назвал наивным план посылки во Францию неорганизованных двухсот—трехсот тысяч русских солдат:

“Тем не менее, — писал он, — появление наших солдат на Западном фронте имело бы большое моральное значение, поднимая дух союзников и являясь неприятным сюрпризом для немцев”¹⁶.

Игнатьев запросил аудиенцию у президента Пуанкаре для встречи его с комиссией фронтовых офицеров, прибывшей из России для ознакомления с техническими достижениями французского фронта. Принимая гостей, Пуанкаре, забыв про офицеров, начал излагать Игнатьеву мотивы поездки в Россию Думера. Он пытался убедить Игнатьева в том, что было бы справедливо компенсировать французскую материальную помощь России присылкой во Францию не только солдат, но даже рабочих¹⁷.

Таким образом, президент Пуанкаре и Поль Думер составили соответствующий план, который был изложен Думером в декабре 1915 г. во время его визита в Петроград лично Николаю II и генералу Алексееву. Он затребовал 300 тыс. русских войск, предложив отправлять их во Францию партиями по 40 тыс. каждый месяц.

5 декабря 1915 г. военный министр генерал Поливанов известил Николая II о том, что Генеральный штаб в “качестве крайней уступки” согласился отправить за границу четыре бригады, “чтобы обеспечить за собой в будущем получение нами во Франции заказанных предметов боевого снабжения”. Николай II 6 декабря 1915 г. написал резолюцию: “Готовить бригаду можно”¹⁸.

По возвращении из России Поль Думер нанес визит Игнатьеву и заявил: “Я заехал к вам, дорогой полковник, чтобы позжать вашу руку и искренне поблагодарить вас за предостережения, сделанные вами тогда в кабинете Извольского. Представьте себе, что даже сам царь, встретивший нас крайне любезно, противился посылке во Францию своих солдат, не говоря уже об упрямом генерале Алексееве. В конце-концов мы добились, что все же будет послана в виде опыта одна бригада, но из опасения подводных лодок ее направили не обычным путем из Архангельска, а через Владивосток”¹⁹.

Тем временем в середине февраля 1916 г. со стороны сербского верховного командования поступило предложение о присылке русских войск в Салоники.

С этим предложением был ознакомлен и генерал Сарраиль, командовавший в то время Салоникским фронтом; он 16 февраля говорил об этом Калю, русскому консулу в Салониках, а тот передал это русскому министру иностранных дел Сазонову.

Через некоторое время сербские военные круги снова поставили вопрос о посылке русских частей в Салоники перед Пелехиным, русским поверенным в делах при Сербском правительстве. Пелехин это сообщил Сазонову, выразив свое мнение, как и русский военный представитель — в пользу сербского предложения²⁰.

В телеграмме Сазонову от 12 марта 1916 г. генерал Алексеев писал, что вопрос об использовании как уже посланной во Францию русской бригады, так и вновь формируемой для посылки должен быть предоставлен разрешению самого французского командования, в распоряжение которого отряды поступают.

В телеграмме Кудашева Сазонову от 14 марта 1916 г. со слов французского военного агента генерала Лагиша сообщалось о предполагаемом способе использования посылаемых во Францию русских бригад: первая бригада местом своего назначения имеет Францию, вторая же Салоники; вместе с тем во второй бригаде будут отсутствовать французские элементы, к ней будет придана русская запасная часть усиленного состава.

В письме генерала Лагиша и.д. начальника Генерального штаба генералу Беляеву от 25 (12) марта 1916 г. о присылке второй пехотной бригады указывалось, что “в силу большого морального значения, придаваемого французским командованием факту присутствия русских войск на Балканах, следует считать желательной высадку этой части в Салониках”²¹.

Права русских бригад на Салоникском фронте были оговорены специальным протоколом, подписанным в Петрограде в мае 1916 г. представителями французского правительства А.Тома и Р.Вивиани.

Исполняющий должность начальника Морского генерального штаба граф А.П.Капнист телеграфировал в Ставку, что “по словам Галло [капитана второго ранга, французского военного агента в Петрограде, — С.В.] 11 мая между Вивиани и генералом Алексеевым было заключено соглашение о перевозке войск”²².

13 мая Спалайкович, посол Сербии в Петрограде, передал на Корфу, что в русском МИДе ему сообщили о подготовке войск к отправке в Салоники. В конце мая

1916 г. телеграмму в сербское военное министерство послал и полковник Лондкиевич, военный агент Сербии в Петрограде, в которой сообщил, что бригада, предназначенная для Салоникского фронта, формируется в Москве, что ее численность 9000 чел. и что около 14 июля она будет грузиться в Архангельске²³.

Русские войска имели двойное подчинение: в оперативном отношении они подчинялись командующему фронтом, в правовом и организационном — представителю Верховного командования русской армии за границей.

Без санкции военного министра России командование фронтом не имело право вмешиваться во внутренние дела экспедиционного корпуса, производить в нем какие-либо переформирования и изменять военный устав русской армии²⁴.

Для Салоникского фронта в России сформировали две бригады — Вторую Особую пехотную бригаду под командованием генерала Дитерихса и Четвертую Особую пехотную бригаду под командованием генерала Леонтьева.

Вторая бригада высадилась в Салониках 30 июля 1916 г., а Четвертая — в октябре 1916 г.

Численность Второй бригады из 3 и 4 полков составила 7844 солдата, 15 чиновников и 141 офицер. Четвертая бригада из 7 и 8 полков насчитывала 7133 солдата и унтер-офицера и 114 офицеров²⁵.

Горячо приветствуя прибытие русских войск, регент Александр направил Николаю II послание, где говорилось: “Только обретение сербами, хорватами и словенцами общей родины обеспечит нашу независимость и создаст надежную преграду экспансии Германии на Восток”.

Царь прислал следующий ответ: “Недалек час возрождения Сербии. С помощью России и ее союзников сербский народ осуществит свою вековую национальную мечту и обеспечит свободу развития своей политической и экономической жизни”²⁶.

Конечно, эти силы были невелики. Значительно важнее было то, что русские войска стали бороться вместе с сербами.

Во время перевозки частей Второй Особой бригады через Францию произошло первое стихийное выступление солдат бригады, закончившееся убийством одного из офицеров.

Как писали позднее в июне 1917 г. представители 1-го съезда 2-й Особой пехотной дивизии в Салониках в докладе Временному правительству о положении русских войск во Франции это убийство было вызвано “грубым обращением подполковника Краузе в связи со всей указанной обстановкой и приказанием свыше запретить солдат на окраине города Марселя и воспрещение отпуска даже за покупкой самого необходимого, вносило в умы солдат сознание своей приниженности и озлобления против начальников, что и вылилось в убийство одного из самых жестоких начальников — подполковника 4 полка Краузе”²⁷.

За убийство Краузе было арестовано и расстреляно по приговору военно-полевого суда семь унтер-офицеров и солдат²⁸. Это событие оставило тяжелое впечатление среди солдат 2-й Особой бригады и несомненно стало одной из причин зарождения в ней антивоенного движения.

Русские бригады находились на Салоникском фронте до конца 1917 г. После подписания в Брест-Литовске мирного соглашения в декабре 1917 г., они отказались участвовать в дальнейших военных действиях, были отведены в тыл и расформированы.

Возвращение русских солдат на Родину началось в конце 1919 г. и завершилось лишь в 1921 г.

Примечания

- 1 Корсун Н. Балканский фронт мировой войны 1914—1918 гг. М., 1939. С.3—4.
- 2 История Югославии. Т.1. М., 1963. С.667.
- 3 Павлов А.Ю. Русские войска во Франции и Македонии во время Первой мировой войны. Автореф. дис. канд. ист. наук. СПб., 1995.
- 4 Данилов Ю.Н. Русские отряды на французском и македонском фронтах. 1916—1918 гг. Париж, 1933. С.11.
- 5 Ставка и Министерство иностранных дел // Красный архив. Т.1 (26). М.; Л. 1928. С.47.
- 6 Данилов Ю.Н. Указ. соч. С.11—12.
- 7 Российский государственный архив Военно-Морского флота (Далее — РГАВМФ). Ф.418. Оп.1. Д.3434. Л.4.
- 8 Там же Л.14.,14об.
- 9 Там же. Л.7.
- 10 Там же. Л.17.
- 11 Валентинов Н. Русские войска во Франции и Салониках (по документам Ставки Верховного главнокомандования) // РСФСР. Военно-исторический сборник. Труды военно-исторической комиссии. Вып.4. М., 1921. С.6—7.
- 12 Данилов Ю.Н. Указ.соч. С.17—18.
- 13 Там же. С.19—20.
- 14 Игнатъев А.А. Пятьдесят лет в строю. Т.2. Новосибирск, 1959. С.244.
- 15 Там же. Т.2. С.246.
- 16 Там же. С.247.
- 17 Там же. С.249.
- 18 Писарев Ю.А. Русские части на Салоникском фронте в 1916—1918 гг. // Исторические записки. 1966. № 79. С.111.
- 19 Игнатъев А.А. Указ. соч. Т.2 С.249—250.
- 20 Поповић Н. Србија и Русија. 1914—1918. Београд, 1977. С.269.
- 21 Ставка и министерство иностранных дел // Красный архив. 1928. Т.3(28), С.38—39.
- 22 РГАВМФ. Ф.418. Оп.1. Д.5208. Л.47.
- 23 Поповић Н. Указ. соч. С.269—270.
- 24 Писарев Ю.А. Антивоенное движение в русских войсках на Салоникском фронте в 1916—1918 гг. М., 1966. С.1—2.
- 25 Mitrović D. Revolucija i Rusiji i ruske trupe na Solunskom frontu // Историјски гласник. 1957. Бр.3—4. Београд С.17.
- 26 Писарев Ю.А. Сербия на Голгофе и политика великих держав, 1916. М., 1993. С.101.
- 27 К пребыванию русских войск во Франции в 1917 г. // Красный архив. 1940. Т. 4(101). С.229.
- 28 Игнатъев А.А. Указ. соч. Т.2. С.268.

А.Б. Николаев

Думские комиссары в русской армии (февраль—март 1917 года)

История возникновения и развития института комиссаров Временного Комитета Государственной Думы (ВКГД) до сих пор остается малоизученной. Вместе с тем, в феврале—марте 1917 г. ВКГД активно использовал депутатов Думы 4-го созыва как носителей чрезвычайной власти. Комитет Думы направлял комиссаров в министерства и главные управления¹, губернии и области, уезды и города, на железнодорожные узлы и промышленные предприятия, в благотворительные учреждения и театры. Комиссары ВКГД сопровождали представителей императорского дома при их передвижении по России. Большая группа думцев командировалась Думским Комитетом в тыловые и фронтовые воинские части. По нашим данным, ВКГД за февраль—март назначил 122 комиссара². В эти подсчеты нами не включены (в силу неизученности состава) комиссары ВКГД в думских, соединенных (Думы и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов), объединенных (Временного правительства, Думы, Совета и иных организаций) комиссиях. Заметим, что эти комиссии также посылали своих комиссаров, в том числе и в войска. Однако состав этого института формировался в основном не за счет думского корпуса, да и реальные возможности влиять на ситуацию и фактические полномочия у них были ниже, чем у комиссаров ВКГД. Подчеркнем, что вопрос о полномочиях думцев, направлявшихся Временным Комитетом в армию, остается, пожалуй, одним из самых запутанных в рамках рассматриваемой проблемы. Несомненно, что сложность этого вопроса была во многом обусловлена политико-идеологическими установками советской исторической науки, которая стремилась принизить роль Думы в Февральской революции и, особенно, в последующий период. Весьма модной являлась точка зрения о том, что Дума стала своеобразным “министерством пропаганды”, а думцы играли в войсках роль пропагандистов; исследователи характеризовали их как командированных депутатов³. Отметим, что некоторые ученые склонны были считать последних, все-таки, комиссарами⁴. Нет и полного представления о количественном составе думцев, работавших в воинских частях.

Говоря о формировании состава комиссаров Думы, необходимо сделать ряд замечаний. В первую очередь, для командировок в войска существенным было желание и согласие на это того или иного депутата. Беспрекословная железная дисциплина в думском корпусе, конечно, отсутствовала. Иногда думцы отказывались выезжать в тыловые или фронтовые части под разными предлогами. Среди “отказников” встречались влиятельные члены Думы. Так, в начале марта на Северный фронт не поехал кадет М.М.Ичас, а во второй половине марта — кадеты Л.А.Велихов и Ф.К.Кабанов; от командировки на Юго-Западный фронт отказались тогда же трудовик В.И.Дзюбинский и прогрессист С.А.Калинин⁵.

Происходило и обратное — думца приходилось чуть ли не силой возвращать в Петроград. Например, кадет П.А.Леванидов, посланный 6 марта в составе делегации Думы в г.Архангельск “для приветствия войск и организации власти”, объездил губернию до конца апреля, несмотря на неоднократные просьбы ВКГД вернуться в столицу⁶.

Командировки на фронт иногда применялись Думским Комитетом как способ отказа представителям официальной власти в их стремлении заполучить депутата на ту или иную должность. М.В.Родзянко пришлось срочно направить кадета А.А.Дурова на Юго-Западный фронт, т.к. в середине марта со стороны томского губернского комиссара Временного правительства Е.Ф.Зубашева была предпринята попытка выпросить его себе в помощники⁷.

Поездки в армию могли выступать и мерой удаления из Петрограда тех думцев, которые проявляли кипучее желание трудиться, но не нашли себе применения в сложившихся тогда думских структурах. Характерен пример князя С.П.Мансырева (кадет), оставшегося на какое-то время вне думской деятельности. В письме к М.В.Родзянко он жаловался, что с 4 по 15 марта 1917 г. “получил единственное поручение от Комитета — ...сопровождение арестованного курьера с дипломатическими бумагами из Таврического Дворца в министерство иностранных дел — его исполнил в течение 1/2 часа времени”. 15 марта ВКГД принял решение командировать Мансырева на фронт⁸.

Практика командировок показала, что при подборе кандидатов необходимо было учитывать как умение депутата общаться с толпой вышедших из повиновения солдат, так и состояние его здоровья. Последнее порой оказывало влияние на ход и длительность поездок. Так, 6 марта на Северный фронт было командировано 7 думцев, но уже 10 марта от них стали поступать телеграммы о возвращении в Петроград. В одной из них Ф.Д.Филоненко и Н.О.Янушкевич указали причину — объезжая воинские части с 8 часов утра и до 1 часу ночи они “совершенно лишились голосов.” Таким образом, план руководства ВКГД о том, что комиссары, закончив дела на Северном фронте, проследуют в Минск и на Западный фронт, оказался сорванным. Вся тяжесть наведения порядка в воинских частях на Западном фронте легла на члена Государственной Думы кадета Н.Н.Щепкина, который телеграфно получил соответствующие полномочия от Думского Комитета⁹. Только 19 марта на этот фронт выехала делегация в составе 4-х думцев¹⁰. В связи с болезнью был вынужден покинуть 26 марта г.Ревель комиссар ВКГД кадет И.Т.Евсеев. Он просил Комитет Думы назначить вместо себя “другое лицо”, сославшись на то, что постоянное присутствие члена Государственной Думы в Ревеле необходимо¹¹. Заметим, что волнения в ревельском гарнизоне в начале марта были сведены на нет именно стараниями думцев И.Т.Евсеева, И.Н.Манькова (меньшевик) и Н.И.Родзевича (прогрессист), которые направили недовольство матросов и солдат в русло организационной работы. Естественно, что смена комиссара, имевшего определенный авторитет среди матросов и солдат, могла ухудшить обстановку.

Что касается политических пристрастий думцев, командированных в тыловые и фронтовые воинские части, то большинство из них были кадетами, хотя встречались и националисты, и меньшевики. Т.о., можно утверждать, что политическая принадлежность и взгляды депутатов не являлись препятствием для их поездок на фронт. Исследователь, правда, подчеркивает, что думцы, посещая войска, пришли к выводу, что на фронт лучше посылать левых депутатов¹². Скорее всего, эта ситуация сложилась уже в апреле 1917 года. Напомним, что крайне правый член Государственной Думы В.М.Пуришкевич, даже не имея официальных полномочий от ВКГД, самочинно объездил в начале марта полки в тылу “и призывал офицеров и солдат повиноваться Временному правительству”¹³. Каких-либо сведений, что его действия пресекались со стороны востановивших солдат, в нашем распоряжении не имеется. В дальнейшем, однако, он будет

неоднократно подвергаться задержаниям и арестам. Незаконные действия со стороны солдат против думцев особенно усилились летом 1917 года¹⁵.

Относительно объектов командировок депутатов Думы отметим, что до образования Временного правительства, они ограничивались воинскими частями, расположенными в Петрограде и ближайших пригородах. С момента создания Временного правительства думцев стали посылать на фронт, что основывалось на решении высшей исполнительной власти от 6 марта. Думские делегации “посетили все фронты, Балтийский и Черноморский флоты.”¹⁶

Обращаясь к вопросу о полномочиях думских делегатов, необходимо подчеркнуть, что в удостоверениях, которые им выдавались от ВКГД, мы не обнаружим формулировку “комиссар”. В самом раннем из сохранившихся мандатов (1 марта 1917 г.) значится, что “Временный Комитет Членов Государственной Думы командует члена Государственной Думы Виктора Ивановича Стемпковского в пехотные части, расположенные в городе Петрограде.”¹⁷ В других указывалось, что тот или иной думец направляется “в расположенные в Петрограде воинские части.”¹⁸ В мандате могла быть указана цель командировки: “для осведомления о тех мерах, которые Временный Комитет в интересах Родины принимает для установления законного порядка в государстве”.¹⁹ Эти удостоверения были бессрочными и действовали в любых воинских частях, размещенных в столице.

В более поздних удостоверениях, которые депутаты IV Думы, отправляемые в тыловые и фронтовые части, получали от ВКГД уже после формирования Временного правительства, было написано, что член Государственной Думы командует в расположение армий того или иного фронта²⁰. Эти мандаты были также бессрочными и подлежали возврату только в том случае, если думец отказывался от исполнения возложенных на него обязанностей. Таким образом, в феврале—марте о комиссарских, властных полномочиях непосредственно в мандатах речь не шла. Участник Февральской революции и ее историк А.Г.Шляпников утверждает, что “установилось неписанное соглашение, в силу которого Временный комитет посылал своих уполномоченных (комиссаров, эмиссаров) во все центральные правительственные учреждения, а ИК Совета делегировал своих комиссаров для связи с <...> воинскими частями”.²¹ Это суждение вызывает сомнение. Скорее, определенное соглашение было заключено уже в ходе Февральской революции с военным командованием. По крайней мере, 2 марта 1917 года руководство ВКГД приняло к сведению мнение генерал-адъютанта М.В.Алексеева о недопустимости отправления на фронт каких-либо “депутаций” без предупреждения, “ибо это нарушает существующий в армии порядок.”²² Руководство ВКГД строго придерживалось этого правила. В дальнейшем, командуя фронтами, обращаясь в Думу с просьбой прислать депутатов, старательно обходили наименование “комиссар”. Точно также поступал и Временный Комитет, оформляя командировочные удостоверения.

Гражданские официальные лица, в свою очередь, находясь в зоне вспыхивавших солдатских бунтов и неповиновений, просили ВКГД прислать именно комиссаров Думы²³. Отвечая на запросы последних, Думский Комитет, в случае удовлетворения просьбы, сообщал, что едут комиссары ВКГД²⁴. Существует документ, в котором военное начальство также указывало на необходимость присылки комиссара Временного Комитета. 6 марта 1917 г. в адрес председателя Государственной Думы М.В.Родзянко поступила телеграмма от контр-адмиралов В.Пилкина и Д.Вердеревского, в которой они просили направить в г.Ревель комиссара-депутата²⁵. Заметим, что представители военного руководства в марте 1917 г. неоднократно просили ВКГД направить на фронт представителей Государственной Думы, которые, по их мнению, оказывали благотворное влияние на солдат. Подчеркивалось, что члены Думы должны находиться в районе

расположения армий того или иного фронта на постоянной основе²⁶, т.е. военное командование проявило готовность и желание укрепить уже существующую связь ВКГД с войсками через думских представителей. Временный Комитет, соглашаясь с пользой периодического командирования думцев на фронт, выступал против их постоянного пребывания там²⁷. Исключение делалось лишь при назначении комиссаров в гг. Кронштадт, Ревель и т.п. Необходимо признать, что ВКГД в ряде случаев шел навстречу командующим фронтами путем организации длительных командировок думцев. Так, думская делегация, прибыв 18 марта на Юго-Западный фронт, завершила объезд воинских частей лишь 21 апреля 1917 года²⁸.

Осторожность Временного Комитета в вопросе формулирования полномочий членов Думы объяснялась стремлением руководства его не способствовать насаждению и развитию в армии двоевластия и многовластия. На деле же, депутаты Думы, командируемые в тыловые и фронтовые части, являлись комиссарами и получали широкие полномочия от ВКГД. Последнее осуществлялось в устной форме при инструктировании их руководящими членами Думского Комитета. До образования Временного правительства направлением комиссаров в войска ведал в Комитете Думы Н.В. Некрасов. В воспоминаниях С.П. Мансырева указывается, что именно Некрасов, отправляя его в одну из воинских частей, дал указание арестовывать офицеров, если они способствуют насаждению контрреволюционных настроений²⁹. Депутат П.А. Леванидов при объезде Архангельской губернии распорядился удалить воинского начальника в Шенкурске, о чем телеграфировал командиру бригады в Вологду³⁰. Думец И.Н. Туляков (меньшевик) по дороге в Севастополь арестовал генерала Радовского и санкционировал назначение на его место капитана Замятина³¹. Думские комиссары могли своей властью приостановить приведение в исполнение приговоров военно-полевых судов³², освободить незаконно арестованных, препятствовать арестам и самосудам, заниматься правотворчеством. Так, И.Т. Евсеев, находясь в Ревеле, принял участие в выработке “правил быта” для военнослужащих судов крепости и морских судов. Он дал санкцию на применение их вплоть до утверждения “правил” Временным правительством³³. В ряде случаев думцы брали на себя частично функции командования воинскими частями, когда офицеры были не способны его осуществить. Находясь в командировке на Юго-Западном фронте, члены Думы И.П. Демидов, А.А. Дуров и П.П. Гронский (кадеты) сумели вывести в окопы 73-й Сибирский стрелковый полк “и специально были в окопах под сильным неприятельским обстрелом тяжелой артиллерии и ружейного огня для того, чтобы ...посмотреть 73-й и 74-й Сибирские полки, только что занявшие позиции.”³⁴

В дни Февральской революции комиссары ВКГД в войсках были подчинены только Думскому Комитету. Успешная деятельность комиссаров Думы и отсутствие собственного аппарата заставили Временное правительство использовать опыт думцев, но уже в качестве уполномоченных правительства. Именно с этого момента начинает функционировать система согласования командировок депутатов между ВКГД, Временным правительством и командующими фронтами. Механизм его был таков: командование фронта обращалось во Временное правительство с просьбой послать в район расположения армий того или иного фронта депутата Думы. Учитывая, что звание члена Государственной Думы было несовместимо с занятием какой-либо должности по государственной службе, правительство должно было получить разрешение от ВКГД на командировку думца в качестве комиссара. Поэтому глава правительства обращался к председателю Временного Комитета в письменной форме с ходатайством об удовлетворении просьбы. Думский Комитет рассматривал заявление Г.Е. Львова и в случае положительного разрешения вопроса уведомлял его или Директора Департамента Общих Дел МВД о командировании члена Думы на фронт. Затем аналогичное уведомле-

ние отправлялось телеграммой командующему фронтом³⁵. ВКГД имел и свои каналы информации, по которым также получал запросы о командировании думцев на фронт. В этом случае Комитет Думы обращался в МВД с запросом о необходимости посылки депутата. Данная система согласования сложилась в общих чертах уже в первой половине марта. Вместе с тем, отметим, что иногда она не срабатывала. Так, Л.А.Велихов, командированный на фронт, неожиданно был затребован Временным правительством в качестве комиссара в г.Одессу. Соответствующие бумаги были заготовлены Г.Е.Львовым. Л.А.Велихов должен был передать их лично М.В.Родзянко, но не успел этого сделать ввиду спешности отъезда³⁶. Таким образом, согласования не состоялось, и Велихов уехал в Одессу только комиссаром Временного правительства. Естественно, что это было исключением из правил, но уже летом 1917 года ВКГД и Временному правительству пришлось разбираться у кого из думцев-комиссаров какие полномочия³⁷. Видимо, иногда согласования не проходили и со стороны Временного правительства. Здесь речь идет о том, что члены Думы, направляемые в войска (и не только!) получали двойные полномочия. Одновременно они являлись комиссарами ВКГД и комиссарами Временного правительства. Институт двойных полномочий начал складываться даже раньше системы согласования. Первым, видимо, их получил В.Н.Пепеляев (кадет). 1 марта он был командирован ВКГД в г.Кронштадт. Важность миссии Пепеляева подчеркивал тот факт, что его мандат подписали 4 члена ВКГД (Н.В.Некрасов, П.Н.Милюков, А.Ф.Керенский и В.Н.Львов). 2 марта Временное правительство назначило Пепеляева командиром порта г.Кронштадта и комиссаром Временного правительства³⁸, а с 3 марта с согласия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов ВКГД назначил его комиссаром Кронштадта³⁹. И в дальнейшем складывались такие ситуации, когда полномочия поступали с определенным перерывом. Кадет И.М.Рамот был направлен комиссаром Временного Комитета в Ревель 7 марта, а полномочия от Временного правительства были даны ему 8 марта⁴⁰. Укажем, что встречались думцы, имевшие даже тройные полномочия. Так, И.Н.Туляков был командирован в Севастополь Временным правительством, Исполкомом Петроградского Совета и Комитетом Думы⁴¹. Всего за февраль—март 1917 г. нами выявлено 54 депутата Государственной Думы IV созыва — комиссаров ВКГД в армии.

Сам факт существования комиссаров Думы и после образования Временного правительства был весьма многозначительным. Он говорил о том, что правительство первого созыва не смогло оторваться от думских корней; что ВКГД продолжал сохранять контроль над деятельностью кабинета Г.Е.Львова в различных сферах через комиссаров-думцев. В свою очередь, члены Думы, “увешанные” полномочиями, невольно являлись носителями многовластия, что не могло способствовать укреплению власти командиров в тыловых и фронтовых воинских частях.

Список комиссаров ВКГД в армии (февраль—март 1917 г.)

1. **Велихов Лев Александрович** — член Государственной Думы (далее — ГД) IV созыва от С.-Петербурга, кадет. Комиссар ВКГД и Временного правительства на Северном фронте с 17 марта 1917 г. К исполнению обязанностей не приступил. Отбыл в это время комиссаром Временного правительства в Одессу⁴².

2. **Волков Николай Константинович** — член ГД III и IV созыва от Забайкальской области, кадет. Комиссар ВКГД с 28 февраля 1917 г. по министерству земледелия. С 13 марта по 1 августа 1917 г. комиссар ВКГД и Временного правительства по министерству земледелия. 1 марта был командирован в Петропавловскую крепость⁴³.

3. **Воронков Митрофан Семенович** — член ГД II—IV созыва от Области войска

Донского, кадет. 1 марта 1917 г. был командирован ВКГД в I и IV Донские казачьи полки. С 9 марта комиссар ВКГД и Временного правительства Области войска Донского⁴⁴.

4. **Гамов Иван Михайлович** — член ГД IV созыва от Амурского и Уссурийского казачьих войск, примыкал к кадетам. С 17 марта 1917 г. комиссар ВКГД и Временного правительства в районе Амурского и Уссурийского казачьих войск⁴⁵.

5. **Гольдман Ян Юрьевич** — член ГД IV созыва от Курляндской губернии, прогрессист. Комиссар ВКГД и Временного правительства в Риге после 8 марта 1917 г.⁴⁶

6. **Грибунин Семен Федорович** — член ГД IV созыва от Костромской губернии, прогрессист. Комиссар ВКГД и Временного правительства с 7 по 9 марта 1917 г. по сопровождению отрешенного от престола императора Николая II из Ставки в Царское Село. В конце марта получил полномочия комиссара ВКГД и Временного правительства в г.Быхов и в район расположения армий Западного фронта⁴⁷.

7. **Гронский Павел Павлович** — член ГД IV созыва от Тверской губернии, кадет. Комиссар ВКГД над Главным телеграфом с 28 февраля. С 18 марта по 21 апреля 1917 г. комиссар ВКГД и Временного правительства на Юго-Западном фронте⁴⁸.

8. **Демидов Игорь Платонович** — член ГД IV созыва от Тамбовской губернии, кадет. 1 марта был командирован ВКГД комиссаром в Царское Село, в расположенные там воинские части. С 2 марта комиссар ВКГД в министерстве земледелия, а с 13 марта комиссар ВКГД и Временного правительства в этом же министерстве. 15 марта получил полномочия комиссара Временного правительства и ВКГД на Юго-Западный фронт. Объезжал фронт с 18 марта по 21 апреля 1917 г.⁴⁹.

9. **Дзюбинский Владимир Иванович** — член ГД IV созыва от Тобольской губернии, трудовик. С 6 марта комиссар ВКГД и Временного правительства на Северном фронте. Объезжал фронт до 10 марта 1917 г. 15 марта получил полномочия комиссара ВКГД и Временного правительства на Юго-Западный фронт, но от командировки отказался⁵⁰.

10. **Дуров Алексей Алексеевич** — член ГД IV созыва от Томской губернии, кадет. 17 марта получил полномочия комиссара ВКГД и Временного правительства на Юго-Западный фронт. Объезжал фронт с 18 марта по 21 апреля 1917 г.⁵¹

11. **Евсеев Илья Тимофеевич** — член ГД IV созыва от Петербургской губернии, кадет. В дни Февральской революции комиссар ВКГД в Государственном Банке. Ночью 2 марта 1917 г. выехал комиссаром ВКГД в Ревель. 16 марта вновь был командирован в Ревель. Пробыл там комиссаром ВКГД и Временного правительства до 26 марта 1917 г.⁵²

12. **Ефремов Иван Николаевич** — член ГД IV созыва от Области войска Донского, прогрессист. Член ВКГД с 27 февраля по 5 августа 1917 г. 28 февраля был командирован на Балтийский вокзал для встречи войск; в этот же день по поручению ВКГД встречал пулеметные полки из Ораниенбаума. В дни Февральской революции комиссар ВКГД в МВД. С 6 марта комиссар ВКГД и Временного правительства на Северном фронте. Объезжал фронт до 10 марта. 20 марта избран ВКГД в состав комитета “Фонд освобождения России”⁵³.

13. **Залит Иван Петрович** — член ГД IV созыва от Риги, прогрессист. С 8 марта комиссар ВКГД и Временного правительства в Риге⁵⁴.

14. **Иванов-2-й Анатолий Васильевич** — член ГД IV созыва от Рязанской губернии, независимый. В конце марта 1917 г. получил полномочия комиссара ВКГД и Временного правительства в г.Быхов и в район расположения армий Западного фронта⁵⁵.

15. **Ичас Мартин Мартинович** — член ГД IV созыва от Ковенской губернии, кадет. С 27 февраля по 2 марта 1917 г. председатель комиссии ВКГД по внутреннему распорядку Таврического Дворца. 2 марта назначен комиссаром ВКГД по министерству на-

родного просвещения. С 2 по 15 марта комиссар ВКГД на правах товарища министра народного просвещения по бывшему ведомству императрицы Марии и Человеколюбивому обществу; с 15 марта комиссар ВКГД и Временного правительства по Человеколюбивому обществу и заместитель комиссара по учреждениям бывшего ведомства императрицы Марии. 6 марта получил полномочия комиссара ВКГД и Временного правительства на Северный фронт⁵⁶.

16. **Кабанов Федор Константинович** — член ГД IV созыва от Вологодской губернии, примыкал к кадетам. 17 марта 1917 г. получил полномочия комиссара ВКГД и Временного правительства в 5-ю армию Северного фронта, но от исполнения обязанностей отказался⁵⁷.

17. **Калинин Савелий Андреевич** — член ГД IV созыва от Вятской губернии, прогрессист. Комиссар ВКГД и Временного правительства с 7 по 9 марта 1917 г. по сопровождению отрекшегося от престола императора Николая II из Ставки в Царское Село. Во второй половине марта получил полномочия комиссара ВКГД и Временного правительства на Юго-Западный фронт, но их не исполнял ввиду отъезда в качестве комиссара ВКГД и Временного правительства на Ижевский оружейный завод⁵⁸.

18. **Коваленко Михаил Иванович** — член ГД IV созыва от Полтавской губернии, центр. 15 марта был командирован ВКГД в расположенные в Красном Селе воинские части⁵⁹.

19. **Кривоногов Иван Васильевич** — член ГД IV созыва от Архангельской губернии, прогрессист. Комиссар ВКГД и Временного правительства в расположенные в Архангельске воинские части. Выехал в Архангельск 6 (7) марта, а пробыл там, видимо, до 10 марта. 22 марта был вновь командирован в Архангельск⁶⁰.

20. **Кузьмин Петр Петрович** — член ГД IV созыва от Рязанской губернии, националист. Комиссар ВКГД и Временного правительства на Юго-Западном фронте. Объезжал фронт с 18 марта по 21 апреля 1917 г.⁶¹.

21. **Леванидов Петр Александрович** — член ГД IV созыва от Архангельской губернии, кадет. 6 (7) марта выехал комиссаром ВКГД и Временного правительства в расположенные в Архангельске воинские части.

22. **Лелюхин Александр Георгиевич** — член ГД IV созыва от Смоленской губернии, беспартийный. 17 марта получил полномочия комиссара ВКГД и Временного правительства в 5-ю армию Северного фронта⁶².

23. **Макагон Павел Матвеевич** — член ГД IV созыва от Екатеринославской губернии. октябрист. С 6 марта 1917 г. комиссар ВКГД и Временного правительства на Северном фронте. На фронте пробыл до 10 марта. С 18 марта по 21 апреля объезжал Юго-Западный фронт. Одновременно получил полномочия комиссара ВКГД и Временного правительства в Екатеринославскую губернию⁶³.

24. **Маклаков Василий Алексеевич** — член ГД IV созыва от Москвы, кадет. Член ВКГД. С 28 февраля 1917 г. комиссар ВКГД в министерстве юстиции. 5 марта должен был выехать на Черноморский флот в г. Севастополь в качестве комиссара Временного правительства и ВКГД⁶⁴.

25. **Малайчук Иван Фомич** — член ГД IV созыва от Минской губернии, националист. 15 марта 1917 г. получил полномочия комиссара ВКГД и Временного правительства на Западный фронт⁶⁵.

26. **Мансырев Серафим Петрович** — член ГД IV созыва от Риги, кадет. С 1 марта 1917 г. комиссар ВКГД в расположенных в Петрограде воинских частях. В этот день посетил автомобильную часть в с. Ивановка, а вечером — 1, 2 и 3-й запасные пулеметные полки в Петрограде; 2 марта — Петроградский и Измайловский полки; 3 марта — Измайловский полк. 19 марта в качестве комиссара ВКГД и Временного правительства выехал на Западный фронт⁶⁶.

27. **Маньков Иван Николаевич** — член ГД IV созыва от Иркутской губернии, меньшевик. В ночь с 2 на 3 марта 1917 г. выехал комиссаром ВКГД в Ревель. 17 марта был командирован ВКГД в Ново-Знаменскую больницу на ст.Лигово для улаживания конфликта между служащими и администрацией больницы. 19 марта отправился на Северный фронт⁶⁷.

28. **Масленников Александр Михайлович** — член ГД IV созыва от Саратовской губернии, прогрессист. В дни Февральской революции комиссар ВКГД в МВД. С 6 марта комиссар ВКГД и Временного правительства на Северном фронте. До 10 марта объезжал войска фронта. С 20 марта комиссар ВКГД и Временного правительства в Саратовской губернии. 25 марта был отозван из губернии в столицу Думским комитетом для командирования на фронт. 6 апреля 1917 г. выехал комиссаром ВКГД и Временного правительства на Юго-Западный фронт⁶⁸.

29. **Милюков Павел Николаевич** — член ГД III—IV созыва от С.-Петербурга, кадет. Член ВКГД. В дни Февральской революции посещал воинские части, размещенные в Петрограде.

30. **Милютин Владимир Васильевич** — член ГД IV созыва от Новгородской губернии, октябрист. С 1 марта комиссар ВКГД в воинских частях, расположенных в Петрограде. В этот день посетил 1, 2 и 3-й запасные пулеметные полки в Петрограде. С 9 марта по 19 мая 1917 г. комиссар ВКГД в Особой комиссии по призрению раненых и увечных воинов при Верховном Совете, а с 10 марта по 19 мая комиссар ВКГД по учреждениям подведомственным Верховному Совету по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов⁶⁹.

31. **Мухин-1-й Александр Николаевич** — член ГД IV созыва от Костромской губернии, кадет. Член комиссии ВКГД под председательством Г.В.Гутопа (распорядительная комиссия Гутопа просуществовала с 2 по 13 марта и являлась преемницей комиссии по внутреннему распорядку Таврического Дворца под председательством Ичаса). 19 марта выехал комиссаром ВКГД и Временного правительства на Западный фронт⁷⁰.

32. **Николаев Николай Николаевич** — член ГД IV созыва от населения Кубанской и Терской обл., не принадлежащего к числу казаков и от населения Черноморской губернии, кадет. С 1 марта комиссар ВКГД в воинских частях, расположенных в Петрограде. В этот день посетил автомобильную часть в с.Ивановка. С 9 марта по 17 июля 1917 г. комиссар ВКГД и Временного правительства Черноморской губернии⁷¹.

33. **Пепеляев Виктор Николаевич** — член ГД IV созыва от Томской губернии, кадет. 28 февраля был командирован ВКГД в части войск, прибывающие на Балтийский вокзал. В этот же день был послан в Арсенал для прекращения раздачи оружия рабочим. Тогда же был назначен комиссаром ВКГД в Петроградское градоначальство. В начале марта — комиссар ВКГД и Временного правительства г.Кронштадта. 16 марта 1917 г. эта должность была упразднена Кронштадтским Советом⁷².

34. **Пилипенко Никифор Емельянович** — член ГД III—IV созыва от Полтавской губернии, октябрист. 15 марта 1917 г. командирован комиссаром ВКГД в воинские части, размещенные в Красном Селе. 19 марта выехал комиссаром ВКГД и Временного правительства на Западный фронт⁷³.

35. **Полунин Василий Николаевич** — член ГД IV созыва от Полтавской губернии, октябрист. 19 марта 1917 г. выехал комиссаром ВКГД и Временного правительства в 5-ю армию Северного фронта⁷⁴.

36. **Попов-1-й Дмитрий Яковлевич** — член ГД IV созыва от Вологодской губернии, священник, прогрессист. С 1 марта комиссар ВКГД в воинских частях, расположенных в Петрограде. 2 марта посетил Измайловский полк⁷⁵.

37. **Рамот Иван Матвеевич** — член ГД IV созыва от Лифляндской губернии, кадет.

В дни Февральской революции комиссар ВКГД по охране Государственного Банка. В начале марта помощник комиссара ВКГД по делам Статс-Секретариата Великого княжества Финляндского. После 8 марта 1917 г. комиссар ВКГД и Временного правительства в Ревеле⁷⁶.

38. **Родзевич Николай Игнатьевич** — член ГД IV созыва от Рязанской губернии, прогрессист. В дни Февральской революции был членом думской комиссии по принятию задержанных военных и высших гражданских чинов. Вышел из ее состава ввиду отъезда комиссаром ВКГД в начале марта в Ревель. 14 марта ВКГД избрал Родзевича представителем в совещание при Главном комитете по делам о расчетах за реквизированное или уничтоженное по распоряжению властей имущество. 16 марта Думский Комитет принял решение командировать его в комиссию об арестованных при прокуроре Петроградской судебной палаты. В 20-х числах марта Родзевич был направлен ВКГД в 175-й пехотный запасной полк (с.Медведково, Новгородской губернии); в конце марта — в Главный морской штаб в связи с убийством матросами 28/29 февраля командира 2-го экипажа Балтийского флота и его помощника⁷⁷.

39. **Рыслев Аристарх Иванович** — член ГД IV созыва от Амурской области, трудовик. 6 (7) марта 1917 г. выехал комиссаром ВКГД и Временного правительства в воинские части, расположенные в Архангельске. 10 марта отбыл в столицу. С 16 марта комиссар ВКГД и Временного правительства в Амурской области⁷⁸.

40. **Симонов Михаил Ильич** — член ГД III—IV созыва от Воронежской губернии, октябрист. С 1 марта комиссар ВКГД в воинских частях, расположенных в Петрограде. В этот день посетил 1, 2 и 3-й запасные пулеметные полки в Петрограде⁷⁹.

41. **Скобелев Матвей Иванович** — член ГД IV созыва от русского населения Закавказья, меньшевик. 1 марта был командирован ВКГД в Петропавловскую крепость⁸⁰.

42. **Стемпковский Виктор Иванович** — член ГД III—IV созыва от Воронежской губернии, октябрист. 1 марта был командирован ВКГД комиссаром в пехотные части, расположенные в Петрограде. В этот же день был назначен комиссаром ВКГД в министерство торговли и промышленности. 9 марта избран от ВКГД в Совет министерства земледелия по продовольствию, а 15 марта — членом Общегосударственного продовольственного комитета⁸¹.

43. **Степанов Василий Александрович** — член ГД III—IV созыва от Пермской губернии, кадет. 1 марта 1917 г. был командирован комиссаром в воинские части, расположенные в Царском Селе. С 6 марта комиссар Временного правительства, а с 13 марта комиссар ВКГД в министерстве торговли и промышленности на правах товарища министра (по 4 июля 1917 г.)⁸².

44. **Таскин Сергей Афанасьевич** — член ГД II, IV созыва от Забайкальской области, кадет. 28 февраля был послан вместе с В.Н.Пепеляевым в Арсенал для прекращения раздачи оружия рабочим. 1 марта получил полномочия комиссара ВКГД совместно с Пепеляевым в г.Кронштадт “для собеседования с гг. офицерами и нижними чинами”. В первую половину марта 1917 г. — заведующий подотделом сношения с населением отдела ВКГД по сношению с войсковыми частями и населением. С 16 марта комиссар ВКГД и Временного правительства в Забайкальской области⁸³.

45. **Тимирев Константин Николаевич** — член ГД II—IV созыва от Новгородской губернии, октябрист. 19 марта 1917 г. выехал в качестве комиссара ВКГД и Временного правительства на Западный фронт⁸⁴.

46. **Титов Иван Васильевич** — член ГД III—IV созыва от Пермской губернии, прогрессист. С 28 февраля 1917 г. комиссар ВКГД в министерстве финансов. 16 марта был командирован в район г.Быхова, но эта поездка не состоялась. 22 марта получил полномочия комиссара ВКГД и Временного правительства в Пермскую губернию и район Уральских заводов⁸⁵.

47. **Туляков Иван Никитич** — член ГД IV созыва от Области войска Донского, меньшевик. 5 марта выехал на Черноморский флот в г. Севастополь комиссаром Временного правительства, Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и ВКГД. 16 марта был командирован комиссаром ВКГД, Временного правительства и Петроградского Совета в район Донецкого бассейна⁸⁶.

48. **Филоненко Федор Дмитриевич** — член ГД IV созыва от Подольской губернии, священник, центр. 1 марта был командирован ВКГД комиссаром в воинские части, расположенные в Петрограде. С 6 марта 1917 г. комиссар ВКГД и Временного правительства на Северном фронте. До 10 марта объезжал войска фронта. 16 марта получил полномочия комиссара ВКГД и Временного правительства на Юго-Западный фронт. Выехал на фронт 7 апреля. Обезд войск завершил 21 апреля 1917 г.⁸⁷

49. **Черячукин Федор Васильевич** — член ГД IV созыва от Области войска Донского, кадет. 1 марта 1917 г. был командирован ВКГД в I и IV Донские казачьи полки. С 14 марта председатель комиссии ВКГД по принятию задержанных военных и высших гражданских чинов⁸⁸.

50. **Шаховской Константин Михайлович** — член ГД IV созыва от Псковской губернии, националист. С 18 марта по 21 апреля 1917 г. объезжал Юго-Западный фронт⁸⁹.

51. **Шмяков Петр Михайлович** — член ГД IV созыва от Витебской губернии, националист. Член думской комиссии под председательством Г. В. Гугопа (см. п. 31). С 15 марта комиссар ВКГД и Временного правительства на Юго-Западном фронте, выехал на фронт только 6 апреля. 16 марта получил назначение на должность заместителя комиссара ВКГД г. Петрограда и Таврического Дворца. 18 марта ВКГД принял решение об упразднении ее⁹⁰.

52. **Шульгин Василий Витальевич** — член ГД IV созыва от Волынской губернии, прогрессивный националист. Член ВКГД. 28 февраля 1917 г. был командирован в Петропавловскую крепость в целях подчинения ее Временному Комитету. В первые дни после образования Временного правительства комиссар ВКГД и Временного правительства над Петроградским Телеграфным Агенством. 20 марта был избран в состав комитета “Фонд освобождения России”⁹¹.

53. **Щепкин Николай Николаевич** — член ГД III—IV созыва от Москвы, кадет. С 9 по 18 марта 1917 г. комиссар ВКГД и Временного правительства на Западном фронте⁹².

54. **Янушкевич Николай Осипович** — член ГД IV созыва от Ковенской губернии, трудовик. Комиссар ВКГД и Временного правительства на Северном фронте (6—10 марта 1917 г.)⁹³.

Примечания

1 О комиссарах в министерствах и главных управлениях см.: *Николаев А. Б.* Комиссары Временного Комитета Государственной думы (февраль — начало марта 1917 г.) // Революция 1917 г. Сб. научн. ст. СПб., 1995. С. 13—20.

2 Ранее мы указывали, что в феврале—марте 1917 г. насчитывалось 74 комиссара ВКГД (См.: *Николаев А. Б., Поливанов О. А.* Парламентская элита России в 1912—1917 гг. // Из глубины времен. СПб., 1994. № 3. С. 60). Из выявленных нами 122 комиссаров ВКГД 4 человека не были членами Думы IV-го созыва: Д. Д. Гримм (член Государственного Совета) — комиссар ВКГД в Государст-

венном контроле; А. Е. Грузинов (председатель Московской губернской земской управы) — комиссар ВКГД по управлению Московской губернией; М. А. Нарожницкий (заместитель председателя Московской губернской земской управы) — получил полномочия комиссара ВКГД по управлению Московской губернией от А. Е. Грузинова, т. к. последний стал командующим войсками Московского военного округа; А. Е. Овчинников (гласный Петроградской городской думы) — комиссар ВКГД над театрами и театральными предприятиями Комитета Петроградского попечительства о народной трезвости.

- 3 *Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция. Москва. Фронт. Периферия. М., 1971. С.112, 114, 140.
- 4 *Дулова Н.Г.* Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988. С.97.
- 5 Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.1278 (Государственная Дума). Оп.10. Д.6. Л.94, 100, 102, 105.
- 6 Там же. Оп.5. Д.1364. Л.6; Оп.10. Д.28. Л.40, 53.
- 7 Там же. Оп.10. Д.6. Л.99; Д.7. Л.87, 88а.
- 8 Там же. Оп.10. Д.7. Л.65.
- 9 Там же. Оп.5. Д.1348. Л.9.
- 10 Там же. Оп.10. Д.7. Л.26.
- 11 Там же. Л.106.
- 12 Там же. Оп.5. Д.1348. Л.51.
- 13 *Шляпников А.Г.* Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. Т.3. М., 1994. С.63.
- 14 Русское слово. 1917. 4 марта (Москва).
- 15 РГИА. Ф.1278. Оп.5. Д.1168. Л.17, 21; интересные данные о преследовании думцев в 1917 г. см.: Там же. Д.1364.
- 16 *Минц И.И.* История Великого Октября. Т.1. М., 1977. С.619.
- 17 РГИА. Ф.1278. Оп.10. Д.3. Л.19.
- 18 Там же. Л.39.
- 19 Там же. Л.40.
- 20 Там же. Д.6. Л.21
- 21 *Шляпников А.Г.* Указ. соч. С.440.
- 22 РГИА. Ф.1278. Оп.10. Д.4. Л.5.
- 23 Там же. Д.7. Л.34.
- 24 Там же. Л.8.
- 25 Там же. Л.19.
- 26 Там же. Л.185.
- 27 Там же. Л.194.
- 28 Там же. Л.95.
- 29 *Мансырев С.П.* Мои воспоминания о Государственной Думе // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 года. М., 1991. С.110—111.
- 30 РГИА. Ф.1278. Оп.5. Д.1348. Л.12.
- 31 Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т.1. Л., 1991. С.337.
- 32 *Шляпников А.Г.* Указ. соч. С.149.
- 33 Петроградский Совет... С.162.
- 34 РГИА. Ф.1278. Оп.5. Д.1348. Л.83.
- 35 Там же. Оп.10. Д.7. Л.191, 194.
- 36 Там же. Л.89, 94, 101. Речь. 1917. 17, 21 марта.
- 37 РГИА. Ф.1278. Оп.10. Д.7. Л.460, 480.
- 38 Там же. Д.6. Л.238; Д.28. Л.8.
- 39 *Бурджалов Э.Н.* Указ. соч. С.112—113.
- 40 РГИА. Ф.1278. Оп.10. Д.7. Л.19; Оп.5. Д.1168. Л.3.
- 41 *Поливанов О.А.* Комиссары Петроградского Совета в феврале—марте 1917 г. // Революция 1917 года в России. СПб., 1995. С.24; РГИА. Ф.1278. Оп.10. Д.14. Л.94; Русское слово. 1917. 6 марта (Москва).
- 42 РГИА. Ф.1278. Оп.10. Д.6. Л.94, Д.7. Л.89, 94, 101; Речь. 1917. 17 и 21 марта.
- 43 РГИА. Ф.1278. Оп.10. Д.7. Л.61. *Шульгин В.В.* Дни. 1920. М., 1989. С.217.
- 44 Великие дни российской революции 1917 г. Февраль: 27 и 28-го. Март: 1, 2, 3 и 4-го. Киев, 1990. С.28; РГИА. Ф.1278. Оп.10. Д.6. Л.52; Д.28. Л.13.
- 45 РГИА. Ф.1278. Оп.10. Д.7. Л.98, 531, 533.
- 46 Там же. Оп.5. Д.1168. Л.3.
- 47 Там же. Оп.10. Д.7. Л.185, 191, 194; *Шляпников А.Г.* Указ. соч. Т.2. С.473—474.
- 48 РГИА. Ф.1278. Оп.10. Д.6. Л.88; Д.7. Л.95, 301.
- 49 *Демидов И.* Царское Село 1-го марта 1917 года // Последние новости. 1927. 12 марта (Париж); Политические деятели России 1917 г.: Биографический словарь. М., 1993. С.97; РГИА. Ф.1278. Оп.10. Д.3. Л.49; Д.7. Л.6, 301.
- 50 РГИА. Ф.1278. Оп.5. Д.1348. Л.2, 5, 8; Оп.10. Д.6. Л.21, 100.
- 51 Там же. Оп.10. Д.6. Л.99; Д.7. Л.301.
- 52 Там же. Оп.5. Д.1348. Л.51; Оп.10. Д.6. Л.81; Д.7. Л.7; Русское слово. 1917. 2 марта (Москва).
- 53 Биржевые ведомости. 1917. 5 марта; Великие дни... С.19; РГИА. Ф.1278. Оп.5. Д.1348. Л.7; Оп.10. Д.6. Л.21; Д.7. Л.510а; Д.26. Л.147, Д.28. Л.32.
- 54 РГИА. Ф.1278. Оп.5. Д.1168. Л.3.
- 55 Там же. Оп.10. Д.6. Л.146; Д.7. Л.185, 191, 194.
- 56 Последние новости. 1927. 12 марта. (Париж); РГИА. Ф.1278. Оп.10. Д.3. Л.20, Д.6. Л.21, 74; Д.7. Л.15, 61.
- 57 РГИА. Ф.1278. Оп.10. Д.6. Л.105.
- 58 Там же. Оп.5. Д.1348. Л.44, 53, 54; Оп.10. Д.6. Л.23, 70, 102, 108; *Шляпников А.Г.* Указ. соч. Т.2. С.473—474.
- 59 РГИА. Ф.1278. Оп.10. Д.28. Л.18.
- 60 Там же. Оп.5. Д.1348. Л.6, 14; Оп.10. Д.6. Л.118; *Шляпников А.Г.* Указ. соч. Т.3. С.45.
- 61 РГИА. Ф.1278. Оп.10. Д.6. Л.92; Д.7. Л.301.
- 62 Там же. Оп.10. Д.6. Л.106; Д.7. Л.105.
- 63 Там же. Оп.5. Д.1348. Л.8; Оп.10. Д.6. Л.21, 90, 111а, Д.7. Л.95, 104, 301.
- 64 Русское слово. 1917. 6 марта. (Москва).
- 65 РГИА. Ф.1278. Оп.10. Д.28. Л.18.
- 66 *Мансырев С.П.* Указ. соч. С.110—111; РГИА. Ф.1278. Оп.10. Д.3. Л.40; Д.6. Л.96; Д.7. Л.106, 245.
- 67 РГИА. Ф.1278. Оп.5. Д.1348. Л.1, 13; Оп.10. Д.6. Л.104; Д.7. Л.8, 9, 105.
- 68 Биржевые ведомости. 1917. 5 марта; РГИА. Ф.1278. Оп.5. Д.1348. Л.2, 5, 8; Оп.10. Д.6. Л.11, 116; Д.7. Л.104, 137; Д.28. Л.29, 33.
- 69 *Мансырев С.П.* Указ. соч. С.111; РГИА. Ф.1278. Оп.10. Д.3. Л.39; Д.6. Л.49, 53; Д.7. Л.399; Д.28. Л.13.
- 70 РГИА. Ф.1278. Оп.10. Д.6. Л.98; Д.7. Л.99, 106; Д.14. Л.13.
- 71 *Мансырев С.П.* Указ. соч. С.110—111; РГИА. Ф.1278. Оп.10. Д.6. Л.46; Д.7. Л.23, 467, 468.
- 72 Биржевые ведомости. 1917. 5 марта; Великие дни... С.19, 32; Политические деятели России... С.247; Русское слово. 1917. 2 марта. (Москва).
- 73 РГИА. Ф.1278. Оп.10. Д.6. Л.77; Д.7. Л.106; Д.28. Л.18.

- 74 Там же. Д.6. Л.107; Д.7. Л.105.
75 Мансырев С.П. Указ. соч. С.112.
76 РГИА. Ф.1278. Оп.5. Д.1168. Л.3; Оп.10. Д.7. Л.12; Русское слово. 1917. 2 марта. (Москва); Шляпников А.Г. Указ. соч. Т.3. С.18.
77 РГИА. Ф.1278. Оп.5. Д.1348. Л.38—39; Оп.10. Д.7. Л.7, 8, 36, 45, 52, 69; Шляпников А.Г. Указ. соч. Т.3. С.40, 41.
78 РГИА. Ф.1278. Оп.5. Д.1348. Л.6, 14; Оп.10. Д.6. Л.75; Д.7. Л.85.
79 Мансырев С.П. Указ. соч. С.111; РГИА. Ф.1278. Оп.10. Д.3. Л.39.
80 Шульгин В.В. Указ. соч. С.217.
81 РГИА. Ф.1278. Оп.10. Д.3. Л.19, 22; Д.7. Л.24, 29, 68, 536.
82 Последние новости. 1927. 12 марта. (Париж); РГИА. Ф.1278. Оп.10. Д.7. Л.67.
83 Минц И.И. Указ. соч. Т.1. С.510; Политические деятели России... С.247; РГИА. Ф.1278. Оп.10. Д.6. Л.79, 238; Д.7. Л.149; Д.26. Л.138.
84 РГИА. Ф.1278. Оп.10. Д.6. Л.95; Д.7. Л.106.
85 Биржевые ведомости. 1917. 5 марта; РГИА. Ф.1278. Оп.10. Д.6. Л.78, 117; Д.7. Л.96, 125, 143.
86 РГИА. Ф.1278. Оп.10. Д.6. Л.85.
87 Там же. Оп.5. Д.1348. Л.2, 5, 9; Д.6. Л.21, 101; Д.7. Л.95, 245, 310.
88 Великие дни... С.28; РГИА. Ф.1278. Оп.10. Д.28. Л.17.
89 РГИА. Ф.1278. Оп.10. Д.7. Л.95, 310.
90 Там же. Д.6. Л.91; Д.7. Л.114, 222; Д.14. Л.13.
91 Великие дни... С.18; Шульгин В.В. 1917—1919 // Лица: Биографический альманах. Т.5. М.; СПб., 1994. С.133.
92 РГИА. Ф.1278. Оп.5. Д.1348. Л.94; Оп.10. Д.7. Л.26, 185.
93 Там же. Д.6. Л.21, 86.

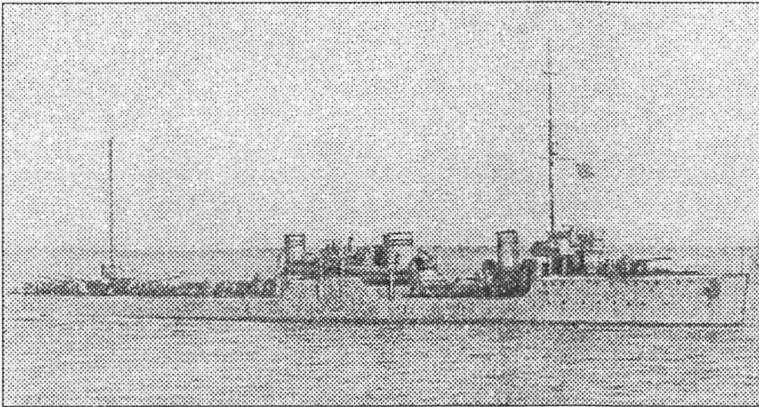
В.И. Мусаев

Рейд английских торпедных катеров в Кронштадт 18 августа 1919 года: его цели, ход и результаты

Налет англичан на Кронштадт 18 августа 1919 г. оказался одним из наиболее значительных эпизодов в ходе интервенции держав Антанты против Советской России: это был один из тех немногих случаев, когда вооруженные силы интервентов решились сами нанести удар по одному из главных военных оплотов советской власти, в данном случае по базе красного Балтийского флота.

Корабли британского военного флота появились на Балтике в начале декабря 1918 г. Командующим английской эскадрой был контр-адмирал У.Коуэн, который в начале января 1919 г. сменил на этом посту контр-адмирала Э.Синклера. Цели пребывания эскадры в Балтийском регионе были весьма многозначны. Британское руководство, не имея возможности отправить сюда свои сухопутные войска, возложило на флот задачу контроля за соблюдением своих военно-политических интересов. У.Коуэну вменялось в обязанность: препятствовать выходу военных кораблей красного Балтийского флота в Финский залив; поддерживать существующие правительства Прибалтийских государств; контролировать действия германских войск в Прибалтике и обеспечить их своевременную эвакуацию, когда их задачи будут выполнены¹. В компетенцию английской эскадры, кроме того, входил контроль за осуществлением военно-экономической блокады Советской России, решение об установлении которой было принято державами Антанты осенью 1918 года: У.Коуэн должен был не допускать посещения Петроградского морского порта торговыми судами нейтральных стран. К концу апреля английская эскадра на Балтике состояла из 12 легких крейсеров, 20 миноносцев, 12 подводных лодок, 3 минных заградителей, 16 тральщиков, 1 авиаматки и 30 вспомогательных кораблей². Эскадра базировалась на Таллин (Ревель) и Лиепаяу (Либаву), а с начала июня У.Коуэн получил разрешение от финских властей перенести базу в порт Койвисто³ на Карельском перешейке. Отсюда можно было эффективнее блокировать выходы в Финский залив⁴. Англичанам противостоял Балтийский флот, защищавший морские подступы к Петрограду. После перехода из Хельсинки (Гельсингфорса) весной 1918 года флот базировался исключительно на Кронштадт. Подготовка флота к боевым действиям осложнялась вследствие катастрофического положения с топливом, скученности, нехватки продовольствия и специальных видов снабжения, а также недостатка квалифицированных кадров. Совокупность этих причин вынудила командование выделить из состава Балтийского флота так называемый Действующий отряд, который был сформирован приказом по флоту от 15 марта 1919 года в составе: 1 крейсера (“Олег”), 2 линейных кораблей (“Петропавловск” и “Андрей Первозванный”), 2 эскадренных миноносцев (“Гавриил” и “Азарт”), 4 миноносцев и 2 минных

Эскадренный миноносец "Гавриил".

Командир "Гавриила"
В. Севастьянов.

заградителей, 8 тральщиков, 6 сторожевых кораблей, 3 вспомогательных судов⁵.

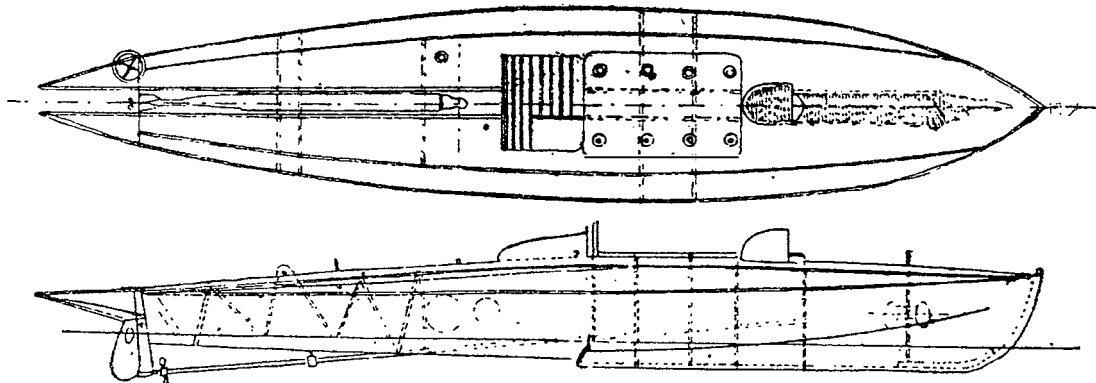
Военные действия на Балтике несколько активизировались в мае, когда началось наступление белогвардейского Северного корпуса на Петроград. Действия англичан выражались в обстрелах позиций красных частей в прибрежных районах и нападениях на корабли Балтийского флота, выходившие из Кронштадта. Наиболее крупный бой произошел 4 июня, когда эскадренные миноносцы "Гавриил" и "Азард" вступили в бой в Копорской губе с несколькими английскими миноносцами и подводными лодками; в ходе боя одна из подводных лодок была потоплена метким выстрелом с "Азарда"⁶. Действия английского флота на Балтике объективно содействовали успехам белых на суше, однако какой-либо связи и координации действий между эскадрой У. Коуэна и Северным корпусом не существовало. Англичане преследовали свои собственные цели, их действия носили узкий и обособленный характер. Некоторые контакты были установлены только в конце июня. 27 июня контр-адмирал В.К.Пилкин, "старший морской начальник" при штабе генерала Н.Н.Юденича, встретился с У. Коуэном. Английский адмирал признал полномочия В.К.Пилкина в должности "командующего флотом" (которого не было) и обещал оказать содействие в перевозке отрядов для занятия Кронштадта после его сдачи, а также в снабжении топливом и продовольствием⁷. Этими разговорами все и ограничилось. Надо также учесть, что непосредственное участие английской эскадры в антисоветском наступлении могло вызвать неодобрение в правительстве и парламенте, где было немало противников активного вмешательства в русские дела. Возможно, это обстоятельство явилось одной из причин, заставляющих У. Коуэна воздерживаться от явной поддержки Северного корпуса. В целом операции враждебных флотов в Балтийском море носили характер мелких стычек и большой активностью не отличались.

В начале августа английское командование спланировало единственную по настоящему активную операцию, не имевшую прецедентов в течение всего предшествовавшего хода военной кампании — рейд в Кронштадтскую гавань. Советский исследователь А.С.Пухов считал, что налет на Кронштадт был предпринят как операция, обеспечивающая успех подготавливавшегося в то время второго похода белых на Петроград; с выводом из строя основных кораблей Балтийского флота приморский фланг Красной Армии оставался бы без поддержки с моря⁸. С этим можно было бы согласиться, если бы речь шла о подготовке комбинированного наступления на Петроград с суши и моря. Однако во время осенней кампании, как и весенне-летней, ничего по-

добного не происходило: английская эскадра вела себя гораздо более пассивно, чем можно было рассчитывать, и существенной поддержки войскам Юденича не оказала. Поэтому представляется более правильным мнение, что главной задачей налета было максимально возможное ослабление русского флота. Именно русского, независимо от того, в чьих руках он в конечном счете оказался бы — красных или белых. Предполагая, что в случае успеха Юденича Кронштадт и флот будут захвачены белыми, англичане были заинтересованы в том, чтобы к ним в руки попало как можно меньше исправных боевых кораблей. Таким образом, эта частная военная операция укладывалась в общую британскую стратегию ослабления России.

Осуществить запланированный рейд должен был отряд торпедных катеров (английская аббревиатура С.М.В. — *coastal motor boats*). Это был новый вид военных кораблей, которых в то время еще не было на вооружении флотов других европейских государств. Производство этих катеров началось на верфях Саутгемптона в 1917 году. Вооружение их состояло из двух торпед и пулеметов. Самым большим преимуществом катеров была их быстроходность и высокая маневренность, вследствие чего задача накрыть их артиллерийским огнем представляла большую сложность. Их слабым местом были неспособность действовать при большом волнении — из-за низкой осадки катер начинал зарываться носом. В 1918 году катера принимали участие в военных действиях в ходе Первой мировой войны. Наиболее крупной операцией, в которой они принимали участие, в количестве около 30 единиц, был налет на бельгийский порт Зеебрюгге в апреле 1918 года, в результате которого были взорваны два немецких миноносца и ботопорт дока. За все время боевых операций от попадания артиллерийским огнем не был потерян ни один катер⁹. Именно операция в Зеебрюгге, осуществленная при поддержке авиации, послужила образцом для планирования рейда на Кронштадт.

Два торпедных катера английского флота находились в балтийских водах еще с весны 1919 года, однако они не принимали участия в боевых операциях. Командовавший катерами лейтенант О.Эгар осуществлял связь с английским резидентом в Петрограде П.Дьюксом. Катера О.Эгара доставляли из Териоки¹⁰, где в помещении яхтклуба находилась их секретная база, в Петроград курьера, который встречался с П.Дьюксом, получал от него свежую информацию и в свою очередь передавал ему новые инструкции из центра, затем курьер доставлялся обратно¹¹. На О.Эгара возлагалась также задача вывезти П.Дьюкса из России, когда его миссия будет завершена. В военные действия О.Эгар ввязался самовольно, на собственный страх и риск. В середине июня во время восстания на фортах Красная Горка и Серая Лошадь, которому англичане не

Чертеж английского быстроходного торпедного катера (С.М.В.). Вид сверху и разрез.

оказали никакой поддержки, О.Эгар по собственной инициативе решил помочь оставшим: он намеревался атаковать один из кораблей, обстреливавших мятежные форты, и этим внести замешательство в ряды красных и отвлечь их от Красной Горки. Успех акции превзошел все ожидания. В ночь на 18 июня катер О.Эгара неожиданно атаковал и потопил торпедой крейсер “Олег”, стоявший в дозоре у Толбухина маяка¹². Впрочем, несмотря на весь внешний эффект, эта атака не имела смысла, так как мятежные форты были к тому времени снова в руках красных (о чем О.Эгар, по его словам, не знал¹³). Однако она показала, что торпедным катерам под силу успешно бороться с большими военными кораблями. Именно после этого у командования английской эскадры возник замысел рейда на Кронштадт.

В конце июля в Койвисто прибыл отряд из семи торпедных катеров, к которым затем должен был присоединиться катер О.Эгара¹⁴. Адмирал У.Коуэн располагал точными данными о расположении кораблей и береговой обороны в Кронштадте благодаря действиям своей воздушной разведки и переданным через О.Эгара сообщениям П.Дьюкса¹⁵. Разработанный им план состоял в том, чтобы одновременно с бомбардировкой с воздуха, которая должна была отвлечь внимание на себя, катера прорвались через линию кронштадтских фортов и проникли внутрь гавани. Было решено двигаться к Кронштадту с северной стороны, откуда командование Балтийского флота совершенно не ожидало атаки¹⁶. В операции должны были принять участие семь катеров под общим руководством лейтенанта Добсона. О.Эгар на восьмом катере прикрывал остальных. Перед каждым из катеров стояла конкретная задача на поражение цели. В качестве основных целей были избраны “Петропавловск”, “Андрей Первозванный”, “Память Азова”, “Рюрик”, сторожевой миноносец и ботопорт среднего дока¹⁷.

Ход событий 18 августа хорошо известен благодаря архивным документам, запискам очевидцев — балтийских моряков и воспоминаниям О.Эгара. Рано утром над Кронштадтом появились английские самолеты и начали сбрасывать бомбы. Зенитные орудия Кронштадтской крепости открыли по ним огонь, на кораблях была пробита воздушная тревога. Пользуясь наступившим замешательством, катера Добсона и Эгара, как и было запланировано, прорвались к Кронштадту по северному фарватеру; им удалось пройти незамеченными, чему также способствовало то, что они шли с подветренной стороны¹⁸. Серьезным просчетом системы обороны Кронштадта было отсутствие заграждений у входа в гавань, что облегчило англичанам их задачу. Первым приближение катеров заметил эсминец “Гавриил”, который нес дежурство на рейде. Один из катеров выпустил по “Гавриилу” торпеду, но она прошла мимо, ударившись в стенку гавани. Эсминец открыл ответный огонь и первым же выстрелом потопил английский катер¹⁹. Тем временем катер Добсона и еще три катера прорвались внутрь гавани и атаковали линейные корабли “Петропавловск”, “Андрей Первозванный” и учебное

Огастас Эгар (30-е годы).

Пол Дьюкс (30-е годы).

судно “Память Азова” (англичане считали его базой подводных лодок). “Память Азова”, получив попадание в правый борт, затонул. “Андрей Первозванный” также получил пробоину в левом носовом отсеке и уткнулся носом в грунт. Торпеда, выпущенная по “Петропавловску”, не достигла цели и разворотила стенку около броненосца²⁰. Еще два катера, пытавшиеся прорваться из-за угла Военной гавани, были отогнаны огнем “Гавриила”. При выходе из гавани два катера сумели благополучно вырваться в море, однако командир одного из них, лейтенант Дейрел-Рид, в перестрелке был смертельно ранен в голову. Два других катера столкнулись и, потеряв управление, были последовательно накрыты огнем “Гавриила”²¹. Таким образом, если за полгода операций в ходе

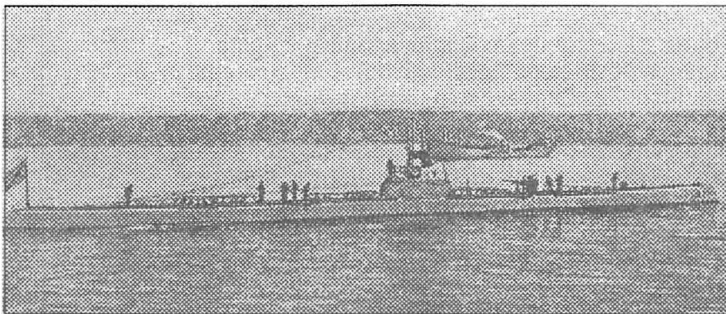
Первой мировой войны немцам не удалось потопить ни одного английского торпедного катера, артиллеристы с “Гавриила” за считанные минуты, к тому же в условиях ночного боя, потопили сразу три из них. Погибли командир одного из катеров лейтенант Брейд, его помощник и шесть мастросов. Командиры двух других потопленных катеров, лейтенанты Бремнер и Нэпир, были спасены и взяты в плен (любопытно, что лейтенант Нэпир оказался правнуком лорда Нэпира, адмирала, командовавшего английской эскадрой на Балтике во время Крымской войны)²². В плен попали также еще один офицер и шесть матросов.

Оценка результатов и значения рейда торпедных катеров весьма разноречива. Это касается даже вопроса о потерях, нанесенных этим рейдом кораблям Балтийского флота. В заявлении британского Адмиралтейства утверждалось, что были потоплены линейные корабли “Петропавловск”, “Андрей Первозванный” и миноносец; был также якобы сильно поврежден один крейсер²³. На основании этих данных и был сделан вывод о блестящем успехе налета. Адмирал У.Коуэн, чествуя участников рейда, говорил, что “сильнейшая морская крепость мира” была разгромлена небольшим количеством “отлично дисциплинированных и бесстрашных британцев”²⁴. Он сказал также, что результат этой акции означает конец советской угрозы Финляндии со стороны моря и свободу для прибалтийских государств²⁵. Такая характеристика событий 18 августа перекочевала в дальнейшем в англо-американскую историографию. Действия Балтийского флота после этого были якобы парализованы. Английский историк Р.Локетт даже утверждал, что “Красный флот практически перестал существовать”²⁶. Однако английские данные о потерях, на основании которых были сделаны подобные выводы, несколько преувеличены. Согласно сводкам командования Балтийского флота и свидетельствам очевидцев, были подорваны “Андрей Первозванный” и “Память Азова”, старое судно, использовавшееся в учебных целях²⁷, никаких попаданий в “Петропавловск” не зафиксировано. Как уже упоминалось, торпеда, выпущенная по нему, прошла мимо и ударилась в стенку гавани. В сведениях о кораблях Балтийского флота на 15 сентября “Петропавловск” указан среди вполне исправных и действующих кораблей²⁸. Если бы он действительно был поражен торпедой, было бы совершенно нереально в срок меньше, чем за месяц отремонтировать его и ввести в строй. Также нет

никаких указаний на потери среди миноносцев, если не считать мелких повреждений, полученных “Гавриилом” во время перестрелки. Совершенно не вяжется с фактами утверждение о повреждении какого-то крейсера: ничего подобного в советских источниках не зафиксировано. Добсон, Эгар и их соратники, видимо, в своих донесениях выдавали желаемое за действительное. “Андрей Первозванный”, таким образом, был единственной серьезной потерей среди боевых кораблей Балтийского флота: он надолго выбыл из строя. В то же время англичане потеряли три катера из семи, участвовавших в операции. Тезис о том, что Балтийский флот в результате рейда 18 августа был парализован, опровергается тем фактом, что вскоре после этих событий, 31 августа, подводная лодка “Пантера” атаковала и потопила у острова Сескар английский эскадренный миноносец “Виттория”²⁹. Бесспорно, рейд был очень эффектно задуман и для защитников Кронштадта явился полной неожиданностью. Положение спас эсминец “Гавриил”. Если бы не четкие действия его экипажа и командира В.Севастьянова и если бы англичанам удалось поразить эсминец, исход боя мог оказаться иным. В то же время утверждение А.С.Пухова о том, что “налет врага на Кронштадт потерпел крах” также нельзя признать верным, хотя оно несколько ближе к истине. Пухов, в противоположность западным историкам, преувеличивает потери англичан: он пишет о шести потопленных катерах, хотя в действительности их было только три³⁰.

Операция 18 августа, план которой разработал У.Коуэн, была санкционирована непосредственно Адмиралтейством. Из британских политических документов явствует, что вопрос об этой акции обсуждался на самом высоком уровне — на заседании Кабинета, и премьер Д.Ллойд Джордж лично одобрил ее проведение. Интересно, что военный министр У.Черчилль, известный как наиболее последовательный сторонник решительных действий против Советской России, к рейду на Кронштадт отнесся крайне негативно. Он заявлял Ллойд Джорджу, что этот рейд был сопряжен с большим риском и привел к неоправданным потерям; в то же время, возмущался военный министр, Великобритания не уделяет внимания состоянию всего антибольшевистского фронта в Прибалтике³¹. Резко отрицательно отреагировали на английскую акцию лидеры русского белого движения: они считали, что не было никакой необходимости топить военные корабли, которые могли пригодиться будущей России.

Лейтенант О.Эгар, участник описываемых событий, в последних числах августа стал героем еще одной акции — операции по вывозу из России резидента П.Дьюкса. Поздно ночью О.Эгар вышел на своем катере из Териоки, вместе с ним был и один из курьеров, бывший мичман Балтийского флота А.Гефтер. Они должны были проникнуть в Петроград, как это неоднократно проделывалось раньше, и в условленном месте подобрать П.Дьюкса. Операция, однако, не удалась. Кронштадтские дозоры, усилившие после 18 августа бдительность, обнаружили катер, и по нему был открыт огонь

Подводная лодка “Пантера”.

кронштадтских батарей. О.Эгар, усиленно маневрируя, сумел уйти из-под обстрела, но его катер, попав на мелководье, налетел на какое-то препятствие, в результате чего мотор вышел из строя. К утру экипаж с большим трудом смог на веслах дотянуть до финского берега. Как впоследствии выяснилось, эта неудача спасла жизнь О.Эгару и его товарищам: органам ЧК было уже известно место их встречи с П.Дьюксом, и там их ожидала в засаде баржа с пулеметами³². П.Дьюкс же в начале сентября был переправлен из России сухопутным путем³³.

Боевые действия на море осенью 1919 года приняли прежний вялый характер и к концу года окончательно прекратились. В середине декабря английские корабли покинули Финский залив, чтобы больше туда уже не вернуться. За все время своего пребывания на Балтике англичане потеряли один легкий крейсер, 2 эскадренных миноносца, одну подводную лодку, 2 тральщика и 3 торпедных катера³⁴.

Примечания

- 1 *Coates W.P.* Russia, Finland and the Baltic. London, 1940. P.38; Операции английского флота в Балтике в гражданскую войну // Морской сборник. 1929. № 1. С.101.
- 2 *Schmiedel K., Schnitter H.* Bürgerkrieg und Intervention. 1918—1922. Militärhistorisches Abriss des Bürgerkrieges und der ausländischen Intervention in Sowjetrussland. Berlin, 1970. S.140.
- 3 Современный Приморск.
- 4 *Bennett G.* Cowan's war: The Story of British Naval Operations in the Baltic, 1918—1920. London, 1964. P.119.
- 5 Российский государственный архив Военно-морского флота (далее РГА ВМФ). Ф.р-92. Оп.1. Д.194. Л.28—29.
- 6 *Лухов А.С.* Балтийский флот на защите Петрограда (1919 г.) М., 1958. С.51—52.
- 7 Государственный архив Российской Федерации. Ф.200. Оп.1. Д.298. Л.6.
- 8 *Лухов А.С.* Указ.соч. С.117.
- 9 РГА ВМФ. Ф.р-342. Оп.1. Д.291. Л.16—17.
- 10 Современный Зеленогорск.
- 11 *Agar F.* Baltic Episode. A Classic of Secret Service in Russian Waters. London, 1961. P.30—31.
- 12 *Ibid.* P.86—87. В донесении о гибели "Олега" ошибочно сообщалось, что он был атакован подводной лодкой (РГА ВМФ. Ф.р-92. Оп.1. Д.257. Л.3—4).
- 13 *Agar A.* Op.cit. P.88.
- 14 *Ibid.* P.107.
- 15 *Ibid.* P.152—153.
- 16 Операции английского флота в Балтике... С.112.
- 17 РГА ВМФ. Ф.р-92. Оп.1. Д.262. Л.101.
- 18 Операции английского флота в Балтике... С.113.
- 19 РГА ВМФ. Ф.р-92. Оп.1. Д.262. Л.96—97.
- 20 Там же; Налет английских минных катеров на Кронштадт (воспоминания очевидца) // Красный флот. 1925. № 8. С.70.
- 21 *Agar A.* Op.cit. P.173, 175.
- 22 Центральный государственный архив историко-политических документов. Ф.4000. Оп.5. Д.2749. Л.38; *Agar A.* Op.cit. P.176.
- 23 *Agar A.* Op.cit. P.152.
- 24 *Bennett G.* Op.cit. P.157.
- 25 *Agar A.* Op.cit. P.178.
- 26 *Lockett R.* The White Generals: An Account of the White Movement and the Russian Civil War. London, 1987. P.306.
- 27 Гражданская война. Боевые действия на морях, речных и озерных системах. Т.2. Ч.1. Л., 1926. С.184; Налет английских минных катеров на Кронштадт. С.70.
- 28 РГА ВМФ. Ф.р-1. Оп.3. Д.81. Л.10.
- 29 Гражданская война. Боевые действия на морях... С.189—192.
- 30 *Лухов А.С.* Указ.соч. С.119.
- 31 *Gilbert M.* Winston S. Churchill. Vol.IV. 1917—1922. Boston, 1978. P.871.
- 32 *Гейфтер А.* Воспоминания курьера // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т.10. С.161—164; *Agar A.* Op.cit. P.185—194.
- 33 *Agar A.* Op.cit. P.198.
- 34 Потери английского флота во время боевых операций против России в 1918—1919 // Морской сборник. 1921. № 1—2. С.39—40.

С.Н.Полторак

“Красная” и “Белая” Россия: два взгляда на проблему российского гражданства бывших военнопленных Первой мировой войны

События Первой мировой войны во многом предопределили судьбы не только десятков государств нашей планеты, но и миллионов их граждан. Одно из свидетельств тому — нахождение в Российском плену более 2-х миллионов иностранцев — представителей свыше 30-ти национальностей¹.

Тяжелое положение военнопленных усугублял тот факт, что регионы бывшей империи постепенно втягивались в события гражданской войны, что не могло не сказаться на положении обитателей более чем 100 лагерей. Это касалось как сугубо бытовых проблем (ухудшение питания, снабжения одеждой и обувью, условий проживания), так и моральных издержек (ухудшение, часто — прекращение переписки с родными и близкими, отсутствие реальных надежд на скорое возвращение домой). Почти перестала ощущаться помощь представителей международной организации Красного Креста. В угоду политическим интересам десятки эшелонов с военнопленными колесили по стране. Люди сотнями умирали от голода, холода, эпидемий и бытовой неустроенности.

В то же время военнопленные как люди, имевшие боевой опыт, продолжали оставаться той силой, на которую во многом рассчитывали политики и военные деятели противоборствовавших сторон.

Несложные подсчеты показывают, что около 80% всех иностранных военнослужащих не стали оказывать активную поддержку ни Советской власти, ни Белому движению. Они делали все возможное, чтобы поскорее вернуться на родину. Однако в силу разных причин 10—12% всех военнопленных стало воевать на стороне Красной Армии и несколько меньше — в рядах ее противников. Если учесть, что в стране в то время находились многие десятки тысяч иностранцев из числа гражданских лиц, то проблема российского гражданства или, как часто по привычке (хотя монархия уже не существовала) писали — подданства, представляется весьма актуальной. Особый интерес она вызывает потому, что в условиях быстрых политических перемен, распада страны и создания новых государств вопрос о гражданской принадлежности был чрезвычайно запутан.

Наибольшая путаница была на территориях, контролировавшихся Советами. Вот лишь некоторые тому подтверждения. 23 марта 1919 г. в “Вестнике Народного комиссариата внутренних дел” была опубликована инструкция, в которой разъяснялось, кого считать подданными других государств.

Этот документ не сохранился в крупнейших библиотеках бывшего СССР, но есть в ряде государственных архивов². Основное внимание в нем было обращено на финнов и поляков, поскольку до начала революционных событий Польша и Финляндия входили

ли в состав Российской империи. Через несколько недель, 17 апреля, Реввоенсовет республики издал приказ о порядке формирования интернациональных частей Красной Армии. В нем отмечалось, что эти части должны быть укомплектованы “исключительно лицами, кои до июля 1914 года не состояли в русском подданстве”³. Таким образом, высший революционный орган фактически признавал юридическую силу законодательных актов царского правительства, в соответствии с которыми иностранные граждане и, в частности, военнопленные, в годы войны становились россиянами.

Изучение ряда документов позволяет предположить, что у руководства советскими республиками не было единства взглядов по вопросам гражданства. Это предположение подтверждает, например, циркулярное распоряжение Народного комиссариата Украины по иностранным делам от 15 июля 1920 г., согласно которому иностранными подданными считались лица, которые являлись таковыми до октября 1917 года, а также граждане Финляндии и Польши. В этом же циркуляре оговаривалось, что жители Холмской, Волынской и Гродненской губерний бывшего царства Польского, а также подданные тех государств, которые к тому времени еще не были признаны Украинской советской республикой — уроженцы Латвии, Эстонии, Грузии, Армении, Бессарабии — иностранными подданными не считаются⁴.

Вполне понятно, что вопрос о гражданстве в ту пору часто возникал, когда решался вопрос о службе в армии, особенно тогда, когда принцип добровольного вступления в нее был заменен всеобщей мобилизацией граждан. На тех территориях, где была установлена советская власть, прослеживались две любопытные тенденции. С одной стороны, многие мужчины призывного возраста (а призывали в возрасте от 18 до 40 лет), желая уклониться от службы, искали всяческие пути, чтобы подтвердить, если это было возможно, свою иностранную принадлежность. С другой стороны, распространенным явлением было принятие иностранцами, недавними военнопленными, советского гражданства. Вот лишь некоторые тому доказательства. Во второй половине 1918 г. в Ярославской губернии — известном центре дислокации лагерей для военнопленных — за короткий срок российскими гражданами стали 306 иностранных подданных⁵. А еще раньше, в апреле, многие бывшие военнопленные из числа австрийцев, чехов, словаков, немцев, турок, находившихся в Крыму, также стали гражданами советского государства⁶. Советскими гражданами становились корейцы, персы, венгры и многие другие военнослужащие иностранных армий⁷.

Стремление к перемене гражданства было обусловлено многими причинами, среди которых основными были следующие: желание военнопленных поскорее выйти за пределы лагерей, намерение навсегда поселиться в советском государстве и, что бывало чаще всего, такое стремление с 1918 г. стало необходимым условием для вступления в ряды Красной Армии.

Безусловно, в целях революционной агитации было куда заманчивей принимать в ряды вооруженных защитников мировой революции иностранных рабочих и крестьян, умудренных боевым опытом. Однако в соответствии с документами, подписанными в ходе заключения Брестского мира, в Красной Армии подданные иностранных государств служить права не имели. Именно этим в основном и объяснялось массовое принятие иностранцами российского гражданства.

В различных регионах время от времени появлялись документы, конкретизировавшие Брестское соглашение. К их числу относится приказ по войскам Петроградского военного округа от 11 декабря 1918 г., в котором указывалось, что “иностранные подданные не должны привлекаться к отбыванию воинской повинности”⁸, постановление Временного рабоче-крестьянского правительства Украины “О правах и обязанностях иностранцев”, отмечавшее, что “к отбыванию воинской повинности или вооб-

ше к повинностям, налогам и прочим сборам на военные цели иностранцы не привлекаются»⁹.

Эти и подобные им документы обладали юридической силой, но на практике иностранные граждане по-прежнему продолжали вступать как в интернациональные формирования, так и в части и подразделения, в которых служили воины России, Белоруссии, Украины и иных государств.

Правда, эти случаи афишировались меньше, чем прежде, а на дипломатическом уровне отвергались категорически. Даже в так называемой спецпропагандистской работе подобные факты скрывались. Например, документально установлено, что в июне 1919 г. в Петрограде находилось 4500 китайцев, значительная часть которых вступила в то время в ряды красноармейцев 7-й армии¹⁰. Тем не менее, в листовке, подготовленной в политотделе 7-й армии и обращенной к военнослужащим генерала Н.Н.Юденича, отмечалось: «Никаких китайских войск у красных нет. Красная Армия состоит не из наемников, а из ставших под ружье на защиту советской власти рабочих и крестьян»¹¹.

Советская власть объективно была заинтересована в том, чтобы иностранцы, в том числе и недавние военнопленные, принимали советское гражданство — тем самым революционные силы утверждали свои идеалы на практике, формировали столь важное для них общественное мнение.

В общественном сознании социал-демократическим силам удалось во многом утвердить интернационалистические идеи по отношению к недавнему врагу. Еще в 1917 г., например, военно-революционный комитет Иркутска в своем обращении к военнопленным писал: «Трудовой народ Сибири не желает, чтобы продолжалась несправедливость к Вам, товарищи военнопленные. ВРК рассматривает вопрос о военнопленных, спешит возвратить Вам, товарищи, отнятые русской и международной буржуазией права граждан, спешит обеспечить Ваш труд на общих основаниях со всеми трудящимися»¹².

У сторонников Белого движения были совсем иные взгляды на место военнопленных в решении российских внутривластных проблем. Они, подобно деятелям еще недавно находившегося у власти Временного правительства, считали, что военнопленные «ведут себя вызывающе и безгранично пользуются свободой, вследствие чего так обнаглели, что забыв свое пребывание в плену, под угрозой забастовок предъявляют всякого рода непомерные требования...»¹³.

Идея национального русского сплочения, единения на основе православия не способствовала, казалось, стремлению иностранных военнослужащих к принятию российского гражданства на территории, где действовали белогвардейские правительства. Но на деле все было сложнее. Военнопленные были различны по своему социальному положению и политическим взглядам. Одним из наиболее веских доводов в пользу принятия ими российского гражданства в условиях Белого режима было неприятие как большевизма, так и иных социал-демократических идей и уж тем более — преобразований. Кроме того, бытовые, сугубо житейские интересы тоже нельзя было бы не учитывать.

Лидеры Белого движения, имея больший, чем органы советской власти, багаж юридических документов (поскольку, во многом справедливо, считали себя преемниками Временного правительства), довольно квалифицированно решали вопрос принятия бывших военнопленных в российское гражданство. Об этом, в частности, убедительно говорит содержание приказа по белогвардейским частям Омского военного округа. Документ поистине уникален и стоит того, чтобы быть опубликованным целиком.

“Приказание войскам Омского военного округа.
г. Омск. 9 августа 1919 г. № 241.

По приказанию Командующего Войсками объявляется при этом копия правил препровожденных при надписи Начальника Мобилизационного Отдела Управления 3-го Генерал-Квартирмейстера от 5-го августа с.г. за №54478 о принятии военнопленных в Русское подданство. Соответствующие ходатайства должны возбуждаться военнопленными по команде для направления со всеми указанными в правилах сведениями в Штаб округа, откуда таковые прошения будут передаваться по принадлежности для окончательного разрешения.

*И.д.Начальника Штаба, Генерал-майор Козлов.
(По Окружному Штабу, Особому Отделению).*

Правила о принятии пленных иностранцев в русское подданство

1) Принятие неприятельских военных и гражданских пленных в русское подданство производится на основании ст.ст. 836—857 Св.Зак. о сост. и постановления Временного Правительства от 17 июня 1917 года и допускается лишь в особо уважительных случаях.

2) Прошения о принятии в подданство подаются в комиссию по делам о пленных и должны содержать в себе сведения о национальности просителя, подданстве его, вероисповедании, времени пребывания в плену, месте жительства и занятий во время плена, месте жительства и занятий на родине, степени образования и знания русского языка, семейном положении, подданстве жены до брака, если проситель женат, средствах к существованию и отрасли труда, которым проситель намерен заниматься по вступлении в русское подданство.

3) При прошении должны быть приложены: 1) акты состояния просителя, выданные ему на его родине, если таковые имеются; 2) удостоверение Российского гражданского или военного начальства о поведении просителя во время нахождения в плену и 3) в подлежащих случаях удостоверение сельских обществ, среди которых жил и работал проситель.

4) По поступлении прошения о принятии в подданство комиссия производит проверку содержащихся в нем сведений, причем выясняет причины, побуждающие просителя ходатайствовать о принятии в русское подданство, а также степень благонадежности с точки зрения государственного порядка и непринадлежности его к большевизму.

5) Собранные указанным порядком сведения, вместе с прошением, комиссией по делам о пленных представляется на распоряжение Министра Внутренних Дел, сообщая свое заключение о том, подлежит ли удовлетворению ходатайство просителя о приеме его в подданство.

6) При решении вопроса о приеме пленных в русское подданство принимаются к руководству следующие общие начала: а) не подлежат приему в русское подданство лица неграмотные; не знающие русского языка, порочного поведения и причастные к большевизму, а также лица, относительно коих имеются основания полагать, что ходатайство их вызывается желанием избавиться от тяжелых условий плена; б) особо уважительными для принятия в подданство обстоятельствами признаются: продолжительная беспорочная служба в рядах русской армии или добровольческих воинских частей, а равно служба в гражданских правительственных установлениях, особенные заслуги, оказанные России, приобретение просителем оседлости, постоянного занятия в пределах России и т.д.; в) неприятельские подданные немецкой, венгерской, болгарской и турецкой национальностей принимаются в русское подданство лишь в виде исключения, в случае особенных заслуг, оказанных ими России.

7) По рассмотрении заключения комиссии по делам о пленных, а также по собрании дополнительных сведений о просителях, если в этом представляется надобность, Министр Внутренних Дел разрешает вопрос о принятии просителя в подданство на основаниях, указанных в ст. 845 Зак. о сост.

8) Присяга на подданство дается вступающим в подданство установленным для сего в законе порядком (847 ст. Св. Зак. о сост.).

Верно: И.д. делопроизводителя 4-го отделения Мобилизационного отдела Штаба Верховного Главнокомандующего Поручик Ганзен

*Вр. и.д. начальника Особого отделения Штабс-капитан Ситкин*¹⁴.

Есть документальные свидетельства того, что министр внутренних дел правительства А.В.Колчака лично рассматривал прошения иностранцев о принятии их в русское подданство, руководствуясь при этом циркуляром министерства внутренних дел Временного Всероссийского правительства от 21 августа 1917 г. за № 63. В частности, 13 сентября 1919 г. им были рассмотрены 172 прошения австрийских подданных — чехов по национальности. Все они были в тот момент военнослужащими штаба Сибирской армии. В число, как было сказано в документе, «граждан Сибири» они перешли во главе со своим руководителем Иосифом Зайчеком, занимавшим должность начальника военного контроля штаба этого белогвардейского соединения¹⁵. Подобных примеров было множество и в других регионах страны, где у власти находились белогвардейцы.

Несмотря на ряд отличий в организации самой процедуры принятия российского гражданства, у «белых» и «красных» было, несомненно, одно общее: и Советы, и руководители Белого движения требовали от иностранцев, принимавших российское гражданство, абсолютной лояльности к существующему режиму и, чаще всего, личного участия в боевых действиях на своей стороне.

Оба лагеря делали ставку не только на силу иностранных штыков (хотя Чехословацкий корпус или австро-венгерские и немецкие красноармейские части сыграли в ходе гражданской войны не последнюю роль). Куда важнее было использовать факты принятия бывшими пленными Первой мировой войны российского гражданства в агитационно-пропагандистских целях: дескать, если уж чужеземцы хотят быть нашими соотечественниками, то идея, за которую идет война «белых» с «красными» (или «красных» с «белыми») действительно стоит того, чтобы за нее воевать.

С той поры миновало более семидесяти лет. Многое в истории России изменилось. В разных местах вспыхивают очаги гражданской войны, и участвуют в них зачастую не только россияне, но и жители иных государств. Правда, о принятии российского гражданства вопрос они не поднимают.

Может быть, еще не родились у нас идеи, ради которых стоило бы им увидеть в России свою вторую родину?

Примечания

- 1 Подсчитано автором на основе анализа данных более 60-ти центральных и местных архивов бывшего СССР.
- 2 См., например: Государственный архив Днепропетровской области. Ф.3321. Оп.1. Д.85. Л.32.
- 3 Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1921—1922). М., 1957. С.176.
- 4 Государственный архив Днепропетровской области. Ф.3321. Оп.1. Д.85. Л.27.
- 5 Государственный архив Ярославской области. Ф. Р-1431. Оп.9. Д.12. Л.1—13 об.
- 6 Государственный архив Крымской области. Ф. Р-2239. Оп.1. Д.7. Л.1—9; Д.8. Л.1-3; Д.11. Л.1—1об; Д.12. Л.1; Д.13. Л.1—10; Д.14. Л.5.
- 7 См., например: Государственный архив Харьковской области. Ф. Р—1772. Оп.1. Д.281. Л.2—2об.; Государственный архив Херсонской области. Ф. Р-1925. Оп.1. Д.237. Л.2, 9; Ф. Р-3378. Оп.3. Д.21. Л.2—17.
- 8 Архив штаба Ленинградского военного округа. Ф.21. Оп.49530. Д.5. Л.292.
- 9 Государственный архив Херсонской области. Ф. Р-1887. Оп.2. Д.1. Л. 1об.
- 10 Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917—1922). М., 1957. С.183.
- 11 Российский государственный военный архив. Ф.190. Оп.2. Д.428. Л.92.
- 12 Государственный архив Иркутской области. Ф. Р-42. Оп.1. Д.33. Л.14об.
- 13 Центр хранения современной документации Ульяновской области. Ф.57. Оп.1. Д.215. Л.1.
- 14 Государственный архив Омской области. Ф.1617. Оп.1. Д.11. Л.1—3.
- 15 Там же. Л.4—8.

К.М.Александров

Трагедия русского казачества: 1943—1944 гг.

Продолжая начатый разговор об участии русских казаков в боевых действиях в составе Вермахта и прочих военных формирований Германии в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.¹, мы обязаны учитывать ряд немаловажных факторов, которые влияли на изменение отношения в 1943 г. представителей германского государственного и административного аппарата, а также части офицеров Вермахта и к казачьей проблеме, и вообще к тому феномену, который в зарубежной историографии именуется Освободительным Движением Народов России (ОДНР).

К лету 1943 г., несмотря на сохранявшийся значительный военный, промышленный потенциал Германии и ее союзников, становилось все более очевидным, что стратегически война Гитлером проиграна. Главным фронтом, поглощавшим большую часть людских ресурсов, продолжал оставаться Восточный. Всего за 1-й и 2-й кварталы 1943 г. убыль личного состава в Действующей армии на Восточном фронте составила 823.433 человека, а восполнение — 720.100 человек. Четыре армии союзников Германии после Сталинградской битвы 1942/43 гг. фактически исчерпали свои возможности². В этой связи активное боевое использование Германией многочисленных добровольческих формирований, правда существенно отличавшихся по своей боеготовности друг от друга, становилось особо актуальным. К июню 1943 г. в составе Вермахта и войск СС оперировали следующие формирования из бывших русских граждан Советского Союза:

— отдельные русские батальоны №№ 601—620; 627—650; 661—669 (к июлю 1943 г. таковых имелось 78 общей численностью не менее 80.000 человек, с учетом отдельных восточных рот);

— русский отдельный добровольческий полк № 700 полковника Каретти;

— 29-я штурмбригада СС-“РОНА” Б.В.Каминского (ее численность по разным оценкам колеблется от 12 до 20.000 человек);

— 1-й восточный запасной полк “ЦЕНТР” подполковника Н.Г.Яненко;

— запасной добровольческий полк “ДЕСНА” майора Аутча;

— Особая СС-бригада “ДРУЖИНА” подполковника В.В.Гиля (до 8.000 человек);

— отдельный гвардейский батальон РОА в Пскове С.Н.Иванова.

До 500.000 человек служили на штатных должностях в Вермахте в регулярных частях; некоторые дивизии, такие, как 134-я и 722-я пехотные, имели от 25 до 35% русских советских граждан в своем кадровом составе. Существовали также артиллерийские батареи, такие, как например, 621-я майора Кайлинга³. (Мы намеренно не рассматриваем здесь положение инациональных формирований: украинских, при-

балтийских, татарских, северо-кавказских, калмыцких и пр., ибо это выходит за рамки публикации, а также не касаемся вопроса о разнообразии полицейских и карательных спецкоманд “Гехаймфельдполицай” (ГФП) и СС/СД.)

Исходя из вышесказанного, мы с осторожностью сможем допустить, что с учетом служивших в кадровом штате Вермахта русских к лету 1943 г. в военных формированиях сухопутных сил находилось от 550 до 600 тыс. человек⁴. Но было бы ошибочным полагать, что нерешительные усилия по привлечению русских к военной службе, предпринимавшиеся различными германскими ведомствами, объяснялись лишь стремлением восполнить безвозвратные потери. Важную роль играла инициатива некоторой части младшего и среднего звена офицерского корпуса Вермахта, которая действовала по собственным побуждениям. К таким побуждениям может быть отнесено и искреннее желание отказаться от нацистских догм “Ост-министерии” А. Розенберга, заставить себя коренным образом пересмотреть свое участие и поведение в войне на Востоке. Чрезвычайную неоднородность в поведении различных немецких гарнизонов на оккупированной территории отмечали разведчики партизанских отрядов, в том числе и спецгрупп НКВД: “Замечается из допросов самих крестьян отношение скверное [немцев. — К.А.], забивают скот для армии, разоряют и забирают мед, бьют содержимое в квартирах... В других деревнях замечается хорошее отношение, даже подкармливают крестьян...”⁵

Определенную роль в изменении настроений сыграла брошюра бывшего офицера русской службы, прибалтийского немца, капитана ФХО⁶ В.К. Штрик-Штрикфельда⁷ “Русский человек”, которая рассылалась по приказу участника заговора против Гитлера генерал-майора Р. Гелена⁸ офицерам Генерального штаба на Восточном фронте. Брошюра Штрикфельда содержала закамуфлированную автором критику традиционных нацистских установок по поводу “унтерменшей”⁹. Естественно, что начальник Орготдела ОКХ полковник К.Ш.М. фон Штауффенберг¹⁰, полковник Генерального штаба И.Г. Фрейтаг-Лорингофен¹¹, который занимался формированием казачьих частей¹² из отступивших с Дона и Кубани к весне 1943 г. казаков, полковник Генерального штаба, сотрудник ФХО, барон А. фон Ренне¹³ и другие заговорщики желали видеть в участниках ОДНР союзников, а не ландскнехтов. Поэтому, пожалуй, главным фактором, серьезно повлиявшим на развитие Движения, являлась та закулисная борьба внутри различных ведомств Третьего рейха, включая Вермахт и СС, которая велась перечисленными нами участниками антинацистского Сопrotивления — противниками “Ост-политик” А. Розенберга и многими другими¹⁴. Один из руководителей антигитлеровского заговора, бывший бургомистр Лейпцига К. Гердлер заявил в 1942 г. и неоднократно подтверждал впоследствии, что Гитлер своей оккупационной политикой “упустил реальный шанс избавить русский народ от большевизма”¹⁵. И его заявление звучало весомо. Ведь к началу весны 1943 г., уже после Сталинграда, но еще до Курска, заговорщики вступили на путь физической ликвидации фюрера. 13 марта 1943 г. начальник оперативного отдела группы армий “Центр” генерал-майор Х. фон Треско¹⁶ пытался неудачно взорвать личный самолет Гитлера¹⁷. Роль генерала Треско в становлении ОДНР нельзя недооценивать — именно по его инициативе в июле 1941 г. на Восточном фронте возникла первая русская часть под командованием полковника И.К. Сахарова¹⁸. Другой заговорщик — упоминавшийся полковник К.Ш.М. фон Штауффенберг, один из инициаторов придания войне с СССР политического характера¹⁹, в августе 1942 г. приказом № 5000 урегулировал положение добровольцев в Вермахте²⁰, а в феврале 1943 г. явился одним из создателей и защитников главного кадрового центра Власовского движения — Дабендорфской школы²¹. Но все это были частные успехи — перспективы ОДНР вызвали ярость у нацистов, особенно после изоляции генерал-лейтенанта Власова в июне 1943 г. в Далеме.

В приказе от 17 апреля 1943 г. генерал-фельдмаршал В. Кейтель приказал перевести Власова под конвоем в лагерь военнопленных, а в случае нового “личного появления — передать тайной полиции и обезвредить”²². В приказе от 1 июля 1943 г. Кейтель сообщил, что “развертывание власовской освободительной армии сведено к масштабам, предусмотренным фюрером”, а “великорусская идея Власова отменена”²³. Но немцы не могли отказаться от боевого использования добровольцев и казаков — слишком велики стали потери к весне 1943 г. Поэтому они сделали все, чтобы максимально ассимилировать русские батальоны и казачьи формирования в Вермахте. 27 марта 1943 г. по одним данным²⁴, в апреле — по другим²⁵ полковник Хельмут фон Паннвиц получил приказ начальника штаба ОКХ генерала Цейслера о формировании 1-й казачьей дивизии (по немецкой терминологии — 1-я инациональная кавалерийская²⁶). Кадром дивизии послужили строевые казаки — беженцы с Дона, Кубани, Терека и ряд боевых казачьих подразделений: 600-й казачий полк подполковника Юнгшульца; 3-й казачий полк подполковника Вольфа²⁷; и несколько мелких подразделений. Паннвиц упоминал еще один полк, действовавший в районе Шепетовки, имея в виду, очевидно 9-й генерала Бакланова казачий полк (он же 572-й казачий батальон)²⁸.

Личность командира дивизии — полковника (с 1 июля 1943 г. — генерал-майора Вермахта) Х. фон Паннвица являлась более чем незаурядной. Храбрый и порядочный офицер старой прусской закалки, к тому же не разделявший нацистских установок, Паннвиц остался в памяти тех, кто его знал, офицером с глубоко укорененным осознанием своего долга²⁹. Вообще, генерал Х. фон Паннвиц являл собой образец одного из лучших офицеров Вермахта. Рьяно взявшийся за создание дивизии, полковник Паннвиц быстро преуспел в своем начинании, что во многом достигалось благодаря устремлениям личного состава, прибывшего на формирование. Однако уже в самом начале обнаружилась вся непоследовательность и противоречивость отношения к своим союзникам Главного Командования Сухопутных Сил (ОКХ). В приказе о создании соединения указывалось, что все казачьи офицеры, прибывшие под Млаву в составе своих подразделений, должны были быть сняты с занимаемых должностей, их отряды подлежали реорганизации, а на все офицерские и унтер-офицерские должности в дивизии назначались военнослужащие Вермахта. Приказ ОКХ стал ярким подтверждением того, что Главное Командование Вермахта по крайней мере было вынуждено считаться с нацистскими установками, если не зависеть от них. Это распоряжение вызвало резкое возмущение среди всех казаков. Но в 600-м казачьем батальоне войскового старшины (подполковника) И.Н. Кононова, который прибыл в Млаву 7—12 июня 1943 г., ситуация была чревата открытым неповиновением. Отправка казачьих офицеров в Запасной дивизионный полк поставила батальон на грань бунта. Паннвиц и штаб дивизии пошли на уступки: 50% офицеров и 70% унтер-офицеров сохранялись в дивизии, но лишь при условии их переподготовки в Запасном полку. Основанием для подобного компромисса послужила убежденность немцев в отсутствии необходимого тактического опыта у большинства казачьих офицеров. (“Придирка” ничем не подкреплялась — подавляющее большинство среднего и младшего офицерского звена в казачьих формированиях принадлежало в прошлом к кадровому комначсоставу Красной Армии³⁰). Войсковой старшина Кононов явился в штаб дивизии и в присутствии всего старшего комсостава заявил, что в создавшихся условиях не может командовать и требует либо отправки батальона обратно на Восточный фронт, либо своего отрешения от должности. Паннвиц должен был разоружить батальон и принять меры для перемещения личного состава в лагерь военнопленных или действительно вернуть 600-й батальон на фронт. Ни на какие компромиссы кононовцы не шли³¹. Вечером 16 июня 1943 г. 600-й батальон получил приказ:

“Приказ № 13

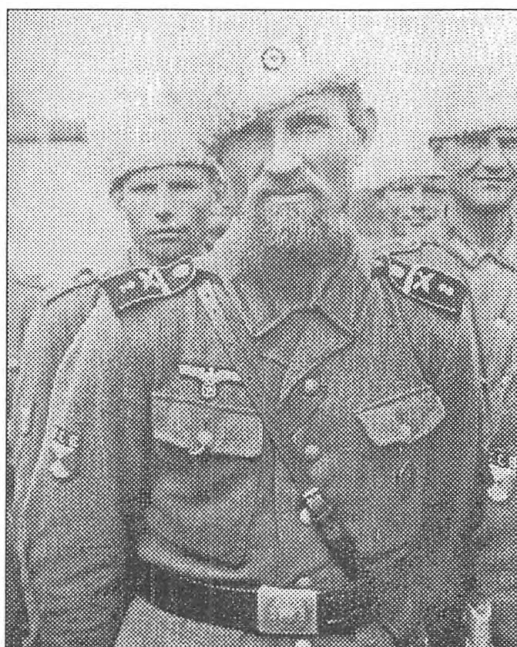
16 июня 1943 г., г. Млава, штаб 1-й казачьей дивизии

600-й казачий батальон переименовать в 5-й Донской казачий полк. Командиром полка назначается подполковник Кононов. Все офицеры и унтер-офицеры бывшего 600-го Донского казачьего батальона остаются в составе полка. Полк сформировать по штатам Генерального штаба.

Основание: радиограмма Ген. штаба от 15 июня за № 008/504.

Командир 1-й казачьей дивизии
генерал-майор фон Паннвиц³²”.

К 20 июня 1943 г. 1-я казачья дивизия окончательно сформировалась в составе 1-й Донской и 2-й Кавказской бригад: 2 донских, 2 кубанских, 1 терский, 1 сибирский полки; Запасного казачьего полка и частей обеспечения (см. схему³³). Сохранились точные данные о численности дивизии на осень 1943 г., когда началось ее боевое использование — 18.555 человек, в т.ч. 222 офицера Вермахта, 3.827 унтер-офицеров Вермахта, 191 казачий офицер и 14.315 казачьих унтер-офицеров и рядовых³⁴. Весь командный состав дивизии за исключением полка Кононова состоял из кадровых офицеров Вермахта. Казачьи офицеры назначались на должности командиров эскадронов и ниже. Дивизия получила стандартное штатное вооружение кавалерийской дивизии Вермахта, автотранспорт и пополнилась конским составом. Примечательно, что вопреки распространенным заблуждениям, казаки практически не имели на вооружении шашек, которые если и появлялись то лишь на полковых и дивизионных парадах и имели трофейное, советское происхождение³⁵. Летом 1943 г. дивизия занималась боевой учебой. Первоначально очень напряженно складывались отношения казаков с немцами. Значительное число немецких офицеров рассматривало казаков как ландскнехтов, а свое самосознание ставили выше казачьего, демонстрируя при этом пренебрежение казаками, что оскорбляло вспыльчивых кубанцев, донцов и терцев. Исключением продолжал

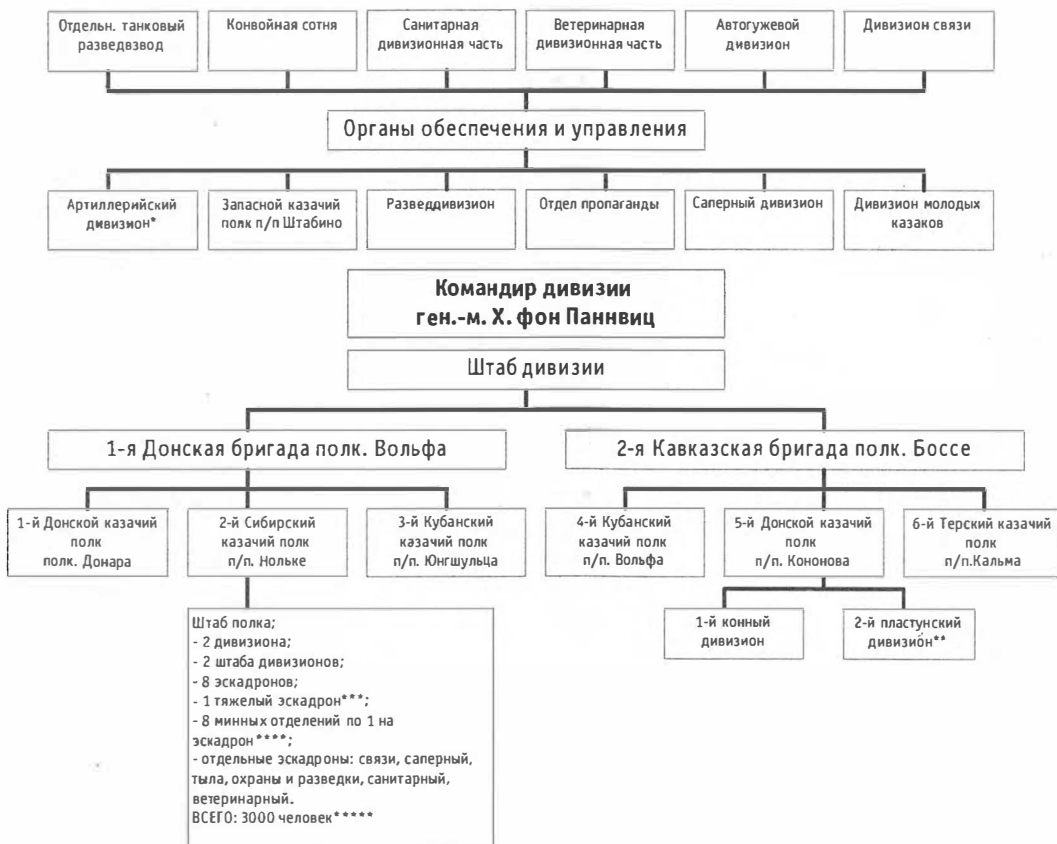

Казак Сибирского полка.

оставаться 5-й Донской полк 2-й бригады, в котором все обучение велось по уставам Красной Армии, немецкий язык вообще не использовался³⁶. Немцы же вели себя чванливо, надменно, злоупотребляя властью над подчиненными. (Обычным делом был горловой крик, переходящий в “ор”, что вызывало ответное раздражение, и т.п.). Были среди немцев и нацисты. В 3-м Кубанском полку подполковника Юнгшуйца немецкий унтер-офицер ударил по лицу во время занятий кубанца и тут же оказался убит казаками. Военная Прокуратура дивизии выяснила, что убийство совершила ...вся сотня. И дело закрыли. В 4-й сотне 2-го Сибирского полка произвол германских унтеров привел к массовой драке между ними и подчиненными³⁷. Конечно, и казаки, отличавшиеся традиционным демократизмом духа и некоторой куражной расхлябанностью, не всегда были понятны и приемлемы вышколенным

**Схема организации 1-й казачьей кавалерийской дивизии
Вермахта на 20 июня 1943 г.**

(составлена автором на основании собственных данных,
а также материалов К.Черкасова, В.Науменко и др.)

Сокращения

- ген.-м. — генерал-майор
- полк. — полковник
- п/п. — подполковник
- мин. — миномет, минометный
- ПТО — противотанковое орудие

Примечания

- * делился на три батареи 76-мм орудий, которые позже были заменены 3 батареями 105-мм орудий;
- ** особенность только 5-го Донского полка. Остальные полки имели структуру по типу 2-го Сибирского казачьего полка;
- *** делился на пять взводов: пулеметный имел три станковых пулемета, минометный — три 80-мм миномета, артиллерийский — три 37-мм ПТО, стрелковый (осуществлял прикрытие) и вспомогательный взвод;
- **** 9 казаков и один 50-мм миномет;
- ***** каждый эскадрон стрелков-казаков делился на 4 взвода. 4-й взвод был вспомогательным — в него входила кухня, фургоны и квартиры. Каждый стрелковый взвод делился на 3 отделения, в каждом отделении было 3 звена: пулеметное, снайперское и ружейно-гранатометное. На отделение приходилось 4-5 казака и 1 санитар.

немцам. Паннвиц всем этим казался очень озабочен и делал ставку на укрепление взаимопонимания с помощью тех своих подчиненных, которые хорошо знали русский язык и понимали казачью психологию. Первым среди таковых являлся офицер дивизионного штаба полковник Константин Вагнер. Именно он настойчиво проводил идею превосходства в боевом отношении тех частей дивизии, в которых командуют сами казаки³⁸. В июле 1943 г. дивизию посетил Донской атаман, генерал от кавалерии П.Н.Краснов³⁹ и выступил перед казачьими полками. Но по воспоминаниям очевидцев, седой как лунь, дряхлеющий, старый генерал вызывал у казаков скорее ощущение подавленности и сожаления, чем надежды и бодрости⁴⁰.

Несмотря на все трудности и обоюдное недопонимание, к началу сентября 1943 г. соединение завершило боевую учебу и представляло собой полноценную боевую единицу. 2 сентября 1943 г. у комдива состоялось общее собрание командиров бригад, полков и дивизионов. Присутствовал генерал Краснов. На собрании Паннвиц заявил, что в сентябре дивизия отправится во Францию на защиту Атлантического вала от возможного десанта союзников. Судьба дивизии решалась ОКХ в рамках общей концепции боевого использования только на Западе всех восточных формирований. Это было личное распоряжение Гитлера⁴¹. На казачьих офицеров сообщение Паннвица произвело впечатление разорвавшейся прямо в штабе бомбы, ибо все они ни минуты не сомневались, что дивизия отправится на Восточный фронт. Подполковник И.Н.Коновов произнес весьма эмоциональную речь, которую поддержали все присутствовавшие казачьи офицеры: полковник Н.Л.Кулаков⁴², полковник Березнев, майор Пахомов и другие, включая Краснова. Суть речи сводилась к следующему: казаки боролись все время против Сталина, никакой вражды к союзникам не испытывают и драться с ними не будут. Отправка дивизии на Запад сведет боеспособность соединения к нулю⁴³. Офицеры Вермахта сидели потрясенные — ничего даже близкого к этому они не ожидали. Отказ от выполнения боевого приказа в любой армии считался преступлением, но для германского офицера это становилось не просто преступлением, а явным признаком психопатии.

*Казаки конвоя генерала Паннвица
в Белграде, 1943 г.*

Лишь 3 недели напряженной борьбы Паннвица в ОКХ привели к тому, что 20 сентября старый приказ отменили и огласили новый: 1-я казачья дивизия перебрасывалась на Балканы для борьбы с частями Национально-Освободительной Армии Югославии (НОАО) И.Б.Тито⁴⁴. Это было частичным удовлетворением требований казачьих лидеров, свидетельствовавшим о той яростной борьбе, которая велась в высших военных кругах Германии вокруг последствий «Ост-политик» А.Розенберга и судеб сотен тысяч восточных добровольцев, в числе которых были и русские казаки.

Перед отправкой на фронт группа подофицеров 5-го Донского полка во главе с сотником Шиколой смогла ознакомиться с кадровым кавалерийским полком прусской кавалерии в г.Люнэбург. Казаков поразила чистота, вышколенность германской кавалерии, но действия на манев-

рах и тактику боя все наблюдавшие единодушно оценили как бездушно-механические и уступающие казачьим⁴⁵.

22 сентября 1943 г. 1-я казачья дивизия приняла обычную немецкую присягу⁴⁶, а 29 сентября ее первые эшелоны двинулись в Югославию. Военно-политическое положение на Балканах в 1941-1945 гг. никогда объективно не исследовалось отечественными историками. Фактически с осени 1941 г. в Югославии боевые действия имели тройственный характер: началось партизанское сопротивление оккупантам, вспыхнула гражданская война между сторонниками советизации страны и сторонниками короля Петра в изгнании и, наконец, потрясал своей жестокостью национальный конфликт, выразившийся, в первую очередь, в геноциде против сербов, который творил руками усташей⁴⁷ поглавник Хорватской державы А.Павелич⁴⁸. Усташи, исповедовавшие римско-католическую веру и тайно поддерживавшиеся Ватиканом, отличались невиданной свирепостью по отношению к православному сербскому населению и югославским монархистам. Против бригад И.Тито, в которые в массе шла хорватская беднота, выступили словенские домобранцы генерала Л.Рупника⁴⁹, четники-монархисты генерала Д.Михайловича⁵⁰, органично неприемля никакой советизации и сталинизма; а также югославские межнациональные части, объединившиеся вокруг удивительного политика Д.Летича⁵¹. Отношение всех этих сил, как и правительства генерала М.Недича в Сербии, к оккупантам оставалось различным, чаще — непостоянным. Они то сотрудничали с немцами, то занимали по отношению к ним позицию вооруженного нейтралитета, то вступали в открытые боевые действия. И вот во весь этот кипящий политическими и военными страстями котел осенью 1943 г. окунулась 1-я казачья дивизия генерал-майора Х.фон Паннвица. Но первые сражения, которые пришлось выдержать казакам, носили идеологический характер. Пропаганда НОАЮ, возможно исполняя директивы Москвы, направила всю свою мощь против “черкесов руси” буквально с момента появления казачьей конницы в Белграде в октябрьские дни 1943 г. Казаки изображались насильниками, грабителями, наемниками Гитлера⁵². В ответ казаки в общении с местным населением, через дивизионную печать, пылко и страстно расписывали им “прелести” сталинского режима за установление которого, (или аналогичного ему) ратовала НОАЮ И.Б.Тито. Автор любопытных книг о Кононове К.Черкасов безусловно был прав, когда писал, что по-существу в Югославию прибыло не 20000 бойцов, а 20000 пропагандистов⁵³. Казачье пропагандистское воздействие на местных жителей, в первую очередь на сербов, можно считать фактом; при этом “казачья пропаганда” оказалась более чем простой и доходчивой, как, например, в местечке Рума, где в октябре 1943 г. расположились штабы дивизии и 5-го Донского казачьего полка 2-й бригады. “Газда, а газда [газда — хозяин (сербск.-хорватск.). — К.А.], — говорит

Казаки 1-й Казачьей дивизии, по прибытии из под Млавы в Югославию, переходят через мост на Дунае у Белграда. Осень 1943 г.

Казаки в массе шла хорватская беднота, выступили словенские домобранцы генерала Л.Рупника⁴⁹, четники-монархисты генерала Д.Михайловича⁵⁰, органично неприемля никакой советизации и сталинизма; а также югославские межнациональные части, объединившиеся вокруг удивительного политика Д.Летича⁵¹. Отношение всех этих сил, как и правительства генерала М.Недича в Сербии, к оккупантам оставалось различным, чаще — непостоянным. Они то сотрудничали с немцами, то занимали по отношению к ним позицию вооруженного нейтралитета, то вступали в открытые боевые действия. И вот во весь этот кипящий политическими и военными страстями котел осенью 1943 г. окунулась 1-я казачья дивизия генерал-майора Х.фон Паннвица. Но первые сражения, которые пришлось выдержать казакам, носили идеологический характер. Пропаганда НОАЮ, возможно исполняя директивы Москвы, направила всю свою мощь против “черкесов руси” буквально с момента появления казачьей конницы в Белграде в октябрьские дни 1943 г. Казаки изображались насильниками, грабителями, наемниками Гитлера⁵². В ответ казаки в общении с местным населением, через дивизионную печать, пылко и страстно расписывали им “прелести” сталинского режима за установление которого, (или аналогичного ему) ратовала НОАЮ И.Б.Тито. Автор любопытных книг о Кононове К.Черкасов безусловно был прав, когда писал, что по-существу в Югославию прибыло не 20000 бойцов, а 20000 пропагандистов⁵³. Казачье пропагандистское воздействие на местных жителей, в первую очередь на сербов, можно считать фактом; при этом “казачья пропаганда” оказалась более чем простой и доходчивой, как, например, в местечке Рума, где в октябре 1943 г. расположились штабы дивизии и 5-го Донского казачьего полка 2-й бригады. “Газда, а газда [газда — хозяин (сербск.-хорватск.). — К.А.], — говорит

Казачи конвоя генерала фон Паннвица.

один казак, обращаясь к хозяину, — вот ты имеешь свой дом, свою землю, коров, лошадей, птицу, виноградники; живешь богато и ни в чем не нуждаешься. А вдруг придут коммунисты, — они у тебя заберут все это. Загонят тебя в колхоз и будешь ты горбить не на себя, а на товарища Тито и его надсмотрщиков. Будешь сопротивляться, они тебя загонят в тюрьму, в концлагерь, где ты и согнешься. Понял, братушка? У вас в Югославии будет то же самое, что и у нас, в России. Все это всем нам, кого ты здесь видишь, пришлось испытать на своей шкуре⁵⁴”.

Перейдя р.Сава, дивизия оказалась в Хорватии — главном операционном центре НОАЮ. Первоначально партизаны Тито имели успех. Им удавалось не только внезапно и удачно обстреливать казачьи разъезды, но даже воровать неосторожных казаков. Все это продолжалось до первого серьезного боя 5-го Донского полка за село Павловцы в ноябре 1943 г., в котором серьезные потери понесла 12-я бригада НОАЮ, а конновцы потеряли лишь несколько человек. Вообще, казаки сразу же продемонстрировали свое боевое превосходство. Полевые командиры НОАЮ стремились втягиваться в бои с “менее страшными” полками, особенно досаждая 3-му Кубанскому полку подполковника Юнгшульца⁵⁵. До конца 1943 г. бои казачьих полков шли в районах Словенска Пожега, Ново-Капела, Ново-Градишка, Рушевка, Старо-Петрово Село и др.

Говоря об успехах и ценности казачьего боевого использования, необходимо сказать и об отрицательных эпизодах, которые связаны как с особенностями контрпартизанской борьбы, так и с чисто казачьим менталитетом. Борьба с партизанами — вещь безжалостная, где бы, когда бы и кем бы она ни велась — в России ли, в Югославии ли, в Афганистане, Вьетнаме или Чечне. Конечно, в первую очередь от казаков страдало хорватское население; факт, что среди казаков были и насильники, и мародеры, и грабители. Н.Бетелл пишет о войне в Югославии: “Это была жестокая война без пощады с обеих сторон <...> Входя в деревню, в которой, по мнению казаков, укрывались партизаны, они огнем и мечом сравнивали ее с землей”⁵⁶. Граф Н.Толстой, исследователь механизма масштабных насильственных репатриаций, проводившихся Западом в 1945—1946 гг., считает, что насилие и грабежи имели место особенно в конце 1943 — начале 1944 г., пока генерал Паннвиц не установил дисциплину и относительный порядок в подчиненных частях. “Казачи не раз выступали в роли насильников, имелись случаи жестокого обращения с местным населением”⁵⁷. Правда, все это, даже случаи дезертирства Толстой объясняет грубостью немецких военнослужащих, о которой уже

*Казачи 6-го Терского полка
2-й Кавказской бригады.*

упоминалось. Твердо решив с этим покончить, Паннвиц стал усиленно зазывать к себе эмигрантов. В их числе был и Г.Н. Дружакин, эмигрант из Парижа, участник Гражданской войны. Прибыв в штаб 1-й бригады полковника К. Вагнера, майор Г.Н. Дружакин выяснил причины недовольства казаков и стал главным участником всех судебных разбирательств в бригаде. Он очень много сделал для нормализации отношений между немцами и казаками⁵⁸. Толстой подчеркивает, что дивизия все-таки очень быстро заслужила хорошую репутацию, благодаря храбрости, мастерству и установившейся дисциплине⁵⁹. В некоторых случаях сами казаки выступали судьями над насильниками по традиции, когда круг сам судил преступников. При этом провинившимся пощады не было⁶⁰. Жестокость в контрпартизанских операциях объясняется еще и следующим. В борьбе с партизанами все соединения Вермахта и СС, которые привлекались для этих целей, руководствовались Особым циркуляром Уполномоченного рейхсфюрера СС по борьбе с бандитизмом, обергруппенфюрера СС Э. фон дем Бах-Целевски. В циркуляре указывалось, что поскольку партизанская война противоречит международным правилам, предлагалось применять любые средства, признанные целесообразными начальником воинской части на месте. Все местное население могло рассматриваться как потенциальный помощник партизан⁶¹. Среди партизан же тоже имелись палачи и садисты, которым доставлял удовольствие не просто расстрел военнопленного, а его медленная казнь. В плен не брала ни та, ни другая сторона, правда, казаки проявляли повышенный интерес к пленным военнослужащим Красной Армии — парашютистам. Их тщательно охраняли, пытались даже распропагандировать, некоторых отправляли в Дабендорф к власовцам. Но советских военнопленных было очень немного.

Агентура «СМЕРШа» проявляла внимание ко всем восточным формированиям, не исключая и Первой казачьей дивизии. Самый крупный заговор дивизионной контрразведкой был раскрыт в сентябре 1943 г. в 6-м Терском полку 2-й бригады, которым командовал подполковник Кальм. 20 сентября 1943 г. один из осведомителей сообщил контрразведке, что в полку есть группа, которая имеет своей целью захват 21 сентября складского вооружения, уничтожение всего офицерского состава полка и уход добровольцев на соединение с польскими партизанскими отрядами просоветской ориентации, которые оперировали под Млавой и имели связь с Москвой. Арестовали 7 человек, которые оказались специально подготовленными сотрудниками «СМЕРШа», имевшими офицерские звания, специально внедренными в полк с целью его разложения. В полку все

Генерал-майор Хельмут фон Паннвиц. 1944 г.

семеро прикинулись неграмотными и просили при получении жалования и обмундирования подписываться за них других грамотных казаков⁶². Но разложить соединение “СМЕРШу” не удалось, как, кстати, не удалось разложить вообще ни одного крупного восточного формирования по численности больше батальона в 1942—1945 гг.⁶³

Возвращаясь к вопросу о грабежах и т.п., следует отметить, что, преследуя в половине случаев и наказывая вплоть до расстрела виновных, именно казачьи офицеры во второй половине инцидентов покрывали виновных, если это касалось храбрых и боевых казаков. Подобное особенно часто случалось в полку войскового старшины Кононова, который имел колоссальный авторитет в среде “своих сынов”. Фактически в полку (а затем в бригаде и дивизии) власть Кононова была безграничной, даже выше, чем власть генерала Паннвица. “Батько”, как называли своего командира кононовцы, мог отдать под военно-полевой суд, на расправу двум своим косматым телохранителям любого про-

винившегося в чем угодно — от мелочного проступка до убийства безоружного. А мог по-атамански простить... Единственное, чего Кононов не просил никому и за что карал беспощадно — это трусость в бою, тем паче трусость, в результате которой пострадали свои. Отчасти Кононов слепо следовал тем казачьим традициям, в которых рос и которые себе представлял. Объективности ради добавим, что некоторые эмигранты, например, вполне порядочный и честный генерал А.И.Поляков, сомневались в казачьем происхождении И.Н.Кононова, но оценка Полякова во многом находится под влиянием личного неприятия Кононовым генерала П.Н.Краснова и многих казачьих генералов, которые сотрудничали с немцами⁶⁴. Автор достаточно хорошо изучил личные документы бывшего майора Красной Армии И.Н.Кононова, сомневаться в его казачьем происхождении пока нет оснований.

НОАЮ не брезговала провокациями в отношении казаков. Случалось, что чиня насилия и грабежи над мирным населением, партизаны одевались в казачью трофейную форму⁶⁶.

Тактика 1-й казачьей дивизии в 1944 г. в Югославии носила рейдовый характер. В таких рейдах части НОАЮ неизменно оказывались побежденными или несли большие потери. Мы приводим примерный дневник крупнейших операций 1-й казачьей дивизии в Югославии с осени 1943 г. до конца 1944 г., когда дивизию, уже переформировывавшуюся в корпус, двинули навстречу 57-й армии генерал-полковника М.Н.Шарохина 3-го Украинского фронта.

Краткий дневник боевых операций 1-й казачьей кавалерийской дивизии*

Дата:	Район операций:	Характеристика:
октябрь 1943	Словенска Пожега, Ново-Капела, Ново-Градишка, Рушево, Старо-Петрово Село.	Мелкие стычки с боевыми группами 12-й бригады НОАЮ.
ноябрь 1943	Охрана ж/д Загреб-Винновцы (300—350 км) и параллельных шоссежных рокад	Бои с диверсионными группами и подразделениями 3-й, 6-й, 12-й и 17-й бригад НОАЮ на линии дорог.
17—20 ноября 1943	Район Фрушка Гора между р. Дунай и р. Сава	Разгром УРа соединенных сил вышеуказанных бригад. Потери НОАЮ: ок. 2500 чел.
декабрь 1943	Там же. Охрана ж/д.	Бои с остатками 3-й и 17-й бригад.
1 января 1944	Марш Дубница — Костайница.	Передислокация дивизии в Боснию.
5 января 1944	Междуречье р. Сава и р. Уна (! км зап. Дубица**)	Разгром 18-й и 5-й бригад НОАЮ. Потери понесли 4-я и 21-я бригады.
7 января 1944	Район городов Сисак и Петриня.	Передислокация. Охранные мероприятия побригадно.
февраль — нач. марта 1944	Сев.-вост. Сисак.	Уничтожение 2-м Сибирским полком одного из партизанских отрядов. Партизаны потеряли ок. 200 убитыми и ок. 200 пленными.
нач. апреля 1944	Район города Глина.	Мелкие стычки с партизанами.
конец апреля — май.	Словакия, район Словенска Пожега.	Мелкие операции.
7—9 мая 1944	Город Глина.	Разгром 11-й бригады НОАЮ 5-м Донским полком. Потери противника — ок. 500 чел., 403 пленных, 18 подвод с продовольствием и боеприпасами, 2 автомашины, 1 радиостанция, 24 пулемета, 3 ПТО и пр. Потери казаков — 22 чел. убиты и 41 ранен.
сентябрь 1944	Город Банья-Лука.	Бои 3-го, 4-го, 6-го полков дивизии с НОАЮ. Тяжелые потери понес 3-й полк.
	500-км марш на северо-восток и в междуречье р. Драва и р. Сава.	Постоянные бои, охранные мероприятия по защите коммуникаций. Постепенное развертывание дивизии в корпус.
конец сентября 1944	Выход на линию Бела Гора — Беловар	
25—27 сентября 1944	Тяжелые бои за город Беловар с частями НОАЮ.	За сентябрь-октябрь казаки понесли тяжелые потери. Но в те же месяцы на сторону казачьих полков перебежало ок. 2000 чел., в т.ч. ок. 800 красноармейцев — бывших военнопленных из рядов НОАЮ. В тот же период началось формирование 8-го пластунского полка полковника Некрасова, который вместе с 5-м

* До сентября 1944 г. — в составе группы армий «Ф» генерал-фельдмаршала Вейкса, а затем до конца войны — в составе группы армий «Е» генерал-полковника Лера.

** Возможна опечатка в источнике (вариант — Дубница).

Донским полком образовал 3-ю бригаду под командованием полковника И.Н.Кононова. Мелкие операции.

- конец ноября — декабрь 1944 — Выход частей на рубеж Ворождин—Копривница-Вирья.
- 22—24 декабря 1944 — Марш в район городов Питомач, Вировитица и Джурджевац. Тяжелые бои с НОАЮ, болгарами. Взятие ценой невероятных потерь города Клоштарь.
- 24 декабря 1944 — Выход в оперативную полосу действий 57-й советской армии 3-го Украинского фронта.

*Атаман Терского войска полковник
Н.Л.Кулаков (слева).*

Для полноты картины необходимо упомянуть и о взаимоотношениях чинов дивизии со всеми сторонами национально-политического конфликта на Балканах. Усташи и хорватские националисты являлись естественными и боеспособными союзниками Германии, а следовательно, они должны были взаимодействовать с казаками. В 1943 г. хорваты выставили в войска СС 13-ю горнострелковую дивизию “Хандшар” (№ 1) и 23-ю горнострелковую дивизию “Кама” (№ 2)⁶⁷, а также 369-ю, 373-ю и 392-ю пехотные дивизии для Вермахта⁶⁸. Казакам в 1943—44 гг. приходилось взаимодействовать в основном с 13-й и 23-й дивизиями СС, которые привлекались для борьбы с НОАЮ на Балканах, а также с 7-й

добровольческой горнострелковой дивизией СС “Принц Евгений”, снискавшей особенно печальную славу, воевавшей на Балканах с партизанами с 1942 г. Хорваты — чинов СС и усташи — участвовали в геноциде в отношении сербского населения, что вызывало резкую реакцию вплоть до вооруженного отпора им со стороны русских формирований. Первыми в защиту сербов выступили части Русского Корпуса генерал-лейтенанта Б.А.Штейфона, в котором еще при формировании в конце сентября — начале октября 1941 г. в 1-м полку генерал-майора В.Э.Зборовского⁶⁹ оказалось много казаков⁷⁰. Чины 1-го полка Корпуса в конце апреля 1942 г., занимая высокий правый берег р. Дрины у села Логовица, открыли огонь по усташам, которые готовились уничтожить огромную массу несчастных сербских беженцев, бежавших из Боснии. Обстреляв хорватов, русские перевезли на сербский берег Дрины более 2500 человек, а также их домашний скarb и скот. Позднее, летом 1942 г. корпусники спасли более 10000 сербов, в т.ч. несколько сот детей-сирот⁷¹. Не оставалась в стороне и дивизия Паннвица. В районе села Дьяково (Босния) ночью 3 января 1944 г. усташи собирались живьем сжечь около 200 сербов, загнав их в печи бывшего кирпичного завода. Узнав об этом, казаки 1-го дивизиона 1-го Донского полка вместе с командиром дивизиона майором Вермахта Максом примчались на место происшествия и стали насильно освобождать сербов. Около роты усташей открыли огонь, а казаки начали им отвечать. 17 казаков и 2 офицера были убиты, хорваты потеряли более 30 человек. Оставшихся донцы взяли в плен и отпустили, перепоров плетью; обреченных спасли. В апреле 1944 г. в районе г.Петриня казаки 3-й сотни 1-го дивизиона 5-го Донского полка спасли от взрыва

православный храм. Опять между усташами и казаками вспыхнула короткая перестрелка, в которой погибли 1 казак и 2 усташа. Традиционно выпоров хорватов, кононовцы их отпустили⁷².

Противоречиво складывались отношения у чинов различных русских формирований с четниками генерала Д. Михайловича. Четники то заключали тактические соглашения с оккупантами, то вели против них боевые действия. Несмотря на постоянную защиту от усташского геноцида, которую оказывали сербскому населению и полки Русского корпуса, и 1-я казачья дивизия, отношение полевых командиров четнических отрядов и самого Михайловича к русским всю первую половину войны было скорее негативным, чем нейтральным. В инструкции от 5 февраля 1943 г. № 401 генерал Михайлович предписывал: «При захвате оккупантов: немцев, итальянцев, болгар и русских; если нет возможности отправки их в высшие штабы под верной охраной, судить их коротким судом на месте»⁷³. При этом четники не считали для себя зазорным частенько обращаться к русским частям за оружием и боеприпасами, в чем им почти никогда не отказывали. Но корпусники по собственному признанию «всегда держали с четниками ухо востро»⁷⁴. К. Черкасов свидетельствует, что И. Н. Кононов лично встречался с Михайловичем и часто тайком передавал последнему трофейное партизанское оружие⁷⁵; знали ли об этом командир бригады и командир дивизии, неясно. Единственными, с кем и у корпусников, и у казаков складывались прекрасные отношения были участники и бойцы Омладинского покрета [молодежного движения. — К.А.] ЗБОР Д. Летича (Льотича). Летич считал себя не сербом, а югославянином, свою организацию — югославянской. В созданный им добровольческий корпус пятиполкового состава последовала сербская и югославская молодежь, в массе своей — студенты, называвшие Летича Учителем. Летичевцы под командованием генерала К. Мушицкого считали себя идейными сербскими антикоммунистами, отличались потрясающей дисциплиной, выправкой и были независимы от Вермахта. В конце войны и Михайлович согласился с идеями Летича⁷⁶. При казачьих частях Паннвица прижилось немало сербских мальчи-

Лагерь Млава. 17 сентября 1943 г.

Слева направо: Генерал от кавалерии П. Н. Краснов, генерал-майор Х. фон Паннвиц. Стоят лицом к ним: полковник К. Вагнер, войсковой старшина И. Н. Кононов и др.

шек-сирот, некоторых из них усыновляли казаки, а некоторые даже получали боевые награды за участие в боях. Кстати, даже видавших виды казаков потрясла та ненависть и патологическая жестокость, с которой югославы воевали друг с другом.

Село Гора под г.Глина (Босния) казаки 1-го дивизиона 5-го Донского полка отбили у защищавших его бойцов 11-й бригады НОАЮ. Незадолго до этого партизаны разгромили в селе усташский батальон и блокировали отчаянно сопротивлявшуюся в православном храме 2-ю сводную сотню 2-й бригады дивизии. Казаки продержались до прихода кононовцев. Глазам кононовцев предстала страшная картина: все село покрывали трупы усташей с выколотыми глазами, отрезанными ушами, носами и половыми органами⁷⁷. В другой раз в сентябре 1944 г. после взятия Беловара казаки 3-го Кубанского полка видели распятых усташами титовцев с отрезанными конечностями⁷⁸.

С начала 1944 г. в 1-ю казачью дивизию зачастили старые казачьи генералы, участники Белого движения; генерал-лейтенант А.Г.Шкуро⁷⁹, Атаман Войска Донского генерал-лейтенант Г.В.Татаркин, Атаман Войска Астраханского генерал-лейтенант Н.В.Ляхов, Атаман Войска Кубанского генерал-майор В.Г.Науменко⁸⁰. Практически постоянно находился при 6-м Терском полку дивизии Атаман Войска Терского полковник Н.Л.Кулаков. Несмотря на очень осторожное отношение молодых казаков, выросших при Советской власти, бывших командиров Красной Армии к Белому движению, гости произвели хорошее впечатление. Очевидец свидетельствует, что старые казачьи генералы выступали вполне в демократическом духе, развивали идеи о самостоятельной казачьей республике в составе федеративной России, построенной на народной воле⁸¹. Вожди казаков в эмиграции довольно резко отзывались о немецкой политике и рассматривали Вторую войну казачества с большевиками как продолжение Гражданской войны 1917—1920 гг.

Популярностью у казаков, особенно в полку И.Н.Кононова, пользовался “батько” Шкуро. Несмотря на всю свою известную отрицательную славу, выгнанный из Вооруженных Сил Юга России в конце 1919 г. по ходатайству генерал-лейтенанта П.Н.Врангеля, Андрей Григорьевич Шкуро все-таки являл собой тип весьма колоритного кубанского казака. Взаимные симпатии Шкуро и Кононова привели к апологетизации бывшего белого партизана в глазах подчиненных Кононова; в 5-м Донском полку он стал желанным гостем. Казачьи генералы, наблюдая с восторгом длинные дивизионные колонны, подумывали о создании и развертывании в ближайшем будущем казачьей армии. Основанием для подобных настроений послужило резкое изменение политики “Ост-министерии” А.Розенберга по отношению к русскому казачеству с ноября 1943 г. При этом эта новая политика касалась не столько 1-й казачьей дивизии, которая представляла оперативную единицу Вермахта, сколько другого центра казачьей инициативы — группы казаков, объединившихся вокруг Штаба и Походного Атамана Войска Донского полковника С.В.Павлова.

Но прежде чем коснуться истории создания и трагедии Казачьего Стана, несколько слов необходимо сказать о положении некоторых казачьих формирований, которые не входили в состав ни дивизии Панница, ни Казачьего Стана до лета 1944 г. Во исполнение гитлеровского распоряжения осенью 1943 г. началась передислокация русских батальонов и формирований на Запад, в первую очередь во Францию для отражения союзнического десанта. В их числе были 403-й и 454-й казачьи батальоны, отдельный казачий полк полковника фон Рентельна, переименованный позднее в 360-й гренадерский крепостной полк⁸². В Белоруссии на охранной службе оставались 8-й, 9-й и 10-й казачьи полки. О действиях казачьих полков в Белоруссии мы уже приводили интересное свидетельство Ю.Дувалича Б.И.Николаевскому в предыдущем очерке. Однако все-таки наиболее значимым центром самоорганизации казаков оставался Штаб Походного Атамана полковника С.В.Павлова...

Примечания

- 1 См.: Александров К.М. Казачество России в 1941—1943 гг.: неизвестные страницы истории // Новый Часовой. 1995. № 3. С.76—96.
- 2 Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933—1945 гг. М., 1976. С.128—129.
- 3 Личный архив Александрова К.М. (ЛАА). Карточка учета добровольческих формирований в Вермахте и СС из бывших граждан СССР в 1941—1945 гг.; Дробязко С.И. Восточные войска в Вермахте 1941—1945 // Наши Вести. № 436/ 2737. 1994. С.15—16.
- 4 Мы включаем в эту цифру казаков, но не включаем русских, служивших в ВВС, ВМС и войска СС, а также Русский Корпус на Балканах, хотя с 1943 г. в нем начали появляться советские граждане. Не входит сюда и численность русской вспомогательной полиции, подсчет количества чинов которой вообще неосуществим в связи с тем, что нередко вчерашний полицейский становился партизаном и наоборот.
- 5 Цит. по: Егунов Л. За всех или за себя? С.Пб., 1995. С.50.
- 6 Fremde Heere Ost — (ФХО) — Отдел Генерального штаба “Иноземные армии Востока”, возглавляемый генералом Р.Геленом.
- 7 Штрик-Штрикфельд Вильфрид Карлович (1897—1977). Из балтийских немцев. В 1915 г. окончил Реформатскую гимназию в С.-Петербурге и вступил вольноопределяющимся в Русскую Императорскую Армию, имел офицерский чин. В 1918—1920 гг. — воевал с большевиками в Прибалтике в составе Балтийского Ландвера. В 1924—1939 гг. представлял в Латвии интересы английских и немецких торговых фирм, работал по мандату Международного Красного Креста. В январе 1941 г. призван в Вермахт. Капитан, сотрудник отдела пропаганды ОКХ. С 1942 г. — ближайший друг и соратник ген.-л. А.А.Власова, главный инициатор создания и развития Власовского движения. В 1945—46 гг. — в американском плену. Затем работал в частном секторе экономики ФРГ. Один из деятельных участников “Общества помощи бывшим добровольцам”, участник политических конференций издательства “Посев”. Автор мемуаров “Против Сталина и Гитлера” (Франкфурт-на-Майне, 1975). До конца своей жизни занимался переводами из русского самиздата. (Подробнее, см. наш комментарий к записной книжке генерал-майора В.Ф.Малышкина // Русское прошлое. СПб., 1996. № 6.)
- 8 Гелен Рейнгард (1902—?) Из семьи кадрового офицера. В 1920 г. вступил вольноопределяющимся в рейхсвер. Окончил Ганноверскую кавалерийскую школу (1926), Военную Академию (1935). Служил в армейском корпусе ген. Э.фон Манштейна в оперативном отделе. В такой же должности участвует в польской кампании 1939 г., будучи офицером штаба 213-й пехотной дивизии. С июня 1940 г. — адъютант начальника Генштаба ОКВ ген.-полк. Ф.Гальдера, участник кампании во Франции 1940 г. С осени 1940 г. — в группе “Ост” оперативного отдела Генштаба. Подполковник (1941). С апреля 1942 г. — начальник ФХО Генштаба ОКХ. Один из главных сторонников развития ОДНР, участник заговора против Гитлера. Полковник (1942), генерал-майор (1944), генерал-лейтенант (1945). В июле 1944 г. получив заражение крови, участия в выступлении 20 июля 1944 г. не принимал. Создал высококвалифицированную разведорганацию — т.н. “службу Гелена”. После 1945 г. — один из главных реорганизаторов американского УСС, участник создания ЦРУ, создатель и генеральный руководитель Федеральной Разведывательной Службы ФРГ (БНД). Автор мемуаров (1973).
- 9 Штрик-Штрикфельд В.К. Против Сталина и Гитлера. Франкфурт-на-Майне, 1975. С.100—101. Левин Им. Генерал Власов по ту и эту сторону фронта. М., 1995. С.51—52.
- 10 Штауффенберг фон, Клаус Филипп Мария Шенк (1907—1944). Граф, потомок старинного аристократического рода. В 1926 г. вступил вольноопределяющимся в рейхсвер. Окончил Дрезденскую пехотную школу (1928), Ганноверскую кавалерийскую школу (1930), Военную Академию (1938). Служил в 1-й легкой дивизии ген.-л. Гепнера. Принимал участие в аннексии Судет в польской кампании 1939 г., в составе 6-й танковой дивизии. Участник кампании во Франции 1940 г. С лета 1940 г. — в орготделе Генштаба ОКХ. С 1941 г. — участник заговора против Гитлера, один из главных организаторов антинацистского сопротивления в Вермахте. С конца 1941 г. — деятельный участник борьбы с Восточной политикой А.Розенберга, один из главных сторонников и покровителей ОДНР, инициатор формирования многих добровольческих ост-соединений, защитник Власовского движения. Полковник (1943). 7 апреля 1943 г. под Карфагеном тяжело ранен, лишился глаза, руки, двух пальцев на левой. С августа 1943 г. — начальник штаба армии резерва. 20 июля 1944 г. организовал неудачное покушение на Гитлера. Расстрелян в тот же вечер вместе с группой ближайших соратников.
- 11 Фрейтаг-Лорингофен И.Г. — полковник Вермахта. Начальник отдела снаряжения Генерального штаба ОКХ (1944). Из старинной аристократической семьи, его отец в 1924 г. организовывал визит в Берлин генерал-лейтенанта П.Н.Врангеля. Один из главных покровителей и сторонников ОДНР, организатор ряда добровольческих ост-соединений. Участник заговора против Гитлера. В июле 1944 г. спас от ареста и расстрела группу старших преподавателей и офицеров Вла-

- совской Дабендорфской школы (20 чел.), во главе с ген.-м. Ф.И.Трухиным. После провала выступления 20 июля 1944 г. застрелился.
- 12 *Штрик-Штрикфельд В.К.* Указ. соч. С.312.
- 13 Ренне фон, Алексис— полковник Вермахта. Контролировал 2-й сектор ФХО, который занимался обработкой и анализом данных по советским проблемам. Один из главных организаторов и сторонников ОДНР, участник заговора против Гитлера. Погиб после 20 июля 1944 г.
- 14 К противникам розенберговской политики на Востоке можно отнести генерал-квартирмейстера ОКХ ген. Вагнера, начальника отдела Военного Управления Генштаба ОКХ полк. Ш.фон Альтенштадта, начальника Абвера адмирала В. Канариса, его начальника штаба полк. Остера, начальника оперативного отдела группы армий “Центр” ген.-м. Х.фон Треско и др.
- 15 *Безыменский Л.* Германские генералы с Гитлером и без него. М., 1964. С.283.
- 16 Треско фон, Хеннинг (встречается: Тресков) (1901—1944). Генерал-майор Вермахта (1944). После 1-й Мировой войны учился банковскому делу. В 1924 г. вступил в рейхсвер. В 1941 г. — начальник оперативного отдела штаба группы армий “Центр”. Один из главных защитников и покровителей ОДНР, инициатор создания ряда ост-формирований. Участник заговора против Гитлера. В марте 1943 г. пытался взорвать самолет фюрера. С ноября 1943 г. — начальник штаба 2-й армии. После провала выступления 20 июля 1944 г. 21 июля под Белостоком взорвал сам себя.
- 17 *Коваль В.С.* Правда о заговоре против Гитлера 20 июля 1944 г. Киев, 1960. С.41.
- 18 *Геллер М., Некрич А.* Утопия у власти. Лондон, 1986. С.473.
- 19 *Штрик-Штрикфельд В.К.* Указ. соч. С.96.
- 20 *Дугас И.А., Черон Ф.Я.* Вычеркнутые из памяти. Париж, 1994. С.293.
- 21 *Штрик-Штрикфельд В.К.* Указ. соч. С.148—153.
- 22 Цит. по: *Левин Им.* Указ. соч. С.86.
- 23 Архив Федеральной Службы Контрразведки Российской Федерации (Архив ФСК РФ). Н. — 18766. Том 7. Лист 20.
- 24 *Науменко В.Г.* Великое предательство: Сборник документов и материалов о выдаче казаков в Лиенце и других местах. Том 1. Нью-Йорк, 1962. С.42.
- 25 *Решин Л.Е.* “Казаки” со свастики // Родина. 1992. № . С.75.
- 26 *Мюллер-Гиллебранд Б.* Указ. соч. С.392.
- 27 *Решин Л.Е.* Указ. соч.; а также наш предыдущий очерк // Новый Часовой. 1995. № 3. С.87—88.
- 28 ЛАА. Картотека учета формирований... 1-я казачья дивизия.
- 29 Подробнее о Х. фон Паннвице см. наш предыдущий очерк // Новый Часовой. 1995. № 3. С.92—93.
- 30 *Черкассов К.* Генерал Кононов. Т.1. Мельбурн, 1963. С.109.
- 31 Там же. С.110—111.
- 32 Там же. С.111.
- 33 Там же. С.111—112. Схема уточнена и исправлена автором.
- 34 *Хоффман Й.* История власовской армии. Париж, 1990. С.69.
- 35 *Черкассов К.* Указ. соч. Т.2. Мюнхен, 1965. С.23—24.
- 36 Там же. Т.1. С.176.
- 37 Там же. С.177.
- 38 Там же. С.179—180.
- 39 Краснов Петр Николаевич (1869—1947) — генерал от кавалерии, Атаман Всевеликого Войска Донского, русский военный писатель. Окончил Александровский кадетский корпус (1887), Павловское Военное училище (1889), один курс Военной Академии (1894), затем 23 года состоял в списках Л.-Гв. Атаманского полка. В 1897—1904 гг. находился в военных командировках в Абиссинии, Китае, на южной границе России, на русско-японском фронте 1904/05 гг. Печататься начал с конца XIX в. в ряде русских военных и казачьих журналов. За мужество на русско-японском фронте награжден орденами Св. Анны и Св. Владимира 4-й ст. В 1910—1913 гг. — командир 1-го Сибирского Ермака Тимофеевича полка в чине полковника, в 1913—1914 гг. — 10-го Донского казачьего полка. Участник 1-й мировой войны, награжден Георгиевским крестом 4-й ст., Золотым Георгиевским оружием. Командовал бригадой в 1-й Донской казачьей дивизии, 3-й бригадой Туземной дивизии, 3-й Донской казачьей дивизией, 2-й Сводной казачьей дивизией. Отличился в “Луцком прорыве” и др. боях. В 1917 г. — командир 1-й Кубанской казачьей дивизии и 1-й Донской казачьей дивизии. С последней принимал участие в выступлении генерала Л.Г.Корнилова в августе 1917 г. С сентября 1917 г. — командир 3-го конного корпуса. В октябре 1917 г. вместе с А.Ф.Керенским пытался наступать на Петроград. На Дон прибыл в янв. 1918 г. 3/16 мая 1918 г. на заседании Круга Спасения Дона избран Атаманом Всевеликого Войска Донского. Ориентировался на Германию, являясь по своим взглядам стойким германофилом. Создал и организовал Донскую армию, которую переподчинил в декабре 1918 г. ВСЮР ген. А.И.Деникина. Сложные личные и политические отношения с Деникиным заставили Краснова покинуть юг России. После непродолжительного пребывания в штабе Сев.-Зап. Добармии ген. Н.Н.Юденича эмигрировал в Германию, где жил и писал. Создал более 20 романов, множество очерков и рассказов. Самые известные — “От Двухглавого орла к Красному знамени”, “Опавшие листья”, “Цареубийцы” и др. Пытался бороться с большевиками в рядах организации “Братство Русской Правды (БРП), но после ее инфильтрации чекистами отказался от политической деятельности. В 1942 г.

- написал ряд писем на Дон, призывая казаков поддерживать оккупационный режим и выполнять все его распоряжения. В 1943 г. создал Управление Дона, Кубани и Терека, а с 31 марта 1944 г. возглавил созданное на его базе Главное Управление Казачьих Войск (ГУКВ). Фактически ГУКВ управлял А. Розенберг через своего представителя д-ра Химпеля. Ген. Краснов очень настороженно относился к ВС КОНР и ген.-л. А. А. Власову, что привело к острому личному конфликту между ними. Краснов настаивал на полной подчиненности казаков и РОА (ВС КОНР) немцам, чему власовцы противились. Весной 1945 г. после того, когда большинство казаков высказалось за объединение с ВС КОНР, Краснов уехал в Казачий Стан ген. Т. И. Доманова. 28 мая 1945 г. вместе со всеми офицерами Стана и своей семьей был выдан англичанами в советскую оккупационную зону. На "следствии" и "суде" ген. П. Н. Краснов держал себя с достоинством и мужественно. После инсценировки "суда" казнен 17 января 1947 г. в Москве.
- 40 *Черкассов К.* Указ. соч. Т. 2. С. 181—182.
- 41 *Стеенберг С.* Власов Мельбурн, 1974. С. 132—133.
- 42 Кулаков Николай Лазаревич (?—1946). Полковник Войска Терского, член ГУКВ. Постоянно находился с 6-м Терском полком в 1-й дивизии. (см. наш комментарий к предыдущему очерку).
- 43 *Черкассов К.* Указ. соч. С. 186—187
- 44 Тито Иосип Броз (1882—1980). Генеральный Секретарь ЦК КПЮ, Верховный Главнокомандующий НОАЮ в 1941—1945 гг. С февраля 1953 г. — Президент Югославии и Верховный Главнокомандующий, с 1971 г. — Председатель Президиума СФРЮ. (Подробнее см. наш комментарий к Воспоминаниям Я. А. Трушновича // Новый Часовой. 1994. № 2. С. 159.)
- 45 *Черкассов К.* Указ. соч. С. 193.
- 46 В среде восточных добровольческих войск существовали разные формы присяги; в некоторых частях, не давали присяги вообще.
- 47 Усташи (в пер. "повстанец") — участники хорватской крайне правой военно-политической организации в Югославии и за рубежом, существовавшей с 1929 г. до конца 60-х гг. Усташи, подчинявшиеся поглавнику А. Павеличу, исповедовали крайние формы национализма, идеи создания Хорватской державы по образцу и подобию национал-социалистической Германии. В своей деятельности использовали политический террор и формы открытого геноцида, в первую очередь против сербского населения. Принимали участие в боевых действиях на стороне Германии в 1941—1945 гг. После 1945 г. базировались за рубежом, организуя борьбу против режима Тито, используя многочисленные связи в СФРЮ. (Подробнее см. наш комментарий к воспоминаниям Я. А. Трушновича // Новый Часовой. 1994. № 2. С. 159.)
- 48 Павелич Анте (1889—1959) — хорватский политик крайне правого толка. До 1929 г. занимался политикой в Королевстве СХС. В 1929—1941 гг. — в эмиграции в Италии. Основатель организации усташей. В 1941—1945 гг. — поглавник Хорватского гос-ва, союзного Германии, идеолог и организатор геноцида против сербского населения на Балканах. После 1945 г. скрывался в Австрии, Аргентине, Испании, руководя деятельностью нелегальных хорватских организаций на территории СФРЮ. (Подробнее см. наш комментарий // Новый Часовой 1994 № 2. С. 158—159.)
- 49 Рупник Лев (?—1945) — словенский генерал, создатель и командующий войсковыми подразделениями антикоммунистической словенской "домобраны". Повешен титовцами после выдачи англичанами в Любляне летом 1945 г.
- 50 Михайлович Драже (1893—1946) — сербский генерал, командующий Королевской Югославской Армией на Родине, организатор четнического движения на Балканах в 1941—1945 гг. Окончил Высшую Военную Академию в Бетграде (1925), служил в Генеральном штабе, являлся начальником дивизии. В 30-е гг. — военный аташе. По непроверенным данным, якобы имел доверенные связи с советской военной разведкой. С лета 1941 г. приступил к организации четнического движения и сопротивления оккупантам и коммунистам. Являлся министром правительства короля Петра II в изгнании. После 1945 г. — пытался организовать партизанское сопротивление коммунистам в горах Сербии. Схвачен, тайно судим в Белграде и повешен с согласия правящих кругов Великобритании и США (Подробнее см. наш комментарий // Новый Часовой 1994 № 2. С. 158—159.)
- 51 Летич (встречается Лютич) Димитрие (?—1945) — югославский политический деятель. Работал адвокатом в Смердеве, в 30-е гг. участвовал в политической жизни Югославии. Основатель и руководитель молодежной студенческой военно-политической организации Омладинасти ий вокрет ЗБОР. В 1941—1944 г. занимал пост министра просвещения в правительстве генерала Мелича Погиб, сорвавшись в пропасть. (Подробнее см. наш комментарий // Новый Часовой. 1994 № 2. С. 159—160.)
- 52 *Черкассов К.* Указ. соч. Т. 2. С. 10—11
- 53 Там же. С. 11
- 54 Там же. С. 13.
- 55 Там же. С. 15—17.
- 56 *Беттел Н.* Последняя тайна. Лондон, 1974. С. 88.
- 57 *Толстой Н.* Жертвы Ялты. Париж, 1988. С. 247
- 58 Там же. С. 247—248.
- 59 Там же. С. 248.
- 60 *Сукало А.* Немцы на Кубани. Эвакуация. 1-я Казачья дивизия. // *Науменко В. И.* Указ. соч. С. 60—62.
- 61 *Решин Л. Е.* Указ. соч. С. 75

- 62 Сукало А. Указ. соч. С.61—62.
- 63 За исключением Особой бригады СС “Дружина” подполковника В.В.Гиля (“Родионова”).
- 64 Поляков И.А. Краснов—Власов. Нью-Йорк, 1959. С.95—96.
- 65 Подробнее см. наш предыдущий очерк.
- 66 Черкассов К. Указ. соч. С.15.
- 67 Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. С.407.
- 68 Там же. С.393. Первые две формировались в 1942 г.
- 69 Зборовский Виктор Эрстович (1889—1944) — генерал-майор, оберст Вермахта. Окончил 1-й Московский кадетский корпус, Николаевское Кавалерийское училище. В 1912—1915 гг. — сотник Л.-Гв. 1-й Кубанской сотни Собственного, Е.И.В. Конвоя. Участник 1-й мировой войны, за храбрость был награжден Георгиевским оружием и орденом Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом. Участник Белого движения, последняя строевая должность — начальник конвоя Главкома ВСЮР ген. А.И.Деникина. После эвакуации в Зарубежье — в Сербии принял Кубанскую дивизию. В сентябре 1941 г. вступил в Русский Корпус, командовал 1-м полком. Умер от раны в 1944 г. (Подробнее, см. наш комментарий // Новый Часовой. 1994 № 2. С.157.)
- 70 Русский Корпус 1941—1945. Сб. док-ов и мат-ов под редакцией Д.П.Вертепова. Нью-Йорк, 1963. С.38—40.
- 71 Полковник М.Т. Русский Корпус в Сербии во 2-й мировой войне. // Под Белым Крестом. Апрель 1955. № 7. С.19—20.
- 72 Черкассов К. Указ. соч. С.24—26.
- 73 Цит. по Полковник М.Т. Указ. соч. // Под Белым Крестом. Ноябрь 1954. № 6. С.29.
- 74 Русский Корпус. Указ. соч. С.20.
- 75 Черкассов К. Указ. соч. С.24—26.
- 76 Там же. С.30.
- 77 Там же. С.64.
- 78 Там же. С.116.
- 79 Шкуро(Шкура) Андрей Григорьевич (1887—1947) —генерал-лейтенант Окончил Московский кадетский корпус и ушел добровольцем на русско-японскую войну. В 1905 г. поступил в Николаевское кавалерийское училище, в 1907 г. выпущен в 1-й Екатериновдарский казачий полк. В 1915 г. на русско-германском фронте сформировал особый партизанский отряд, с которым оперировал в германских тылах Награжден Золотым Георгиевским оружием и высшим орденом Великобритании — орденом Бани. В 1917 г. командовал конным полком на Кавказском фронте. В 1918 г. сформировал из казаков Баталпашинского отдела партизанский отряд, личный конвой “волчью сотню” и с успехом принимал участие в боях с большевиками. Ген. А.И.Деникиным произведен в генерал-лейтенанты (1919), назначен командиром конного корпуса. Наряду с удаєю, лихостью и храбростью, подчиненные Шкуро прославились безудержным пьянством и мародерством, вследствие чего ген. Шкуро увольняется из ВСЮР. В эмиграции жил в Югославии и Париже, занимался показательными выступлениями, джигитовкой. С 1942 г. близко сотрудничал с ген. П.Н.Красновым, член ГУКВ. В сентябре 1944 г. назначен Начальником Казачьего резерва при Главном штабе войск СС, задачей которого являлась вербовка казаков в казачьи формирования. В 1945 г. находился при Казачьем Стане. 28 мая 1945 г. выдан англичанами в советскую оккупационную зону. На “следствии” и “суде” сломался, просил о прощении. Повешен 17 января 1947 г.
- 80 Татаркин Георгий Васильевич (?—1947) — генерал-лейтенант, Полевой Атаман Всевеликого Войска Донского. Полностью поддержал Власовское движение, начальник Управления Казачьих войск при штабе ВС КОНР (1945). 23 марта 1945 г. избран Председателем Совета Казачьего войска, составной части власовской армии. Выдачи избежал. Науменко Вячеслав Григорьевич (1883—1980) — генерал-майор, Атаман войска Кубанского. Окончил Воронежский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище, выпущен в 1-й Полтавский казачий полк. К 1914 г. прослушал курс Военной Академии и присоединился к Генеральному штабу. Участник 1-й Мировой войны, служил в штабах соединений, награжден Золотым Георгиевским оружием. В Добровольческой армии — с нач. 1918 г., участник 1-го и 2-го Кубанских походов. Командовал Корниловским Кубанским конным полком, бригадой, дивизией, конной группой. Эвакуировался на о. Лемнос, где казаками избран Кубанским Атаманом, оставаясь на этом посту 38 лет. С 1942 г. сотрудничал с ген. П.Н.Красновым, член ГУКВ. Однако ген. Науменко оставался убежденным сторонником ген. Власова, являлся противником “казачьей государственности”, настаивал на необходимости подчинения казачьих формирований ген. Власову. Выдачи избежал. жил в Германии, США. Автор фундаментального труда, посвященного выдаче казаков в Лиенце и других местах в 1945 г. (Великое предательство. Т.1. Нью-Йорк, 1962; Т.2. Нью-Йорк, 1970). До конца жизни пользовался всеобщим уважением казаков в Зарубежье.
- 81 Черкассов К. Указ. соч. С.42—56.
- 82 Дробязко С.И. Указ. соч. С.9.

Ю.И.Рубан

Электрическая мина штабс-ротмистра Павла Шиллинга

В тревожные дни сентября и октября 1812 г. жители Петербурга, собравшиеся у Невы, могли наблюдать поистине удивительное зрелище. Невысокий и полный человек, в плаще и кепи, из-под козырька которого блестели живые и умные глаза, стоя близ берега реки, медленно сближал два оголенных конца медного провода, одетого в какую-то черную оболочку. Провод соединялся с гальванической батареей и тянулся дальше, скрываясь под водой. В момент их соприкосновения свинцово-серая толща воды на некотором расстоянии от берега вдруг вскипала, из глубины вырастал тяжелый, рвущийся вверх фонтан. Рассыпаясь через несколько секунд на мириады брызг, он низвергался обратно под аккомпанемент гулкого взрыва. Аналогичные взрывы, но только взметавшие вверх комья сырой земли и пожелтевшие листья, звучали в ту осень и в окрестностях столицы. Совсем немногие зрители отдавали себе отчет, что являются участниками исторического события — испытания первой в мире¹. Кто же был ее изобретатель?

*Павел Львович Шиллинг.
Портрет работы Е.Д.Тюрина.*

Легко назвать его имя: Павел Львович Шиллинг, но невозможно соединить его с каким-либо одним эпитетом, и причина тому — энциклопедическое многообразие научных интересов этого выдающегося российского ученого.

Член-корреспондент Петербургской и ряда европейских Академий наук, П.Л.Шиллинг известен как физик и востоковед, криптограф и основатель первой русской литографии, изобретатель электрического запала и создатель первого в мире пригодного для практики электромагнитного телеграфа, наконец, как обаятельный и всеми любимый человек, с которым А.С.Пушкин мечтал совершить путешествие “к подножию стен далекого Китая”². Разумеется, тема данной статьи строго определена содержанием

публикуемого в ней материала, но об изобретении П.Л.Шиллинга следует сказать хотя бы в кратком контексте его предшествующих занятий. П.Л.Шиллинг родился 5 апреля 1786 года в Ревеле (Таллине), но детство свое провел в Казани, где на десятом году жизни был зачислен прапорщиком в 23-й Низовский мушкетерский полк, находившийся под командованием его отца. По окончании в 1802 году Первого кадетского корпуса в Петербурге подпоручик Павел Шиллинг начинает служить в Генеральном штабе, но уже на следующий год семейные обстоятельства заставляют его оставить военную службу и перейти в Коллегию иностранных дел, в качестве переводчика русского посольства в Мюнхене. Годы, проведенные здесь (1803—1812), определили основной круг его последующих занятий.

Систематически посещая Мюнхенский “Музеум” — постоянное место встречи ученых, Шиллинг познакомился с многими выдающимися представителями европейской науки, в том числе с братьями Александром и Вильгельмом Гумбольдтами. Физиолог С.Т.Земмиринг привил ему интерес к электричеству, познакомив с результатами своих работ в области электрической телеграфии³. В 1811 году нюрбергский профессор И.Швейтгер, узнав об опытах Земмиринга, предложил использовать в качестве вызывного устройства его телеграфа капсюль с водородом, который детонировал бы при посылке в него электрического тока⁴. Это предложение натолкнуло П.Л.Шиллинга на идею иного рода; он задумал производить взрывание минных пороховых зарядов на расстоянии при помощи электрического запала, связанного с источником тока скрытыми от глаз противника электрическими проводами. Для разрушения мостов П.Л.Шиллинг сконструировал подводную мину в виде порохового заряда, помещенного вместе с запалом в водонепроницаемые деревянные и жестяные цилиндры. Направление первой изобретательской инициативы Шиллинга неудивительно, угроза вторжения наполеоновских войск стала к тому времени реальной.

Вернувшись в августе 1812 г. на Родину и проведя серию испытаний своей мины в различных условиях⁵, Шиллинг стал добиваться принятия ее на вооружение русских саперных войск. Одновременно он ходатайствует о переводе его из статского в военное ведомство. Однако лишь в следующем, 1813 году, П.Л.Шиллинг получает назначение в резервную армию и в конце октября, в чине штабс-капитана 3-го Сумского гусарского полка, отбывает к месту приписки. Перед выездом из Петербурга он обращается с письмом к графу А.А.Аракчееву, бывшему в то время председателем Департамента военных дел Государственного Совета и управляющим Собственной Е.И.В. Канцелярии, учрежденной в связи с Отечественной войной. В нем он кратко описывает сущность

Дружеский шарж на П.Л.Шиллинга, сделанный А.С.Пушкиным в альбоме Е.Н.Ушаковой накануне отъезда ученого с экспедицией в Восточную Сибирь.

своего изобретения и формулирует аргументы безусловного преимущества электрического запала. С тех пор вплоть до настоящего времени письмо П.Л.Шиллинга хранилось в архивном фонде указанной канцелярии и не было использовано ни историками военного дела, ни биографами ученого. Это позволяло им либо вовсе не упоминать об испытаниях 1812 года⁶ и сомневаться в достоверности рассказов современников и очевидцев⁷, либо просто констатировать полное отсутствие документов, удостоверяющих факт изобретения электрической мины именно в этом году⁸. В известной степени данное обстоятельство подрывало приоритет отечественной науки. Публикуемый ниже текст этого уникального документа должен восполнить досадную фактографическую лакуну и восстановить, наконец, историческую справедливость.

“Сиятельнейший Граф!

Милостливый Государь!

Желая по мере сил моих посвятить себя на службу Отечеству и надеясь принести ему некоторую пользу изобретением, сделанным мною, осмеливаюсь обратиться к Вашему Сиятельству со всепокорнейшею просьбою удостоить меня милостливого внимания Вашего.

Доселе воспаление подкопов всеми известными средствами сопряжено было с великими неудобствами как в отношении продолжительной и трудной работы, так и в установлении сообщения огня чрез влажные места и самую воду. Новый способ, изобретенный мною, беспрепятственно зажигает самые отдаленнейшие подкопы в одно мгновение [подчеркнуто Шиллингом. — Ю.Р.] посредством одной нарочно приготовленной веревки [т.е. электрического провода. — Ю.Р.], которая заменяет употребление пороховой кишки (saucifson)⁹ и которая просто может быть зарыта в землю и проходить сквозь болота и самые быстрейшие реки. Сей новый способ, который может быть с большею пользою употреблен противу неприятеля в открытом поле и наипаче при переходах через реки, не подвержен никоторому из вышеупомянутых затруднений и был произведен мною в действие и с желаемую удачею в присутствии Их Императорских Высочеств Государей Великих князей Николая Павловича и Михаила Павловича прошедшего сентября 10-го дня в городе Павловском. Веревка сия имеет еще ту большую выгоду, что приготовление оной весьма легко и дешево и что она может быть многократно и даже до совершенного ее разрушения употребляема и что длина ее не ограничена.

Сиятельнейший Граф! Усерднейше желая обратить сие изобретение на общую пользу, к кому могу и лучше прибегнуть как не к Вам, истинному ее ревнителю?

Отъезжая по долгу службы в резервную армию, я сожалею токмо о том, что не могу иметь счастье лично донести Вашему Сиятельству о {б} успехах многотрудных моих опытов и заслужить чрез то личное одобрение Ваше. Но известно всеми рвение Ваше к общему благу подает мне смелость всепокорнейше просить Вас, Милостливый Государь, доставить мне на то средство переводением меня из резервной в действующую армию, о чем и бывший начальник мой по Государственной Коллегии иностранных дел граф Николай Петрович Румянцев, коего благосклонностию и милостливым расположением я всегда пользовался, обещал мне представлять у Вашего Сиятельства.

В прочем с глубочайшим почтением и сердечною преданностию имею честь навсегда пребыть.

Милостливый Государь

Вашего Сиятельства всепокорнейший слуга барон Павел Шиллинг, Штабс-ротмистр Сумского Гусарского полка.

С. Петербург Сего октября 20-го дня 1813 года”¹⁰.

Как видим, в этом военном новшестве П.Л.Шиллинг реализовал две выдающиеся идеи: электроминный запал и подводный кабель с гибким и герметичным покрытием. Изоляционной оболочкой ему сначала служил каучук, а впоследствии — слой озокорита, нанесенный на электрический провод, сверх обмотки из нескольких слоев шелковой пряжи. И здесь приоритет П.Л.Шиллинга не может быть подвергнут никакому сомнению¹¹.

Описание устройства самого электрического запала мы находим у С.Усова (1796—1859), очевидца работ Шиллинга в области электроминной техники.

“Для зажигания пороха в земле, — пишет он, — на дальних расстояниях, на всяком местоположении, даже на сыром, барон [П.Л.Шиллинг. — Ю.Р.] употреблял следующий способ. Сообщительные проволоки, которые идут от полюсов вольтовой батареи, барон запрядал в смоленые пеньковые веревки, в палец толщиной, длиною же по надобности; концы этих веревок укреплялись в медные трубки, которые имели на своих концах по заостренному куску хорошего, плотного древесного угля; трубки были закреплены на медной бляхе в таком между собой расстоянии, что куски угля были друг от друга около полудюйма. Другие концы веревок прикреплялись к полюсам батареи. Соединение пластин батареи до начала действия бывало разобщено. Когда батарею соединяли, в то же мгновение угли загорались. При зарядании подкопа батарею разобшали и концы веревок с углями вкладывались в порох, положенный в подкоп; когда нужно было взорвать, батарею соединяли, угли загорались и воспламеняли порох”¹².

В начале 1814 года штабс-капитан Павел Шиллинг принял участие в решающих боях с наполеоновскими войсками. Среди знаков отличия, полученных им в этих операциях, значится одна из самых почетных наград — сабля с надписью “За храбрость”. Но применить свою мину на полях сражений Шиллингу не пришлось. Ее военная ценность могла проявиться в первую очередь в условиях позиционных действий, в то время как война с Наполеоном носила ярко выраженный маневренный характер. Именно поэтому электрическая мина не привлекла тогда к себе серьезного внимания специалистов.

После окончания Отечественной войны Шиллинг перешел на службу в Азиатский департамент Министерства иностранных дел и вскоре выдвинулся как ориенталист, не прекращая одновременно работать над усовершенствованием своей мины. Нам известно об испытаниях ее в Париже, в 1815 году¹³, а затем — в присутствии императора Александра I и военных специалистов, на полигоне под Красным Селом, недалеко от Петербурга, в 1822 г.¹⁴.

В 1826 году П.Л.Шиллинг познакомился с помощником командира гвардейского саперного батальона К.А.Шильдером (1785—1854), который взял дальнейший ход ведения электронных опытов в свои руки и “со всею энергией своею начал преследовать мысль о применении гальванизма к военным целям...”¹⁵. После испытаний 1827 года Шильдер определенно намеревался применить электрическую мину при осаде в 1829 году турецкой крепости Силистрия, но завеса секретности, окутывавшая тогда эту военную новинку, воспрепятствовала сохранению каких бы то ни было документальных свидетельств об этом¹⁶.

В 1832—33 гг. в “адском редуте” под Красным Селом были проведены многократные испытания различных способов применения запальной системы Шиллинга. На испытаниях присутствовал император Николай I и члены Военно-ученого Комитета. Их результаты настолько превзошли все ожидания, что “послужили началом введения гальванизма для воспламенения пороха в военных минах”¹⁷. Электрическая мина была принята на вооружение русской армии. Вскоре, в 1834 году, была принята и подводная

мина¹⁸. Наконец, с 1841 г. "... теория гальванического воспламенения минных зарядов сделалась общею для всех саперных батальонов"¹⁹.

Развитие электроминного дела положило начало электротехническому образованию. В 1840 году была организована Учебная гальваническая команда при Саперном батальоне, в 1856 г. — Техническое гальваническое заведение, а в 1874 г. — Минный офицерский класс в Кронштадте, — первые в мире специальные электротехнические заведения²⁰.

Павел Львович Шиллинг умер 25 июля 1837 года неожиданно в расцвете своих научных сил. Значение сделанного им для укрепления обороноспособности России выяснилось несколько позднее, в дни героической Севастопольской обороны, когда благодаря электрическим минам "возможно было вести столь беспрецедентную в летописях инженерного искусства подземную войну, более полугодом задержавшую перед слабою крепостною оградой инженеров двух передовых наций Запада"²¹.

"Нет никакого сомнения, что пальма первенства в этом роде военных действий принадлежит русским", — вынуждена была признать английская газета «Таймс» по поводу русских минеров в 1854 году²². Правда этих слов противника имеет еще одно блестящее подтверждение: минные заграждения, впервые примененные русским флотом в Крымскую войну, обеспечили оборону подступов к Кронштадту и ряду других важных портов. В 1855 году в Финском заливе на "адских машинах", как называли английские моряки русские подводные гальванические (и ударные) мины, подорвались четыре британских военных фрегата²³. Страх перед ними был настолько велик, что сковал действия вражеского флота. Опасность Петербургу миновала. Вместе с военными инженерами эти гальванические мины конструировал и устанавливал в водах залива академик Б.Якоби, ученик и продолжатель электротехнических опытов П.Л.Шиллинга²⁴.

Думается, что если бы П.Л.Шиллинг не оставил после себя ничего, кроме электрической мины, то и в этом случае он заслужил бы вечную признательность своего Отечества.

Примечания

- 1 В США первые опыты по применению электричества для взрыва подводной мины были произведены в 1829 г., а в Англии — только в 1837 г. (см.: Развитие минного оружия в Русском флоте. Документы. М., 1951 С. VI. Прим. 1).
- 2 Русский биографический словарь. Т. "Щебанов-Шютц". СПб., 1911. С. 276—280; Яроцкий А. В. Павел Львович Шиллинг (1786—1837). М., 1963.
- 3 Гамель И. X. Исторический очерк электрических телеграфов. СПб., 1886. С. 8. сл.
- 4 Яроцкий А. Ук. соч. С. 13—14.
- 5 Испытания проходили в сентябре и октябре 1812 г. Предельный срок для опытов с подводной миной — 18 октября, начало ледостава на Неве (см.: Гамель И., Указ. соч. С. 17). Здесь и далее все даты указываются по старому стилю.
- 6 Так, М. Боресков (1829—1898), известный специалист в области военной электротехники, один из организаторов и преподаватель Минного офицерского класса в Кронштадте, отстаивая приоритет П.Л.Шиллинга, утверждал, тем не менее, что "первый опыт над применением гальванизма к воспламенению подводных был сделан в 1822 году" (Боресков М. Руководство по минному искусству в применении его к подводным оборонительным работам и гидротехническим работам. СПб., 1876. С. 12).
- 7 "По некоторым данным, — пишет акад. О. Д. Хвольсон, — первые опыты он [Шиллинг. — Ю. Р.] делал уже в 1812 Документальных сведений, однако, нет и, конечно, возможны ошибки" (Хвольсон О. Изобретатель электромагнитного телеграфа барон Павел Львович Шиллинг фон Канштадт // Электричество. 1886. № 12. С. 134).
- 8 Так, составители сборника документов "Развитие минного оружия в русском флоте" (М., 1951) упомянули имя изобретателя лишь в предисловии, посетовав, что "не обнаружены документы о первых опытах замечательного русского ученого П.Л.Шиллинга, произведенных им в 1812 году" (С. XXVII).
- 9 Сосис — кожаный шланг, наполненный порохом; предшественник бикфордова шнура.
- 10 Центральный государственный исторический

- архив, Ф.1409. Оп.1. Д.810. Л.27—29 об., — подлинник. Канцлер Н.П. Румянцев, поддержавший просьбу Шиллинга (его письмо Аракчееву, датированное тоже 20 октября 1813 г., хранится в этом же деле), в частности, писал о нем: “Сверх того, я от многих слышал, что он сделал полезное изобретение, которое может быть с успехом употреблено на пользу военных дел” (Л.26—26об.).
- 11 “Шиллинга следует считать и изобретателем изолированных кабелей; для изоляции он употреблял каучук” (*Хвольсон О.* Указ. соч. С.134). В Европе проекты подводных и подземных электрических линий появились лишь после смерти П.Л. Шиллинга, но были встречены с недоверием, которое инженер Бретт устранил в 1849 г. прокладкой телеграфного кабеля между Дувром и Кале (см. *Писаревский Н.Ф.* Об успехах телеграфии со времени Шиллинга до настоящих дней. — “электричество”; 1886, июль, 13—14, С.148). Так же. см.: *Шедлинг М.Ю.* История изобретения и развития электрического телеграфа. М., 1885. С.80; *Гамель Н.* Ук.соч. С.52; *Яроцкий А.* Указ. соч. С.30.
- 12 *Усов С.* Об электрических опытах в России. // Северная пчела. 1837. 282. 11 декабря. Суббота. С.1126.
- 13 *Гамель И.* Указ. соч. С.18.
- 14 *Яроцкий А.* Указ. соч. С.25, 153.
- 15 *Мазюкевич М.* Жизнь и служба генерал-адъютанта К.А.Шильдера. СПб., 1876. С.134
- 16 Там же. С.134—135.
- 17 Там же. С.140. За это 8 сентября 1832 г. П.Л. Шиллинг был награжден орденом св. Станислава 2-й степени, — “В вящее ободрение к продолжению изысканий по части естественных наук, польза коих опытом уже оправдана” (цит. по: *Яроцкий А.* Указ. соч. С.28).
- 18 *Мазюкевич М.* Указ. соч. С.160, 182.
- 19 История лейб-гвардии Саперного батальона (1812—1876). СПб., 1879. С.125.
- 20 Там же. С.125. Развитие минного оружия в русском флоте, С.VI, XIV; *Яроцкий А.* Указ. соч. С.34, 132—133.
- 21 *Мазюкевич М.* Указ. соч. С.174.
- 22 Цит. по. *Яроцкий А.* Указ. соч. С.34.
- 23 *Боресков М.* Указ. соч. С.14. Английский офицер с корабля “Merlin” так описал впоследствии это (видимо, первое в истории морских операций) столкновение своего судна с русской подводной миной при маневрировании в виду Кронштадтского рейда: “Корабль медленно подвигался вперед, как вдруг послышался сильный удар; часть команды с ожесточением бросилась на палубу и в течение некоторого времени продолжалась суматоха; поправки были сброшены в воду, бок судна получил течь; бимсы и пояса сломаны; посуда побита, и все, что было внутри корабля, страшно перемешалось; почти все мачты сломаны, и корабль спасся только как бы чудом” (Там же. С.15).
- 24 См. опубликованные документы о вкладе Б.Якоби в совершенствование электрических мин в сборнике “Развитие минного оружия в русском флоте”, — по именному указателю. С.330. Он также читал “теорию гальванизма” в офицерских классах Учебной гальванической команды (История лейб-гвардии Саперного батальона. С.125).

Ю.А.Нацваладзе

Конструктор стрелкового оружия А.И.Судаев*

Автоматы системы А.И.Судаева опытных образцов 1944 г.

Автомат как вид индивидуального стрелкового оружия впервые был создан в России в 1916 г. основоположником отечественной школы конструкторов автоматического стрелкового оружия Владимиром Григорьевичем Федоровым. Автомат был разработан им на основе глубокого изучения боевого опыта использования стрелкового оружия в Первой мировой войне, когда вполне зримо начала определяться большая роль высокоманевренного автоматического оружия. В нем нашли воплощение прогрессивные идеи выдающегося теоретика и конструктора. В.Г. Федоров на десятилетия опередил иностранных конструкторов. Он же разработал к своему автомату специальный патрон калибра 6,5 мм¹.

В период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. массовое применение пистолетов-пулеметов поставило вопрос о необходимости увеличения дальности действительного огня этого маневренного оружия. Этим требованиям современного боя могло отвечать автоматическое индивидуальное оружие с патроном, мощность которого была бы больше пистолетной, но ниже винтовочного патрона. Таким оружием явился автомат, патрон для которого был разработан советскими конструкторами Н.М.Елизаровым и Б.В.Семиным в 1943 г. Он первоначально в военной литературе часто именовался “промежуточный патрон”, а позже стал известным как “патрон образца 1943 г.”

А.И.Судаев, как уже было сказано выше, первым создал опытный образец автомата под патрон образца 1943 г. и первым же среди советских конструкторов представил его на полигонные испытания в мае 1944 г.

Коллекция автоматов системы А.И.Судаева в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи (С.-Петербург) состоит из семи единиц хранения, и все они относятся к 1944 г. На четырех автоматах выбиты клейма и надписи, что свидетельствует о том, что они заводского производства и были изготовлены малой серией для проведения всесторонних полигонных испытаний. В коллекции четко прослеживаются четыре модели автоматов, отличающихся друг от друга конструкцией затвора, ударно-спускового механизма и других деталей. Характерной особенностью является наличие сошек и устройств для крепления штыков клинкового типа. Стволы их около мушки и даже у дульного среза имеют наружный диаметр от 17 до 20 мм. Большинство автоматов Судаева по своему внешнему виду ассоциируются с легким, миниатюрным ручным пулеметом.

Первая модель автомата Судаева опытного образца 1944 г. работает на принципе отвода пороховых газов через отверстие в верхней стенке ствола. Ствол с компенсато-

* Окончание. См. “Новый Часовой”. 1995. № 3.

ром. Запирание канала ствола осуществляется перекосом затвора в вертикальной плоскости. Масса подвижных частей (затворная рама с газовым поршнем и затвор) 715 г. Рукоятка затвора закреплена на остова затворной рамы слева.

Возвратно-боевая пружина с направляющим стержнем передней своей частью размещается в отверстии, имеющемся в остова затвора, а головка стержня фиксируется в задней стенке ствольной коробки. Ударно-спусковой механизм позволяет ведение автоматического и одиночного огня. Переводчик огня флажкового типа, выполняющий также и функцию предохранителя, размещен на спусковой коробке слева.

Рукоятка управления огнем с размещенным в ней ударно-спусковым механизмом откидывается вниз. Питание патронами происходит из коробчатого отъемного магазина с двухрядным расположением патронов. Прицел секторный. Высокая мушка имеет округлый намушник с вырезами по бокам и сверху. Складные сошки крепятся на стволе перед наконечником цевья.

Для крепления клинкового штыка на стволе снизу имеется прилив. Ложа деревянная. Приклад и цевье разделены ствольной коробкой. Рукоятка управления огнем деревянная. Кожух с 32-мя отверстиями диаметром 7,5 мм. В технологии изготовления этого автомата была применена штамповка. Разборка автомата сложна.

Основные данные

Калибр..	7,62 мм
Патрон..	обр 1943 г
Длина ствола.....	505 мм
Общая длина без штыка...	1033 мм
Масса с сошками, с пустым магазином без штыка.....	5670 г
Емкость магазина.....	30 патронов
Прицельная дальность.....	800 м
Длина прицельной линии...	583 мм
Масса патрона.....	16,2 г
Масса пули.....	7,9 г
Масса заряда.....	1,6 г

Рис. 1.

Автомат системы А.И.Судаева. Опытный образец 1944 г. (Модель 1). На ствольной коробке слева надпись белой краской: ☆ "1—27 оп". Изготовлен в 1944 г. Проходил полигонные испытания в 1944 г.

Автоматика второй модели также основана на использовании энергии пороховых газов, отводимых через отверстие в стенке ствола. Но изменена форма газовой камеры. Модернизирован затвор, изменена его конфигурация. Масса подвижных частей 520 г. Рукоятка затвора расположена справа. Рукоятка управления огнем со смонтированным в ней ударно-спусковым механизмом откидывается вниз.

Переводчик огня размещен в спусковой скобе перед спусковым крючком. Предохранитель кнопочного типа расположен над рукояткой управления огнем. Штампован-

ная крышка ствольной коробки съемная. Ствол снабжен дульным тормозом-компенсатором. Модель комплектовалась клинковым штыком и сошками. Кожух имеет 28 отверстий диаметром 8 мм.

Рис. 2.
Автомат системы А.И.Судаева. Опытный образец 1944 г.
(Модель 2). Изготовлен в 1944 г. Проходил полигонные
испытания в 1944 г.

Основные данные

Калибр	7,62 мм
Патрон	обр. 1943 г.
Длина ствола	485 мм
Общая длина без штыка	990 мм
Емкость магазина	30 патронов
Масса с пустым магазином без штыка	4775 г
Прицельная дальность	800 м
Длина прицельной линии ...	415 мм

Третья модель характеризуется тем, что ее ударно-спусковой механизм рассчитан только на автоматический огонь. Переводчика нет. Функцию предохранителя выполняет пылезащитная откидная крышка на ствольной коробке справа, имеющая два выреза для постановки рукоятки затвора на предохранитель в походном положении (как в пистолетах-пулеметах опытных образцов 1944 г. моделей 3—5). Автоматика такая же, как и в предыдущей модели.

Значительно изменена конструкция затвора, но принцип запираения тот же — перекося затвора в вертикальной плоскости. Масса подвижных частей 670 г. Штык в автомате не предусмотрен. Ствол в дульной части имеет шесть отверстий (по три отверстия слева и справа), выполняющих функцию дульного тормоза. Крышка ствольной коробки штампованная, откидная. Цевье укороченное.

Четвертая модель представлена тремя автоматами. Автоматика этой модели основана на принципе отвода пороховых газов через отверстие в стенке ствола. Запираение канала ствола осуществляется перекося затвора в вертикальной плоскости. Усовершенствован затвор. Масса подвижных частей 660 г. Улучшена форма и способ крепления откидной крышки ствольной коробки.

Модернизированы ударно-спусковой механизм и предохранитель. Предохранитель кнопочного типа расположен над рукояткой управления огнем. Переводчик огня

Рис. 3.
Автомат системы А.И.Судаева. Опытный образец 1944 г.
(Модель 3). Изготовлен в 1944 г. Проходил полигонные
испытания в 1944 г.

Основные данные

Калибр	7,62 мм
Патрон	обр. 1943 г.
Длина ствола	400 мм
Общая длина	900 мм
Емкость магазина	30 патронов
Масса с пустым магазином ..	4550 г
Прицельная дальность	800 м
Длина прицельной линии ...	365 мм

смонтирован на цефье слева, над спусковой скобой. Стволы дульных тормозов-компенсаторов не имеют. Во всех автоматах имеются устройства для крепления штыков и сошек.

Рис. 4.

Автомат системы А.И.Судаева. Опытный образец 1944 г.
(Модель 4). Клейма и надписи: ☆ "1944 Автомат Судаева".
Проходил полигонные испытания в 1944 г.

Рис. 5.

Автомат системы А.И.Судаева. Опытный образец 1944 г.
(Модель 4). Клейма и надписи: ☆ "1944. Автомат Судаева".
Проходил полигонные испытания в 1944 г.

Рис. 6.

Автомат системы А.И.Судаева. Опытный образец 1944 г.
(Модель 4). Клейма и надписи: ☆ "1944. Автомат Судаева".
Проходил полигонные испытания в 1944 г.

Основные данные автоматов системы А.И.Судаева опытных образцов 1944 г. (Модель 4).

Инв. №	66/19	66/1	66/100
Калибр	7,62 мм	7,62 мм	7,62 мм
Патрон	обр. 1943 г.	обр. 1943 г.	обр. 1943 г.
Длина ствола	500 мм	495 мм	490 мм
Общая длина без штыка [*]	1030 мм	1030 мм	1010 мм
Емкость магазина	30 патронов	30 патронов	30 патронов
Масса с пустым магазином без сошек и штыка	5150 г	5350 г	5470 г
			* С сошками
Прицельная дальность	800 м	800 м	800 м
Длина прицельной линии	380 мм	380 мм	380 мм

Седьмой экземпляр автомата Судаева из музейной коллекции представляет собой переделку модели 4. Автоматика его основана на принципе отдачи свободного затвора. Масса подвижных частей равна 800 г. В этом автомате забито, заглушено газоотводное отверстие в верхней стенке ствола. А газовая камера обрезана таким образом, что оставшаяся ее часть служит направляющим кольцом для прохода и центровки полой трубки. Длинная полая трубка ввинчена резьбой в остов затвора задним концом и дополнительно закреплена рукояткой затвора.

Другие детали модели 4 Судаевым не были изменены. На крышке ствольной коробки выбито заводское клеймо, нанесена надпись и имеется трехзначный производственный номер.

Фотография этого автомата в книге Д.Н.Болотина помещена в разделе, где говорится о первом автомате Судаева, работавшем на принципе отдачи свободного затвора. Автор говорит о том, что автомат показал себя на испытаниях хорошо, «но некоторые детали (ударник, *стопор газового поршня* [курсив автора. — Ю.Н.] выбрасыватель показали низкую живучесть.»²

Основные данные экспериментального варианта автомата системы А.И.Судаева со свободным затвором

Калибр	7,62 мм
Патрон	обр. 1943 г.
Длина ствола	495 мм
Общая длина	1030 мм
Емкость магазина	30 патронов
Масса с пустым магазином, с сошками без штыка.....	5410 г
Прицельная дальность	800 м
Длина прицельной линии ...	380 мм

Рис. 7.

Экспериментальный вариант автомата А.И.Судаева со свободным затвором. Переделан из опытного образца автомата 1944 г. (модели 4 с заводским № ЮЕ328). Клейма и надписи: ☆ т. "1944. Автомат Судаева".

Если комиссия обратила внимание конструктора на низкую живучесть газового поршня, то испытанию подвергся автомат, работавший на принципе отвода пороховых газов, а не на принципе отдачи свободного затвора. В последнем случае нет необходимости в газовом поршне.

По имеющимся надписям на автомате, дате, заводскому клейму, по трехзначному заводскому номеру автомат никак нельзя назвать первым вариантом автомата Судаева, представленным конструктором на полигонные испытания в мае 1944 г.

Из сказанного следует, что этот автомат представляет собой переделку модели 4. Переделка, очевидно, нужна была А.И.Судаеву для отработки отдельных вопросов, поставленных перед ним комиссией в результате полигонных испытаний его автомата 1944 г., работавшего на принципе отвода пороховых газов.

Примечания

1 См.: Яковлев М.Н. // Новый Часовой. 1994. № 1.

2 Болотин Д.Н. Советское стрелковое оружие. 2-у изд. М., 1986. С.143—144.

В.С.Дякин

Церковь и государство в период третьеиюньской монархии*

В годы третьеиюньской монархии углубилась трещина между государством и православной Церковью. Власть не решилась пойти навстречу желанию Церкви и восстановить патриаршество. И при патриархах московские цари держали Церковь в своей жестокой руке. Но соблюдались определенные внешние приличия, не нарушались канонические правила. Отказав Церкви в созыве Собора и избрании патриарха, самодержавие поставило Церковь в трудное положение. Чем глубже становился кризис веры, чем больше людей отходило от религии, тем опаснее для Церкви становилась близость к государству, отпугивавшая, “вводившая в соблазн” паству, недовольную светской властью. Одновременно Церковь боялась сохранять прежние формы близости к государству, которое само становилось другим. Привыкнув повиноваться самодержавному царю, церковная иерархия опасалась оказаться в зависимости от Думы и правительства, которое будет сотрудничать с Думой. На смену пусть постылой, но определенности отношений, приходила неопределенность; и она пугала. “Раз мы, — писал Обер-Прокурор Синода А.Д.Оболенский своему шефу и другу С.Ю.Витге, — находимся накануне таких возможностей, что председателем Совета [министров. — В.Д.] будет Петрункевич или Горемыкин, — Церковь не может быть поставлена в необходимость танцевать между этими крайностями”¹. Выход он видел в том, чтобы вывести Обер-Прокурора из состава Совета министров, коллективной ответственности которого перед Думой он опасался.

В то время как раз ощущение собственной слабости подталкивало Церковь к государству, заставляло ее требовать, чтобы светская власть охраняла позиции православия, не шла на реформы в делах веры. “Если Церковь православная обессилена в своем положении, <....> нельзя предоставить иноверию то право, которое если не разрушит, то потрясет в корне Церковь русскую”², говорил председатель думской комиссии по делам православной Церкви В.Н.Львов, возражая против предоставления старообрядцам свободы проповедовать свои взгляды. Синод настаивал, чтобы светская власть по-прежнему твердой рукой стояла на страже незыблемости православия. Искренне верующий Столыпин вынужден был объяснять, что не может этого делать ни губернатор, лицо, как-никак, светское, ни полиция, “ибо участие <...> в делах веры не отвечает прямому назначению ее”³.

Пытаясь и сохранить положение православной Церкви как первенствующей и господствующей, и достичь большей ее независимости от светской власти, Синод, с

* Редакция “Нового Часового” продолжает публикацию материалов из архива Валентина Семеновича Дякина. Название настоящей статьи сформулировано редакцией.

одной стороны, требовал, чтобы эта власть стояла на страже прав и преимуществ Церкви “силой основных законов”, а с другой — предоставляла ей свободу внутреннего управления⁴. На практике это значило, что Синод хотел отстранить светскую власть только от дел церковного управления, ей и по закону неподвластных, но и от законодательства, связанного с делами Церкви. Между тем провести границу трудно именно потому, что века предшествовавшей истории превратили православную Церковь в один из устоев государства. Чуждый всяких симпатий к Думе министр просвещения А.Н.Шварц как раз из того, что Церковь в России есть “особое духовное ведомство” в составе государства, делал вывод, что нет такого предмета церковного права, “по коему законодательные учреждения могли бы быть лишены права голоса”⁵. На праве власти развивать “общее законодательство империи”, задевая попутно интересы Церкви, настаивал и министр юстиции И.Г.-Щегловитов⁶. Споры между светскими министрами и Обер-Прокурором Синода достигали такой остроты, что зимой 1908 г. П.Извольский отказался даже сообщить Синоду письмо Столыпина по одному из вопросов, посчитав, что в нем “подвергается осуждению неправильное понимание Церковью собственной ее пользы”⁷.

Весной 1909 г. дело дошло до почти неприкрытого столкновения в Думе. В мае на ее обсуждение были вынесены законопроекты, вытекающие из указа 17 апреля 1905 г. Первым из них был проект отмены некоторых ограничений лиц инославных и иноверных исповеданий. Первым взял слово товарищ Обер-Прокурора А.П.Рогович. Он справедливо отметил значение законопроекта как прецедента, от которого будет зависеть, будет ли церковное законодательство “поставлено в строгих рамках правильного соотношения Церкви и государства”. Признав, что в данном случае МВД составило проект в согласии с Синодом, Рогович тут же пригрозил, что если бы дело обстояло иначе, “пришлось бы искать иных, новых путей для того, чтобы защитить независимости и крепость церковных определений”⁸. Это был откровенный намек на возможность повлиять на Николая через неофициальные каналы и полностью изъять вопросы Церкви из ведения Думы, да и Совета министров. Двумя неделями позже, при обсуждении другого вероисповедного проекта, Столыпин поднял перчатку. Походящим до правительства сведениям, сказал он, существует “мнение, что все вопросы, связанные с Церковью, подлежат самостоятельному единоличному вершителству Церкви”. Подчеркнув полную автономию Церкви в вопросах канонических и в делах внутреннего устройства Церкви, восходящих непосредственно на одобрение монарха, Столыпин настаивал, что одновременно государство оставляет именно за собой “полную свободу в деле определения отношений к государству”⁹.

Решительность взятого Столыпиным тона объяснялась тем, что он защищал не только сам принцип главенства государства в его отношениях с Церковью, но и те вероисповедные реформы, которые он пытался провести. Но и после Столыпина, когда о вероисповедных реформах уже не было речи, светская власть и Синод по-разному глядели на проблемы Церкви. В результате спор о том, где проходит граница, которую светская власть не должна переступать, продолжались. В 1913 г. из-за вопроса о приходе (о нем будет сказано дальше) возникло специальное дело о порядке направления законопроектов по духовному ведомству. Новый Обер-Прокурор Синода В.К.Саблер доказывал, что ст.65 Основных законов освобождает от контроля гражданских властей не только внутреннее управление Церковью, но и все законодательство, если только оно не связано с новыми расходами из казны. Он кроме того не хотел показывать даже Совету министров законопроекты, касающиеся Церкви, в полном объеме, а только их разделы, относящиеся к ведению других учреждений, лишая возможности хотя бы понять существо проекта в целом. Под давлением Николая Совет министров принял требования Саблера¹⁰, но решил не опубликовывать постановление о новом порядке цер-

ковного законодательства, запретив ссылаться на него и предложив Обер-Прокурору в случаях неизбежных объяснений с Думой выкручиваться, как может¹¹. В связи с этим конфликтом газеты сообщали о резком недовольстве членов Синода позицией правящей бюрократии, доходившем, якобы, до заявлений, что в нынешних условиях нет пользы от союза Церкви и государства¹². Хотя такие слухи были явно преувеличены, недовольство, подогретое еще и заявлением Саблера о несвоевременности восстановления патриаршества¹³, было настолько сильно, что вылилось в демонстрацию, косвенно задевавшую и монарха. Параллельно с организованными властью торжествами по случаю 300-летия дома Романовых Синод в необычно короткие сроки провел канонизацию патриарха Гермогена (предшественника Филарета Романова). Церковь напоминала о своей роли в событиях Смутного времени, не всегда даже вспоминая при этом о Романовых¹⁴. Ряд епископов выступил в прессе с напоминанием о необходимости восстановить патриаршество для ограждения Церкви от вмешательства светских властей. Неудивительно, что Николай вообще не принял участия в канонизации Гермогена.

Сложные отношения между государством и Церковью пагубно отразились на попытке реорганизации православного прихода, важнейшей, наряду с патриаршеством, проблемой, стоящей перед православной Церковью.

Практически с середины XIX в. приход находился в очень тяжелом положении. В городах на отношениях между духовенством и прихожанами сказывалось растущее безразличие значительной части населения к религии. В деревне на первый план выступали неурегулированные денежные отношения между клиром и крестьянами. Не получая казенного содержания, духовенство жило за счет платы за требы, что вызывало взаимное недовольство. На этой почве росла и подозрительность относительно судьбы денег, собираемых в пользу храма, тем более, что значительная часть их действительно уходила на содержание вышестоящих церковных учреждений. Верующие были также недовольны тем, что священники ставились в приход единоличной властью епископа, не спрашивающего их мнения (хотя на Руси существовал обычай представления прихожанами желаемых кандидатов). Все эти “нестроения” воспринимались тем болезненнее, что в других христианских церквях и у старообрядцев верующие принимали (в разной степени) активное участие в жизни прихода. Последователи господствующей Церкви оказывались в этом отношении наиболее бесправными. Не случайно, как только Совет министров начал в 1906 г. обсуждать закон о старообрядцах, П.П.Извольский заговорил о том, что “стремление к воссозданию свободы самоуправления приходов и к предоставлению им права самим избирать своих пастырей” существует и в православной среде, в которой может родиться “недоумение”; если такая свобода будет дарована не “верным сынам Церкви”, а отпавшим от нее¹⁵.

Однако попытки выработать проект устройства православного прихода столкнулись с трудностями. Они вытекали как из действительной сложности разграничения церковного и гражданского права, так и из различия целей, которые преследовали светская и церковная власть. Позиция светской власти была четче всего сформулирована Столыпиным. Отметив, что провозглашенная в 1905 г. веротерпимость привела многих к “стремлению к религиозному самоопределению”, Столыпин с тревогой отмечал успех старообрядцев и особенно евангелистов. Проповедуя “общехристианские, вполне доступные для массы религиозные идеи” и соединяя с этим “попечение о бедных”, они выигрывали соревнование с православной Церковью, где устранение прихожан от управления приходом “заставляет их безучастно относиться к делам Церкви”. Ради восстановления прихода как прочной организации Столыпин считал нужным пойти на “приобщение мирян к управлению церковным имуществом”¹⁶. Но для Церкви оказывалось трудным, во-первых, признать приход самостоятельной самоуправляющейся

единицей и, во-вторых, пойти на участие прихожан в действенном контроле над имуществом приходского храма. Нежелание признать самостоятельность прихода обосновывалось ссылками на каноническое правило, по которому приход есть неразрывная часть епископии (правило восходило ко временам раннего христианства, когда епископия и была приходом). Реально за ним стояла боязнь, что самостоятельность приходов может привести к разномыслию верующих и расколу Церкви¹⁷. Стремление не пустить мирян к заведению церковным имуществом мотивировалось заботой о сельском духовенстве, которое прихожане могут обездолить. Но в 1913 г. Саблер проговорился, что больше всего Синод боится, как бы прихожане не стали обращать все средства на местные нужды, оставив без финансирования епархиальные учреждения¹⁸. В результате и проект Извольского (1908 г.), и проект Лукьянова (1910 г.) определяли приход как часть епископии, сохраняли решающее влияние на всю приходскую жизнь епископа и священника (причем епископ мог назначать священника и не из числа кандидатов, рекомендованных прихожанами) и пытались провести жесткую границу между имуществом приходской Церкви и прихода. Попутно Синод пытался использовать создание прихода для распространения влияния православной Церкви на то, что ей заведомо не принадлежало. Так, по проекту 1908 г. во всех школах, расположенных на территории прихода, воспитание должно было вестись на началах православной веры. Это вызвало возражения министра просвещения, напомнившего, что на этой территории могут находиться школы последователей и других религий¹⁹.

В итоге затянувшейся борьбы вокруг проектов реформы прихода преемник Столыпина А.А.Макаров снова констатировал широко распространенное “полное безразличие к вере и озлобление по отношению к пастырям”, вызванное отстранением прихожан от управления церковным имуществом. Он подчеркивал, что предлагаемая Синодом реформа не улучшает положения, ибо через весь проект проходит подчинение приходской жизни влиянию священника и епархиального начальства, а “такое низведение значения мирского элемента неминуемо повлечет за собою с его стороны равнодушие к церковно-приходскому делу”. Макарову не нравилось и стремление Синода наполнить законопроект каноническими назидательными правилами. Оказавшись в законе, эти правила требовали бы административного надзора за их выполнением. Между тем подчеркивал Макаров, “государство не может предписывать прихожанам, чтобы они следовали всем религиозно-нравственным наставлениям священника <...> Это дело Церкви, а не государства”²⁰. Светская власть, отказавшая Церкви в автономии, рекомендовала ей усвоить принцип автономии прихода в своем внутреннем устройстве, а церковное руководство, боясь этого принципа, продолжало ждать административной поддержки своего авторитета перед прихожанами.

Выход из ситуации попробовал найти Саблер, предложивший сугубо каноническое положение о церковном управлении приходом и устав приходской общины, предусматривавший ее самоуправление. Но и он споткнулся о сложность разграничения собственности прихода и приходского храма и стал подчеркивать, что взгляд на общину как на собственницу церковного имущества — протестантский²¹. К этому времени взгляд правительства на место прихода в жизни страны изменился. Если для Столыпина приход оставался общиной верующих, в самоуправлении которой он был заинтересован ради укрепления самой Церкви, то в 1913—1914 гг. власти обнаруживают стремление превратить приход в низовую ячейку территориального самоуправления. Проект Саблера делал шаг навстречу этой тенденции, но, как оказалось, недостаточный. Совет министров считал, что основным началом проекта должно быть “установление связи лиц, проживающих в пределах данного прихода, с приходским храмом и приходской организацией”, причем “не одним лишь авторитетом духовной власти, но так же пря-

мым указанием закона”. На прихожан предлагалось возложить материальную ответственность за поддержание храма, благотворительных и просветительных учреждений, а для этого ввести обязательное для всех самообложение (при этом с обязательной припиской к приходу в него попадали и лица внеконфессиональные, лишь числящиеся православными из-за отсутствия в России внеконфессионального состояния). Саблеру был сделан упрек, что он не разработал эту сторону проекта. Получалась парадоксальная вещь — отметив, что связь между причтом и прихожанами “ныне почти вовсе не ощущается” и это вызывает опасение за “будущие судьбы православия”, Совет министров делал ставку на силовое возрождение прихода “указанием закона” и на таком фундаменте надеялся основать всю пирамиду местного самоуправления в стране²².

Почувствовав слабину, проявленную Советом министров, не возразившим против того, что приход и храм составляли по проекту единое юридическое лицо (до сих пор Щегловитов доказывал недопустимость этого), Саблер не ограничился разработкой в новом варианте проекта главы о приходских повинностях. Заодно он снова ввел в проект не обмирщенное, а чисто каноническое определение прихода. В таком виде у проекта не было никаких шансов пройти через Думу. Понимая это, А.Д.Самарин в августе 1915 г. взял проект назад. После его отставки Синод вынес определение в том, что он не усматривает необходимости что-либо менять в саблеровском детище и проект был снова внесен в Думу²³, где и остался похороненным в комиссии.

Церковная иерархия не захотела пойти на уступки и освободить приход от чрезмерной опеки епархиального начальства, да еще дать ему больше возможностей присматривать за расходованием церковных средств. Со своей стороны, светская власть норовила приспособить приход к целям, не имеющим отношения к Церкви. Немудрено, что приходская реформа до Февральской революции так и не состоялась.

И наверху, и внизу Церковь была поражена тяжким недугом, порожденным ее зависимостью от власти. Связь между этой зависимостью и внутренним нестроением Церкви ощущали обе стороны, но продолжали держаться друг за друга, заражая одна другую своими болезнями.

Примечания

- 1 А.Д.Оболенский — С.Ю.Витте 30 марта 1906 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.2. Д.590. Л.14—15.
- 2 Государственная дума. Третий созыв. Сессия II. Ч.IV. Стб.1391.
- 3 П.А.Столыпин — С.М.Лукьянову 10 октября 1909 г. // РГИА.Ф.821. Оп.10. Д.40. Л.92—93.
- 4 П.П.Извольский — П.А.Столыпину 22 января 1907 г. // Там же. Ф.1276. Оп.2. Д.12. Л.38.
- 5 А.Н.Шварц — Н.В.Плеве 27 ноября 1908 г. // Там же. Оп.4. Д.837. Л.20.
- 6 Особый журнал Совета министров 18 марта 1908 г. // Там же. Л.231.
- 7 П.П.Извольский — П.А.Столыпину 11 декабря 1908 г. // Там же. Ф.821. Оп.10. Д.40. Л.89—90.
- 8 Государственная дума. Третий созыв. Сессия II. Ч.IV. Стб.788, 790.
- 9 Там же. Стб.1755—1757.
- 10 Особый журнал Совета министров 4 сентября 1913 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.9. Д.830. Л.38—46.
- 11 И.Л.Горемыкин — В.К.Саблеру 29 апреля 1914 г. // Там же. Л.79.
- 12 Речь. 1913 4 октября.
- 13 Там же. 1912. 15 января.
- 14 Фриз Г. Церковь, религия и политическая культура на закате старого режима // Реформы или революция? Россия 1861—1917. СПб., 1992. С.35—37.
- 15 Особый журнал Совета министров 5 сентября и 13 октября 1906 г. // Особые журналы Совета министров царской России. 1906 год. М., 1982. С.486—487.
- 16 П.А.Столыпин — С.М.Лукьянову 3 октября 1909 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.4. Д.837. Л.33—37.
- 17 С.М.Лукьянов — П.А.Столыпину 20 октября 1909 г. // Там же. Л.53.
- 18 В.К. Саблер — В.Н. Коковцову 30 апреля 1913 г. // Там же. Л.196.
- 19 А.Н.Шварц — Н.В.Плеве 27 ноября 1908 г. // Там же. Л.22.
- 20 А.А.Макаров — П.В.Плеве 15 апреля 1912 г. // Там же. Л.170—175.
- 21 Объяснительная записка к проекту устава православного прихода // Там же. Л.272—273.
- 22 Особый журнал Совета министров 23 января 1914 г. // Там же. Л.301—307.
- 23 А.Н.Волжин — М.В.Родзянко 13 декабря 1915 г. // Там же. Ф.1278. Оп.7. Д.1179. Л.2.

Д.К.Жеребов

Мга. Жаркое лето 1943-го...

Читателям нашего журнала уже знакомо имя Доната Константиновича Жеребова — петербургского историка, публициста, участника битвы за Ленинград 1941—1944 гг. (см.: Новый Часовой. 1995. № 3).

Сегодня мы начинаем публикацию серии научно-публицистических очерков Д.К.Жеребова, посвященных дискуссионным страницам истории Великой Отечественной войны. Позиция автора существенно отличается от тех взглядов, которые исповедует большинство исследователей, изучающих историю блокады Ленинграда, от оценок, содержащихся в официальной историографии.

Редакционная коллегия журнала надеется на отклики наших читателей и приглашает всех заинтересованных лиц принять участие в дискуссии по предложенной теме.

Мга — 536 домов. В 1943 году — поселок на реке Мга, в десяти километрах от впадения ее в Неву. Важный узел автомобильных дорог и Октябрьской (бывшей Кировской) железной дороги. Захвачен В. фон Леебом 2.9.41 г. Освобожден Л.Говоровым и К.Мерецковым 21.1.44 г.

Каждую весну южнее Ладоги, там, где пятьдесят с лишним лет назад происходила битва за Ленинград, земля выталкивает кости павших воинов. Невский пятачок, Синявино, Гайтолово, Тортолово, Мишкино, Вороново, Поречье, Корбуфель, Погостье, Кириши, Мясной Бор и многие другие деревни, сметенные с лица земли, были более двух лет ареной кровопролитных сражений. Теперь они образуют гигантское ожерелье кладбищ, охватывающих Санкт-Петербург с Востока в радиусе шестидесяти — ста километров. В центре этих горячих точек была недосыгаемая для нас в течение более чем 28 месяцев Мга — замок блокады Ленинграда.

В ходе Ленинградской битвы Мгинское направление с осени 1941 до начала 1944 г. привлекало к себе особое внимание как Гитлера, так и Сталина. От Ильмена до Ладоги шла позиционная война. Основным направлением было Мгинское. Осенью 1942 г. Гитлер неудачно применил под Мгой первые танки “Тигр”.

Только в январе 1944 г. командующий 18-й немецкой армией оставил Мгу и все “бутылочное горло”, “фляшенхальс”, как называли его немцы. Тогда, после прорыва Волховского фронта от Новгорода к Луге, соединения генерала Линдемана, прикрываясь заслонами, стали отходить из Приладожья к Любани, Чудову и далее на позицию “Пантера”, усиленное строительство которой было начато с 10.9.43 г. под руководством генералов Гольвитцера и Прютнера¹.

21 января 1944 г. Мгой “овладели” войска двух фронтов — Ленинградского и Волховского. Пятнадцати “наиболее отличившимся в боях за Мгу” соединениям и час-

тям было присвоено наименование “Мгинских”. В Москве был дан салют 12 залпами из 124 орудий².

С 10 сентября 1941 г. в операциях по деблокаде перед войнами Ленинградского, а затем и Волховского фронтов ставилась задача по освобождению Мги. Командующие этими фронтами — Г.Жуков, И.Федюнинский, М.Хозин, Л.Говоров и К.Мерецков — Мгу не брали, наказания за это не понесли. Сталин не спешил с деблокадой Ленинграда. Игра была двойной. Одни задачи — для солдат, другие — для командующих фронтами. В Мгинской операции 1943 г. это проявилось особенно отчетливо.

Мгу брать или не брать?

Приближалось начало Курской битвы. Вызванные к Сталину в конце мая 1943 г. Л.Говоров и К.Мерецков получили приказ на проведение Мгинской операции.

“Мгинская операция 1943, наступательная операция войск Ленинградского и Волховского фронтов, проведенная 22 июля—22 августа. Цель — нанести поражение немецко-фашистской 18-й армии, сорвать планы противника восстановить блокаду Ленинграда и не допустить переброску вражеских войск на центральный участок советско-германского фронта для действий в Курской битве [...] Главным считался не захват территории, а нанесение противнику максимальных потерь”³.

Так ли Л.Говоров и К.Мерецков первоначально сами планировали эту операцию? Обратимся к фундаментальному труду ветерана и историографа Волховского фронта генерала П.Егорова:

“Замысел новой операции сводился к прорыву противника войсками Ленинградского фронта в районе Синяино, а Волховского — в районе Вороново [...] Местом встречи двух фронтов намечалась Мга [...] Главный удар командующий Волховским фронтом решил нанести в направлении Вороново, пос. Михайловский, Мга [...]”

Замыслом командования Ленинградского фронта предусматривалось в ходе операции овладеть Синявинскими и Келколловскими высотами, полностью очистить восточный берег Невы на участке Арбузово, Ивановское и установить общий фронт на восточном берегу Невы с 55-й армией и Волховским фронтом на линии Кировской ж.д. на участке Ивановское-Горы”⁴.

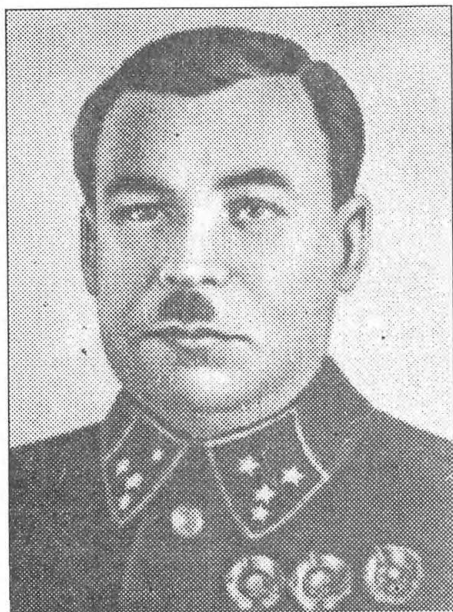
Чтобы встретиться во Мге солдатам Ленинградского фронта нужно было преодолеть с жестокими боями около 9 км укреплений “бутылочного горла”, Волховского — 14 км. Казалось, участь Мги наконец-то будет ими решена. [См. схему].

Однако не получилось и на этот раз. Сталин не спешил снимать блокаду Ленинграда. Это должно было произойти в результате первого “сталинского” удара лишь в начале 1944 г.

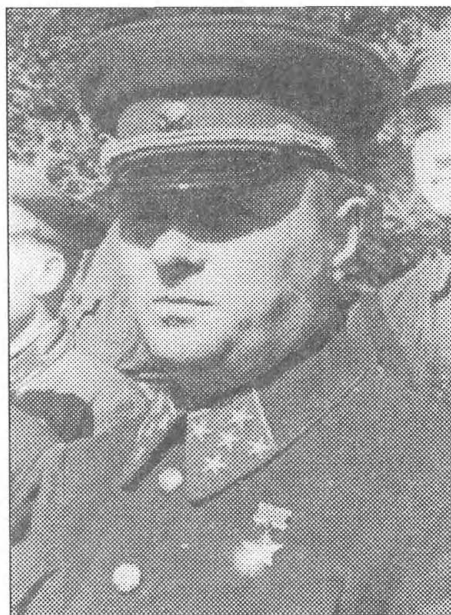
Когда К.Мерецков в середине июля 1943 г. доложил о подготовке к наступлению, то получил четкое указание Верховного: “Главное для вас — не захват территории, а уничтожение немецких дивизий”⁵.

Этим решением Сталина Мга еще на пять месяцев осталась замком блокады, а Ленинград — примером мужества и героизма. Счет блокадным дням продолжался...

Для решения Л.Говоровым и К.Мерецковым задачи только по “... уничтожению немецких дивизий” Сталин не пожалел ни сил, ни средств. Более 250 000 солдат и офицеров было сосредоточено в 67-й и 8-й армиях к началу Мгинской операции⁶. Войска двух фронтов превосходили на Мгинском направлении войска Линдемана в пехоте в 2,3 раза, в минометах — в 5,1 раза, в орудиях — в 1,5 раза, в танках — в 3,4 раза⁷. Только Мерецкову было разрешено израсходовать на эту операцию 850 тысяч снарядов и мин — это более тысячи вагонов!⁸

Генерал-полковник Л.А.Говоров.

Генерал армии К.А.Мерецков.

вопролитное “прогрызание” укреплений врага, главным образом пехотой и саперами-штурмовиками.

Обратимся к воспоминаниям участника этой операции, в то время — начальника оперативного отдела штаба артиллерии Волховского фронта, полковника Д.Морозова:

“22 июля в 6 часов 35 минут началась артиллерийская и авиационная подготовка. Два часа, то затихая, то усиливаясь, бушевал огонь. Стреляли тысяча восемьсот орудий. В глубине гитлеровской обороны наносила удары авиация [...] Пятьсот шестьдесят самолето-вылетов было сделано за одни сутки.

[...]через час после начала артподготовки густая пелена дыма и пыли заволочла местность. Когда огонь артиллерии был снят с первой траншеи противника и перенесен на триста-четыре метра в глубину, то даже опытным офицерам казалось, что огневой вал остался на прежнем месте. Что же касается молодых пехотинцев, еще не участвовавших в боях, то они совсем растерялись и боялись голову поднять из окопа. Мы, артиллеристы, на этот раз, как говорится, перестарались. Прошло двадцать минут, а пехота не поднималась. Я находился на наблюдательном пункте командира 256-й дивизии, в километре от переднего края [район Вороново — Д.Ж.]. Нервничал командир дивизии генерал-майор Фетисов, и командующий артиллерией подполковник Кеременицкий. Да и как сохранить спокойствие в такой обстановке. А пехота, оглушенная громом канонады, никак не могла понять, что огонь артиллерии давно уже снят с объектов атаки. Ведь впереди, в дыму, продолжали грохотать разрывы.

Пришлось нам перенести огонь артиллерии еще глубже и резко ослабить его плотность. Подошли танки. Вместе с ними пехота двинулась наконец вперед. Первая вражеская позиция была прорвана во многих местах [...]

Вторую позицию, удаленную от первой на два— два с половиной километра, захватить с ходу не удалось. Слишком долго задержалась пехота с началом атаки, момент был упущен [...]”¹⁰.

Так “умело” организовывал взаимодействие артиллерии с пехотой генерал армии К.Мерецков. Орден Суворова 1-й степени, которого он был удостоен 28.1.43 г. за прорыв блокады, не прибавил ему, к сожалению, умения “по-суворовски” организовывать взаимодействие своих войск на поле боя.

С 29 июля по 12 августа работала авиация дальнего действия генерал-полковника А.Голованова. В первом ударе участвовало 333 самолета, в последующих от 100 до 150. Совершив свыше 1500 самолето-вылетов, летчики сбросили на укрепления противника, его батареи, на солдат более 1700 тонн различных бомб¹¹. На каждый кв. км. площади приходилось 65 самолето-вылетов и 441 крупная бомба¹².

Тридцать суток солдаты двух фронтов вели жестокие бои, пытаясь прорваться с востока и севера к Мге. Они не знали о том, что Мгу им брать не надо, что их встреча во Мге не планировалась ни Сталиным, ни послушными ему Говоровым и Мерецковым. Для солдат приказы, по которым многие из них поднимались в свою первую и последнюю атаку, звучали иначе.

Из приказа генерала Ф.Старикова от 27.7.43 г.:

“3. 8-я армия [...] вводом вторых эшелонов армии, во взаимодействии с войсками Ленинградского фронта уничтожает Синявинско-Мгинскую группировку противника, овладевает ж.д. узлом и населенным пунктом Мга и выходит на р. Мойка [...]”¹³.

Итак: две задачи в одной операции. Командующим фронтами: главное — не захват территории, а уничтожение немецких дивизий. Рядовым воинам — овладеть Мгой.

Понимая, что в Мгинской операции решается судьба Ленинграда, более 20 000 бойцов и командиров Ленинградского и Волховского фронтов, прорываясь к Мге, погибли у Синявинских высот, у населенных пунктов Вороново, Поречье¹⁴.

Кто повинен в том, что Мга не была взята? Воины, сложившие свои головы, или генералы Ф.Стариков, М.Духанов, Л.Говоров и К.Мерецков, так и не сумевшие использовать все, что им дал тыл страны, не научившиеся воевать в Приладожье даже летом 1943 г.

Перекалывая свою вину на плечи подчиненных, генерал Ф.Стариков указывал командирам своих соединений, что к причинам неудачи в Мгинской операции следует, прежде всего, отнести:

“— Отсутствие должного управления огнем в звене взвод, рота. Бойцы умело действовали гранатами при сближении с противником, но в то же время забывали о пулеметах, минометах, противотанковых ружьях и орудиях прямой наводки [забывали или же не были обучены? — Д.Ж.], подойти же на бросок гранаты было не легко.

— Слабое взаимодействие между пехотой и средствами усиления — артиллерией и танками. Последние не были обучены действиям в дыму, пыли, тумане, не умели преодолевать болота и воронки от снарядов и бомб [...]

— Неумение закрепляться на достигнутых рубежах и обеспечивать фланги. В результате автоматчики противника просачивались в тылы вклинившихся наших подразделений”¹⁵.

Чтобы сдержать атаки войск 8-й и 67-й армий, Линдемман перебросил 3 и 18 августа 132-ю и 254-ю дивизии из-под Ленинграда. Только этим ему удалось локализовать прорыв переднего края обороны, осуществленный 256-й, 165-й и 378-й дивизиями в районе Поречье—Вороново¹⁶. Начиная с 17 августа, напряженность в ведении боевых действий стала ослабевать, 22 августа по приказу Сталина войска обоих фронтов перешли к обороне¹⁷.

Прорваться к Мге солдатам двух фронтов, благодаря “умению” воевать их генералов, не удалось. Сковать же часть войск Линдемманна, Л.Говоров, К.Мерецков, Ф.Стариков и М.Духанов ценой больших потерь сумели. Воспользовавшись общим ослаблени-

ем противника в районе мгинского выступа, 30-й гвардейский стрелковый корпус 67-й армии нанес 15 сентября 1943 г. внезапный удар по обороне врага в Синявино и после трехдневных боев овладел этим мощным узлом сопротивления.

Теперь займемся арифметикой войны. Определим, во что же обошлось двум фронтам решение задачи по уничтожению немецких дивизий в ходе 30 суток Мгинской операции 1943 г.? Какую цену заплатили солдаты двух фронтов в Приладожье, помогая участникам Курской битвы? Общие потери Л.Говорова и К.Мерецкова в Мгинской операции составили около 80 000 человек. По 2 660 в сутки¹⁸. Только за неделю боев 67-я армия теряла 28 000 убитыми и ранеными¹⁹. Линдеман же потерял в ходе этой операции около 20 000. По 670 человек в сутки. Выводя из строя одного солдата Линдемана, Л.Говоров и К.Мерецков теряли четырех своих.

Сравним количество мин, снарядов, бомб, потраченных в этой операции сторонами. К сожалению, пока нет данных о расходе патронов, ручных гранат, противотанковых и противопехотных мин. Линдеман в ходе Мгинской операции истратил около 40 000 тонн боеприпасов. На каждого выведенного из строя советского воина, Линдеман тратил всего по 500 кг боеприпасов. К.Мерецков же только снарядов и мин истратил 850 000 шт. Приняв средний вес одного снаряда или мины за 50 кг, получим 42 000 тонн. Это без патронов и авиабомб. Таким образом для того, чтобы вывести из строя одного солдата Линдемана, К.Мерецков тратил 2100 кг боеприпасов.

Хорошо известно, что наша общая Победа ковалась в тылу и лишь реализовывалась на фронте. Труженики тыла дали все для проведения Мгинской операции. Л.Говоров, К.Мерецков, Ф.Стариков, М.Духанов так подготовили свои войска, так организовали взаимодействие родов войск, так использовали все, что им было дано, что тратили боеприпасов в восемь раз больше Линдемана. Такова арифметика Мгинской операции 1943 г., не ставшая, к сожалению, до сих пор предметом внимательного изучения.

Потери, понесенные в Мгинской операции, не заинтересовали пока никого. Тревогу в Москве вызвал лишь расход боеприпасов, он был намного больше, чем во многих других операциях. Командующий артиллерией Красной Армии генерал Н.Воронов направил на Волховский фронт генерала М.Дмитриева выяснить, в чем дело. В ходе расследования стало известно, что Сталин положительно оценил результаты Мгинской операции. Расследование было прекращено²⁰.

В июле—августе 1943 г. в Приладожье у каждого участника битвы за Ленинград была своя Мга. Каждый запомнил ее по-своему. Многое, если не все, зависело от того ходил ли ты лично в атаку, участвовал ли в траншейных боях, рукопашных схватках, или же наблюдал за всем этим, находясь в зоне боя, но в 100—200 метрах от линии соприкосновения пехоты, от автоматического огня противника, зоны броска ручных гранат, т.е. от места смертельной схватки “активных штыков” — пехоты, саперов-штурмовиков. От того места, где решалась как судьба боя, так и всей операции, где в первые же часы и дни получало ранение или погибало более 60% ее участников.

По-разному излагают ход Мгинской операции участники войны, советские историки.

Вспоминает Н.Н.Никулин, 1923 г.р., — сержант, командир отделения 1067-го стрелкового полка 311-й стрелковой дивизии*

“15 августа

Подходим к передовой. Дивизия растянулась по траншеям. Как всегда путаница. То бежим, то ждем чего-то. Сравнительно тихо... укрылись в воронке... На дне воронки каска. Пнул ее ногой — тяжело: в ней пол черепа, вероятно прошлого года. Идем

* 311-я стрелковая дивизия полковника Б.Владимирова, резерв К.Мерецкова, совершив марш из района Погостье (54-я армия), 15 августа 1943 г. вступила в бой под станцией Апраксин пост, между дер. Тортолово и Гайтолово.

дальше. Траншеи сходятся под железнодорожным мостиком — откуда один путь — в пекло. В траншее тесно. Навстречу волокут раненых. На носилках, на руках, на плащ-палатках. Некоторые ползут сами, окровавленные и грязные с изжелта серыми лицами, запекшимися губами и лихорадочно бестящими глазами. Кряжение, стоны, матерная брань... Долго ли еще нам осталось жить? Говорят, в бой пойдем с хода, предыдущей дивизии хватило на два часа [...]

16 августа

Ночью закопались в земле недалеко от немцев. Сидим в ямах. Вылезти или встать нельзя — убьет. Кажется, что ветер состоит из осколков [...]

В полдень идем с пакетом в тыл. Трое. Сперва ползком, как змеи, до траншеи, а потом бегом дальше... начинается обстрел. Немцы, очевидно, заметили нас и бьют из легких минометов удивительно точно. Разрывы ближе и ближе... Падаю и вжимаюсь в нишу в стенке траншеи... Мина ударила в бруствер и обдав меня комками земли, шлепнулась рядом со мной. Она прокатилась и застыла сантиметрах в пятидесяти от моего носа. Волосы встали у меня дыбом, по спине пробежали мурашки... Сейчас лопнет! Секунда, другая... Минута... Не разорвалась! Редко кому так везет!..

Бежим дальше. Перекресток траншей. Из ямы испуганный голос: “Бегите, бегите быстрее! Здесь простреливается!” У перекрестка траншей десяток трупов. Сели отдохнуть, не зная что на них наведена немецкая пушка. Одним выстрелом всех растрепало и разорвало в клочья [...]

18 августа

С 15 числа не спал. Сидим в тех же ямах. Здесь в земле целые наслоения. На глубине полутора—двух метров можно найти патроны, оружие, одежду. Все перемешано... И повсюду мертвые тела. Одни высохли до черноты, другие распухшие. Лежат в разных позах. Трупный запах невыносим.

Впереди, на нейтральной полосе, штук сорок танков. Одни рыжие, сгоревшие, другие еще целые, но неподвижные — их расстреливают немцы из тяжелых мортир. Перелет — недолет. Трах! Многотонный танк разлетается в куски. Каково танкисту! Ведь он не имеет права покинуть подбитую машину. На эту тему в танковых частях сложилась песенка, названная “Гимном танкиста”:

Как-то вызывает меня особ. отдел:

— Что же ты, мерзавец, с танком не сгорел?

— А я им говорю,

— В следующий раз уж обязательно сгорю.

Один танк стоит близко от нас, передом к нашим траншеям. Он возвращался из атаки, когда был подбит. Вокруг башни его намотаны человеческие внутренности —

Сержант Николай Никулин.

остатки десанта, ехавшего в атаку. Снаряды, предназначенные немцами для этого танка, летят в нас. Глубоко вжимаемся в землю.

От дивизии нашей давно остался один номер, повара, старшины, штабы, да мы. Скоро и наш черед... Каша опять с осколками: когда подносчик пищи ползет, термос на его спине пробивает[...] Некоторые неопытные солдаты рыли себе укрытия в песчаных стенках траншей, песок, обвалившись от близкого взрыва, придавил их. Так и лежат они, свернувшись калачиком, будто спят под толстым слоем песка. Зрелище, напоминающее могилу в разрезе...

20 августа

Около недели не смыкал глаз. От ужасов сна нет [...] Ползание из конца в конец по передовой и кровь, кровь, кровь. Народа осталось совсем мало.

Утром получен приказ вытащить противотанковую пушку 45-мм, по солдатской терминологии — типа “Прощай, Родина!”, к первой траншее, т.к. в расположении немцев слышен шум танковых моторов. Вот оно! Настало наше время! Приказ надо выполнять! Ха! Там, где ночью опасно идти согнувшись, столпились мы кучей и во весь рост. Нас двадцать один — так много, потому что пушку надо почти нести на руках, настолько избита и вздыблена земля [...] До немцев меньше ста метров, я думаю, что они различают звездочки на наших пилотках. Но почему они молчат? Десять минут назад на этом самом месте снайпер снял высунувшегося из ямки пехотинца[...] Снайпер безусловно видит нас. Чего он ждет? Ни одного выстрела, словно немцы удивлены нашей до дикости глупой безрассудностью, и с интересом смотрят, что будет дальше. Медленно тащимся вперед. Вот она смерть! Играет как кошка с мышью! Скорее бы уж!.. Утро холодное, солнышко светит ярко, приветливо. На голубом небе ни облачка... Проходим бывшую нейтральную полосу — в прорыв. Земля здесь вся всковырена — ни одного живого места... Осталось совсем немного. Тихо. Неожиданно сзади хлопок, толчок в спину — “Конец!”... Очнулся в глубокой воронке. Кругом ни пушки, ни людей, только в воздухе клубы дыма... Какая-то сила поднимает меня на ноги, бегу по траншее и дальше. Пробежав немного, падаю без чувств.

22 августа

Очнулся в яме около нашей батареи. Сюда меня притащили вчера. Оказывается, перетаскивая пушку, мы наехали на противотанковый фугас и взорвались. Осталось двое, я и один легко раненый[...] Чувствую себя ужасно, голова разрывается от контузии. В яме подо мной вода: с вечера был дождь. Приподняться нет сил, лишь ворочаюсь, как тюлень, поднимая брызги. Раненая рука пухнет и не мудрено, сколько грязи кругом[...] Мучит жажда. Черпаю каской из воронки и жадно пью густую коричневую жижу, а потом вижу черную, высохшую руку, торчащую из воды[...] После боя ночью меня вытащили с передовой, положив в кузов санитарного грузовика на нижние нары. Приходя в себя от толчков на ухабах, я ощущал какой-то странный дождь. В госпитале, при разгрузке, санитары ахнули: я был весь в крови. Но оказалось, эта кровь не моя, а соседа с верхних нар: ему плохо перевязали рану.

* * *

Эти отрывки из воспоминаний, написанных по горячим следам в госпитале в сентябре сорок третьего, не содержат, однако, самого главного и самого страшного: в них нет описания двух атак пехотного полка 16 и 19 августа. Я побоялся тогда о них написать: ибо дневники и воспоминания были запрещены, а за рассказ о поражениях могли поставить и к стенке.

В атаке 16 августа мы лишь преодолели нейтральную полосу. Мины и снаряды рвали людей в клочья. Плотный пулеметный огонь рядами косил наступающих. И это после мощной артиллерийской подготовки, когда казалось, что ни одного немца не уцелеет во вражеских траншеях[...] Тучи песка, взметенные взрывами, забили затворы винтовок и автоматов, и они вышли из строя. У немцев, вероятно, было то же самое. Шел гранатный бой. Затем пошли в ход саперные лопатки, ножи, приклады... Мы потеряли человеческий образ, сознание отключилось... Вернулись двое из десяти. Пришли в себя, лишь выпив по стакану водки.

Точно знаю, что в атаке никто не кричал: “За Родину! За Сталина!”, как об этом пишут в книгах. Это комиссары говорили перед боем. А когда смерть рядом, было не до комиссаров, да и комиссаров в атаке рядом с нами не было. Над передовой стоял вой и матерная брань, пока осколки не поражали кричащих.

Атаку повторили 19-го августа ночью. Мы должны были без выстрела, тихо подбравшись к немецким траншеям. Солдаты ползли по поляне, где почти уже два года шли бои. Повсюду валялись разлагающиеся трупы. Мы все время наткнулись на них. Запах гниения вызывал рвотные спазмы. Но нужно было соблюдать тишину и мы сжимали зубы, захлебываясь собственной желчью. И эта атака не принесла успеха, лишь добавились мертвые тела.

Уже после войны я побывал на месте того боя, оглядел окрестности и понял, что немцы запустили нас в огневой мешок и расстреляли с трех сторон. Создалось впечатление, что германское командование заранее знало и просчитало наши действия. И не мудрено. Наш командир полка был “выдвигенец”, а ему противостоял немецкий полковник, провоевавший всю Первую мировую войну в должности командира батальона.

Все эти события потрясли меня. О них хотелось тогда рассказать ближнему, однако, у ближнего у самого был ворох подобных воспоминаний. И если кто-нибудь в солдатской компании заводил тогда фронтовые воспоминания, ему говорили: “Давай лучше о бабах!”²¹.

(Окончание следует)

Примечания

- 1 Обзор инженерных мероприятий противника. (Выпуск 14, май 1944). М., 1944. С.1—11.
- 2 Приказы Верховного Главного командования в период Великой Отечественной войны Советского Союза. М., 1975. С.105.
- 3 Великая Отечественная война 1941—1945. Энциклопедия. М., 1985. С.438—439.
- 4 *Егоров П.Я.* На Волховских рубежах. Рукопись. С.450.
- 5 *Мерецков К.А.* На службе народу. М., 1968. С.344.
- 6 Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М., 1993. С.226.
- 7 На Волховском фронте. 1941—1944. М., С.59.
- 8 *Егоров П.Я.* Указ. соч. С.452.
- 9 Центральный архив Министерства Обороны Российской Федерации (Далее — ЦАМО). Фонд 344. Опись 5576. Дело 32. Листы 2, 8, 13.
- 10 *Морозов Д.А.* О них не упоминалось в сводках. М., 1965. С.183—184.
- 11 Военно-исторический журнал. 1972. № 2. С.20.
- 12 Ленинград в борьбе. Месяц за месяцем. 1941—1944. Санкт-Петербург. 1944. С.234.
- 13 ЦАМО. Ф.1223. Оп.75384. Д.2. Л.39.
- 14 Гриф секретности снят... С.226.
- 15 ЦАМО. Ф.344. Оп.5554. Д.737. Л.32—48.
- 16 ЦАМО. Ф.344. Д.675. Оп.5554. Л.10.
- 17 ЦАМО. Ф.204. Оп.97. Д.118. Л.5.
- 18 Гриф секретности снят... С.226.
- 19 Ленинград в борьбе... С.234.
- 20 *Морозов Д.А.* Указ. соч. С.187.
- 21 *Никулин Н.Н.* Воспоминания о войне. Рукопись. С.48—55. Сержант Н.Н.Никулин закончил войну на Эльбе. В ходе войны получил три легких и одно тяжелое ранения. Три раза возвращался из госпиталей в строй. Удостоен орденов Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды, двух медалей “За отвагу”, медалей: “За оборону Ленинграда”, “За взятие Берлина”, “За взятие Варшавы”, “За победу над Германией” и др.

О деятельности контрразведывательных органов противника на оккупированной территории Ленинградской области

(Докладная записка П.Н.Кубаткина)

Публикация С.В.Чернова

Развязывая агрессивную войну против Советского Союза, фашистская Германия делала основную ставку на свои вооруженные силы. Вместе с тем в планах гитлеровского военного и политического руководства видное место отводилось разведке и контрразведке. С началом вероломного нападения на СССР весь механизм фашистских секретных служб был направлен на обеспечение плана молниеносного разгрома СССР. В годы Великой Отечественной войны против Советского Союза действовали свыше 130 разведывательных, диверсионных и контрразведывательных команд и групп Абвера и СД, а также 60 школ, в которых велась подготовка агентов, диверсантов и террористов.

Советские органы государственной безопасности имели перед собой сильного, профессионально подготовленного противника. Но преимущества, полученные спецслужбами Германии в результате продолжительной подготовки к войне и использования опыта агрессии в Западной Европе, сыграли свою роль в войне против Советского Союза лишь в ее начальный период. Расчет на быструю победу привел в дальнейшем к краху разведывательных и контрразведывательных систем третьего рейха.

Осенью 1941 г., к моменту стабилизации линии фронта под Ленинградом, из 72 районов области 44 были оккупированы полностью и 13 частично: оперативная обстановка на оккупированной территории Ленинградской области была чрезвычайно сложной. Фашисты создали здесь широкую сеть разведывательных и контрразведывательных органов. На оккупированной территории базировался штаб Абвера при Северной группировке войск, имевший на участке 16 и 18 армий свои абвергруппы (разведывательные: 104, 111, 112; диверсионно-разведывательные: 204, 211, 212; контрразведывательные: 304, 311, 312, 313, 317, 319). Кроме того, в области обосновались зондеркоманды германской службы безопасности, проводившие контрразведывательную работу среди населения и разведывательную — через свой орган “Цепелин”¹. Развернули свою деятельность на оккупированной территории Ленинградской области также органы гестапо и тайной полевой полиции (ГФП), которые помимо разведывательной и контрразведывательной работы выполняли следственные и судебные функции. Разведывательную и контрразведывательную работу осуществляли также комендатуры, жандармерии, отделы пропаганды.

Задачи оперативных групп и команд были сформулированы в соглашении между Главным управлением имперской безопасности (РСХА) и Вермахтом, заключенном в

мае 1941 года, в котором говорилось, что в целях обеспечения безопасности сражающихся частей в предстоящем походе на Россию всеми силами следует защищать их тыл. Всякое сопротивление должно было быть сломлено любыми средствами. Подразделения полиции безопасности и службы безопасности обязаны были помочь боевым соединением армии в выполнении этой задачи.

Оперативные группы и команды устанавливали на оккупированной советской территории фашистский “новый порядок”. Они творили массовые злодеяния, арестовывали, зверски пытали, вешали и расстреливали ни в чем неповинных людей, в том числе женщин, стариков и детей. Подразделения полиции безопасности и СД забрасывали за линию шпионов, диверсантов и террористов, вели розыск советских разведчиков, с помощью своих агентов проводили работу по выявлению и уничтожению подпольных патриотических организаций.

В этих условиях органы государственной безопасности были вынуждены в срочном порядке перестраивать свою работу, чтобы не только противостоять спецслужбам противника, но и перейти к активным действиям, направленным на локализацию их деятельности.

Учитывая, что фашистская Германия в начале войны забрасывала непосредственно в прифронтовую полосу парашютные десанты и диверсантов, в НКВД СССР, в соответствии с постановлением СНК СССР от 24 июня 1941 г. “О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе”, был организован специальный штаб. В НКВД Украинской ССР, Белорусской ССР, Латвийской ССР, Литовской ССР, Эстонской ССР, Молдавской ССР, Грузинской ССР, Карело-Финской ССР, Крымской АССР, в Управлениях по Мурманской, Калининградской и Ростовской областям, по Краснодарскому краю, а также в УНКВД по Ленинградской области были созданы оперативные группы, на которые возлагалась задача по ликвидации вражеских десантов и диверсантов.

26 августа 1941 г. оперативные группы были преобразованы в четвертые отделы НКВД—УНКВД, перед которыми ставились задачи формирования в крупных населенных пунктах, захваченных противником, нелегальных резидентур и обеспечение надежной связи с ними; внедрения негласных помощников в создаваемые противником на захваченной территории разведывательные, контрразведывательные и административные органы; подбора и переброски разведчиков на оккупированную врагом территорию в целях их продвижения на территорию Германии и других европейских стран; подготовки и переброски в тыл врага разведывательно-диверсионных групп и обеспечения надежной связи с ними; организации в районах, находившихся под угрозой вторжения противника, резидентур из числа проверенных на оперативной работе лиц; обеспечения оружием, боеприпасами, продовольствием, средствами связи и соответствующими документами.

На четвертые отделы возлагалась также обязанность допросов пленных, перебежчиков, членов экипажей самолетов и танков, отдельных парашютистов и диверсантов, захваченных органами госбезопасности и советскими войсками.

Добытые четвертыми отделами за линией фронта сведения и документальные данные об изменниках Родины, находившихся на захваченной территории и оказывавших помощь фашистским захватчикам, о разведывательных и контрразведывательных органах противника, их деятельности и агентуре, об антисоветской деятельности различных политических и религиозных формирований и объединений передавались в контрразведывательные и секретно-политические отделы НКВД—УНКВД.

Один из таких обобщенных документов: докладная записка начальника Управления НКГБ² СССР по Ленинградской области комиссара госбезопасности 3 ранга Кубаткина П.Н.³ “О деятельности контрразведывательных органов противника на окку-

пированной территории Ленинградской области”, недавно рассекреченный Управлением Федеральной Службы безопасности России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, предлагается вниманию читателей.

Записка подготовлена на основании результатов кропотливой и самоотверженной работы четвертого отдела Управления НКГБ СССР по Ленинградской области, начальником которого в то время был полковник Леонид Иванович Кожевников⁴.

В представленном документе дается анализ деятельности отдельных подразделений спецслужб фашистской Германии на территории Ленинградской области, а именно отдела “Ц”⁵ штаба группы войск “Норд”, контрразведывательной команды № 304 и гестапо, а также вскрываются просчеты и недостатки в работе советской разведки и контрразведки.

Отделы I Ц взаимодействовали с Абвером и ГФП. Большинство агентов “Абвера” перебрасывалось через линию фронта при помощи сотрудников отдела I Ц. Кроме того, отделы организовывали местные комендатуры в районе дислокации соединения и создавали карательные отряды для борьбы с партизанами.

ЗС-2 Совершенно секретно.

Примечания

- 1 “Унтернемен Цепелин” (предприятие Цепелин) — разведывательно-диверсионный орган, созданный в марте 1942 г. РСХА для подрывной деятельности по политическому разложению советского тыла. Эту задачу предполагалось осуществить путем заброски специально обученной агентуры в тыловые районы СССР, имеющие важное оборонное значение, а также в национальные области и республики для сбора разведывательных данных о политическом положении в СССР, проведения националистической пропаганды, организации повстанческого движения и осуществления террористических актов над партийными и советскими деятелями.
- 2 Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 февраля 1941 г. НКВД СССР разделался на два наркомата: Внутренних дел и Государственной Безопасности (НКГБ).
- 3 Кубаткин Петр Николаевич (1907—1950), генерал-лейтенант. С 24 августа 1941 г. и до окончания войны был начальником Ленинградского Управления НКВД—НКГБ (до приезда в Ленинград возглавлял Московское Управление НКВД, работал в центральном аппарате госбезопасности). С 15 июня 1946 г. переведен в Москву на должность начальника Первого Главного Управления (разведка) МГБ СССР. 27 октября 1950 г. Кубаткин П.Н. был осужден по “Ленинградскому делу” к высшей мере наказания. Реабилитирован в 1956 г.
- 4 Кожевников Леонид Иванович (1904—1992), полковник. С 1941 по 1943 год возглавлял разведывательный, а позднее четвертый отдел Управления НКВД—НКГБ по г. Ленинграду и области. В органах государственной безопасности служил с 1920 по 1953 год. Умер в г. Ленинграде.
- 5 Отдел I Ц или с использованием латинской буквы — I С. В документе: отдел “I-C”. Штаб германского войскового соединения от дивизии и выше состоял из трех основных отделов: оперативного отдела — I А, отдела тыла — I Б, разведывательного отдела — I Ц. В задачи отдела I Ц входило: сбор и обработка разведывательных сведений о Красной Армии; профилактическая работа в частях немецкой армии по борьбе со шпионажем; радиопропаганда и распространение антисоветских листовок на передовой линии фронта; военная цензура переписки военнослужащих.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА*

О деятельности контрразведывательных органов противника на оккупированной территории Ленинградской области.

Имеющиеся в 4-м Отделе Управления Н.К.Г.Б. по Л.О. материалы, полученные от оперативных групп, действующих в тылу противника, материалы радиоперехвата и допроса вражеской агентуры, — свидетельствуют о том, что контрразведывательная деятельность противника на временно оккупированной территории Ленинградской области в основном осуществляется следующими органами контрразведки:

1. Отделом "1—С" штаба северной группы войск "НОРД", дислоцирующимся в Пскове, и его филиалами на периферии в армиях, корпусах и т.п., по территориальности в зависимости от их дислокации.
2. Контрразведывательной командой № 304, дислоцируемой в Пскове.
3. Гестапо.

Известны следующие данные о контрразведывательной деятельности этих органов:

1. Отдел 1-ССТРУКТУРА 1-С 18-Й АРМИИ

Отдел 1-С 18-й армии, занимающийся разведывательной и контрразведывательной деятельностью, дислоцируется в дер. Лампово Красногвардейского района Ленинградской области и подчиняется отделу 1-С штаба северной группы немецких армий — "НОРД".

По непроверенным данным, "НОРД" помещается в Пскове, по Крестьянской ул., 22.

Из личного состава отдела 1-С 18-й армии установлены:

1. Майор В.ККЕБАТТ, настоящая фамилия Лакербатт, начальник отдела.
2. Майор ВОРХ, заместитель начальника отдела, с 26.IX. с/г. переведен в одну из армий южного фронта начальником 1-С одной из армий. Его заменил — капитан, фамилия которого не установлена.
3. Обер-лейтенант фон-БРЕМЕН, начальник радиоотделения, прибалтийский немец.
4. Капитан ТЕДЕР, начальник хозяйственной части, эстонец.
5. Зондер-фюрер ФРИДРИХ, работает в радиоотделении, по непроверенным данным где-то в Сибири проживает его жена.
6. Зонден-фюрер МАЙСНЕР Борис, переводчик, прибалтийский немец.
7. Вахмейстер ЗОНХЕН, сотрудник радиоотделения.

Кроме того, в штабе имеется около 7—8 немцев писарей.

В ведение 1-С входят:

1. Разведывательная служба. В составе последней находится радиослужба.
2. Контрразведывательная служба. Последняя состоит из:
 - а) 1-С при корпусах 1, 28 и 38 и дивизиях;
 - б) негласной резидентуры, ведущей агентурное освещение гражданского населения и железнодорожников, работающих на транспорте;
 - в) "антипартизанских" групп, занимающихся вылавливанием и истреблением партизан. Помимо "антипартизанских" групп, ведущих поиски и уничтожение партизан, существует также "яхт команды" и "ост-батальоны".

ФУНКЦИИ И МЕТОДЫ РАБОТЫ 1-С 18-Й АРМИИ.

В функции 1-С 18-й армии входит ведение разведывательной и контрразведывательной работы.

Разведывательная деятельность (или служба) 1-С 18-й армии распространяется на участок Ленинградского и Волховского Фронтов, стоящих перед фронтом 18-й армии.

* При публикации редакция журнала старалась сохранить орфографию, синтаксис и оформление документа.

Разведывательная служба занимается закордонной работой, заброской агентуры и радиофицированных групп на советскую территорию и, как правило, с разведывательными заданиями.

Выброску агентуры с контрразведывательными заданиями 1-С не ведет.

Общей специальной подготовкой кадров разведчиков занимаются разведывательные школы, находящиеся в Прибалтике и друг. местах.

Конкретные задачи перед прибывающими группами разведчиков в зависимости от интересов армии ставит уже отдел 1-С на месте. Он-же приводит их выброску, причем главным образом с Сиверского аэродрома в Красногвардейском районе области.

Разведывательной службе подчиняется радиослужба. Радиослужба занимается обеспечением радиосвязи с группами, заброшенными в советский тыл, ведением радиоигр и пеленгацией.

Начальником радиослужбы отдела 1-С 18-й армии является обер-лейтенант фон-БРЕМЕН, прибалтийский немец.

Контрразведывательная деятельность 1-С 18-й армии ведется среди гражданского населения, имеющего соприкосновение с воинскими частями, входящими в состав 18-й армии.

Для ведения этой работы 1-С 18-й армии активно использует предателей и изменников Родины из числа гражданского населения, военнопленных и партизан.

Отдел 1-С штаба 18 армии в корпусах, входящих в состав армии, имеет "русские группы", именуемые иначе "антипартизанскими" группами. В функции этих групп входит негласная агентурная разведка среди местного населения, выявление лиц, связанных с партизанами, выявление районов действия партизан, групп разведчиков и их уничтожение.

Особое внимание 1-С 18-й армии уделяется сохранению железнодорожных магистралей, обеспечивающих снабжение и связь армии с тылом. С этой целью 1—С созданы на важнейших железнодорожных коммуникациях негласные резидентуры, которые ведут освещение железнодорожников и разработку личного состава.

Широкая сеть негласной агентуры, сведенная в резидентуру, возглавляется также лицами из числа предателей.

При штабе 1-С 18-й армии имеется отряд, несущий охрану штаба, командиром отряда является —

ФЕОФАНОВ Алексей Александрович — капитан немецкой армии, около 46-ти лет, владеет русским, немецким, эстонским языками. В прошлом белый офицер, ранее проживал в СССР. Находился в лагерях, откуда бежал якобы при содействии начальника тюрьмы. Служил у Колчака. Проживал в Эстонии. До прихода в Эстонию Красной Армии служил офицером эстонской армии, затем эвакуировался в Германию, где работал на гражданской службе. Был переводчиком германской армии. Враждебно настроен к Советской власти.

В отряде ФЕОФАНОВА четыре взвода по 25 человек, в трех взводах по одному русскому пулемету, четвертый взвод — хозяйственный.

Контрразведывательной службе подчиняются "русские" группы при 28, 1 и 38 корпусах.

В задачу "русских" групп корпусов входит ведение негласной агентурной работы среди местного населения, проживающего в районе дислокации корпусов, а также выявление и физическое уничтожение групп партизан и разведчиков.

1-С 28-ГО АРМЕЙСКОГО КОРПУСА

Штаб 1-С 28-го армейского корпуса находится в дер. Трубников Бор, юго-восточнее гор. Любани.

Начальником 1-С 28-го армейского корпуса является — майор СКАВРОНСКИЙ, немец.

Его помощник — лейтенант, известный под псевдонимом “Туг Лугович”.

В ведении 1-С 28-го армейского корпуса входят две “русские” группы.

Первая группа — 11 человек, дислоцируется в поселке Слудица.

Командир группы известен под кличкой “ШМЕЛЕН” —

ТУЛИНОВ Алексей Георгиевич — 1914 года рожд., перебежчик, до отечественной войны жил в Москве, служил во флоте. В Москве осталась его жена и ребенок. По его рассказам, еще до войны он якобы занимался шпионажем. Вновь женат на жительнице пос. Вырица — по имени Надя. Имеет от нее одного ребенка.

Из числа группы известны:

КРЮКОВ Петр — москвич, радист Разведывательного Отдела Ленинградского Фронта. В Москве проживал в районе заставы Ильича.

Андрей “ШПАК” (кличка) — фамилия не установлена, служил в торговом флоте, проживал в Ленинграде с женой и дочерью.

КУЗЬМИН Василий — проживал где-то в Ленинградской области, отец сейчас староста одной из деревень.

“САША” — (кличка), фамилия не установлена, из Ленинграда.

Вторая группа — 13 человек, дислоцируется вместе со штабом корпуса.

Командир группы — фамилия неизвестна, русский, быв. капитан Р.К.К.А.

Помощник —

ВАСИН Алексей Алексеевич — 1921 года рожд., москвич, до отечественной войны жил под Москвой, где осталась его жена. Был членом группы Соколова. Васин в прошлом советский разведчик. Задержан Соколовым и впоследствии завербован в группу.

1-С ПЕРВОГО АРМЕЙСКОГО КОРПУСА.

1-С первого армейского корпуса дислоцируется в гор. Любани.

Начальником 1-С первого корпуса является — обер-лейтенант МЮЛЛЕ, по национальности немец.

В ведении 1-С корпуса имеются также две “русские” группы”.

Первая группа — 12 человек. Командир группы —

ВОЛКОВ Иван Иванович — 35 лет, ленинградец, работал мастером на одном из заводов Ленинграда. Попал в плен в 1941 году. За боевые операции с партизанами неоднократно награжден.

Помощник Волкова — по имени Николай. В бою с партизанами ранен, дважды награжден.

Данных о второй группе не имеется.

ГРУППЫ НЕГЛАСНОЙ РЕЗИДЕНТУРЫ СРЕДИ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ.

Разветвленная сеть негласной агентуры занимается освещением населения, проживающего на территории занимаемой 18-й армией, а также выявлением связи местного населения с партизанами.

Известны следующие такие агентурные группы:

Группа ЖЕНИ АНДРЕЕВОЙ — бывшая студентка 1-го курса Института имени Лесгафта. Отец ее работал в Ленинграде на почтамте. В прошлом советская разведчица.

Известно, что в задачу группы входит освещение населения ст. Сиверская и дер. Курвицы. Ранее группа находилась в гор. Красногвардейске, расшифровалась в работе, в связи с чем командование 1-С армии вынуждено было перевести группу на ст. Сиверская.

Из состава группы известны:

1. “БОРИС” — фамилия неизвестна, 1915 года рождения, по специальности шофер, является мужем Андреевой, в прошлом советский разведчик. Вместе с Женей сдались добровольно в плен.

2. “ИГОРЬ” (кличка) — фамилия не установлена, боксер, студент одного из Ленин-

градских Институтов. Проживает в Сиверской.

3. "АНЯ" (кличка) — фамилия неизвестна. Из характерных примет ее известно, что имеет рыжие волосы.

4. "МИША" — фамилия неизвестна.

Группа командира ДЕКШЕР Алексея — 1920 г.р., немец по национальности, шофер, проживает в пос. Тайцы.

Помощник Декшера — СОРОКОТЯГА, работает баянистом в гор. Красногвардейске, в ресторане частного НИКОЛАЕВА, резидент. Освещает население гор. Красногвардейска.

РЕЗИДЕНТУРА НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ.

Три группы негласной резидентуры, действующие в Красногвардейске, освещают железнодорожников, работающих на линии Красногвардейск—Мга—Волосово—Тосно и друг. В задачу групп входит выявление железнодорожников, недовольных гитлеровским режимом, связанных с партизанами и помогающих советской разведке.

Первая группа, командиром которой является —

СОКОЛОВ Василий Иванович — около 40 лет, в прошлом тренер лыжного спорта Института им. Лесгафта. В Ленинграде проживала его семья. Лейтенант РККА. Выбрасывался в тыл противника. Командир группы лесгафтовцев, которых предал немцам. Яркий ненавистник Советской власти. Производит вербовки из числа военнопленных в антипартизанские группы.

Группа обслуживает железнодорожный участок Красногвардейск—Мга. Находится в гор. Красногвардейске. Количество негласной агентуры доходит до 40 человек.

Вторая группа, командиром которой является —

ЗАМБЕРГ Виктор — 1917 года рожд., в прошлом преподаватель математики, зимой 1942 года был выброшен советской разведкой и пленен немцами.

Третья группа — командир:

ВОЛКОВ Иван Иванович, латыш, проживал ранее в гор. Любани, работал машинистом. Женат на жительнице дер. Суйда — Марии, 1923 г.р., работала ранее на вокзале хлебозерской.

"АНТИПАРТИЗАНСКИЕ" ГРУППЫ

В функции "антипартизанских" групп, подчиненных непосредственно 1-С 18-й армии, входит установление и уничтожение групп партизан и разведчиков, появляющихся на территории 18-й армии.

Известны следующие группы:

Группа БОБРОВА Георгия Кузьмича — 1910 года рожд., проживал в Ленинграде, женат, токарь одного из Ленинградских заводов. В плен сдался добровольно.

Его помощник — ЯБЛОНСКИЙ Жора, унтер-офицер, женат на жительнице дер. Лампово — Ане. В последнее время оба выехали в Вырицу. Аня ранее была замужем за заведующим столовой аэродрома Сиверской. В начале войны он эвакуировался из Лампово.

ПАДУНОВ Серафим — член группы. В прошлом политрук РККА. Заброшен в тыл противника Разведывательным Отделом 54-й армии, Волховского Фронта.

Группа состоит из 10—16 человек.

Группа Беленкова. Командир группы известен под кличкой: "Виктор".

Группа находится при одном из авиационных корпусов и занимается, помимо обслуживания населения близлежащих деревень, также вылавливанием партизан.

Состав группы из 7-ми человек.

Группа командира СИМПСОН Оскара Ивановича, 1915 года рожд., эстонец, антисоветски настроен. За борьбу против партизан награжден.

Его помощник — ГУСЕВ Сергей, 1920 г.р., служил во флоте, старшина первой статьи, попал в плен в 1941 году.

“ЯХТ КОМАНДЫ” И “ОСТ-БАТАЛЬОНЫ”.

Для физического уничтожения обнаруженных групп партизан или разведчиков на участке дислокации армейских частей существуют “яхт команды” и “ост-батальоны”. Команды имеются при дивизиях и подчиняются командиру дивизии. Численный состав команды доходит до 50-ти человек. При каждой дивизии имеется ориентировочно по две “яхт-команды”.

Команда состоит из солдат штрафных рот, проявивших себя с положительной стороны. Команды вооружены пулеметами и автоматами. В распоряжении команд имеются собаки-ищейки. Форма бойцов команды обычная, немецкая.

Задача команды состоит в вылавливании и истреблении партизан и групп разведчиков.

“Яхт команды” отличаются особой жестокостью, свойственной карателям.

Одна из подобных команд имеется при 28 армейском корпусе, контактирует она свои действия с группой “ШМЕЛЕНГ” — ТУЛИНОВ. Командиром указанной команды является бывший летчик обер-лейтенанта, ранее в чем-то провинившийся.

“Ост-батальоны” состоят из числа русских военнопленных, ранее частично несших охрану железных дорог от действий партизан. В настоящее время личный состав их заменен немцами, ввиду их неблагонадежности, разложения. Обычно в “ост-батальоне” четыре взвода по 30—40 человек. Командирами отрядов, как правило, являются немцы, русские командуют только взводами.

II. КОНТРРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ КОМАНДА № 3041. СТРУКТУРА, ЛИЧНЫЙ СОСТАВ КОМАНДЫ.

Штаб 304 контрразведывательной команды дислоцируется в гор. Пскове на Главной ул., 48-а.

Для связи со своими периферийными подразделениями “группами” команда в Пскове имеет радиостанцию, условно именуемую “ШПЕРБЕР”. Кроме нее, известна радиостанция команды под названием “ЛЕРХЕ”, дислоцирующаяся на ст. Локня, Калининской области.

Из личного состава 304 контрразведывательной команды известны:

1. Майор КЛАМРОТ — быв. начальник команды, в марте с/г. отозван в распоряжение “Валли-Ш”.

2. Майор ГИЗЕНРЕГЕН — 16 марта 1943 года назначен начальником команды вместо Кламрот.

3. фон-НИССЕН — инспектор. В феврале с/г. временно исполнял обязанности начальника команды до назначения Гизенрегена.

4. Капитан ШЮТЦЕ — с частью команды прибыл из Таганрога, в настоящее время находится в г. Пскове.

5. Ефрейтор ДЕГМАН — интендант команды.

6. Ефрейтор ГЕИНС — радист — награжден крестом 2-й степени.

Кроме вышеперечисленного руководящего состава, установлены еще 10 человек младшего командного состава.

Контрразведывательная команда № 304 в свою очередь имеет сеть контрразведывательных групп, дислоцирующихся в различных населенных пунктах Ленинградской области. Каждая из таких групп имеет свою радиостанцию, связанную с радиостанцией команды “ШПЕРБЕР”.

КОНТРРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ ГРУППА № 311.

Контрразведывательная группа № 311 дислоцируется с марта 1943 года в дер. Шилова Гора (в 6-ти клм. от ст. Сольцы).

Из ее личного состава установлены:

1. Обер-лейтенант ДАБЕЛЬ — начальник группы, 4-го апреля с/г. убит партизанами.
2. Лейтенант КОЛЛЕР — временно исполнял обязанности начальника группы. Позже стал переведен в контрразведывательную группу при 281 дивизии охранения.
3. Обер-лейтенант ГОСБАХ — начальник группы, назначен вместо убитого старшего лейтенанта Дабель.
4. ГОФМАН — начальник особой службы при группе, в марте с/г. переведен на радиостанцию "ЛЕРХЕ".

И ряд других сотрудников.

ПРИМЕЧАНИЕ: "Особая служба" — повидимому радиослужба.

КОНТРРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ ГРУППА № 312.

Группа дислоцируется в селе Рождественно Красногвардейского района Ленинградской области.

Из личного состава ее установлены:

1. Лейтенант фон-БРЕМЕН — начальник группы.
2. ФРИДРИХ — руководитель особой службы.
3. ЗАМЦЕРЛЬ-ЛАРТ — унтер-офицер.
4. ВАРМУТ — унтер-офицер.
5. ЛАНГЕР — унтер-офицер.

И ряд других.

КОНТРРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ ГРУППА № 313.

Группа дислоцируется в гор. Опочка Ленинградской области. Руководителем группы являлся ШНЕССИНГ-ШНЕБЕР, отозванный в мае в распоряжение "ВАЛЛИ-Ш". Вместо него 5-го мая с/г. назначен обер-лейтенант — ХЕРБЕТ. Нам известен еще руководитель особой службы этой группы — унтер-офицер Вейс и ряд младших сотрудников группы.

По распоряжению "ВАЛЛИ-Ш" группа передана на снабжение в 281 дивизию охранения, откуда получает все виды довольствия, а также горючее.

КОНТРРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ ГРУППА № 319.

Группа дислоцируется в гор. Верро (Эстония). Имеет пункты в г.г. Гдове и Луге. С мая мес. с/г. группа установила в Гдове радиостанцию, именуемую "КРЭС". Из руководящего состава 319 группы известны:

1. Капитан ШПЕТИЦ — бывший начальник группы, в мае мес. 1943 года отозван в распоряжение "ВАЛЛИ-Ш".

2. Капитан доктор ХЕНИХЕ — назначен начальником группы вместо капитана Шпетц.

3. Лейтенант доктор КОЛЛЕР — зам. начальника группы.

И несколько человек младшего командного состава группы.

Известны подразделения 319 контрразведывательной группы: Группа 319-1 — с радиостанцией под псевдонимом "КРЭС" из гор. Гдове в мае 1943 года была отправлена в г. Лугу. Вместо нее в гор. Гдов прибыла группа 319-II с радиостанцией "ВИЛЬДГАНС".

КОНТРРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ ГРУППА № 323.

Место нахождения группы не установлено. Из личного состава ее известен руководитель группы подполковник ГОТЦЕЛЬ.

Других данных о группе нет.

КОНТРРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ ГРУППА № 326.

Группа с 1-го марта 1943 года дислоцируется в гор. Тарту, имеет в Таллине своего представителя.

Из личного состава ее известны:

1. Обер-лейтенант ДАМЕРАУ — начальник группы.
2. ГЮНТЕР — руководитель особой службы, с 12.VI. с/г. переведен в гор. Таллин.
3. РЕДЛИХ — руководитель особой службы, назначен вместо Гюнтера.
4. ЗААЛЬМАН — унтер-офицер.

2. ФУНКЦИИ РАБОТЫ.

В функции 304 контрразведывательной команды входит — выявление и локализация деятельности разведывательных и партизанских групп и отрядов, а также агентуры, органов советской разведки и контрразведки.

Многочисленные материалы свидетельствуют о том, что 304 команда и ее группы являются в этом отношении основным контрразведывательным органом противника, который ведет свою работу на оккупированной территории Ленинградской области.

Одновременно команда и ее группы на местах ведут контрразведывательную работу по внедрению своей агентуры в органы советской разведки и контрразведки, а также в партизанские отряды.

Дислокация штаба команды в г. Пскове совместно с штабом северной армейской группы войск германской армии “НОРД”, а также дислокация разбросанных ее периферийных групп на оккупированной территории области в тылу 16-й и 18-й немецких армий — дает основание сделать вывод, что 304 контрразведывательная команда осуществляет свою работу на всей оккупированной территории области в тылу войск северной группы “НОРД”.

Команда и ее группы являются совершенно самостоятельными оперативными единицами с вполне определенными указанными выше функциями. В оперативном и административном отношении она подчинена только штабу контрразведки “ВАЛЛИ-Ш”.

На местах команда и ее группы в оперативном отношении контактируют свою работу соответственно с контрразведывательной службой отделов 1-С штаба северной группы войск “НОРД”, отделами 1-С 16-й и 18-й армий, корпусов и т.п.

В ряде случаев, повидимому в связи с отсутствием достаточного количества квалифицированных офицерских кадров в составе подразделений команды, — последняя сама по своей линии настаивает перед “ВАЛЛИ-Ш” об оказании ей в этом практической помощи со стороны Гестапо.

Так, например, 25.II.1943 года Начальник 304 контрразведывательной команды майор Кларрот настаивает перед “ВАЛЛИ-Ш” о необходимости:

“Затребовать для укрепления 317 контрразведывательной группы бывшего руководителя группы Гестапо № 727 начальника полевой полиции в гор. Идрица комиссара ЗИБОЛЬД...

...Независимо от этого, указывает далее КЛАМРОТ, — необходимо было-бы в Идрице иметь свою группу Гестапо, так как без помощи Гестапо контрразведывательная группа может вести работу только в лесу”.

О существовании постоянной близкой оперативной связи в работе 304 команды и ее групп на периферии с Гестапо подтверждаются также данными о совместной разработке и ликвидации вскрытой в Пскове в апреле с/г. резидентуры, связанной с одной из партизанских бригад, которые проводились 319 контрразведывательной группой в контакте с Псковским Гестапо.

“С 9-го апреля по 17-ое, — как сообщается далее, — арестовано 17 человек. Аресты проводились самостоятельно группой № 319 с помощью Гестапо”.

Аналогичные факты, подтверждающие тесный оперативный контакт 304 контрразведывательной команды и ее групп на периферии с подразделениями Гестапо, зафиксированы по ряду групп.

Подтверждается это также зафиксированными неоднократно перемещениями руководящего состава команды и групп, которые производились только по указанию штаба контрразведки "ВАЛЛИ-Ш".

В тоже время зафиксированы неоднократные указания "ВАЛЛИ-Ш" о том, чтобы 304 команда связалась и контактировала свою работу с отделом 1-С "НОРД", учтя опыт работы последнего по обслуживанию восточных частей (повидимому власовских подразделений "Русской Освободительной Армии") и по другим оперативным вопросам.

Также по распоряжению "ВАЛЛИ-Ш" 312 контрразведывательная группа была поставлена на все виды довольствия при одном из подразделений 281 егерской охранной дивизии и т.п.

ПРИМЕЧАНИЕ: Последняя выполняет функции аналогичные функциям наших войск управления охраны тыла.

304 контрразведывательная команда ведет свою работу главным образом в тыловых районах, находящихся вне сектора обслуживания органов армейской контрразведки — отделов 1-С и в функции последних не вмешивается.

Однако, когда возникает необходимость срочной локализации деятельности нашей агентуры, контрразведывательная команда принимает в этом активное участие по своей линии.

Так, например, когда в феврале 1943 года в прифронтовом районе около гор. Старая Русса активно работала одна из армейских радиофицированных групп, начальник 304 контрразведывательной команды, информируя об этом начальника 311 группы, предложил последнему — "срочно разведать и результаты доложить".

Команда и ее группы поддерживают постоянно тесную связь с Гестапо, которые мобилизуя свой агентурный аппарат способствуют в быстрейшем выявлении и изъятии агентуры разведывательных и партизанских групп и отрядов.

Так, например, бывший начальник 304 контрразведывательной команды майор КЛАМРОТ 8. II. 1943 года доносит в ВАЛЛИ-Ш" о том, что —

"Сегодня собирается объединенное совещание по служебным вопросам. В совещании примут участие контрразведывательный отдел северной группы армий и контрразведывательная команда 304".

Вся агентура, разведывательно-диверсионные группы и отряды, переброшенные в тыл противника, после их задержания поступают в распоряжение группы 304 контрразведывательной команды и лично в распоряжение ее штаба.

Здесь задержанная агентура тщательно допрашивается в целях изучения структуры и методов работы органов советской разведки и контрразведки и возможной перевербовки агентуры.

Попутно в процессе расследования по делам выявленной советской агентуры выясняются и разведывательные данные о Красной Армии, обстановке в советском тылу. По всем этим данным информируются армейские отделы "1-С" и отдел "1-С" "НОРД".

Большой интерес в этом отношении для контрразведывательной команды представляют наши радисты, радиоаппаратура которых и особенно шифр, документы подлежат наиболее тщательному изучению.

3. МЕТОДЫ РАБОТЫ

По характеру известных функций, выполняемых 304 контрразведывательной командой, установлена следующая практика ее контрразведывательной работы.

а) Розыск агентуры органов советской разведки и контрразведки, а также разведывательных и партизанских групп.

Система розыскной службы в первую очередь включает в себя широко поставленную агентурно-осведомительную сеть среди местного населения оккупированных районов области, в функции которой входит немедленная сигнализация о появлении в том или ином районе подозрительных лиц, партизан, о выявлении лиц, оказывающих им содействие и т.п.

На местах эта работа осуществляется контрразведывательными группами команды, причем в целях наиболее быстрой оперативной информации, агентура связывается с ближайшими военными комендатурами. Последние уже в свою очередь сразу-же информируют об этом ближайшую по территориальности и району обслуживания контрразведывательную группу, команду.

Вслед за этим на активный розыск обнаруженной агентуры, партизанских групп, мобилизуется агентура контрразведывательной команды — группы, а также агентура Гестапо.

Данные нашей агентуры о совместном активном агентурном розыске 304 командой и Гестапо подтверждаются сообщением от 25.II.1943 года начальника 304 команды — майора КЛАМРОТ, который в связи с выездом группы Гестапо из района действия 317 контрразведывательной группы сообщает “ВАЛЛИ+Ш”:

“Насколько известно организация новой единицы Гестапо там временно не предполагается. Таким образом группе (№ 317) на первое время придется обходиться только своими собственными силами.

Принимая во внимание, что группе предстоит проделать большую работу по выявлению и поимке агентов, считаю необходимым срочно выделить и прислать для работы второго переводчика... и других работников.

...Вследствии активизации наступлений со стороны противника и недостатка в личном составе группы, ШТИРБЕР самостоятельно вынужден заниматься допросами, а соответственно с этим работа с сетью агентуры страдает”.

Приведенный пример совместного розыска, разработки и оперативной ликвидации резидентуры в Пскове, проведенные в апреле с/г. 319 контрразведывательной группой и Гестапо, также свидетельствует об этом.

Многочисленные данные зафиксированные радиоперехватом подтверждают, что 304 контрразведывательная команда и ее периферийные группы на оккупированной территории Ленинградской области, кроме обще осведомительной сети, имеют серьезную агентуру, используемую для целевых заданий по внедрению.

Из числа их известны, например, агент “МУХА”, “ХРИСТЕНСЕН”, “ШПУНТОВ” и другие, известные даже “ВАЛЛИ-Ш”.

В зависимости от необходимости практикуется передача агентуры из одного органа контрразведки в другой.

Так, на связь 304 команде были переданы (откуда неизвестно) указанные выше агенты “МУХА” и “ШПУНТОВ” и агенты “ЛИСИН”, “ШИНДОР” и другие.

Кроме того, в целях скорейшей поимки, особенно вооруженных групп, мобилизуются силы ближайших гарнизонов комендатур, карательно-полицейские отряды и поисковые “антипартизанские” группы отделов 1-С армий и корпусов.

Тогда, когда операции принимают широкий размах против крупных партизанских отрядов и соединений — к участию против них в карательных операциях привлекаются регулярные части охранных дивизий (на территории области известна такая 281 дивизия охранения) и даже регулярные воинские части, находящиеся вблизи, на отдыхе и т.п.

По непроверенным данным, в практике своей работы по выявлению нашей агентуры, разведывательных и партизанских групп 304 контрразведывательная команда поль-

зует агентурные и поисковые группы аналогичные “антипартизанским”, “русским” группам — отделов 1-С.

Так, в июне 1943 года начальник команды майор ГИЗЕНРЕГЕН запрашивает одну из команд о том, подготовилась ли имеющаяся в ее распоряжении группа “к проведению новой оперативной компании”.

В конце февраля команда докладывала “ВАЛЛИ-Ш”, что по ее заданию одна из таких групп, проводя “ряд оперативных мероприятий по выявлению русской агентуры, начиная с 25-го января по 19-ое февраля, произвела дополнительно 19 арестов и возвратилась полностью выполнив порученное ей задание”.

Следует отметить, что в системе розыска видное место занимают так называемые посты внешней службы, по типу наших постов ВНОС, которые постоянно ведут наблюдение за воздушными операциями нашей авиации, особенно в ночное время.

Степень подчинения этих постов 304 контрразведывательной команде и ее группам на местах не установлена. Однако наличие оперативной связи с ними зафиксировано неоднократно.

304 контрразведывательная команда имеет свою централизованную картотеку учета, именуемую “ПРОБСТ”ом.

“ПРОБСТ” делится на

1. “Большой ПРОБСТ” — являющийся картотекой учета рядового состава партизан и агентуры.

2. “Малый ПРОБСТ” — представляющий из себя картотеку учета руководящего и командного состава партизан и наших разведывательных и контрразведывательных органов.

В карточки “ПРОБСТ”а вносятся все установочные и прочие данные, характеризующие данное лицо, полученные как агентурным путем, так и на основании официальных материалов опроса, попавших в плен.

Эта система точного учета помогает противнику опознавать попавших в плен партизан и агентуру, сравнительно легко и быстро перепроверять их показания о своем руководстве и личном составе партизанских отрядов, добиваться от них правдивых показаний, перевербовывать их на этой основе и направлять в качестве своих агентов с заданиями в партизанские бригады и советский тыл.

б) Работа по внедрению своей агентуры в наши разведывательные и контрразведывательные органы.

Широко поставленная 304 контрразведывательной командой система активного розыска в ряде случаев приводит к сравнительно быстрому выявлению и локализации дальнейшей деятельности нашей агентуры и разведывательных и партизанских групп.

Используя из числа этих контингентов лиц малодушных, морально неустойчивых, репрессированных и т.п., а равно и прямых предателей, в том числе и среди местного населения оккупированных районов, — контрразведывательная команда и ее группы вербуют их, перевербовывают и направляют или с провокаторскими целями для внедрения в партизанские отряды, группы или с контрразведывательными задачами для внедрения в наши разведывательные и контрразведывательные органы.

16-го февраля 1943 года начальник команды — майор КЛАМРОТ докладывал “ВАЛЛИ-Ш” о том, что:

“В ближайшие дни для выполнения особого задания через 311 и 312 группы на территорию противника будет выброшено около 40 человек агентов, в составе которых будут и женщины”.

В связи с этим, он срочно просил направить ему для указанного контингента агентуры необходимое штатское платье и обувь.

Факты перевербовки нашей агентуры с последующим направлением ее в наш тыл с

задачами внедрения в наши разведывательные органы и органы контрразведки подтверждаются донесением 312 группы команде 304 от 7-го июня с/г., в котором указывается, что:

“Сегодня через линию фронта группа переправила перевербованного агента противника, упомянутого в рапорте № 326 журнал 1943 года § 6, с заданием разведать места отправки и подготовки агентуры противника. Псевдоним агента — “ВИЛАНД”. Подробный отчет следует”.

Поймав и разоблачив двух агентов, оканчивавших нашу спец. школу, 312 группа доносит начальнику команды 3.XII.1942 года:

“Агент “ПЕТРОВ” также обучался в вышеупомянутой школе НКВД, что в высшей степени интересно для наших контрразведывательных органов”.

Забрасываемая командой в наш тыл агентура получает на руки соответственно легенде фиктивные документы, которые смогли-бы обеспечить легализацию ее в нашем тылу.

Команда в этом отношении рекомендовала использовать имеющиеся у них изготовленные “фальшивки” документов.

15 марта 1943 года начальник команды КЛАМРОТ просит “ВАЛЛИ-Ш” прислать ему “чистые бланки удостоверений и штатское платье для забрасываемых в тыл противника 10 мужчин и 5 женщин и 5 другие факты.

в) Радиослужба.

Радиослужба 304 команды включает в себя сеть радиостанций, приданных ее группам и связывающих ее с ними и так называемую “особую” службу, предназначенную для пеленгации раций, выброшенных радиофицированных групп и специальную радиостанцию для проведения радиоигр.

Например, 12-го июня 1943 года начальник 304 команды — майор ГИЗЕНРЕГЕН обращается к начальнику радиосвязи восточного фронта с просьбой — “оказать содействие представителю команды — руководителю особой службы ГЮНТЕР, “который должен вести радиоигру из Ревеля”.

Особая служба 304 команды в марте с/г. информировала “ВАЛЛИ-Ш”, что для выброшенных ими радистов:

“работающих с территории противника, установлен новый предупреждающий знак”, по типу тех условностей, применяемых в нашей практике работы, которыми радист дает понять, что он работает по принуждению.

Зафиксированы неоднократные обращения команды к “ВАЛЛИ-Ш” с просьбой срочно прислать пеленгационные установки как на дальние, так и на близкие расстояния, так как была зафиксирована работа наших радиоточек.

Все эти данные свидетельствуют о том, что 304 контрразведывательная команда является одним из основных органов контрразведки противника, действующих на оккупированной территории Ленинградской области.

III. ГЕСТАПО

Наряду с отделом 1-С штаба северной группы войск “НОРД” и 304 командой, активную контрразведывательную работу на оккупированной территории Ленинградской области ведет Гестапо.

Структурное подчинение Гестапо нам детально до сих пор неизвестно.

Установлено, что на участке 18-й армии имеется Гестапо, в подчинение которого входят все отделения Гестапо в городах, расположенных на территории, занимаемой 18-й армией. Ему подчинены Волосовское, Лужское, Оредежское, Батецкое, Сиверское и др. отделения Гестапо.

Гестапо помещается вместе с штабом армии в совхозе Дружноселье в Красногвардейском районе Ленинградской области.

Начальником Гестапо является капитан РАЙХ.

Местные отделения Гестапо свою контрразведывательную деятельность контактируют с контрразведывательными группами 304 команды и отделами 1-С.

По своему составу Гестапо имеет наиболее квалифицированные кадры контрразведчиков. Об этом свидетельствует вышеприведенный факт обращения 304 команды через "ВАЛЛИ-Ш" с настоятельной просьбой помощи со стороны местных отделений Гестапо ее контрразведывательным группам.

Волосовское Гестапо.

Отделение Гестапо находится в пос. Волосово.

В состав отделения входят:

капитан ПИЛЬХАУ — начальник отделения

капитан ЭРКЕ — зам. нач. отделения.

Личный состав Гестапо — 12 человек. Сюда входят предатели и изменники Родины.

Лужское Гестапо.

Лужское Гестапо находится в гор. Луга по Нарвской ул., д. № 9; начальником Гестапо является ШТАТСЕ.

МЕТОДЫ КОНТРРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГЕСТАПО.

Основные методы борьбы Гестапо сводятся к следующему:

1. Массовая агентурная сеть негласного наблюдения за населением по выявлению лиц недовольных гитлеровским режимом и имеющих связь с партизанами.
2. Беспощадность и жестокость в расправе с гражданским населением, подозреваемым в связи с партизанами и советскими разведывательными органами.
3. Насаждение контрразведывательных резидентур, действующих под видом антифашистских подпольных организаций, улавливающих провокационными методами нашу агентуру на оккупированной территории.
4. Переброска своей агентуры в наш тыл и в партизанские бригады с контрразведывательными и диверсионно-террористическими задачами.
5. Жесточайший режим документации права жительства и передвижения в городах и сельской местности.
6. Дешифровка радиogramм органов советской разведки и штаба Партизанского Движения Ленинградской области.
7. Проведение радиоигр через рации провалившейся агентуры.

Для внедрения в партизанские отряды Гестапо в специальных школах подготавливает квалифицированную агентуру.

Одна из таких школ находилась в дер. Выбор Новоржевского района Калининской области. Как правило, в школу направлялась агентура, проявившая себя на практической работе с положительной стороны. Набор в школу происходил также из числа бывших полицейских, старост и т.п.

В отношении практического использования такой агентуры, специальная инструкция "Тактика борьбы с партизанами" — рекомендует следующие маскировочные действия:

"Наша разведка (агенты) должна выдавать себя населению или партизанам лучше всего за военнопленных, пробирающихся к своему пункту из лагеря или фронта; или в крайнем случае, если это выгодно, представляться десантниками. При этом должна быть соответственно подобрана форма одежды".

"Вид должны иметь разведчики запущенный (небритые, нестриженные и до некоторой степени грязные). Сигарет, сигар, табаку немецкого быть не может в употреблении на период работы. На глазах населения создавать вид постоянного опасения регулярных немецких частей или карательных отрядов".

“Разведчики в крайнем случае, если диктует необходимость, могут представить себя в виде военнопленных, пробирающихся к своим”.

Тактика борьбы с партизанами, проводимая Гестапо, широка и разнообразна.

По нашим данным известно, что вражеская агентура, забрасываемая в партизанские бригады, кроме заданий, разведывательного характера, получает задачи и террористического характера.

Так, например, в октябре мес. с/г. получены сообщения о том, что Порховское Гестапо для разведывательной террористической деятельности в партизанские бригады направило:

1. 25 женщин пожилого возраста, имеющих в партизанах сыновей и другие родственные связи. Из них нам известны:

СЕЛЕВЕРСТОВА Ольга — 30—33 лет, завитая, не выговаривает буквы “Р”,

РУМЯНЦЕВА Клавдия — 40—45 лет,

ПЕТРОВА Александра — 23 года.

2. 11 агентов террористов:

ФИЛИППОВ Петр

ГОРБУКЕ Борис

ШОЛОУДИК Петр

ШТЫКОВ Аркадий

ШЕКГИ Антон

ТИХОНОВ Сергей

ФЕОТЕЕВ Василий

ВЛАСОВ Борис

ЗАЙЦЕВ Жорж

АНИСИМОВ Григорий

БОЙЦОВА Зоя

Волосовское отделение Гестапо забросило в советский тыл с диверсионно-террористическими задачами следующих разведчиков:

1. АРТЕМЬЕВ Владимир — возраст 21 год, низкого роста.

2. ДМИТРИЕВ Сергей Петрович — 1920 г.р., проживал в Ленинграде, по пр. Володарского. По заданию немцев был в советском тылу, вернулся в августе 1943 года. Вновь готовится к выброске. В Ленинграде установлены проживающими родственные связи.

3. БОГДАНОВ Николай Семенович — направлен в советский тыл в августе 1943 года в районе Копорья.

4. ФЕТИСОВ Петр — 25 лет, черный, брошен в августе 1943 года.

5. КРЮШЕВСКИЙ Анатолий — 30 лет, блондин, среднего роста, серые глаза. Лейтенант РККА. В июне 1943 года брошен с двумя разведчиками.

Созданной нами оперативной базе дано задание — использовать нашего агента “БЕРЕЗА”, внедренного в Волосовское отделение Гестапо для проведения мероприятий по дальнейшему установлению вражеской агентуры, изъятия видных руководителей Гестапо и доставки их в Ленинград.

Псковское Гестапо.

Материалами следствия арестованных нами агентов Гестапо МРАТОВОЙ и АЛТЫННИКОВА установлено, что для внедрения в партизанские бригады Гестапо в гор. Пскове слендирована “Подпольная партийная группа”, якобы ведущая борьбу с немецкими захватчиками.

Перед резидентурой стояли задачи:

1. Вести активную разложенческую работу среди партизан, путем внедрения их в среду своей агентуры.

2. Выявлять советский актив из числа жителей гор. Пскова.

Резидентуру возглавляют изменники Родины агенты Гестапо ЕГОРОВ Владимир Константинович и ГРЖИБОВСКИЙ Всеволод Михайлович, проживающие в гор. Пскове. Резидентура провела большую работу по насаждению своей агентуры в партизанских бригадах.

В целях пресечения деятельности резидентуры Гестапо нами проводится ряд агентурно-оперативных мероприятий, специально подготовлен оперативный работник для заброски в партизанскую бригаду с заданием:

1. Ликвидировать существующую в Пскове подпольную "партийную группу", путем изъятия ее руководителей и доставки их в город Ленинград.

2. Выявить и ликвидировать вражескую агентуру насажденную в бригадах.

В связи с происходящей массовой эвакуацией населения в Германию, в последних приказах германского командования строго запрещают передвижение гражданского населения. В редких случаях выдаются удостоверения на право передвижения. Удостоверения имеют свои шифры.

Согласно приказа по 16-й немецкой армии от 20.I.1943 г. "О выдаче удостоверений гражданскому населению в оккупированных областях", установлен порядок нанесения тайных знаков (шифров) на всех удостоверениях и пропусках, выдаваемых немецкими военными учреждениями.

Лица с документами, не имеющими таких знаков, задерживаются.

В целях большой конспиративности тайные знаки наносятся только лицами, заполняющими документ, в виде фамилии или инициалов.

В приказе рекомендуется при допросе задержанного ни в коем случае не раскрывать причины, уличающие владельца в подложности документа.

Для выявления нашей агентуры противник создал сеть наводчиков, имеющих квартиры, предоставляемые лицам, нуждающимся в ночлеге, с последующей информацией полиции и арестом указанных лиц.

Насколько широка контрразведывательная сеть противника можно судить не только по количеству органов ее насаждающих, но и по методам активно проводимой ими работы.

На основании документальных данных следствия известно, что Гестапо практикуется массовая вербовка агентуры из гражданского населения.

Так, например, для освещения гражданского населения небольшой деревни Пески в феврале 1942 года было одновременно завербовано несколько агентов — БОЛЬШАКОВ А.В., МЕЛЬНИКОВ и АНТОНОВ.

Перед завербованной контрразведывательными органами агентурой обычно ставятся задачи:

1. Выполнение полицейских функций.

2. Оседание в тылу Красной Армии, в случае отступления немецких войск для сбора разведывательных данных о Красной Армии.

Перед агентурой ставятся задачи: по контрразведывательной линии —

а) выявлять партизан и лиц, связанных с ними (пассивно-сторожевая агентура);

б) активно разыскивать партизан (в этом случае используются лесники и специальные квалифицированные агенты);

в) информировать о подозрительных лицах, появляющихся в деревне;

г) выявлять лиц, враждебно настроенных к оккупационным властям.

Перед завербованной агентурой ставится также задача войсковой разведки — наблюдение за движением частей Красной Армии, дислокацией штабов, аэродромов и т.п.

Факты свидетельствуют о том, что немцы ведут агентурное наблюдение и разработку неблагонадежных лиц.

Установлены факты вербовки родственников разыскиваемых.

Так, например, по показаниям немецкого агента, оставленного на оседание в освобожденном Демянском районе Ленинградской области МАРКОВОЙ О.Ф. — она была завербована для выдачи своего мужа-партизана, в случае его появления.

Основным контингентом вербуемых, как правило, являются лица, враждебно настроенные к Советской власти, вербовка оформляется после того, как кандидат на вербовку докажет, что он действительно является врагом Советской власти. Методы угроз и шантажа часто практикуются при вербовках.

Места вербовок разнообразны. Есть многочисленные факты вербовок на квартире объекта, где на жительство останавливается офицер контрразведки. Вербовки также происходят в административных органах, чаще всего в помещениях комендатур.

Как правило, каждая вербовка оформляется подпиской на немецком языке и подписывается собственной фамилией вербуемого. Переводчик доводит до сведения вербуемого текст подписки устно.

Так выглядят образцы подписок:

Текст подписки сторожевого агента —

“... Я (фамилия вербуемого) обязуюсь оказывать помощь германскому командованию в выявлении партизан и лиц, недовольных германскими властями” (подпись).

Текст подписки агента, вербуемого на оседание в тылу Красной Армии:

“... Я (фамилия вербуемого) обязуюсь основаться в (наименование пункта) и следить за передвижением частей Красной Армии по дороге (наименование дороги) к линии фронта. Я должен выяснить расположение частей и штабов Красной Армии в прилегающих к (наименование пункта) деревнях. Собранные мною сведения я должен передавать (указывается кому)”. (Подпись).

Иногда подписки у завербованных не отбираются. Это практикуется при случайных вербовках (непродолжительное использование агента).

После вербовки агент, как правило, находится на связи у переводчика, присутствовавшего при вербовке. Встречи с агентом происходят по мере накопления материала у агента. Чаще всего явки происходят в административных органах, посещаемых большим количеством населения.

Агентом материал передается устно, дальнейшее оформление материала производится резидентом или сотрудником контрразведки.

Агентуре периодически выдается вознаграждение в виде продовольственных посылок, но расписок в получении их агент не выдает.

Для создания интереса к работе вербуемому на оседание обещают значительные денежные суммы по выполнении задания.

Большую работу немецкая контрразведка проводит через старост. Всем старостам под суровую ответственность вменяется в обязанность следить за появлением в населенном пункте партизан, парашютистов и неизвестных лиц.

Иногда старосты получают прямое задание контрразведывательного органа на полицейские функции и осуществляют негласное наблюдение через свой “актив”.

Подтверждением выше приведенных сведений об использовании в контрразведывательных целях военных и гражданских комендатур, старшин и деревенских старост, создающих широкую сеть сторожевой агентуры, являются особые распоряжения по борьбе с партизанами и шпионажем (директива главного штаба армии от 12.VII.1942 года).

“Комендатуры также должны создавать на своих территориях информационную (контрразведывательную) сеть агентов “У” (доверенные лица-агенты из местного населения). Подобная сеть может быть создана с помощью старшины “У”, найденного среди подходящих элементов местного населения. На указанном ему участке старшина создает

информационную сеть агентов под его руководством”.

ПРИМЕЧАНИЕ: Агенты “У” — сторожевые или информаторы.

Помимо массовой сторожевой агентуры, контрразведывательными органами противника в специальных школах подготавливается квалифицированная агентура для внедрения в партизанские отряды и агентурной разработки подозрительных лиц.

УСТАНОВЛЕННЫЕ ПРИЧИНЫ ПРОВАЛОВ СОВЕТСКИХ АГЕНТОВ.

Немецкая контрразведка уделяет особое внимание легендам и документам, с которыми советские агенты направляются на выполнение задания.

Тщательное изучение методов работы нашей разведки помогает немецкой контрразведке успешно проводить допрос нашей агентуры.

В сводке Разведывательного Отдела немецкой армии указывается, что наши “агенты умеют умело маскироваться и убедительно рассказывать свою легенду”.

В другом документе (208 пехотной дивизии отдел 1-С) — “О разведке и контрразведке” говорится, что — “русские очень изобретательны в отыскании новых методов действия агентов. При опросе каждый русский обычно рассказывает историю (легенду), пытаясь вызвать к себе сочувствие или внушить доверие”.

Далее дается категорическое указание — направлять одновременно с задержанным следующие документы:

1. Обстоятельства задержания.
2. Данные им показания.
3. Документы рукописные и печатные с тем, чтобы агент не мог выдумать новую историю (легенду) и преждевременно добиться освобождения.

В директиве Разведывательного Отдела 246 немецкой пехотной дивизии от 20.V.1943 года указывается:

“У каждого лазутчика есть четко усвоенные уловки, коими он пользуется в случае нужды и которые в сочетании с предъявлением подлинных бумаг звучат правдоподобно.

Постоянно пускаемые в ход уловки:

— эвакуация в связи с близостью фронта, у лиц младшего возраста, поиски эвакуированных родителей,

— ненависть к коммунистам, подвергшим репрессиям и выславшим их родственников;

— побег с целью избежать призыва;

— поиски работы;

— с целью выменять продовольствие;

— идут к знакомым в ближайшее селение;

— плохая жизнь у русских;

— устраиваться на квартиру только через местные органы власти, так как самовольное посещение квартиры подозрительно”.

Шаблонные методы дают возможность контрразведке противника быстро разоблачать нашу агентуру.

Так, в одном перехваченном документе по результатам допроса провалившегося агента контрразведывательный орган противника сообщает: — “Это типичная легенда КРО”.

Небрежно оформленные легализационные документы также помогают противнику изобличать нашу агентуру.

В упоминавшейся директиве 246 пехотной дивизии и 16-й армии указывается, что можно легко разоблачить агента, если внимательно изучить его документы.

“Поддельные паспорта и документы часто могут быть опознаны по следующим причинам:

1. Бросаются в глаза паспорта с давней датой выдачи, но имеющие внешность новых.

2. Выданные, якобы уже несколько лет назад, справки удивляют тем, что выглядят новыми.

3. Бросались в глаза пометки, относящиеся к разным местностям, но сделанные одним и тем-же почерком и одинаковыми чернилами.

4. С целью утаить известные пометки в одном военном билете оказались вклеенными новые листы.

5. Часто агенты получают подлинные паспорта других лиц, в которых только была вклеена потом фотокарточка нового владельца паспорта.

6. Другой агент предъявил пропуск, срок которого давно истек.

Систематизация данных о методах работы наших разведывательных органов, учет характерных особенностей нашей закордонной работы во многом способствует успешной контрразведывательной деятельности противника на оккупированной территории Ленинградской области.

4-м Отделом УНКГБ ЛО по выявленным контрразведывательным органам противника, действующим на временно оккупированной территории Ленинградской области, проводятся специальные агентурно-оперативные мероприятия, направленные на внедрение в них нашей агентуры с целью перехвата линии их работы и пресечения вражеской деятельности и на физическое уничтожение командного и руководящего состава.

НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ НКГБ СССР ЛО
Комиссар госуд. безопасности 3 ранга

(КУБАТКИН)

" " декабря 1943 года
гор. Ленинград

Г.Л.Языков

Эвакуация Черноморского флота из Крыма в Бизерту в 1920 году

Публикуемые воспоминания принадлежат перу Г.Л.Языкова — правнука замечательного русского поэта XIX века Николая Михайловича Языкова.

Георгий Леонидович Языков родился в 1904 г. в Митаве в дворянской семье. Его отец, Леонид Викторович, был участником русско-турецкой войны 1877—1878 гг., в начале XX века в чине полковника командовал драгунским полком. В 1913 г. он вышел в отставку, обосновался с семьей в Новороссийске, купил землю в Мысхако, где развел виноградники и занялся виноделием. Мать Георгия Леонидовича, Екатерина Семеновна (урожденная Войцехович), была родом из Киева или Чернигова, до замужества жила в Петербурге.

Драматические события 1917 г. и последовавшая за ними гражданская война нарушили спокойное течение жизни семьи Языковых. В 1919 г., сознавая, что Красная Армия начинает угрожать Югу России, отец отправил Георгия в Севастополь в надежде, что тот будет принят в Морской корпус. Однако это учебное заведение было переполнено, места для молодого человека в нем не нашлось. Правда, он был зачислен на крейсер “Генерал Корнилов” (бывший “Кагул”) в качестве электрика, где и прослужил вплоть до описываемых событий 1920 г.

Отец и мать Г.Л.Языкова остались в России. В 1921 г. землю у них отобрали, дом в Мысхако сожгли. Леонида Викторовича арестовали и вместе с шестьюстами приговоренными вывезли на барже в море и утопили. О судьбе Екатерины Семеновны Георгию Языкову долгое время ничего не было известно, лишь в 1935 г. он сумел разыскать ее в Москве и устроить ее переезд во Францию. В апреле 1945 г. Екатерина Семеновна умерла и была похоронена на русском кладбище в Ницце.

Судьба самого Г.Л.Языкова после прибытия вместе с флотом в Бизерту (Тунис) складывалась так: в 1923 г. ему удалось поступить в русский лицей в Париже, где он в 1924 г. получил степень бакалавра. Осенью 1924 г. Георгий Леонидович был принят в электротехнический институт в Гренобле, который окончил в 1928 г. с дипломом инженера-электрика. В 1931 г. он принял французское гражданство, участвовал в войне против Германии в 1940 г. В 1949—1967 гг. жил и работал в Африке. По возвращении во Францию поселился в Бордо, где была большая русская колония, купил жене магазин, сам же часто сопровождал советских туристов в качестве переводчика. В 1970 г. Г.Л.Языков отошел от дел, через некоторое время приобрел дачу в Мирамонте, где и живет по сей день с женой.

Публикуемые ниже воспоминания и фотографии Г.Л.Языков передал в редакцию “Нового Часового”, любезно согласившись на предложение журнала познакомить с ними своих читателей. Мы благодарим Георгия Леонидовича за предоставленную возможность и желаем ему и его близким здоровья и благополучия.

Севастополь — колыбель русского Черноморского флота. Зима, 1920 год. На рейде стоят остатки уцелевшего русского черноморского флота: знаменитый крейсер, когда-то потопленный при лейтенанте Шмидте “Генерал Корнилов”, бывший “Кагул”, и тяжелый крейсер постройки 1913 года “Генерал Алексеев”, бывший “Воля”. На пристанях на мертвых якорях старые, вышедшие из строя броненосцы. На других пристанях причалены подводные лодки АГ 22, 23, “Утка”, яхта “Колхида”, плавучая мастерская “Кронштадт”, несколько старых миноносцев и знаменитый “Жаркий”. Заходят иногда иностранные суда, становятся в бухте на якорь. Море тихое, слышатся склянки, Севастополь спит, но на границах Крыма идут тяжелые бои между наступающей Красной армией и защищающей Крым Белой армией, состоящей из учеников, студентов и бывших кадров русской армии. В марте наш крейсер получает приказ — навести порядок в окрестностях Туапсе, где идет борьба между красными-зелеными и белыми. Мы получаем снаряжение и провиант и выходим в море, где дует свирепый ветер Норд-ост. Утром входим в Новороссийскую бухту, но огромное судно не может удержаться на якоре из-за сильного шторма, и командир, получив разрешение из центра, поворачивает обратно в Севастополь. Я вижу мой дом, но сходить на берег запрещено. Мы уходим, но, проходя мимо цементного завода, команда бросает в море букет цветов там, где в 1917 году пять новейших контрминоносцев были взорваны командами, чтобы не быть переданными немцам. В команде — жители Новороссийска, которые навсегда ушли из своего города, так и не увидев своих родных.

Мы возвращаемся на нашу стоянку в Севастополь, где настроение переменялось: грабежи, кражи, взрыв военного склада. В июне получаем приказ на высадку десанта под Очаков на косу, под Одессой подвергаемся сильному обстрелу красной артиллерии. Десант не удается, но смельчаки смогли поменять в деревне мыло и керосин на арбузы и тыквы, наше питание состоит главным образом из фасоли и чечевицы. Возвращаемся в Севастополь, где настроение города становится нервным, город наполняется беженцами из северной части Крыма, Одессы, Новороссийска, занятых Красной армией. Приходят в порты военные суда, главным образом, англичане, забирают иностранных жителей и также русских, имеющих валюту и драгоценности.

Ходят слухи, что остатки нашего флота будут вывезены из Крыма, но куда и когда — никто ничего не знает, пока же остатки Белой армии под командой генерала Врангеля не могут удерживать крупные силы хорошо вооруженной Красной армии. Мы чувствуем, что нас ожидают драматические события, все команды получили приказ готовиться к починке машин и аппаратов на всех стоящих на рейде судах. Мы чиним, моем, чистим, прибираем военные корабли и ожидаем неприятеля...

Пока же мы наполняем наши архивы, команды и высший состав пополняются новыми членами, главным образом из армии. Подходит вторая половина октября 1920 года, все чувствуют конец России, какой ее знали раньше, конец Андреевского знамени на юте корабля и старой крепости Севастополь, для нас — конец. Все корабли нагружены будущими эмигрантами — женщинами, детьми, остатками Белой армии; все, что может плавать, наполнено до отказа и выходит в море. Грозное наше море мы покидаем навсегда? Севастопольская бухта пустеет, все, что может плыть, выходит в море, держа курс на Босфор. Остаются в бухте два сильных крейсера — гордость Черноморского русского флота, вернее, остатки его.

Толпа бегущих наполняет оба крейсера. Много женщин и детей помещены на крейсер “Генерал Алексеев” (“Воля”), много раненых в госпитале корабля, на крейсере “Генерал Корнилов” (“Кагул”) помещается штаб Белой армии, генерал Врангель со своей сотней казаков, архивы морского корпуса и к 1 ноября 1920 года оба судна перегружены, но готовы к отплытию. Остаются на пристанях толпы людей, не сумевших найти себе место на кораблях, много лошадей, брошенных, живых и убитых. Уже в город и его окрестности входят отряды Красной Армии, на “Кагуле” генерал Врангель запрещает открывать огонь из артиллерии по входящим красным войскам и дает приказ выйти в море. Бывший крейсер “Воля” поднимает якорь утром, и мы, бывший крейсер “Кагул”, снимаемся в 16 часов, держа курс на Константинополь.

Вот, первая русская эмиграция, 300—400 тыс. человек покидают свою страну на 12—13 кораблях, из которых 2—3 военные единицы. Пассажиры всех кораблей страдали от морской качки, тесноты, антисанитарии, от недостатка пищи, вся эта эскадра не была построена для такого количества пассажиров, кроме того, Черное море в эти дни было бурное, с сильным ветром, казалось, хотело отомстить уплывающим эмигрантам за уход русских кораблей.

На следующий день корабли встали на якорь в Константинополе, где правивший тогда в Турции Кемаль Паша дал нам приют на короткое время. В это время, часть наших кораблей продолжала уже свой путь в Средиземное море. Часть транспортов пошла в Грецию на остров Лемнос, где высадила части уцелевшей Белой армии. 2 крейсера и 2 миноносца встали на якорь в бухте перед огромным городом, но должны были продержаться карантин, кажется 10 дней, весьма тяжелый, поскольку видели город, полный интересных и вкусных припасов. Стояли на рейде 1 или 2 английских корвета. Когда окончился карантин, получили разрешение сойти на берег. Были члены команды, которые решили вернуться в Крым, из пассажиров многие стали жителями Константинополя, многие, имевшие валюту, взяли пароходы и ушли на запад. Русские деньги (“колокольчики”) были обесценены.

Команда сошла на берег, и мы бросились покупать белый хлеб, который не видели много лет, фрукты и все, что можно было поменять, продавали, что можно было, чтобы занять турецкие лиры. Имевшие деньги сроднились с турецкой водкой-раки, крепкой. Гуляли по Перу (знаменитый квартал), ходили осматривать мечеть Св. Софии, но время шло слишком быстро, и пришел приказ уходить в Бизерту (Тунис). Английское адмиралтейство выдало нашим обносившимся морякам форму английских матросов: мы стали одеваться по-английски, но наши береты с георгиевской лентой остались.

Наша эскадра покидает стоянку в Турции, и мы направляемся куда-то на Юг, чтобы загрузить уголь и пресную воду, все наши двигатели были паровыми. “Воля” и миноносцы ушли вперед, подводные лодки также. После загрузки угля весь экипаж становится черным и грязным — аврал на мытье для всех. Скоро конец ноября, сколько перемен произошло за месяц. Мы выходим в Эгейское море, видим вдалеке Афины и знаменитый Парфенон, входим в Средиземное море, проходим мимо Крита, и видим вдалеке Мальту и Триполи в Северной Африке и, наконец, входим в большую бухту Бизерты, где стоят на якорях остатки нашего Черноморского флота, подводные лодки пришвартованы...

При входе в Бизерту мы увидели непривычный для нас африканский пейзаж маленького городка, где правили французские власти и где построены большие мастерские для починки кораблей. Стоят в порту несколько французских канонерок.

Став на рейде, все корабли начинают держать карантин. Мы можем только строить планы на будущее. Наши гиганты окружены лодками арабских продавцов съестных

припасов — бананы, фиги, виноград, все так заманчиво. Не имея здешней валюты, мы прибегаем к обмену. После карантина нам разрешают спуск на берег, и город наполняется русскими эмигрантами, температура — теплая, ищем покупателей на фуфайки, кожанки, тайно продаем оружие и прочее. Наши кожанки имеют успех. Покупатель просит примерить и, надев, моментально исчезает. В арабских хижинах нет ни дверей, ни окон. Русская жизнь устраивается, многие семьи, имеющие валюту, берут теплоходы в Тунисе и уезжают во Францию, Германию и разъезжаются по всему свету. Заходят в Бизерту иностранные теплоходы, некоторым из нас удается наняться на иностранные суда, приходят и американцы. Все наши моряки получают бумажку как паспорт, но без фото. Начинает действовать русский морской корпус, появляется с Дальнего Востока с гардемаринами, чтобы закончить курс морского корпуса. Публика в Бизерте начинает убывать, каждый ищет себе работу, бывшие земледельцы поступают на фермы, появляются сапожники, повара, музыканты и рабочие. Мечта всех — заработать на проезд в Марсель, где для русских эмигрантов открыт лагерь для поиска работы и места жительства. Бизерта начинает пустеть, наши корабли тоже. “Кронштадт” увели, “Колхида” исчезла, 2 старых миноносца пошли на слом. Что будет с крейсерами, никто не знает.

Артель русских моряков проводит дорогу в пустыне.

Если желающие работать находят себе службу, хотя и не всегда по вкусу, то пожилые, больные, инвалиды получают помощь от французов, американцев и от русских учреждений в Париже, куда направляются все новые эмигранты. Много флотских, будучи в Марселе, записываются на работы на юге Франции для очистки всего севера от снарядов, бомб, остатков войны с Германией 1917 г. Хозяин этого общества был русский эмигрант. Работа была тяжелая и опасная, мы жили в палатках зимой 1921/1922, люди стали искать лучшую жизнь. Узнали, что в Париже существует русская гимназия и многие факультеты, принимающие бывших студентов русских университетов, все стали зубрить французский язык, и другие...

Многие из наших моряков (18—25 лет) были приняты в русскую гимназию, хорошо знающие французский были приняты в лицей. Несколько были приняты в военное и морское французское училище. Все получили маленькую французскую стипендию, американские комитеты были гораздо щедрее французских.

Вот мы переменяли свою жизнь, без военной дрессировки, без военной формы, оружия, снарядов и нервной жизни в революционной стране. У нас появились другие проблемы. Мы были старики, но с нами за партами сидели молодые, которые родились во Франции или жили в Париже и часто не знали, что такое революция, военная служба и бой. В это время Франция разрешила остаткам Белой армии на острове Лемнос въезд во Францию. Там было много молодых, не успевших закончить свое учение в России.

Русская молодежь учится прилежно, оканчивают учебные заведения, вступают в жизнь на интеллигентные службы, в журналах появляются русские фамилии, медики, профессора, изобретатели, артисты... Но люди, попавшие на Запад в преклонном возрасте, стареют, болеют, покидают нашу землю. Русские кладбища, как Сен-Женевьев, около Парижа, Кокад в Ницце, в Канн, в Бордо наполняются русскими могилами. Новое поколение растет, и часто дети Иванова или Петрова не понимают русский язык.

Нападение Германии на СССР тяжело отзывается на русской эмиграции. Происходит раскол идей, за и против. Многие уходят в Сопротивление, многие уезжают в Америку, Африку, Австралию...

По окончании войны появляется вторая эмиграция: уцелевшие солдаты Красной армии, попавшие в плен, и в большом количестве молодые девушки, вывезенные немцами из Украины на работы на немецких заводах, на которых работали также пленные европейских армий. Много девиц вышло замуж и стало француженками, бельгийками, англичанками и даже “негритянками”. После войны зарубежная русская колония разрослась. Много жителей, прошедших через Бизерту, спят в земле. Скоро 1 ноября 1992 года. 72 года тому назад, первая эмиграция покидала Крым, Севастополь и Россию, почти все мои коллеги из Черноморского флота спят в сырой земле.

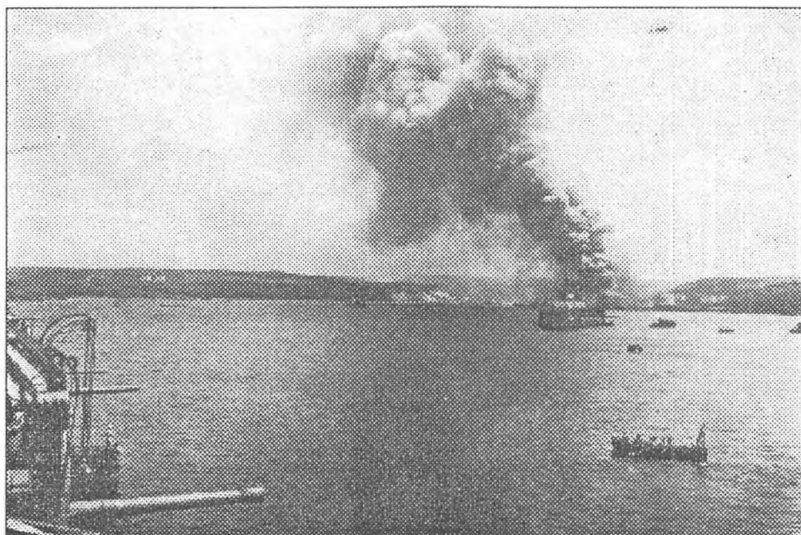
Приходит мне на память эпитафия лейтенанта Ильина:

Памяти морского брата

“Из нашей иноземной гавани
 На борту невидимого крейсера
 Ты в последнее свое уходишь плавание.
 На возврат оттуда не надейся.
 Но в сердцах незыблемую память
 Ты у братьев на земле оставил.
 Весь свой век служил ты вместе с нами
 Русской Вере, Чести, Славе
 И хранил минувшее наследье
 Под Андреевским прибитым к стене стягом.
 Днешь тебя на Дальнем Главном рейде
 Ожидает старший в мире флагман
 Без плотской ему не нужно маски.
 В Спасе-на-водах надземном Храме
 Ты предстать достоин без опаски,
 Перед его пресветлыми очами.
 Всю земную вахту на ногах ты,
 Отстоял безропотно и честно,
 И теперь тебя к себе на вахту,
 Примет с лаской Адмирал Небесный.

Многие русские эмигранты меняют подданство, находятся и не желающие его менять и остаются без подданства зависимы от Швейцарии, которая много помогла

русской эмиграции, как и Америка, и Франция. Годы идут, первая и вторая эмиграции смешались и становятся просто иностранцами с русскими фамилиями. Но те бывшие в Бизерте и их дети спрашивают: куда делся Черноморский флот Бизерты? Никто не дал ответа. Конец 1922 года, видим по телевизору, что он разросся, пополнел, но чей он? Вот фото последнего исчезнувшего крейсера.

*Тяжелый крейсер — дредноут “Генерал Алексеев” (“Воля”)
Фото снято в Севастополе на рейде в 1920 г.*

Подходит к концу 1992 год. Бывшая первая русская эмиграция, прошедшая через Бизерту, и вторая, прошедшая через войну и бойню 1945 года, перемешались. Россия или РСФСР теряет навсегда выдающихся людей — специалистов по многим отраслям жизни. Дети бывших русских эмигрантов вряд ли вернутся на родину своих родителей.

Но существует в Европе и Америке третья тайная и безжалостная эмиграция, многолетняя, состоящая из редких жителей РСФСР, которым удалось избежать сталинских лагерей, и из большинства аппаратчиков, агентов ГПУ, НКВД и других представителей советской власти, рассеянных по всему свету.

Первая и вторая эмиграции встретили приветливый прием иностранцев, им помогли по возможности. Но когда пресса показала лицо сталинской власти, то отношение иностранцев к русским резко изменилось и стало недоброжелательным. Дети некоторых русских эмигрантов старались переделать русскую фамилию на иностранный лад, так, к примеру, Белковский стал Белок. Когда берлинская стена упала и СССР распался на несколько республик, отношение к русским изменилось к лучшему. Иностранцы и русские организации шли на помощь русскому населению в больших городах — голодавшим москвичам, петербуржцам, но это были капли в море. Иностранцы понимали, что такая огромная страна не может изменить свой образ жизни после 70-летнего владычества коммунизма. Не нужно забывать, что самый крупный сосед России — Китай — коммунистическая держава. Понятно, что власть, которая создавала оружие, танки и ракеты в продолжении 70 лет для покорения всех демократических стран, не могла наполнять магазины продовольственными припасами. Я надеюсь, что пройдут года, и страны

бывшей Российской Империи найдут себе путь к честному и демократическому образу жизни, но не к демократии иностранного образца, а своего собственного типа.

Что касается России, приходят на память стихи Тютчева:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить,
У ней особенная стать
В Россию можно только верить.

Я не политик и не поэт, как прадед Н.М.Языков, я излагаю мои собственные взгляды на то, что видел в моей молодости. Читаю, что в Крыму идут споры насчет Черноморского военного флота, он русский или украинский? По-моему, он общий, какой россиянин не имеет хоть капли украинской крови, как и я?

Сентябрь 1992 г. Мирамонт, Франция.

Е. А. Чередниченко

Подъем под огнем

(Об одной уникальной спасательной операции,
проведенной в 1943 г.)

Публикуемые ниже воспоминания принадлежат перу капитана I ранга—инженера Евгения Адриановича Чередниченко, известного специалиста по подъему затонувших судов. Будучи по образованию инженером-судомехаником, окончившим в 1939 году Ленинградский институт водного транспорта, Е. А. Чередниченко с начала Великой Отечественной войны служил в Балтийской экспедиции ЭПРОНа. В 1942 г. он окончил курсы офицеров-водолазов, после чего проходил службу на Балтийском флоте, возглавлял аварийно-спасательное и судоподъемное отделение, был командиром аварийно-спасательного отряда.*

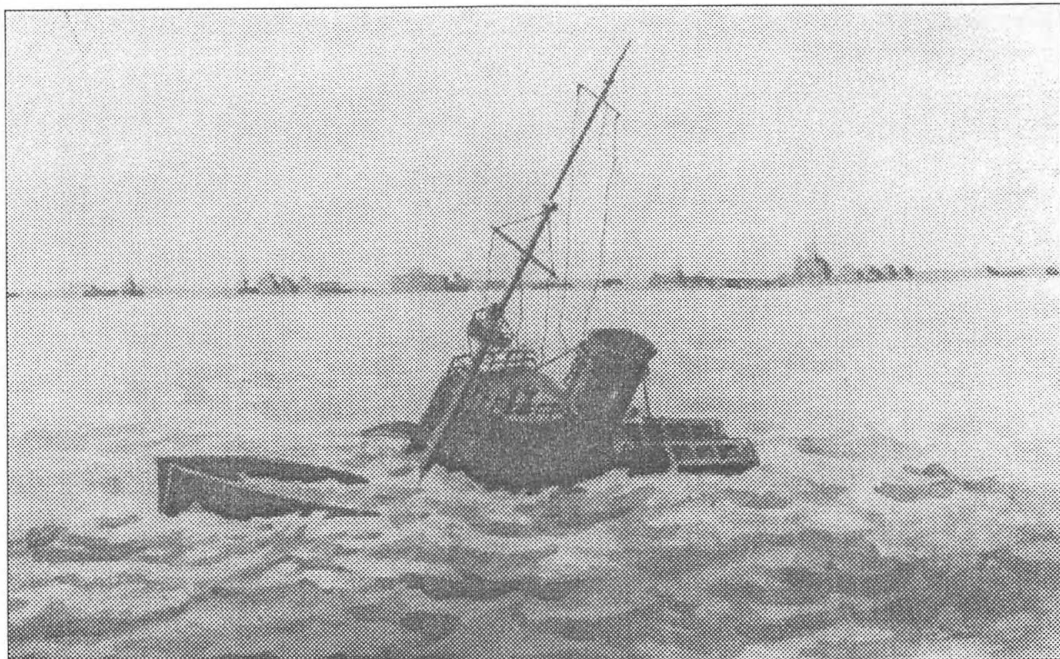
Евгений Адрианович был участником подъема многих судов, в том числе крейсера “Петропавловск”, линкора “Марат”, подводных лодок “М-357” и “С-80”; он непосредственно руководил подъемом тральщика “Литвинов”, госпитального судна “Метеор”, подводных лодок “Щ-325” и “Л-1”, многих других кораблей, в числе которых была и канонерская лодка “Пионер”, поднятая со дна Морского канала в экстремальных условиях ленинградской блокады.

В первой половине июля 1941 года немецко-фашистские войска, занявшие часть Прибалтики, подошли непосредственно к городу на Неве. В планах гитлеровского командования захвату Ленинграда, имеющего огромное политическое, экономическое и стратегическое значение, Вермахт отводил особое место.

Для подавления сопротивления кораблей Краснознаменного Балтийского флота (КБФ), базировавшихся, в основном, в Кронштадте, немцы приступили к систематическим их обстрелам и бомбардировкам.

В один из налетов вражеской авиации получила повреждение канонерская лодка “Пионер”. Взрывом авиабомбы была разрушена палуба в районе кормы и левого борта. Для проведения ремонта решено было корабль перебазировать из Кронштадта в Ленинград. При переходе по Морскому каналу канонерская лодка “Пионер” подверглась интенсивному артобстрелу со стороны противника, занимавшего к тому времени побережье Невской губы от Стрельны до Мартышкино.

* ЭПРОН — Экспедиция подводных работ особого назначения.

Затонувшая канонерка "Пионер".

Рисунок автора.

Получив множество осколочных пробоин в подводной части корпуса, часть отсеков заполнилась водой. Личный состав проводил борьбу за живучесть, но при интенсивном артобстреле и больших повреждениях корпуса удержать корабль на плаву не представлялось возможным. Канонерская лодка вначале коснулась грунта, а затем от разыгравшегося шторма и сильной бортовой качки килем прорыла под собой котлован, в который и затонула у бровки Морского канала на траверзе Петергофа на виду у противника. Немцы хорошо понимали, какое значение имел для обороны Ленинграда Морской канал, связывавший приморскую оперативную группу войск через Ораниенбаум с Ленинградом, а также с Кронштадтской военно-морской крепостью. По этой причине они держали канал, а следовательно, и затонувшую в его зоне канлодку под усиленным контролем.

Так, в зимний период 1942 года, как только окреп лед и толщина его позволила двигаться по нему на лыжах или пешком, в рубке затонувшего корабля фашисты организовали наблюдательный пост. Правда, просуществовал этот пост недолго: по донесению нашей разведки огнем артиллерии он был полностью уничтожен вместе с десятком фашистов.

Командование флота приняло решение поднять "Пионер" для последующего введения его в строй как боевой единицы и одновременного устранения ориентира, которым лодка была для противника при обстреле наших кораблей, плававших в этом районе. В конце августа 1943 года на меня, занимавшего в то время должность начальника аварийно-спасательного отделения КБФ, была возложена организация подъема канлодки "Пионер".

Для проведения такой смелой и опасной операции, как ее называли — подъем под огнем, были привлечены опытные и отличившиеся ранее в спасательных и судоподъемных работах матросы, старшины и офицеры.

Водолазным обследованием, проведенным 29 августа под руководством старшего лейтенанта Буленкова С.Е., известного в нашей стране водолазного специалиста, было установлено, что корабль лежит на грунте с креном на левый борт 8° и дифферентом на корму 2,5°, причем в носовой части вода только покрывала верхнюю палубу, а палуба кормы ушла под воду на 2 метра (см.рис.).

Кормовая часть килевой балки ушла в грунт на 3 метра — до кормового подзора, а носовая часть на протяжении 4 метров свисала над грунтом. При разработке проекта подъема, проведенного опытным, талантливым и смелым корабельным инженер-капитаном И.В.Косматовым, предусматривалось использование жестких судоподъемных понтонов с установкой их в прорытых в грунте котлованах, размещение в отсеках корабля мягких понтонов и резиновых мешков, а в качестве резерва подъемной силы планировалась продувка трех паровых котлов.

При организации работ учитывалась непосредственная близость противника, находившегося на расстоянии не только досягаемости артиллерии при стрельбе прямой наводкой, а и ружейно-пулеметного огня. Поэтому операция должна была проходить скрытно, только в ночное время с использованием малых плавучих средств: водолазных рейдовых ботов, катеров, небольших плашкоутов и шлюпок.

Для охраны и прикрытия района работ на весь период охраной водного района (ОВР) Ленинградской военно-морской базы (ЛенВМБ) были выделены два катерных тральщика (КТШ), вооруженных крупнокалиберными пулеметами и оснащенных аппаратурой дымзавесы.

Работы были начаты 7 сентября. Подготовка проводилась на базе в дневное время, а к месту работ выходили с наступлением темноты. Ограниченность в ночном времени заставляла проводить работы крайне интенсивно, в сжатые сроки, по заранее составленному плану. Категорически запрещалось курение. Использование искусственного освещения было исключено, даже на выхлопные трубы мотоагрегатов (компрессоров, гидромониторов, мотопомпов) были установлены специально сконструированные и изготовленные своими силами пламягасители.

Работы в основном проводились наощупь. Несмотря на принимаемые предосторожности, противник систематически включал береговые прожекторы и открывал арт-огонь, из-за чего работы приходилось прерывать. За период с 7 по 30 сентября было промыто под корпусом шесть туннелей, через которые были протасканы подъемные стропы. Плотная глина тяжело поддавалась размыву. При давлении воды в 7 атмосфер, создаваемом гидромонитором, удавалось вымывать только один-полтора кубометра в течение часа. Промывка туннелей — одна из труднейших и опаснейших водолазных работ. Под сильным давлением струя воды из специальной насадки врезается в подводный грунт и образует в нем нору. В нее забирается водолаз. Направляя в нее струю воды, он все дальше и дальше углубляется в узкий туннель. Над ним металлическое днище, по бокам толща грунта, вокруг — густая муть. Каждую минуту потревоженные пласты грунта могут завалить выход. Так и получилось со старшиной группы водолазов А.М.Третьяковым. Его закупорило в туннеле. Ни вперед, ни назад. Только воздушный шланг, пеньковый трос и телефонный провод соединяли его с внешним миром. Вот-вот зажмет шланг, и тогда самое страшное — прекратится подача воздуха. “Не могу выбрать. Замыло...” — сообщил он по телефону. Нужно иметь огромное самообладание и волю, чтобы выдержать подобное испытание. Полтора часа пролежал так Третьяков, пока не отмыл его другой водолаз. Отдышавшись наверху, он снова опустился на дно и снова стал промывать туннель.

Протаскивание через промытые туннели тяжелых стальных судоподъемных стропов осуществлялось вручную с водолазных ботов и шлюпок, что требовало от боцман-

ской команды, возглавлявшейся прославившим себя на Балтике мичманом П.М.Осиповым, значительных физических перегрузок и занимало много времени.

С 30 сентября по 13 ноября было промыто 7 котлованов под понтоны, прибуксировано и остроплено 7 понтонов, заведены в носовые и кормовые помещения мягкие понтоны и резиновые мешки, а также подготовлены к продувке через патрубок от свистка три паровых котла. При промывке котлованов много времени заняла расчистка грунта у корпуса от стальных разрушенных труб, листов обшивки и других предметов, которые приходилось острапливать и оттаскивать от корабля вручную, используя маломощный брашпиль водолазного бота.

Осенняя штормовая погода существенно затрудняла проведение работ. Особенно усложнилась обстановка при обледенении. Личному составу было сложно в полном мраке при большой волне удерживаться на скользкой палубе малых судов и особенно на сферической поверхности понтонов, требовалось большое искусство. Неоднократно приходилось извлекать упавших в ледяную воду матросов и старшин.

В конце октября, к исходу ночи налетевший северный шквальный ветер оборвал швартовы плашкоута с погруженной на него водоотливной мотопомпой и находившегося на плашкоуте старшину группы мотористов В.А.Воробьева, который только успел крикнуть: «Оборвало швартовы, плашкоут уносит!». Обстановка усугубилась еще и тем, что близился рассвет, а плашкоут уносило ветром по направлению к Петергофу, занятому противником. Я вызвал к себе старшину рейдового водолазного бота «ВРД-43» старшину группы рулевых А.Г.Коновалова. Мне не нужно было долго объяснять этому бесстрашному моряку, как действовать. Пробиваясь через гущу битого льда, гонимого штормом, Коновалову удалось обнаружить вблизи берега плашкоут, заливаемый штормовой волной. Умело маневрируя, плашкоут взяли на буксир и привели на рассвете на базу.

С 26 по 27 октября, после продувки всех понтонов и котлов, а также откачки носовых помещений, корабль всплыл, но не вышел полностью из котлована из-за спада воды. Близился рассвет, и корабль пришлось снова затопить. Чтобы не затрачивать много времени на продувку понтонов при повторном подъеме, воздух из них был стравлен частично. Однако, имея малую отрицательную плавучесть, в случае штормовой погоды понтоны могли бы, ударясь о корпус корабля, создать аварийную обстановку. Было принято решение оставить на поднимаемом корабле дежурный пост, который осуществлял бы контроль в дневное время за всем судоподъемным оборудованием и принимал бы меры в случае штормовой погоды. Это небезопасное задание с честью выполнили старшина 2-й статьи В.П.Телегин и матрос В.Г.Ларионов. В ночь на 29 октября перестропкой носовой пары понтонов и последующей продувкой всех понтонов и паровых котлов корабль всплыл с осадкой 2,8 м и стал дрейфовать с пришвартованным к нему спасательным буксиром. Двумя прибывшими мелкосидящими тральщиками бригады траления канонерская лодка «Пионер» в густом тумане была выведена из района затопления и вскоре поставлена на ремонт. 21 декабря 1943 года газета «Ленинградская правда» в статье «Спасатели кораблей» писала: «Густая тьма казалась непроницаемой. Водолазный бот, как бы нащупывая путь, медленно продвигался вперед. Вот здесь, где-то совсем рядом, должен быть полузатонувший корабль, с пробитой немецкими снарядами подводной частью... Тихо, с предосторожностями, приблизились к нему эпроновцы. Им нельзя зажигать фонарей. Как ни темна ночь, враг с близкого берега может заметить огни, и тогда спасательная экспедиция обнаружит себя. И так время от времени лучи прожекторов беспокойно шарят по черной воде. На мгновение сноп света задержался на выступающих из воды палубных надстройках, осветил обломки расщепленных мачт, пробитую осколком рубку, высоко задранный нос ко-

рабля. Пронесло! Немцы не заметили притаившегося бота.

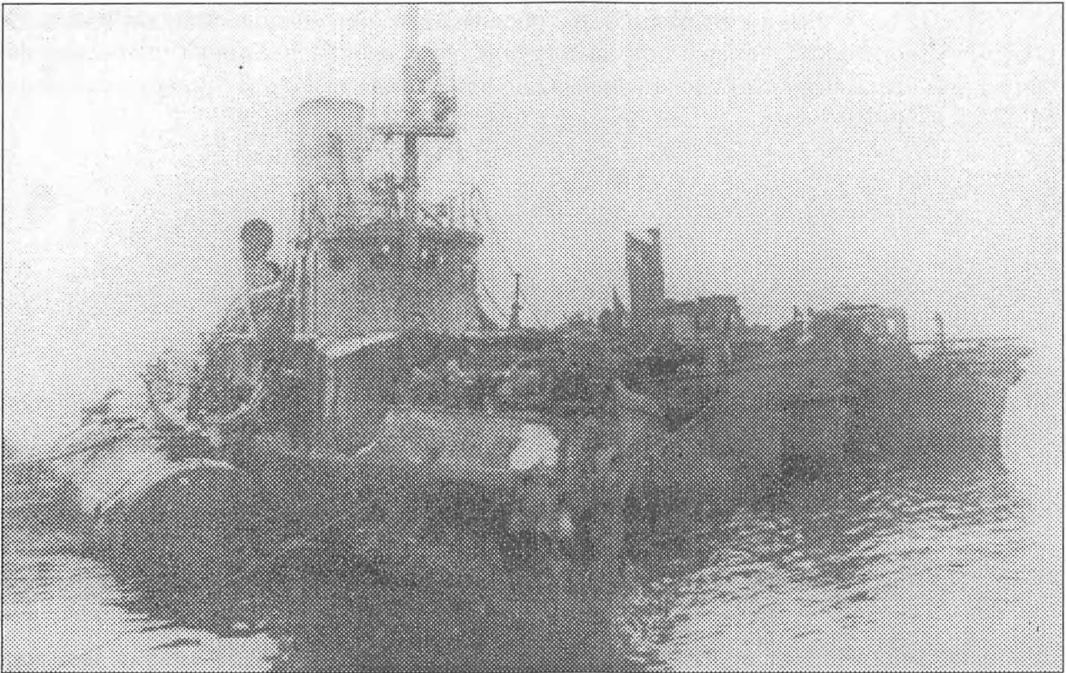
Теперь за работу! Нужно дорожить каждой минутой. В темноте на ощупь завинчен шлем на скафандре водолаза Литвинова. Легкий всплеск воды. Телефонный провод доносит глухой голос водолаза. Вот он обнаружил пробоину, вот проник сквозь огромную дыру в металлическом корпусе. Шаг за шагом выясняется картина повреждений. Литвинов сообщает наверх свои наблюдения. А в маленькой каютке бота инженер-капитан Чердниченко наносит на чертеж положение корабля. Опытный судоспасатель, он и сам спустится на дно, уточнит обстановку. Потом, в ту же ночь, он составит план быстрого подъема корабля.

Так проходят ночь за ночью, и каждая приносит новое напряжение. Теперь за бортом корабля, как только наступит мрак, выстраивается целая эскадра эпроновских суденышек: катеров, ботов, плашкоутов с водоотливными средствами, шлюпок. Днем с берега немцы ничего не замечают. Все так же беспомощно торчит из воды нос корабля, пустует разбитая палуба. А между тем, водолазы уже промыли под днищем туннели, протянули стропы, заделали пробоины. Остается откачать воду из затопленных отсеков, подвести понтоны, и корабль всплывет.

Сложно работать в полном мраке под самым носом врага. Но еще сложнее работать, когда налетает сильный порывистый ветер. Тяжелые волны с силой бьют в борт аварийного корабля, рвут тросы, расшвыривают плашкоуты, понтоны, шлюпки. Однажды неожиданно поднялся семибалльный шторм. Обычно в таких случаях полагаются прекращать работу, поднимать водолаза, уходить в бухту. Но сейчас этого делать нельзя. Корабль уже начал всплывать. Усилия многих ночей пошли бы насмарку. Водолаз Данилов находился в воде с подветренной стороны. Волны с силой раскачивали его и ударили о борт корабля.

— Выходи из воды! — передали с бота.

— Подождите подымать, — ответил он в телефон. — Еще минуты три, вот закончу...

“Пионер” после подъема.

А в это время у понтонов стали обрываться швартовы. Такелажники Шишкин, Ильин и мичман Осипов, рискуя каждую минуту свалиться в воду, обдирая руки, ползали по обледенелой покато́й поверхности. Волны обрушивались на людей, но они продолжали остропку. Шишкина все же сбило в воду. Дрожащего от холода, измученного, его с трудом выловили в этой кромешной темноте. Не успел он обогреться, как потребовал, чтобы его снова пустили на остропку понтонов.

— Нужно закончить все до рассвета, иначе придется начинать сначала, — говорит он.

Так работали герои-эпроновцы. Они выполнили боевое задание. Их воля восторжествовала над врагом и стихией. Затонувший корабль наконец полностью всплыл. Буксиры отвели его на базу. Утром, когда разогнало густой туман, немцы на берегу были ошарашены. Корабль исчез. Его подняли со дна и увели буквально у них из-под носа. Три часа, остервенев, обстреливали фашисты место, где еще вчера торчали из воды палубные надстройки и нос корабля.

Это лишь один из многочисленных эпизодов боевой работы балтийцев-эпроновцев. Сотни различных подъемов совершили они за время Отечественной войны. Десятки кораблей возвращены в строй их волей и мужеством”.

При проведении операции по подъему “Пионера” особо отличились: водолазный специалист С.Е.Буленков; корабельный инженер И.В.Косматов; боцман П.М.Осипов; старшины группы водолазов Н.Г.Литвинов, А.Н.Данилов, В.М.Третьяков; такелажники А.М.Шишкин, С.Г.Ермаков, Д.С.Ильин; старшина группы мотористов В.А.Воробьев; мотористы В.П.Телегин, И.А.Кужалкин, Д.М.Шантала, Л.Г.Пахомов, старший матрос В.Г.Ларионов; командир с/б “Типисев” У.М.Чепелиуц; командир БЧ-5 с/б “Типисев” О.И.Великанов; командир водолазного морского бота “ВМ-3” Н.И.Гузей; старшина водолазного рейдового бота “ВРД-43” А.Г.Коновалов.

Нельзя обойти вниманием и мужественные экипажи катерных тральщиков ОВР ЛенВМБ, которые постановкой дымовых завес умело маскировали район работ при артобстрелах. Прежде всего следует отметить старшину КМ-26 В.П.Морозова.

За смелость и самоотверженность, проявленные при выполнении операции по подъему канонерки “Пионер”, большой группе военнослужащих приказом командующего КБФ были вручены ордена и медали, о чем писала газета “Ленинградская правда” 27 декабря 1943 года.

Г.Г.Вербицкий

Выдача в Лиенце

Георгий Григорьевич Вербицкий родился в 1928 г. в Югославии, в городе Сремска Митровица в семье русского офицера-артиллериста, участника Белого движения. Жил с родителями в Белграде. В сентябре 1944 г. эвакуировался из Югославии, в 1945 г. чудом избежал выдачи представителям СССР в Лиенце (их с матерью спасло лишь то, что они были югославскими подданными).

В 1948 г. переехал в Соединенные Штаты Америки. В 1954 г. окончил университет в городе Сиракузы, затем в качестве инженера-электронщика долгое время работал в компании IBM. В настоящее время Георгий Григорьевич на пенсии, живет в США.

Свои воспоминания Г.Г. Вербицкий передал в редакцию журнала “Новый Часовой” и любезно согласился на их публикацию.

К концу сентября 1944 г. стало очевидно, что приходит конец пребыванию русских эмигрантов-антикоммунистов в гостеприимной Югославии. Красная армия вела наступление в двух направлениях: через Венгрию и через Болгарию, подходя к Белграду. Наши отцы, старшие братья, родные и знакомые в большинстве своем служили в Русском корпусе, который на Балканах воевал против Тито. Кстати, пора отдать должное Русскому корпусу, благодаря которому были спасены сотни и тысячи русских, живших в Югославии, — спасены от мародерства и убийства титовскими партизанами. Русский корпус спас немало и сербов, которых уничтожали хорватские усташа: корпус неоднократно вступал в бой с хорватскими воинскими частями, когда те преследовали сербов.

Белград и его окрестности стали как бы островом, где находило убежище все больше и больше русских, уходивших от партизан, Красной армии и войны. События не медлили и буквально за неделю—две был организован транспорт для отъезда всех желающих русских в Германию. Тут уместно сказать, что с этим транспортом мог уехать любой русский, независимо от того, имел ли он какое-либо отношение к Русскому корпусу. Большинство выехало; некоторые остались — или по собственному желанию, или потому, что жили в глухой провинции и не успели вовремя добраться до Белграда. Таким образом, выехали тысячи русских. Между 15 и 20 сентября (точной даты не помню) двинулся первый эшелон. Ехали в товарных вагонах, семьями, человек по 20—30 на вагон. Поезд был длинный; думаю, что было около 100 вагонов. Ехали около недели, через Венгрию на Вену, а оттуда разослали нас небольшими группами по Австрии. Наша семья — отец, мать, сестра с новорожденной племянницей и я — была направлена в небольшое село Нойхоф, недалеко от города Линц. Тут мы прожили до января 1945 г. Я работал в сельском хозяйстве, часто плечо к плечу с остовцами и поляками, угнанными на работы в Германию. Это была моя первая встреча с Россией,

с русскими “оттуда”. Много я тогда не знал, не понимал, но могу сказать, что от этих встреч, этого общения у меня остались самые лучшие воспоминания.

В январе 1945 г. снова пришлось уходить от красных, Лиля Федоровна, дочь моего дяди, доктора и профессора медицины Федора Васильевича Вербицкого, вышла замуж за Николая Николаевича Краснова-младшего, внучатого племянника известного писателя П.Н.Краснова, автора исторического романа “От Двуглавого орла к Красному знамени” и других произведений. Казачий стан и все Красновы нашли убежище в Северной Италии. Мы решили присоединиться к казакам. Путь из Австрии в Италию был тяжелым — железные дороги ежедневно бомбила англо-американская авиация, но и пешком, и поездом мы добрались до городка Толмечцо. Казачий стан принимал всех беженцев, независимо от того, были ли они казаками или “иногородними”, служили ли их родственники в казачьих частях или нет. Долго нам в Италии не пришлось пожить — пришлось опять отступать. Но тут надо несколько отвлечься и рассказать о малоизвестном начинании — о Казачьем кадетском корпусе.

В начале апреля 1945 г., незадолго до отступления из Италии и конца Второй мировой войны, всего несколько дней просуществовал Казачий кадетский корпус. Было объявлено по станицам, что в такой-то день (точной даты не помню) всем подросткам и юношам от 14 до 17 лет полагается прибыть в город Алессо для прохождения экзамена по приему в Кадетский корпус. Предполагалось начать с четырех старших классов и постепенно довести их число до полных восьми.

В первый день приема в экзаменационном зале собралось около 50 будущих кадет. Экзамен был устный, проходил быстро. В основном по классам распределяли по возрасту. Считалось, что по окончании Кадетского корпуса выпускники будут приняты в юнкерское училище, которое уже существовало при Казачьем стане и представляло собой ценное и крепкое ядро с будущим офицерским составом для казачьих частей. После экзамена все были приняты в Казачий кадетский корпус; я был определен в старший класс.

На следующее утро, встав по подъему, позавтракав, мы были разбиты на роты, и нас повели на строевые занятия. Где-то около 12 часов дня вдруг на город и на нас налетели американские самолеты, так называемые “рамы” (“P-38 Лайтинг”, как я потом узнал), и начали бомбить и обстреливать из пулеметов движущиеся цели. Налет продолжался минут 30—40. Когда налет кончился, мы пошли назад в наше здание. Подойдя, мы увидели, что здание повреждено бомбами. Нам сказали, что оно больше не годится для жилья, а другого здания нет, — и нас распустили по домам.

Через несколько дней начался общий отход казачьих воинских частей, семей казаков и беженцев из Италии. Отступление было вызвано приближением английских войск к районам расположения казачьих станиц.

Шли пешком, днем и ночью, мало спали. Итальянцы, и в частности партизаны, были рады уходу казаков; уходили, в общем без боя. В двух-трех местах партизаны попытались остановить казаков, но были быстро сметены с дороги.

Беженцы, такие как мы, шли пешком. Многие казаки и их семьи ехали в кибитках, в тех же самых, в которых ушли с родины, с Дона, Кубани и Терека, пересекли Европу. Почти год прошел с тех пор, как они нашли убежище в Италии. Теперь опять пришлось уходить, идти навстречу неизвестному. К некоторым кибиткам были привязаны коровы. Было несколько арб, в которые были запряжены верблюды. Я упоминаю об этих животных потому, что их судьба тоже оказалось страшной.

По книгам знаю, что 8 мая произошла первая встреча между казачьей делегацией и английскими военными. Выхода не было: пришлось принять решение о сдаче англичанам. Конечно, никому и в голову не приходило, что это был первый роковой шаг, который приведет к насильственной выдаче Советам, к трагедии Лиенца.

Перейдя Альпы через Плокенпас, казаки были расквартированы в долине вдоль реки Дравы, между городами Лиенц и Обердраубург. Рядом с Казачьим станом атамана Домапова, чуть восточнее, стояли кавказцы. 15-й кавалерийский казачий корпус, вышедший с боями из Югославии, стоял недалеко от города Ст. Файт, и рядом располагалась бригада генерал-майора И.Н.Кононова. В тех же краях, в месте с названием Викиринг, находился Русский корпус, также вышедший с тяжелыми боями из Югославии. Таким образом, все русские воинские части, воевавшие на Балканах против Тито и Красной армии, оказались недалеко друг от друга. К этим россиянам надо добавить части сербских националистов генерала Милована Недича, генерала Драже Михайловича и летичевцев.

В нескольких километрах от города Лиенц находился бывший немецкий военный лагерь Пеггец — примерно 20 деревянных барачков. К лагерю примыкала большая площадь, рядом с лагерем шла железная дорога. Этот лагерь был предоставлен семейным и беженцам, которые ушли с казаками из Италии. До этого лагеря дошли и мы в первых числах мая.

По пути к Лиенцу казаки сдали свое оружие. Офицерам было оставлено личное оружие, а в полках по одной винтовке на 100 рядовых. Устроившись, казаки неизменно выстраивались на утреннюю молитву. О будущем гадали и слухи ходили самые разнообразные, которые сводились к одному: англичане нас расселят по своим колониям. Начинали подумывать об организации молодежи: начала работать комиссия по набору. Помню, что меня определили “связным”, так как у меня не было военного опыта.

Как-то раз зашел к нам в барак Коля Краснов-младший, полный энергии и оптимизма. “Англичане — наши союзники, они понимают опасность большевизма. Это культурная нация, обмана не будет, выдача невозможна”, — говорил Коля. Через несколько дней пришел приказ: “сдать все оружие и офицерам, и рядовым”. Мне выпало носить собранное оружие и сдавать его англичанам. Почему-то запомнилось, что носил я по несколько винтовок сразу, заворачивая их в плащ-палатку. Для всего, что происходило, находилось “объяснение”, отвергавшее возможность выдачи Советам. Когда поступил приказ английского командования, гласивший, что 29 мая состоится конференция между офицерами Стана и англичанами, то все, за исключением единиц, в это поверили. Каждый начал приводить себя в порядок: чистили мундиры, сапоги, стараясь выглядеть как можно лучше.

Мой отец, Григорий Васильевич Вербицкий, в то время нигде не служил, но решил, что ему как белому в прошлом офицеру долг велит быть на конференции. Поехал и мой дядя, доктор и профессор медицины Федор Васильевич. Забегая вперед скажу, что поездка на “конференцию”

Григорий Васильевич Вербицкий.

Вольноопределяющийся 1 разряда 33 Артиллерийской бригады и одновременно младший кандидат на судебные должности. На груди — значок юридического факультета Киевского университета.

стоила моему отцу 10 лет ГУЛАГа, дядю англичане вернули через несколько дней в лагерь семейных и беженцев. “Как же, нельзя ведь оставить лагерь без медперсонала”, — посочувствовали англичане. Так дядя спасся от выдачи; второй раз англичанам уже не удалось его обмануть. По окончании лагерного срока моему отцу удалось вырваться из Советского Союза благодаря его настойчивости и помощи добрых людей и правительств Австрии и США: всем, кто помог отцу, отдаю низкий поклон.

Отец оставил мне записки о выдаче, о жизни в концлагере и о борьбе за выезд к нам, в США. Эта замечательная и добрая страна приняла нас в 1948 г., отец вырвался к нам в 1956. Обращаюсь к запискам отца: “Вышел приказ англичан: всем офицерам явиться на совещание. Не подозревая со стороны лиц, носящих военную форму, гнусного коварства и имея на своей ответственности жену, сына и дочь с внучкой, я решил ехать. Семье сказал, что еду к англичанам, часа на два, так как всех офицеров приглашают на совещание.

К этому времени приготовились к своего рода параду: приводилась в порядок и чистилась одежда: лонцы нашивали красные лампасы, а кубанцы и кавказцы надели черкески с казавкзскими поясами и кинжалами; лица у всех были тщательно выбриты; усердно чистились сапоги и ботинки, и приводилось в порядок обветшавшее платье. Каждому хотелось показаться в возможно опрятном виде. Подали крытые грузовики. Ничего нет подозрительного: не видно вооруженных английских солдат, и на машинах сидят одни шоферы, по-видимому со своими помощниками. Со спокойной душой садимся на скамейки в машинах. Никогда не забуду: мальчик лет восьми и две девочки лет 5—6 с громким рыданием подбежали к нашему грузовику и начали громко звать своего отца сойти к ним и не ехать. У каждого из нас мелькнула мысль: детское сердце — верный вешун. Не сошел к своим детям отец, и когда тронулся грузовик, дети продолжали бежать за ним и звать к себе отца. Отец был кадровый советский офицер, и к ним милости не было. Почти все были расстреляны по дороге в концлагерь.

Наше спокойствие продолжалось недолго. По бокам нашей вереницы машин начали все чаще и чаще появляться вооруженные английские мотоциклисты, а вскоре мы увидели и броневики. На каждую машину подбросили по два английских солдата, вооруженных автоматами. Дело ясное — нас обманули: мы в ловушке и едем не на “совещание”, а будем переданы в Советский Союз. Все оцепенели, разговор прекратился. Смертельно хочется курить, и начинается торговля с предприимчивыми англичанами: за несколько папирос, а то порой и за одну, идут часы, портсигары, кольца, медали.

Будучи уверен, что и моя семья будет выдана, я, чтобы не поддаваться искушению и попытаться бежать, забираюсь в дальний угол грузовика. В голове одна мысль: какая бы ни была моя судьба, я должен ехать туда, где я буду нужен, чтобы помочь семье. Все время настойчиво гнал от себя мысль спастись бегством. А бежать было возможно: во многих местах глухой лес подходил к самой дороге; на поворотах машины шли медленно, и, соскочив, легко можно было скрыться в лесу. Точность стрельбы при движении цели и стрелка в разные стороны — ничтожна; остронавливаться нельзя, т.к. дорога узкая, и идущие сзади грузовики неминуемо наскочили бы на идущие впереди. В одном из попутных городков была короткая острновка. Из нашей машины незаметно для охраны сошли два человека и быстро смешались с толпой зрителей — австрийцев, которые моментально закрыли их собой, оттеснив дальше. И я легко мог это сделать, тем более, что был одет в штатское. К вечеру прибыли в Шпиталь. Англичане всех загнали в лагерь, обнесенный колючей проволокой. К привезенным продуктам никто не дотронулся. Я и несколько десятков офицеров зашли в небольшой дощатый домик вблизи ворот, где и легли на пол. Конечно, мало кто заснул.

Утром, выйдя из помещения, я сразу стал свидетелем тяжелых картин: подле противоположного домика с боковой стороны стояло около 20 наших офицеров, и тут же на

Выдача казаков в Лиенце. Австрия — июнь 1945.

Художник С. Г. Корольков.

земле лежал труп казака-офицера, ночью покончившего с собой. Из окна показался Петр Николаевич Краснов, которого, спасая от англичан, несколько офицеров передали на руки стоявшим снаружи. Принявшие, моментально взяв друг друга под руки, образовали вокруг него живую стену. Разозлившиеся английские солдаты, ранив несколько человек штыками и прикладами, разорвали кольцо и, взяв Петра Николаевича, вывели его и его защитников за ворота. Там же я видел и Колю Краснова (младшего).

Вскоре на легковом автомобиле с прикрепленным к нему Русским трехцветным треугольным флажком подъехал генерал Шкуро с одним офицером. Генерал Шкуро был в черной черкеске; улыбаясь, приветствовал всех нас и спокойно направился к воротам, где к нему подошли англичане в военной форме. После этого погрузка шла без памятных инцидентов, и мы двинулись дальше навстречу своей судьбе.

Вот и навсегда запечатленный в памяти Юденбург. На другом берегу широкой высохшей реки — советские войска. Впереди неминуемые муки, и для многих из нас — лютая смерть. Машины переходят мост, мы выданы и уже в руках красных победителей.

Новые наши “хозяева” тотчас прямо с машин загнали нас в громадное помещение какого-то завода, обнесенного каменной высокой стеной. По разбросанным по полу частям немецкого обмундирования, письмам и всяким мелочам солдатского обихода можно было заключить, что до нас здесь содержались немецкие военнопленные.

Рано утром — первая регистрация “добычи”. Во дворе завода вдоль стены поставлено около десятков столиков с сидящими за ними барышнями со стопкой бланков. Я подошел к одной из них и, назвав свое имя и фамилию, заявил, что я — эмигрант с 1920 г. и гражданин Югославии. [Не все, что мой отец тут пишет, было правдой: он никогда не принимал югославское гражданство, желая остаться русским. — Г.В.] Девушка растерялась и, не регистрируя меня, встала и подошла к стоявшей невдалеке группе советских офицеров за разъяснением. Возвратившись, она не на бланке, а на отдельном листе чистой бумаги записала краткие сведения обо мне. Стало ясно, что “старые эмигранты” не подлежали выдаче, и мы являемся “бесплатной придачей” со стороны англичан.

Тотчас же после регистрации началась “судебная” расправа по-советски. Из общей массы было вызвано несколько десятков человек, и их увели. Очевидно, об этих несчастных красные заранее были осведомлены, и, по проникшим к нам слухам, все они там же были расстреляны.

Из Юденбурга нас перегнали в старинный монастырь. Здесь, впроголодь, нас продержали две недели. К монастырю все время приводили выданных, иногда целыми полками, и они располагались на большом поле, обнесенном колючей проволокой, с непрерывной цепью красноармейцев вокруг. В общем, на глаз здесь было собрано около 30 тысяч. Один из советских генералов, видя здоровых, сильных и среди них немало молодых русских, не смог удержаться от слез. На вопрос одного из наших: “Что нас ждет впереди?”, он только сказал: “Молитесь своему Богу”. Через несколько дней этого генерала уже не было.

Так как мы представляли собой “военные трофеи”, то в соответствии с этим должны были иметь и подобающий вид. Поэтому первым делом по приходе в монастырь нас всех переодели в военное обмундирование болгар, венгров, немцев и прочих побежденных народов. Само собой разумеется, эта одежда была в лохмотьях, часто в засохшей крови, с множеством насекомых, и таким образом мы действительно приобрели вид “заклятых врагов”, прошедших в боях два-три года. На этот раз не была допущена ошибка катынского злодеяния, где при расстреле польских офицеров у них предварительно не были отобраны все документы, что впоследствии дало возможность точно установить, кто, когда и кем был расстрелян. При замене одежды у нас под угрозой немедленного расстрела отобрали не только документы, но не разрешалось оставлять у себя даже какую бы то ни было бумажонку. В результате этой операции мы превратились в безымянное ничто. После переодевания все мы были разбиты на полки. Началась отправка партиями в 5—6 тысяч на станцию железной дороги, названия которой не знаю, так как грузились мы вдали от станции.

Загоняли нас в товарные вагоны, рассчитанные на “40 человек, 8 лошадей”... В каждом таком вагоне оказалось по 100 подневольных. Стоял жаркий июнь 1945 года, и накаленные солнцем вагоны представляли собой “горячие сушилки”. Когда задвинули двери, очень скоро стало не хватать и этого горячего воздуха. Мы старались использовать для дыхания каждую щель в рассохшихся стенках вагона, прильнув к ней.

Всю дорогу большая беда была с водой. Очень хотелось пить, а пить нам давали редко и мало. Из вагонов постоянно слышались крики: “Воды! Воды!”. Стучали в дверь, без всякого результата. Несколько стариков и ослабевших замертво вынесли на стоянке из вагонов. Обычно один раз в два дня на какой-либо станции гоняли несколько человек за водой. Посуды было мало, и далеко не всем хватало воды. Посланные за водой счастливы, пока не переехали границу, всегда приносили папиросы. Австрийцы бросали их в большом количестве, и более ловкие умудрялись пронести их в вагон. В этой обстановке делились последним.

Так, через щель, я и увидел родину. Сразу поразил вид сел и деревень. Избам предоставлена полная свобода — они стояли всюду совсем одинокими. Амбары, сараи и другие хозяйственные постройки, равно как и плетни и заборы, совершенно отсутствовали. Предоставленные самим себе, избы валились вправо, влево, назад, и только не вперед, где двери были заботами несчастных хозяев подперты чем угодно. Аккуратные крыши старых времен из ровной длинной соломы заменены “кудрявыми” крышами из короткой машинной соломы. Самое неприятное, что в дождь такие крыши протекают. Но из всего есть выход: по рассказам обитателей таких домов, люди приспособились и к этому осложнению жизни, и во многих областях осень и зиму семьи проводят на завешенной сверху рядом печи.

Уже по дороге я мог созерцать экономическое “процветание” страны и военную мощь, наблюдая кучи мокнувшего под дождем на открытых платформах вокзалов зерна. Рядом стояла в одинаковой степени мокнувшая баба с винтовкой. Когда поезд приходил на какую-нибудь станцию, не раз слышались бабы выкрики: “Так вот где наши мужья и сыновья! Теперь мы все знаем!”

Поезд направили сначала в Сибирь, а потом возвратили на Урал, и всю сорокапятидневную дорогу конвой не оставлял нас без забот и внимания. Чаще всего это выражалось в том, что нам приказывали раздеться догола и, как сеledок, уплотняли в одной половине вагона. По-видимому, конвой, роясь в наших лохмотьях, искал чего-либо полезного для себя или для “построения коммунизма”. Плохо приходилось тому, в чьей одежде находили что-либо режущее или колющее, вплоть до иголки или булавки.

Случалось два дня оставаться без еды. Обычно же 3 раза в день давали в жестянках из-под консервов недоваренную кукурузу. Хорошая сторона такой кукурузы была та, что ее приходилось долго жевать: получалось что-то вроде жвачки для травоядных и длительное ощущение, что ты ешь. Такая еда была во все время нашего путешествия.

Всегда мрачное настроение сменялось жутью, когда в вагоне появлялись чекисты для изъятия кадровых советских офицеров. Зная, что их ожидал расстрел без суда, одни выходили спокойно; другие бледнели, но никто из них не забывал попрощаться с оставшимися в вагоне. Ведь это было последнее пожатие дружеской руки, впереди — враги, муки и смерть от руки не знающих жалости чекистов.

На 45-й день пути нас доставили на неизвестную нам станцию назначения. Был вечер. Отцепили 12 вагонов, в том числе и наш, выгрузили и, построив по шесть в ряд, при свете факелов повели, окружив конвоем с собаками и объявив, что “за шаг в сторону — расстрел на месте”. После пятичасового, без отдыха, марша с рассветом прибыли на место. Перед нами открылись ворота из толстых досок с караулкой при них, и за ними — наш “красный уголок”, размером в 4—5 акров, с шестью бараками. Огорожен он был высокими толстыми кольями с несколькими рядами колючей проволоки. По углам стояли вышки с часовыми. За проволочным ограждением виднелись горы, высотой 500—600 метров, покрытые лесом, и сравнительно недалеко — вышки двух шахт. Бывалые люди сразу определили, что это Урал, и мы будем работать в шахтах по добыче угля, как мы очень скоро узнали”.

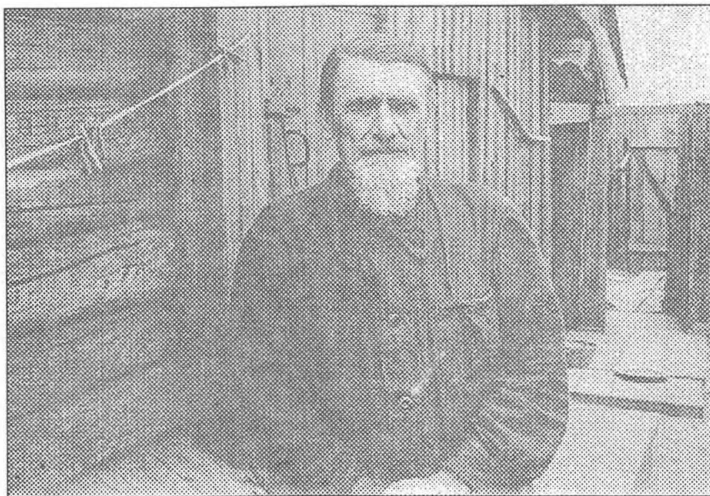
Отец продолжает описывать повседневную жизнь заключенных в советском концлагере, и повторять, что уже было сказано многими, нецелесообразно. Поэтому я опускаю эту часть. Думаю, что замечания, относящиеся к проведению допросов, имеют более широкий интерес, и поэтому я опять предоставляю слово отцу: “Переехав советскую границу, напряжением воли я приучил себя не бояться смерти. Это единственная возможность остаться человеком в звериных условиях жизни: сохранить здравый ум, сохранить внутреннюю свободу и свободу слова на бесконечных допросах следователей МГБ.

В конце не могу не вспомнить с большой благодарностью переданного вместе с нами в Лиенце пожилого еврея — бывшего присяжного поверенного царского времени, которого мы всячески оберегали от красных. Он дал мне много хороших советов, как держать себя на допросе. Все энкаведисты в большинстве случаев люди полуграмотные и тупые, и их не так трудно сбить с толку. На допросах нужно быть уверенным в себе, спокойным, выдержанным и в нужный момент самому переходить в наступление. Глубоко его жалею. Был хороший и симпатичный человек. Судьба его была трагическая — погиб в концлагере.

Кроме многих сравнительно недолгих допросов два раза меня допрашивали с применением револьвера в руке, начиная с позднего вечера по 14 часов, и в критические моменты его советы мне помогли”.

От себя должен добавить, что отец мне не назвал имя этого заключенного, который ему помог. У этого друга отца были родные в Советском Союзе, и отец не хотел хоть чем-нибудь повредить этим незнакомым, но дорогим людям. Я очень сожалею, что имя этого человека мне неизвестно. Кланяюсь его памяти за помощь моему отцу.

На этом кончаются записки моего отца, относящиеся к выдаче.

Григорий Васильевич Вербицкий.

1956 г. Изба шахтера в г. Гремячинске, Пермская область. Отсидев срок, мой отец еще год провел в Советском Союзе, пока ему не удалось выехать. Работал в сушилке для одежды шахтеров.

Отец отсидел весь срок, 10 лет, “от звонка до звонка”. Угольная шахта, где отец работал, находится недалеко от Гремячинска, в Пермской (тогда Молотовской) области. В 1956 г. отец вырвался из Советского Союза и приехал к нам, в США, и прожил с нами еще 10 лет.

Теперь надо возвратиться в лагерь Пеггек, к семейным. Ни через 2, ни через 24 часа офицеры не вернулись с “совещания”. На следующий день утром англичане объявили, что все офицеры были выданы Советам. Было также объявлено, что все оставшиеся, весь Казачий стан, и все, кто пристал к стану — беженцы, остовцы, жены, дети — будут выданы красным. Отправка начнется 31 мая, то есть через два дня. Было сразу же принято решение начать голодовку, вывесить черные флаги. На транспарантах наивно писали “Лучше смерть, чем возвращение в С.С.С.Р.” на английском языке. Английский паек был свален в кучу при въезде в лагерь. Огня никто не разводил, никто ничего не варил. Церковная служба шла без перерыва, многие исповедовались, чтобы на следующий день причаститься. К концу дня 30 мая англичане сообщили, что погрузка откладывается на 24 часа. Как пишет Н.Толстой в книге “Жертвы Ялты”, отсрочка была вызвана заявлением советских властей, что в первый день они смогут принять не больше 2 тысяч человек. Англичане объяснили задержку на сутки тем, что 31 мая — католический праздник.

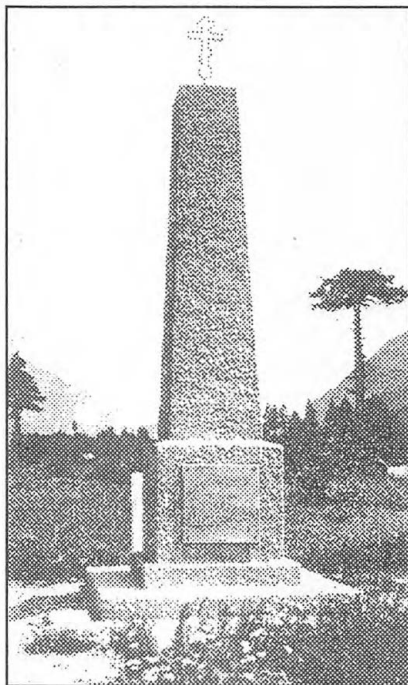
Наутро 1 июня на площади лагеря собралось несколько тысяч мужчин, женщин и детей. На середине площади шла литургия, и многие готовились принять причастие. За день до выдачи решили, что юнкера, кадеты и молодежь станут охранной цепью вокруг собравшихся и, взявшись за руки, будут противодействовать англичанам. Никто из нас, конечно, понятия не имел, как себя станут вести английские солдаты и офицеры.

Через некоторое время подъехали крытые грузовики и появились пешие солдаты. Мать, сестра с малюткой и я стояли на внешнем кругу собравшихся. Те, что стояли ближе к центру, где шла церковная служба, возможно, и не видели, что начало происходить “на окраине”. На предложение начать садиться в грузовики никто не шелохнулся. Угроза винтовками особого впечатления не произвела. Видя, что люди будут сопротивляться и добровольно грузиться не станут, англичане изменили тактику. Солдаты

вместо того, чтобы действовать в одиночку, были организованы в ударные группы, которые с разбега начали вклиниваться в толпу. Вооружены они были не только винтовками, но и дубинками. Увидя эти дубинки я подумал: “Откуда у них взялось столько рукояток для топоров?” Врезавшись в толпу, солдаты отрывали отдельных людей, не считаясь, мужчина это, женщина или ребенок, били беспощадно дубинками и тащили к грузовикам. Осталась в памяти такая сцена: старик казак с красивой белой бородой, без шапки, старается убежать от грузовика. Солдат его ударяет дубинкой по голове. Окровавленный старик падает на колени, встает и старается уйти в толпу. Такие сцены повторяются одна за другой: вклинивание солдат в толпу, избивание и попытка затащить жертву в грузовик. Одновременно шла стрельба, появились раненные пулями. Так была ранена наша знакомая по Югославии, муж которой служил в Русском корпусе. Вдруг появились танкетки и стали наезжать на людей, угрожая их раздавить. (Танкетками я называю бронированные машины с пушкой, которые ходили не на гусеницах, а на резиновых шинах.) Вся эта

огромная масса людей шарahalась, отхлынывала от наступающих англичан. Мы постепенно пробрались к мосту, не заходя в наш барак. Деревянный пешеходный мост был построен через Драву. Вместе с другими мы стали переходить через мост. На мосту стояло несколько парней в штатском, которые кричали: “Назад!”. Один из них схватил меня за горло и начал толкать в обратном направлении. Благодаря давлению людей сзади и моему сопротивлению мы его оттолкнули и перешли мост. Ясно, что эти молодчики были из советских частей, а может быть, и из “СМЕРШа”. За день до погрузки, помнится, я видел несколько людей, ходивших по окраине лагеря и явно не похожих на казаков или беженцев.

Сразу за мостом начинался лес и крутые горы. Завидя тропинку, ведущую от дороги и лагеря, мы начали по ней подниматься. И мама, и моя сестра в давке погрузки потеряли туфли и шли босиком. Поднимаясь все выше и выше, мы начали встречать казаков, одиночек и с семьями, которые, уйдя с погрузки, не знали, что им дальше делать. Мы же твердо решили уйти от Лиенца как можно дальше. Хотелось пить, внизу время от времени виднелась Драва, но спуститься к реке мы не решались. Ночь нас застала в лесу, и мы ночевали под открытым небом. Утром пошли дальше; еды у нас никакой не было. Раз нашли воду в углублении старого пня. На второй или на третий день — а может быть и на четвертый — мы поднялись к линии снега и пошли дальше, вверх. К вечеру начали искать укрытие, так как думали, что под открытым небом в горах, на снегу, мы бы замерзли. Набредли на альпийский дом для лыжников и вошли. Дом был пустой. Еды там мы не нашли — ничего съедобного, кроме кусочка

*Памятник казакам, погибшим в Лиенце
1.04.1945*

Этот памятник и сейчас стоит на казачьем кладбище у реки Дравы, в бывшем лагере Пеггек. Австрийцы причислили кладбище к своим военным кладбищам и оно ими содержится по сей день.

тухлого сала, который мы съели. Откуда-то появились австрийцы на лыжах, и мы покинули этот дом, хотя думали в нем переночевать. Пошли дальше. Племянницу мою мы несли на руках по очереди. Снег разрешил проблему с водой, но не с едой, особенно для племянницы, которой нужно было молоко.

Уже с темнотой мы набрали на маленькую будку и в ней провели ночь. На следующее утро начали спускаться и очутились недалеко от фермерского двора. Мама, которая говорила очень хорошо по-немецки, попросила еды. Всех нас доброжелательные австрийцы накормили супом, и, помнится, мы получили молока для малютки. Спускаясь, мы наконец вышли на шоссе. Там мы встретили остовца, он тоже убежал с погрузки. От него мы узнали, что нам надо остерегаться английских патрулей, которые рышут в поисках таких убежавших. Так как жить без крова, особенно с годовалым ребенком на руках, было невозможно, мы решили остановиться в одном из сел и попытаться найти там работу. Смотря на карту сегодня, я вижу, что по прямой линии от Лиенца до села Бирнбаум 30 километров. Но чтобы добраться до этого села нам пришлось перейти через Альпы, и какое расстояние мы преодолели, судить не буду.

В Бирнбауме мы нашли работу в хозяйстве местного владельца большой, четырехэтажной гостиницы. Тут я научился многому, включая — как доить коров. Надо упомянуть еще об одном происшествии, относящемся к выдаче. Жили мы на чердаке гостиницы, высоко. Как-то вечером, было уже темно, недель через 5—6 после погрузки, к нам на чердак вдруг ввалились английские солдаты и потребовали документы. У меня чудом сохранилось удостоверение об окончании 5-го класса гимназии в г. Земуне, и я на сербском, немецком и итальянском языках стал уверять англичан, что мы сербы и что скоро вернемся в Югославию. Пока рассказывал эти “небылицы в лицах”, вижу, что сестра с малюткой на руках медленно приближается к окну. Я знал, что произойдет: если англичане станут нас арестовывать, то сестра с племянницей в руках выбросится из окна. До этого дело не дошло — английские солдаты ушли. Но нашего знакомого остовца забрали из соседнего дома. Пишу я об этом происшествии потому, что даже сегодня, 50 лет спустя, меня поражает тогдашняя готовность англичан выслужиться перед Советами. “Охота за черепами”, с некоторыми изменениями, продолжалась до 1947 года!

Через несколько месяцев мы услышали от австрийцев, что в соседних лесах работают какие-то русские, по-видимому, военнопленные. Встретившись с этими русскими, мы узнали, что это чины Русского корпуса, которых англичане послали на лесные работы. По каким-то своим политическим причинам англичане не выдали Русский корпус Советам. Вскоре мы присоединились к Корпусу, сначала живя в самодельных шалашах, а потом, с приходом зимы, все мы были перевезены в лагерь Келерберг. Таким образом Русский корпус еще раз спас и нас, и многих других россиян, которые присоединились к Корпусу, попали под его защиту. Еще много мытарства ждало нас впереди, но рассказ о дальнейших судьбах выходит за рамки трагедии Лиенца, и поэтому мое повествование подходит к концу.

В заключение нельзя обойти молчанием участь казачьих коней и верблюдов. В короткой заметке “Лиенц” в журнале “Заря” № 6 (Париж, 1985) А.Николаев пишет следующее со слов Кузьмы Федоровича Костромина, казака 1-го Донского полка: “Бульдозерами англичане копали огромные траншеи, загоняли туда коней и расстреливали их из танковых пулеметов...”

Юзкин Михаил Капитонович, юнкер офицерского училища: “За всю войну мне не приходилось видеть более страшного... ревели верблюды... дрожали и бились лошади в загонах в ожидании своей участи...” А.Николаев приводит следующие цифры расстрелянных животных: 8000 лошадей, 15 верблюдов с тремя верблюджатами.

В. Н. Смирнов

Капитан Лукин — легенда русского флота

“Край чудный и удивительный — Россия. Нигде нет людей столь крепких физически, нравственно высоких...” — писал Николай Бестужев в начале XIX в. А в конце минувшего столетия доктор В.Ф.Краевский, прозванный уже современниками “отцом русской атлетики”, предсказывал: “Я уверен, что за тяжелой атлетикой в России большое будущее. Такой массы исключительно сильных людей, мне кажется, нет ни в одной другой стране”.

Действительно, освоить одну шестую часть планеты, многие просторы которой отличаются довольно суровым климатом, мог только очень сильный народ. В этой массе физически крепкого народа, естественно, были и свои герои, выделявшиеся даже на этом фоне исполинской силой. Народ, почитающий силу, относящийся к ней с особым почтением и даже восхищением, конечно же, сохранил в памяти имена многих своих богатырей.

XVIII в. в России, начавшийся с Северной войны, прошел весь в баталиях, перемежавшихся с годами тишины, закончился походами А.В.Суворова. Столько войн за одно столетие могли выдержать и побеждать в них только очень сильные не только духом, но и телом люди. Незаурядной физической силой обладали царь Петр I, братья Орловы (особенно Алексей), генерал В.Г.Костенецкий и многие другие. Но даже на этом фоне XVIII в. представил нам уникального силача, легенды о котором, как и об античных олимпийцах, прошли сквозь столетия, и в предверии 300-летия российского флота нельзя не вспомнить об этом удивительном человеке. Это капитан русского флота, легендарный силач, прозванный “русским геркулесом”, Дмитрий Александрович Лукин.

Известно, что один из предков Лукина — “птенец гнезда Петрова” — Тихон Лукин стоял у колыбели российского флота, активно участвовал в его создании и был послан в конце XVII в. в Голландию учиться морскому делу. Дмитрий Александрович Лукин родился в 1770 г. и, сохраняя морскую традицию, поступил в морской корпус кадетом (1776 г.). В 1785 г. произведен в гардемарины и последующие три года ежегодно был в плавании на Балтийском море. В 1787 г. произведен в мичманы.

В этот год Турция начала военные действия против России, вознамерившись вернуть Крым и другие территории. В свою очередь, в 1788 г. Швеция, решив воспользоваться моментом, с целью вернуть бывшие владения в Прибалтике и захватить Петербург, объявила России войну. В этой войне и получил боевое крещение мичман Лукин. С началом боевых действий он на военном корабле “Александр Невский” совершает дальний переход из Архангельска в столицу датского союзника Копенгаген. Корабль

Лукина “был в крейсере”, т.е. нес разведывательную и сторожевую службу. Вскоре, получив чин лейтенанта, Лукин на корабле “Святой Иануарий” отправляется к шведскому мысу Гангут, а в 1790 г. на фрегате “Брячислав” участвует в Красногорском и Выборгском сражениях, после чего произведен в капитан-лейтенанты (1 июля 1790 г.).

В мирные годы Лукин продолжал службу на флоте, много плавал на Балтике, командовал клипером “Меркурий”, побывал во многих европейских городах и два года по делам морской службы провел в Англии.

Наступил XIX век. Россия снова, уже в составе третьей и четвертой коалиции европейских государств, вынуждена вести боевые действия против Франции (1805—1807 гг.). Русско-турецкая война (1806—1812 гг.) снова потребовала от России вмешательства в средиземноморские дела. В 1805 г. с целью обороны Ионических островов, служивших базой русского флота, и для удара по Константинополю, из Кронштадта вышла русская эскадра под командованием вице-адмирала Д.Н.Сенявина. В составе эскадры был и корабль “Рафаил”, которым командовал капитан Лукин. Эскадра Д.Н.Сенявина два года вела боевые действия в Средиземном море против французов, а с началом русско-турецкой войны (1806—1812 гг.) вышла в Архипелаг для борьбы с турецким флотом.

В мае 1807 г. русские моряки одержали победу в Дарданельском сражении, а 19 июня того же года нанесли турецкому флоту сильное поражение в Афонском сражении. Корабль “Рафаил”, по замыслу Д.Н.Сенявина, вместе с кораблем “Сильный” должен был атаковать флагманское неприятельское судно паши Сейит Али. Флагман турецкого флота был выведен из строя, в чем немалая заслуга “Рафаила”, к сожалению, потерявшего своего капитана. Лукин был буквально разодран ядром. Вспоминая Лукина, генерал В.Г.Костенецкий (кстати, тоже обладавший колоссальной силой) говорил, что он “погиб так, как дай Бог каждому погибнуть — героический конец принял за святую Русь, во время боя”.

И все-таки лишь служба на флоте и даже героическая гибель Лукина вряд ли бы оставили его имя в памяти потомков. Ведь храбрых офицеров, прекрасно знавших свое дело, в русском флоте было немало. Именно необычная, пожалуй даже чудовищная, сила капитана Лукина, так восхищавшая современников и потомков, оставила его имя в истории.

Популярность капитана Лукина в русском флоте была необыкновенная. О легендарном силаче рассказывали в своих произведениях русские литераторы В.Б.Броневский, А.Я.Булгаков, Ф.В.Булгарин, П.П.Свиньин, адмирал П.И.Пинафидин, граф В.А.Сологуб, декабристы Н.И.Лорер, М.А.Бестужев, историк М.И.Пыляев и другие.

Как и многие сильные люди, капитан Лукин был очень скромным человеком и не только никогда не хвастал своей геркулесовой силой, но даже не любил ее демонстрировать. Делал это неохотно и лишь тогда, когда его об этом просили: “Только в веселый час и то лишь в кругу близких знакомых”. И, несмотря на это, сведения о его могучей силе проникли даже в его послужной список, где обычно строго фиксировались лишь сведения о прохождении офицером службы: присвоение чина, участие в сражениях и плаваниях, награждение орденом. Заканчивается этот официальный документ необычной формулировкой: “Отличался необыкновенной силой, о которой между моряками много рассказов”.

По свидетельству современников, многие из которых были лично знакомы с капитаном, служили вместе с ним на флоте и оставили нам свои воспоминания, Лукин был “посредственного роста, широк в плечах, и грудь его твердостью похожа на каменную, и все тело необыкновенно плотно”. Опыты силы его производили изумление... Например, с легким напряжением сил ломал подковы, мог держать пудовые ядра в

распростертых руках, шканечную пушку со станком одной рукой поднимал на отвес, одним пальцем вдавливал гвоздь в корабельную стену”.

Удивительная сила капитана Лукина не только восхищала современников, но и служила примером к подражанию, в частности Н.А.Бестужеву, в семье которого знаменитый силач был частым гостем. В детстве Николай Бестужев был слабым ребенком, но уроки Лукина сделали его очень сильным физически. М.А. Бестужев, уже после смерти старшего брата в 1855 г., писал историку М.И.Семевскому: “Мудрено ли, что такая оригинальная личность, как личность капитана Лукина, подействовала обаятельно на живое, впечатлительное воображение ребенка и была причиной в решительном избрании поприщем жизни — морскую службу”.

Не случайно, что именно в семье Бестужевых сохранилось множество рассказов о незаурядной физической силе капитана Лукина. “Однажды Лукин предложил: “Пошли кататься на коляске!” — рассказывал Николай Александрович. Все дети, в том числе и я сам, радостно закричали: “Пошли кататься, пошли кататься!”. Детскому счастью не было предела, когда все с хохотом забралось в нее, а Лукин еще подсадил и маму, затем впрягся в оглобли и... начал возить коляску по двору.

В другой раз Лукин провожал нашу матушку (Прасковью Михайловну) до кареты. Дверца захлопнулась, кучер взгромоздился на козлы, тронул вожжами:

— Но, залетные, пошли!

Лошади было рванулись, но тут же стали. Что за чертовщина! Кучер дал лошадям кнута. Они дернулись, напряглись и вновь — ни с места. Кучер испуганно начал креститься, затем замахал кнутом. Матушка, видя что кучер хлещет лошадей, те становятся дыбом, но с места двинуться не могут, решила было, что те взбесились, и в испуге хотела было выпрыгнуть из кареты. И лишь я надрылся со смеху, ибо все наблюдал со стороны: Лукин за колесо удерживал карету. Целая упряжка лошадей не могла сдвинуться с места!

Как-то при посещении одного из своих друзей, не застав его дома, Лукин сказал денщику, встретившему его с железною кочергою, которою выгребал из печи угли: “Скажи, что я был”,

— Но кто вы, ваше высокоблагородие? — возразил денщик.

— А, ты не знаешь, кто я такой? Вот отдай эту цыдулку. — Лукин взял железную кочергу, завязал ее узлом и отдал денщику.

— Отдай барину, он узнает, кто был.”

Семья Бестужевых, пожалуй, единственная, где Лукин мог рассказывать о своих приключениях, а свидетелем некоторых из этих эпизодов был и старший брат Николай.

Но многие знали о неимоверной силе капитана лишь понаслышке и не из первых рук. Насколько Лукин был силен, настолько скромен. Вот как описывает С.П.Жихарев свою встречу с Лукиным на одном из званых вечеров. “...Были адъютант государя П.А.Кикин и капитан Лукин, известный силач. Первый говорил со мною о литературе и профессорах..; а последний — тихий и скромный моряк: все сидел и молчал у карточного стола; сколько молодой Всеволожский ни заговаривал с ним о силе и ни рассказывал ему о прежней чудесной силе графа А.Г.Орлова, у которого Всеволожские домашние люди, Лукин ни слова о себе и за ужином говорил только о посторонних и самых обыкновенных предметах, например, что Москва обильна красавицами и богата радушием” (Жихарев С.П. Записки современника. Л., 1989. Т.1. С.51).

Удостовериться в необыкновенной силе Лукина пришлось и царской семье. Императрица Мария Федоровна, узнав о необыкновенных способностях капитана Лукина, пригласила его к себе во дворец в Павловске. Привез в царские покои знаменитого

силача бывший его дворовый человек, а ныне лейб-кучер императора Александра I Илья Иванович Байков, подобно своему бывшему хозяину тоже обладавший громадной физической силой и на склоне лет любивший вспоминать и рассказывать о феноменальной силе своего барина, с которыми они когда-то вдвоем побили целую шайку разбойников где-то на постоялом дворе.

За обедом во дворце Лукин, верный себе, говорил мало, больше слушал.

— Наш посол в Лондоне сообщал о ваших подвигах силы, — сказала Мария Федоровна. — Почему вы нам не покажете какое-нибудь чудо?

Просьба была больше похожа на приказ и капитан, не желавший выставлять себя напоказ, все же его выполнил. Бесцеремонность императрицы, по-видимому, задела Лукина. Поднявшись из-за стола и оглядевшись, он увидел на столе роскошный серебряный сервиз — приданое Марии Федоровны, предмет ее особой гордости. Лукин взял две массивные серебряные тарелки, свернул их в дудочку и поднес государыне. Свернуты они были с такой силой, что невозможно стало определить, что это было первоначально. Лицо императрицы вытянулось.

В другой раз свидетелем силы Лукина был уже сам Александр I. Перед уходом эскадры вице-адмирала Д.Н.Сенявина во Вторую Архипелагскую экспедицию из Кронштадта царь посетил корабль “Рафаил”, которым командовал Лукин. На вопрос императора, почему он так грустен, Лукин ответил, что у него недоброе предчувствие: “Не вернуться мне более на родину...” Стараясь ободрить его, Александр сказал несколько добрых слов и попросил оставить ему что-нибудь такое, что напоминало бы о силе могучего капитана. Лукин достал из кармана серебряный рубль, без всякого труда, словно из воска, слепил из него чашечку и протянул царю.

Восторженные рассказы о могучем капитане ходили не только по всей России, но его знали во многих европейских городах, где он бывал во время зарубежных плаваний, и оставил там о себе самую восторженную память.

На Крите на него напала шайка вооруженных бандитов. Но после того, как силач оторвал от стола тяжелую мраморную столешницу и швырнул ее в налетчиков, последние врассыпную разбежались.

В другой раз, прогуливаясь с собакой, он подвергся нападению двух грабителей, один из которых приставил к его груди пистолет.

— У меня нет денег, но я отдам вам дорогие часы, — сказал он и сунул правую руку в карман, делая вид, что достает часы, но левой в тот же миг неожиданно отвел пистолет и крепко сжал кисть бандита вместе с рукоятью пистолета. Грабитель взвыл от жатия. Второго грабителя опрокинул на землю хорошо обученный пес. Незадачливых и изрядно пострадавших разбойников Лукин отпустил, посоветовав “в другой раз быть осторожнее”. Себе же на память оставил пистолет, у которого оказались изогнуты и смяты курок и спусковая скоба.

Но особенно большой популярностью капитан Лукин пользовался в Англии, что не случайно, ибо характер британцев заставлял их особенно высоко ценить силу, смелость, хладнокровие. В одном из портовых трактиров Лукин после обеда прошел в бильярдную посмотреть на игру. Заказав себе стакан пунша, поставил его на подоконник открытого окна. После завершения азартной бильярдной партии он обнаружил свой стакан совершенно пустым. Заказал второй и снова поставил на прежнее место. Когда он отошел к бильярду, то увидел, как к стакану, крадучись, подошел некий джентельмен, выпил пунш и быстро отошел прочь. Ссориться капитану не хотелось и он снова приказал принести себе пунша, но на этот раз уже целый ковш. Подойдя к шутнику с этой вместительной чашей, произнес: “Не угодно ли вам выпить и это? Покорно прошу вас”. Посетители трактира не знали истинных причин происходящего,

а джентельмен, изображая оскорбленную невинность, сказал Лукину какую-то дерзость, за что капитан окатил нахала пуншем. Возмущенные посетители подступили к Лукину, который, готовясь к схватке, встал спиной к стене у раскрытого окна. Первого же, выступившего вперед в боксерской стойке, он ухватил поперек туловища и легко вышвырнул в окно. После неудачи второго в схватке с Лукиным англичане заняли оборонительную позицию и решительно потребовали от него объяснений. Объяснения были даны, и Лукин был признан правым. На другой день лондонские газеты рассказали про чудеса русского силача.

В своих воспоминаниях Свиньин и Булгарин красочно описали эпизод в порту британского города Чернез, куда зашел корабль “Память Евстафия”. Здесь дюжине матросов во главе с капитаном Лукиным противостояла толпа английских солдат и матросов. Русские матросы предусмотрительно построили кулачную “стенку”. Словно былинный герой, Лукин перехватил кинувшегося на него английского моряка, поднял над головой и швырнул в толпу англичан, сбив с ног сразу несколько человек. От обороны лукиновская стенка вскоре перешла к наступлению и все сильнее и сильнее теснила противников, которые в конце концов бежали, оставив тяжело нокаутированных и матросские шляпы. “На другой день подано было на Лукина несколько десятков просьб за увечье, и подвиг сей приумножил к нему почтение английских моряков”. Эти подвиги не оставили равнодушными британцев, которые издавна, имея спортивный характер, не могли смириться с мыслью, что есть мощный атлет, с которым они еще не померились бы силами и не доказали бы своего почетного превосходства над ним. Лукин был вызван на боксерский поединок одним из лучших боксеров-любителей округи. Он никогда не обучался боксерскому искусству, но все же принял вызов, выдвинув встречное условие, что после первого боя он сразу же будет драться еще с тремя боксерами поочередно. Капитан одолел своих 4-х соперников. Точно выбрав момент, он ловко ухватывал их за пояс и швырял через себя, после чего ни одни из них не смог продолжать бой.

Лукин был поистине удивительный, единственный в мире боксер, который опасался не кулаков противника, а своих собственных. В любом поединке он старался не наносить ударов своим противникам, а причиной был невероятный случай. В молодости на одной из улиц ночного Петербурга грабители пытались сорвать с него плащ и Лукин, придерживая плащ одной рукой, другой же, даже не оборачиваясь и не очень сильно, ударил нападавшего в лицо. Этого оказалось достаточно для того, чтобы грабитель со сломанной челюстью замятво рухнул на мостовую. После этого случая Лукин дал себе слово никогда не пускать в ход кулаки и твердо придерживался этого правила даже в боксерских поединках.

Ю.Л.Коршунов

Последний Генерал-Адмирал (Великий Князь Алексей Александрович)

Звание Генерал-Адмирала в России ввел Петр I. Первым Генерал-Адмиралом в 1708 г. стал граф Ф.М.Апраксин. В 1762 г. генерал-адмиральский чин Екатерина II пожаловала своему сыну, 8-летнему царевичу Павлу Петровичу. С этого времени Генерал-Адмиралами становятся только представители царствующей династии. Так, в 1881 г., сменив своего дядю, крупнейшего реформатора отечественного флота Велико-

Великий Князь контр-адмирал Алексей Александрович (1878 г.)

го Князя Генерал-Адмирала Константина Николаевича, во главе флота России встал Великий Князь Алексей Александрович. На этом посту он пробыл 24 года. Чем закончилось его генерал-адмиральство известно — цусимской трагедией. Это по существу и определило наше отношение к последнему Генерал-Адмиралу. О нем практически просто забыли. Трагедия Цусимы как бы заслонила его от нас. Справедливо ли это? Несомненно! И тем не менее Генерал-Адмирал Алексей Александрович был. И не просто был, но почти четверть века возглавлял флот России. Что же представлял он собой?

Четвертый сын императора Александра II, брат императора Александра III Великий Князь Алексей Александрович родился 2 января 1850 г.* По воле деда императора Николая I мальчик в день своего рождения был зачислен в “в Гвардейский экипаж, т.е. с рождения[...] предназначен к морской службе”¹. Чины Великим Князьям шли не как простым смертным. В 7 лет Алексей становится уже мичманом. Впрочем, и в свое первое плавание он уходит намного раньше своих сверстников.

Когда Великому Князю исполнилось 8 лет, воспитателем к нему был назначен капитан I ранга К.Н.Посыет. Высокообра-

* Здесь и далее даты приведены по старому стилю.

зованный моряк, путешественник, участник знаменитого плавания Е.В.Путятина в Японию на фрегате “Паллада” К.Н.Посыет становится на многие годы учителем и наставником будущего Генерал-Адмирала. С его приходом у Алексея начинаются регулярные зимние занятия. Естественно, учителей подбирают самых лучших.

Не теряется попусту и летнее время. Юного моряка знакомят с “живой практической стороной морского дела”. В сопровождении К.Н.Посыета он “посещает на военных судах [...] окрестности Петербурга, потом пределы его плаваний постепенно расширяются”². Послужной список Великого Князя свидетельствует о многих походах, совершенных им не то что в юношеские, — в детские годы: “1860 г. — из Петергофа на яхте “Штандарт” ходил в Либаву, а оттуда на пароходе “Смелый” в финляндские шхеры, [...] 1861—1863 гг. — на яхте “Забава” под флагом контр-адмирала Посыета ежегодно крейсеровал в Финском и Ботническом заливах, [...] 1864 г. — на фрегате “Светлана” под флагом того же контр-адмирала имел практическое плавание в Финском заливе и Балтийском море, [...] 1866 г. — на фрегате “Ослябя” [...] находился в практическом плавании по Балтийскому, Немецкому морям и Атлантическому океану, посетил Копенгаген, [...] Лиссабон, остров Мадейру, Азорские острова, [...] 13 сентября произведен в лейтенанты. 1867 г. — на фрегате “Александр Невский” [...] в должности вахтенного начальника плавал в Средиземном море и Атлантическом океане, посетил острова Зеленого мыса и Канарские, порты Мессину, Мальту, Пирей”³. Так, начав еще в детские годы “знакомство с удовольствиями морской жизни”, Алексей Александрович постепенно втягивается в настоящую морскую службу. В 17 лет он уже исполняет штатную офицерскую должность вахтенного начальника. Впрочем, к этому времени Великий Князь уже плавал седьмую кампанию.

Заметим, что несмотря на безусловно особые бытовые условия, создаваемые Великому Князю на корабле, в служебном отношении его плавание было практически тем же, что и для всех офицеров. Те же вахты, якорные и ходовые, те же учения, парусные, артиллерийские, абордажные, те же авральные работы и даже общеобразовательные занятия с “нижними чинами”, кстати, впервые введенные Генерал-Адмиралом Константином Николаевичем. Да и море не делало разницы между теми, кто плыл на корабле. Ветер, дождь, шторм для всех были одинаковы.

Другое дело на берегу. Здесь Великий Князь был во всех отношениях персоной особой — членом “августейшей семьи”, а на официальных приемах, особенно за рубежом — личным представителем императора. Двоюродный брат будущего Генерал-Адмирала, Великий Князь Александр Михайлович, тоже моряк, так писал о своих взаимоотношениях с командиром: “на борту корабля — он мой неограниченный начальник, но на суше он должен становиться передо мной во фронт”⁴. Таковы были традиции, таковы были порядки. Выполнялись они неукоснительно.

Впрочем, вернемся к нашему герою. Под руководством неугомонного К.Н.Посыета в плавание Великий Князь уходит ежегодно. Так, в 1868 г. состоялись его путешествие на юг России и первый поход вокруг Европы. “Государю Императору, — писал К.Н.Посыет, — благоугодно было утвердить следующее распределение [...] плавание [...] 8 мая Его Высочество оставляет Петербург по Николаевской железной дороге, чтобы в Твери сесть на пароход и спуститься по Волге до Астрахани. [...] Плавание по Каспийскому морю с заходом в Петровск, Баку и [...] Астробад возьмет более недели, переезд через Кавказ [...] около двух недель. Так что в Поти Великий Князь может быть [...] 20 июня. Если к этому времени фрегат “Александр Невский” прибудет в Поти, [...] он пойдет [...] в Константинополь, Афины и на Азорские острова. В Кронштадт я буду стараться прибыть к 1 сентября”⁵.

Как учитель, К.Н.Посыет был строг и требователен. Знакомство с обширным хозяйством Астраханского и Бакинского портов проходило не то что тщательно — скру-

Адмирал К.Н.Посьет.

пулезно. В Астробаде после осмотра береговых сооружений состоялась "гонка гребных судов под парусами и веслами, во время гонки [...] Великий Князь находился сам на руле одной из шлюпок"⁶.

Что касается плавания на "Александр Невском", то проходило оно строго по плану и завершилось бы в намеченные сроки, если бы... Если бы в Северном море не произошла катастрофа. Во время шторма у Ютландского побережья фрегат врезался в отмель. Вот как докладывал об этом командир фрегата: "Я вдруг увидел в правой стороне черную полосу близ фрегата и тотчас же скомандовал "Право на борт! [...] но в тот же момент фрегат сильно ударился кормой, а волна, ударяя в левый борт, вкатилась на шканцы. [...] Это случилось в 2 1/2 часа утра. [...] Вслед за первым ударом последовал второй еще сильнее, а потом и третий. Адмирал, все офицеры и команда выбежали навверх моментально. [...] Сила ударов, свежесть ветра [...] и близость берега [...] не позволяли сомневаться, что нет ни малейшей надежды снять фрегат. [...] Надлежало немедленно готовить сред-

ства для своза команды. [...] Адмирал приказал рубить мачты. Это было исполнено. [...] В это же время лейтенанты: Его Императорское Высочество Алексей Александрович, Ден, Вишилов и прочие офицеры [...] занимались устройством плотов, порученных их командованию. [...] Наконец начался давно желанный рассвет и мы увидели себя [...] в расстоянии 2 1/2 кабельтовых от низменной косы, на которую выкатовались громадные буруны[...]"⁷. Попытка спустить шлюпку и завести трос на берег закончилась трагедией — погибли два офицера, квартирмейстер и два матроса. Наконец трос завести удалось. "Около 1 часа пришла к фрегату спасательная лодка. [...] Я отправил на ней больных и лейтенанта Тудора, который знал шведский язык. [...] На предложение генерал-лейтенанта Посьета отправиться на катере [...] Алексей Александрович положительно отказался, не желая оставить фрегат из первых"⁸. Только когда связь с берегом была налажена и начался своз команды "Его Императорское Высочество видя, что есть надежда спасти и других, согласился уехать. [...] Около 6 1/2 часа вечера команда была [...] переправлена. Тогда адмирал и я обошли все палубы и убедившись [...] по состоянию фрегата, что бесполезно оставаться на нем далее, решили оставить его. [...] На берегу адмирал был встречен [...] командою, стоявшей во фронт[...] и тотчас же приказал отслужить благодарственный молебен, а затем панихиду по погибшим товарищам"⁹. Заметим, что гибель "Александра Невского" отнюдь не изменила планов Великого Князя. Как моряк он уже состоялся.

В свое очередное плавание Алексей Александрович уходит в 1870 г. На этот раз по северным морям. Путешествие началось переходом по Мариинской системе на паровом катере Гвардейского экипажа из Петербурга в Архангельск. Надо заметить, что к этому времени Великому Князю исполнилось 20 лет. Он стал совершеннолетним. По

традиции это событие отмечалось принятием двух присяг: военной и “клятвенного обещания Великого Князя Российского Императорского Дома”. Очевидно, этим и объясняется, что короткая остановка в Архангельске помимо познавательных целей имела еще и представительские. Ведь представлять царствующую династию, а за рубежом и Россию, тоже надо было уметь. Будущий Генерал-Адмирал учился и этому.

Программа пребывания в Архангельске была насыщенной: 26 июля — осмотр воспитательных заведений: мужской и женской гимназий, семинарии, женского духовного училища, приюта Св. Петра, немецкого училища и детского приюта. После обеда — городской летний сад, где “Великий Князь изволил пробыть 1 1/2 часа, милостливо приняв участие в танцах”; 27 июля — “выставка мануфактурных и сельскохозяйственных произведений Архангельской губернии”, типография, военно-окружной суд со слушанием дела “о матросе [...], судившемся за нанесение оскорбления-офицеру”¹⁰, смотр пожарной команды и подробное знакомство с Архангельским адмиралтейством; 28 июля — после воскресной литургии в Кафедральном соборе гонка частных гребных судов. Последний заезд особенно привлек внимание “Его Высочества — [...] гребцами в нем находились поморские женщины. Призы состояли из серебряных часов для рулевых в мужском отделении и золотых серег в женском [...]”¹¹.

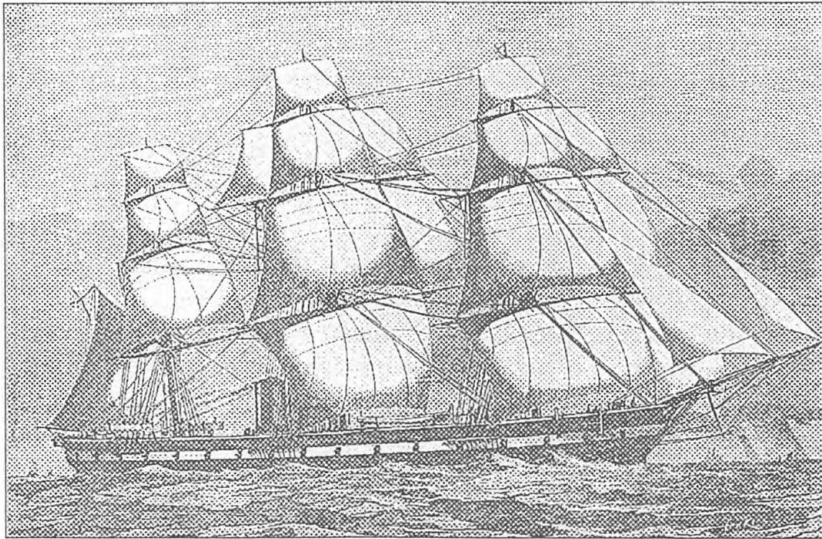
Вскоре небольшая эскадра покидает Архангельск. Великий Князь идет вахтенным начальником на корвете “Варяг”. Север есть север. “С выходом в море, — писал К.Н.Посъет, — мы [...] встретили дурную и сырую погоду”¹². Зато увидеть предстояло многое: Соловецкие острова, Новую Землю, мурманское побережье с заходом в Кольский залив, порты северной Норвегии и, наконец, Исландию. В Кронштадт “Варяг” возвратился в конце сентября.

Менее чем через год Алексей Александрович снова уходит в свое очередное плавание, на этот раз самое продолжительное. Готовился официальный визит в США. Его главная цель заключалась в дальнейшем укреплении традиционно дружественных отношений между двумя великими державами. Делегацию России возглавлял сын царя. Впрочем, была и вторая цель — знакомство с постановкой военно-морского дела в Соединенных Штатах, с новейшими достижениями американской науки и техники. Командующим эскадрой шел вице-адмирал К.Н.Посъет, флагманским кораблем — фрегат “Светлана”.

Отплытие состоялось 20 августа 1871 г. Накануне вечером “Светлану” посетил царь. Осмотрев фрегат, он простился с “августейшим сыном” и пожелал всем счастливого плавания. На следующий день рано утром “при ясном небе и тихом ветре отряд [...] снялся с якоря и, сопровождаемый лучшими пожеланиями товарищей, скрылся из виду”¹³. Первую ходовую вахту на “Светлане” нес командир фок-мачты лейтенант Алексей Романов. Атлантику пересекали по тропикам. Мягкая погода способствовала сохранению здоровья команды. Однако испытать нрав океана все же пришлось сполна. Первые признаки урагана появились 13 ноября. Шел проливной дождь, барометр падал. Фрегат летел под всеми парусами. К вечеру ветер достиг ураганной силы. Как писал К.Н.Посъет, качка была настолько “велика, что редко приходилось испытывать подобную. Ни один кренометр не в состоянии был показать настоящую величину размахов, т.к. стрелки далеко выходили из делений”¹⁴. Впрочем, экипаж и корабль экзакмен выдержали.

Шумно и празднично было на улицах Нью-Йорка 21 ноября 1870 г. Русских моряков приветствовали тысячи горожан. Как писала одна из газет, “никто до сих пор не изведывал такого выражения симпатий [...] Не выражается ли всем этим наша благодарность России за то, что она была нашим самым верным другом во время недавней междуусобной борьбы”¹⁵.

На следующий день Великий Князь и сопровождающие его лица выехали в Вашингтон. Предстоял прием у Президента. По пути на вокзалах Филадельфии и Балти-

Фрегат "Светлана".

моры гостей приветствовали тысячные толпы. Симпатии с некоторой долей любопытства к представителям далекой, загадочной, но дружественной страны проявлялись по-американски откровенно и бурно.

Президентский прием состоялся в Синем зале Белого дома. Гости встречали президент У. Грант с семьей, государственный секретарь и морской министр. Как писали газеты, прием был "сердечным [...] и традиционным". Во время беседы президент заметил, что Великий Князь "совершенно свободно выражается по-английски".

Путешествие после приема продолжалось. Русским морякам предстояло проехать по северо-американскому континенту более 10 тыс. км увидеть десятки городов. Из Вашингтона их путь лежал на север: Бостон, Монреаль, Оттава, канадская сторона Ниагарских водопадов; затем — на юго-запад: Детройт, Чикаго, Канзас-Сити и далее к Скалистым горам в Неваду и Колорадо. Встречали гостей повсюду восторженно.

С чем знакомился Великий Князь? Вот лишь несколько его посещений: военноморская академия в Аннаполисе, военная академия в Вест-Пойнте, Гарвардский университет, машиностроительный завод в Спрингфилде, судостроительные верфи в Филадельфии, адмиралтейство в Чарльстоне и т.д. Конечно, были и приемы, и балы, к которым, кстати, Алексей Александрович весьма благоволил. На завершающем этапе путешествия вождь одного из индейских племен пригласил русскую делегацию принять участие в охоте на бизонов. Охотниками русские оказались удачливыми. Во главе кавалькады ехал Великий Князь. У него "за поясом заткнут русский охотничий нож и револьвер Смит и Вессон, [...] подаренный незадолго до охоты и украшенный гербами России и Соединенных Штатов"¹⁶.

Обратный путь к Мексиканскому заливу лежал через Мемфис и Новый Орлеан. Когда делегация прибыла в Пенсоколу, на рейде ее уже ждали пришедшие из Нью-Йорка и готовые к отплытию корабли. 29 января 1872 г. эскадра покинула гостеприимные Соединенные Штаты. Первая дипломатическая миссия будущего Генерал-Адмирала прошла успешно.

Между тем плавание "Светланы" продолжалось. Впереди были Гавана, Рио-де-Жанейро, мыс Доброй Надежды, Индийский океан, Сингапур, Япония, Китай, путешествие вглубь Китая по реке Янцзы. Эту часть плавания Великий Князь совершал уже в должности старшего офицера фрегата. Телеграмму о его новом назначении получили

в Гаване. 1873 г. “Светлана” встречала на рейде Иокогамы, а 2 января, в день своего рождения, Алексей Александрович стал капитаном 2 ранга. Во Владивосток он прибыл 4 мая. Двухмесячное путешествие по Сибири “сухим путем” — и он в С.-Петербурге. Всего на этот раз плавание и путешествие по Америке, Китаю и Сибири заняло почти два года. В столице Великого Князя ждало назначение исполняющим обязанности командира Гвардейского экипажа и чин капитана 1 ранга. Самое знаменательное событие в жизни Алексея Александровича как моряка произошло 18 февраля 1874 г. — он стал командиром фрегата “Светлана”. 2 июля 1874 г. он уходит в свое первое самостоятельное плавание. Продолжалось оно недолго, всего три месяца, да и дальше Балтики молодого командира не пустили. Зато на следующий год — 15 мая 1875 г. — “Светлана” вновь покидает Кронштадт, на этот раз надолго. Полтора года Великий Князь плавает “сам командир”, как писалось тогда в послужных списках, в Атлантике и Средиземном море. Однако случилось так, что к середине 1876 г. резко обострилась обстановка на Балканах. В связи с назреванием русско-турецкой войны 1877—1878 гг. возникла угроза конфликта с Англией. В этой ситуации вновь вспомнили о крейсерской войне в океане. Базировать крейсера планировалось в портах Соединенных Штатов. Как и в 1863 г., срочно формируются две эскадры: Атлантическая и Тихоокеанская. Командующим Атлантической эскадрой назначается контр-адмирал И.И.Бутаков (брат знаменитого адмирала Г.И.Бутакова), а его флагманским кораблем становится “Светлана”.

11 ноября 1876 г., приняв полные запасы по нормам военного времени, “Светлана” берет курс на запад. На этот раз в Америку шли не просто с визитом, готовились к войне. Гибралтар проходили ночью в полной боевой готовности — орудия заряжены, прислуга у орудий, адмирал и “августейший командир” на мостике. В канун нового 1877 г. “Светлана” отдала якорь на Норфолкском рейде.

В Соединенных Штатах русские эскадры оставались более четырех месяцев.* Это было время не только проявления традиционной дружбы между Россией и США, но и постоянной готовности к войне с Англией. Впрочем, предпринимались и меры дипломатического давления на “владычицу морей”. В начале апреля Алексей Александрович в сопровождении Великого Князя Константина Константиновича, плававшего на “Светлане” мичманом, и адмирала И.И.Бутакова наносит визит президенту США Р.Хейсу. В Белом доме на этот раз в честь русских моряков устраивается большой парадный обед. “На обеде присутствовал Президент, его семейство [...] все министры и высшие представители исполнительной власти Соединенных Штатов”¹⁷. Торжественность и даже некоторая помпезность приема русских в Вашингтоне была не случайна. Обстановка на Балканах накалялась. Начала войны с Турцией ожидали со дня на день. Какова будет реакция Англии? Этого не знал никто.

Война с Турцией началась 12 апреля. К счастью, благоразумие в Англии победило. Британия ограничилась лишь дипломатическим демаршем. Вскоре стало очевидно, что крейсерской войны не будет, и “Светлана” покидает Нью-Йорк. Между тем война с Турцией шла полным ходом. 29 мая с приходом в Брест Великий Князь оставляет фрегат и поездом спешит в Петербург. С приездом в столицу государь утверждает его в должности командира Гвардейского экипажа и 5 июня, догоняя уже выехавшую команду экипажа (25 офицеров и 504 рядовых), Алексей Александрович отправляется в Действующую армию. По пути он становится контр-адмиралом и назначается “начальником всех морских команд на Дунае”. Трудно сказать, какова была его реальная роль в организации боевых операций на Дунае, но русские моряки действовали там блестя-

* См.: Коршунов Ю.Л. Не только поэт, но и моряк (Великий Князь Константин Константинович) // Новый Часовой. 1995 № 3.

Великий Князь Генерал-Адмирал Алексей Александрович (1901).

— императорские яхты. Правда, были еще и заседания Кораблестроительного и Адмиралтейского отделов Морского Технического Комитета, а также Коллегии Николаевской морской академии, членом которых являлся Великий Князь, но они его не увлекали.

В 1881 г. с вступлением на престол Александра III Алексей Александрович становится “Главным начальником флота и морского ведомства”. Два года спустя в день коронации он “возводится в звание Генерал-Адмирала”. Был ли подготовлен Великий Князь к столь высокой должности? Как профессиональный моряк, несомненно, да! Ведь моряком он стал не на дворцовых паркетах. Начав с 10-летнего возраста, в течение 21 года Алексей Александрович провел “в плавании под парусами и за границей” 1772 дня²¹. Это почти 5 лет, т.е. четверть всего времени. Убежден был и К.Н.Посыет, что его воспитанник истинный моряк. Ведь он неоднократно видел его “хладнокровно и безупречно [...] исполняющим свои обязанности на палубе фрегата [...] и в борьбе с китайским тайфуном при таких приступах урагана, когда размахи фрегата доходили до 400 и мачты угрожали падением”²².

Совсем иное дело, каким Генерал-Адмиралом был Великий Князь. Судя по воспоминаниям его современников, практически никаким. Алексей Александрович был обаятельным светским красавцем, “общепризнанным повесой императорской семьи, кумиром красавиц Парижа”. С годами он располнел, но тогда это не считалось помехой мужской красоте. Женатым Великий Князь никогда не был и вся его жизнь состояла большей частью из вкусных обедов и красивых женщин, предпочтительно в Париже. Что же касается руководства флотом, то оно сводилось к тому, что раз в неделю адмиралы собирались к нему на обед. Поскольку повар был мастер своего дела, а коньяк в доме всегда высшего класса, они не возражали. Практически прекратились и

ще. Массовое применение якорных мин и катеров с шестовыми минами практически полностью парализовало турецкие броненосные силы на Дунае. “Армия смогла приступить к устройству всего, что требовалось для переправы через реку”¹⁸. Принимал участие в боевых действиях и сам Великий Князь. “За [...] мужество и распорядительность при переводе понтонов из Никополя в Систо мимо неприятельских позиций”¹⁹ он был награжден золотой саблей с надписью “За храбрость”. В Действующей армии Алексей Александрович пробыл до января 1878 г. “За неутомимую и успешную распорядительность морскими командами, за [...] принятие всех мер, не допускающих неприятелю вред нашим переправам”²⁰ по “удостоянию местной кавалерской Думы” Алексей Александрович был награжден орденом Св. Георгия 4 степени.

С возвращением в столицу Великий Князь снова командует Гвардейским экипажем. Заботы у экипажа сугубо придворные: зимой — дворцовые караулы, летом

плавания Великого Князя, разве что “ на императорской яхте “Держава” в Данциг или “на Транзунском рейде при Высочайшем смотре”²³.

Что писали о Генерал-Адмирале его современники? Вот лишь несколько строк из дневника управляющего Морским министерством адмирала И.А.Шестакова: “[...] опять ездил в Кронштадт, докладывал у Великого Князя, нет не стал он еще на ноги [...]”, “[...] что и говорить, ленив мой Великий Князь [...]”, “[...] доклад был бесцветен, как всегда при Алексее [...]”, “[...] кажется, мой Великий Князь просто равнодушен и не только к флоту [...]” Впрочем, есть и такие записи — “[...] обедал в кают-компании Гв. экипажа, веселая [...] молодежь. После обеда хотел уйти [...], но Великий Князь велел меня догнать [...] Подали братскую чашу. Великий Князь, взявши ее в руки, громким голосом провозгласил тост мое здоровье. Дружное ура полилось в ответ [...]”²⁴.

Пожалуй, наиболее сдержанной является характеристика С.Ю.Витте: “Алексей Александрович, будучи очень милым, честным и благородным, в то же время был человеком в деловом отношении не особенно серьезным”²⁵. Много резче о Генерал-Адмирале писал его двоюродный брат, уже упоминавшийся Александр Михайлович: “Алексей — это непревзойденная карикатура на Генерал-Адмирала. [...] Не интересуясь решительно ни чем, что не относилось к женщинам, еде или напиткам, он изобрел чрезвычайно удобный способ [...] заседания Адмиралтейств Совета. [...] Приглашал его чинов к себе во дворец на обед и после того как наполеоновский коньяк попадал в желудок его гостей радушный хозяин открывал заседание [...]”²⁶.

Чем закончилось подобное руководство флотом Российским, мы уже говорили. 14—15 мая 1905 г. в двухдневном Цусимском сражении эскадра адмирала З.П.Рожественского прекратила свое существование. Несколько дней спустя в дневнике Николая II появилась запись: “[...] дядя Алексей объявил, что [...] желает уйти теперь же. В виду серьезности доводов [...] я согласился”²⁷. Вскоре Алексей Александрович уехал в Париж. Там и умер 11 ноября 1908 г.

Примечания

- 1 Военная энциклопедия. Т.1. СПб., 1913. С.311.
- 2 Служба Адмирала К.Н.Посыета в Морском ведомстве. 1886. СПб. С.12.
- 3 “Общий морской список”. Часть XIII. СПб., 1907. С.8.
- 4 *Великий Князь Александр Михайлович*. Книга воспоминаний. Париж, 1933. С.94.
- 5 РГА ВМФ. Ф.410. Оп.2. Д.2998. Л.5.
- 6 Там же.
- 7 Морской Сборник № 11. 1868. Морская хроника. С.6—12.
- 8 Там же.
- 9 Там же.
- 10 РГА ВМФ. Ф.410. Оп.2. Д.3148. Л.51.
- 11 Там же.
- 12 Там же. Л.77.
- 13 Кронштадтский вестник. 22 августа (4 сентября) 1871.
- 14 Кронштадтский вестник. 1(13) января 1871.
- 15 The New York Herald. 22 ноября 1871.
- 16 Кронштадтский вестник. 4(16) февраля 1871.
- 17 Кронштадтский вестник 8(20) мая 1877.
- 18 Война 1877 и 1878 гг. в европейской Турции с картами, планами и рисунками под редакцией генерал-майора Зыкова. СПб., 1881. С.49.
- 19 РГА ВМФ. Ф.406. Оп.3. Д.1071. Л.3.
- 20 Там же.
- 21 Там же.
- 22 С.-Петербургские ведомости. 17 января 1995.
- 23 РГА ВМФ. Ф.406. Оп.3. Д.1071. Л.3.
- 24 РГА ВМФ. Ф.26. Оп.1. Д.2. Л.15,18; Д.21. Л.209; Д.29. Л.38.
- 25 *Vitte С.Ю.* “Воспоминания”. Т.2. М., 1960. С.10.
- 26 *Великий Князь Александр Михайлович*. Книга воспоминаний. Париж, 1933. С.44,146.
- 27 Дневники императора Николая II. Orbita. 1991. С.263.

С.Л.Фирсов

Императрица Александра Федоровна как религиозный тип

Ты совсем, ты совсем снеговая
как ты странно и страшно бледна!

Н.С.Гумилев. Отравленный

О супруге последнего российского самодержца за прошедшие со времени крушения монархии десятилетия писали (как pro, так и contra) весьма много. Действительно незаурядная, волевая женщина, без сомнения умная и блестяще образованная, к тому же в течение 23 лет являвшаяся русской императрицей, достойна того, чтобы ее жизнью интересовались историки. Однако, как нам представляется, не менее важно знать и религиозные взгляды Александры Федоровны, в последние годы существования империи активно участвовавшей, как ей казалось, с пользой, в управлении государством и оказывавшей огромное влияние на своего венценосного мужа.

Известно, что религия играла в ее жизни если и не определяющую, то все-таки огромную роль. Именно через призму веры (другое дело, что в это понятие вкладывалось) императрица пыталась смотреть на мир и на людей, ее окружавших.

По замечательному выражению известного философа и общественного деятеля начала XX столетия С.Н.Булгакова, в дальнейшем принявшего священнический сан, "определяющей силой в духовной жизни человека является его религия, — не только в узком, но и в широком смысле слова, т.е. те высшие и последние ценности, которые признает человек над собою и выше себя, и то практическое отношение, в которое он становится к этим ценностям. Определить действительный религиозный центр в человеке, найти его подлинную душевную сердцевину — это значит узнать о нем самое интимное и важное, после чего будет понятно все внешнее и производное"¹.

Не надеясь полностью разрешить эту задачу в отношении императрицы Александры, мы все-таки попытаемся хотя бы выделить основные аспекты означенной выше проблемы.

Будущая императрица родилась 25 мая 1872 г. в семье великого герцога Гессенского Людвиг IV и его супруги — дочери английской королевы Виктории Алисы. Семья была протестантская, при рождении девочка получила несколько имен — Алиса, Виктория, Елена, Луиза, Беатриса. Рано потеряв мать (1878 г.), она была взята на воспитание своей английской бабкой, весьма холодно относившейся ко всему немецкому и питавшей определенное нерасположение к императору Вильгельму II. Таким образом, юная принцесса формировалась как личность, получала образование и усваивала определенные правила поведения в атмосфере викторианского века, при дворе старой, пуритански настроенной королевы.

Судьба Алисы определялась ее рождением: рано или поздно она должна была выйти замуж за одного из представителей какого-либо владетельного дома Европы.

Еще будучи ребенком, в 1884 г., гессен-дармштадтская принцесса посетила Россию, прибыв на празднование бракосочетания своей старшей сестры, в православии получившей имя Елизаветы Федоровны, с великим князем Сергеем Александровичем. По свидетельству А.В.Богданович, относящемуся, правда, к 1894 г., “тогда говорили, что это — невеста для цесаревича, а сестру ее Ирену, которая замужем за Генрихом Прусским, предназначали вел. кн. Михаилу Михайловичу. Но оба вел. князя сторонились от обеих сестер, не хотели и смотреть на них, не танцевали с ними”². Впрочем, относительно чувств 16-летнего наследника и 12-летней девочки существуют и другие мнения, подтверждаемые более поздними записями в дневнике самого Николая³.

В данном случае для нас более существенно другое — до 1894 г. вопрос о бракосочетании наследника российского престола и скромной немецкой принцессы оставался открытым. Лишь болезнь императора Александра III ускорила его положительное решение: чувствуя, что серьезно заболевает, царь согласился на этот брак. В начале апреля 1894 г. Николай, в окружении великих князей Владимира, Сергея, Павла Александровичей и их приближенных, прибыл в Кобург, где 5 апреля встретился *tête à tête* с принцессой Алисой. “Нас оставили вдвоем, и тогда начался между нами тот разговор, которого я давно сильно желал и вместе очень боялся, — записал 5-го апреля в своем дневнике Николай. — Говорили до 12 часов [т.е. два часа, — с 10 часов утра. — С.Ф.], но безуспешно, она все противится перемене религии. Она бедная много плакала”⁴.

Из слов “она все противится” можно заключить, что вопрос о ее грядущем замужестве (следовательно, и о перемене религии) поднимался еще до “решительного” разговора 5-го апреля и встречал определенные сложности именно из-за необходимости “переменить веру”. Впрочем, уже 8-го числа состоялась помолвка гессен-дармштадтской принцессы и цесаревича, — на тот момент, видимо, вопрос был отложен⁵. Тем не менее, Алиса стала заниматься с царским духовником, известным ученым-богословом протопресвитером придворного духовенства И.Л.Янышевым. О первом периоде этого обучения нам говорить трудно, поскольку, имея сильную волю и твердые убеждения, принцесса, скорее всего, внутренне сопротивлялась принятию новой, до того мало известной ей, православной веры. Так, хорошо информированная А.В.Богданович 19 июля 1894 г. записала “слух”, согласно которому “Алиса находится под сильным влиянием пастора, что Янышев — ученый *холодный* богослов, влиять на душу он не может. Про нее [невесту цесаревича. — С.Ф.] говорят, — писала Богданович далее, — что она *холодная*, сдержанная” [выделено нами. — С.Ф.]⁶. Эту черту будущей русской императрицы отмечали затем многократно. Но вот что любопытно: “холодная и сдержанная” принцесса “не поддается убеждениям” холодного же богослова. Вполне может быть, что старый протопресвитер уступал протестантским теологам, но все-таки это обстоятельство вторично по сравнению с другим фактом: “холодной” принцессе требовалась “горячая” проповедь. С другой стороны, было совершенно очевидно, что жена наследника российского престола просто обязана быть православной. Именно это обстоятельство так осложняло первые месяцы жизни Алисы после помолвки. “Когда она приняла предложение (еще бы не принять!), то она, несомненно, искренно выражала печаль, что ей придется переменить религию, — писал недолюбливавший царицу С.Ю.Витте. — Вообще это тяжело, а при ее узком и упрямом характере это было, вероятно, особенно тяжело”. И далее Витте продолжал: “Не из-за чистоты и возвышенности православия (по существу православия это, несомненно, так) принцесса Алих решила переменить свою веру. Ведь о православии она имела такое же представление, как младенец о теории пертурбации небесных планет”⁷.

Соглашаясь с последним, весьма красочным, хотя и преувеличенным, высказыванием Сергея Юльевича, мы, тем не менее, не можем столь категорично утверждать, что

веру Али́ изменила сугубо из-за политических соображений. Сам Витте опосредованно доказывает это, когда говорит, что “раз решившись переменить религию, она должна была *уверить себя*, что это *единственная правильная религия человечества*”⁸ [выделено нами. — С.Ф.]. Верующему человеку (а принцесса Алиса была искренней протестанткой) уверить себя в том, что его новые религиозные взгляды более правильны, чем прежние — значит по-существу полностью изменить (или же попытаться изменить) свое мировоззрение, иначе говоря, по-новому посмотреть на главные вопросы бытия.

Вспоминая в 1916 г. день своей помолвки, императрица Александра Федоровна в письме мужу особо подчеркнула, что уже в то время (в 1894 г.) вера и религия играли большую роль в ее жизни. “Я не могу относиться к этому просто, — писала она, — и если на что-нибудь решаюсь, то уже навсегда, то же самое и в моей любви и привязанностях. *Слишком большое сердце — оно пожирает меня!* Так же

и любовь ко Христу — она была всегда так тесно связана с нашей жизнью в течение этих 22 лет! Сначала вопрос о принятии православия, а затем оба наши Друга [т.е. т-е Филипп и Г.Е.Распутин. — С.Ф.], посланные нам Богом”⁹. [Выделено нами. — С.Ф.]

Откровеннее сказать трудно. Именно чувство руководило поступками Александры Федоровны, всегда прислушивавшейся “к сердцу” больше, чем к разуму. “Суждение о собственной недостаточности при сравнении Я со своим идеалом вызывает то смиренное религиозное ощущение, на которое опирается страстно верующий”, — писал Зигмунд Фрейд¹⁰. Императрице, как мы знаем, был необходим не только Идеал небесный, но и его “земной” прообраз: Не случайно, вспоминая прошлое, она поставила в единую цепь вопрос о принятии православия и посланных, как она считала Богом, двух “друзей”, даже имена которых стали в русской истории последнего царствования нарицательными. Можно ли считать в связи с этим религиозность Александры Федоровны нормальной или же в ее поступках усматривается патология?

Приехав в Россию еще протестанткой, принцесса Алиса присутствовала при последних минутах жизни Александра III. 20 октября император скончался, а 21-го, когда служились первые панихиды по умершему самодержцу, принцесса была миропомазана, воссоединившись с православием¹¹ и получив имя Александры Федоровны с титулом великой княжны.

14 ноября великая княжна стала законной супругой русского царя. Ее мало знали тогда и смотрели на нее в большей степени с интересом, чем с почтением¹². Подмечали, что у новой царицы “злое выражение лица и что смотрит она изподлобья”¹³, что она “ведет себя весьма сдержанно”¹⁴ и т.д. Приблизительно тогда же (в январе 1895 г.) граф В.Н.Ламсдорф отметил и то обстоятельство, что молодая государыня уже приобретает к делам и интересуется ими¹⁵.

Это было одним из первых знаков, свидетельствовавших о том, что императрица — сильная, волевая личность, будет стремиться (как может и как считает правильным) помогать мужу в его деятельности. Много лет спустя, касаясь вопроса о влиянии императрицы на государя, С.Ю.Витте отмечал, что причина этого кроется прежде всего в том обстоятельстве, что “она [Александра Федоровна. — С.Ф.] с ним [императором — С.Ф.] постоянно находится и может непрерывно на него влиять. Это уж такая натура”¹⁶.

Известно, что Витте считал Николая II человеком безвольным и потому был убежден (в том числе и собственным опытом), что наиболее сильное влияние на самодержца оказывает тот, кто последним с ним разговаривал. В подобных обстоятельствах, роль и влияние на царя Александры Федоровны, естественно, были вне конкуренции. При этом бывший председатель Совета Министров был убежден и в том, что хотя Александра Федоровна женщина хорошая, но не совсем нормальная. Забрав императора “в руки”, она, по мнению Витте, “не только не уравнивала его недостатки, но, напротив того, в значительной степени их усугубила, и ее ненормальность начала отражаться в ненормальности некоторых действий ее августейшего супруга”¹⁷. Отсюда — и “шатания” власти то в одну, то в другую сторону. Витте, правда, не поясняет в чем конкретно проявляется ненормальность царицы (вопрос о ложной беременности и т-е Филиппе в данном случае не обсуждается), однако дает совершенно ясно понять, что она — натура явно диктаторская. Собственно говоря, это становится очевидным из переписки Николая II со своей супругой в годы I Мировой войны. Ее постоянные требования-просьбы, перемежавшиеся иногда сентиментальными отступлениями в область их семейного прошлого или каких-то других воспоминаний, являются хорошим доказательством сказанного нами выше. “Я слушаюсь не разума своего, а своей души, и желала бы, чтобы ты это сделал, мой любимый”¹⁸, — писала Александра Федоровна 15 июня 1915 г., предлагая императору не назначать А.Д.Самарина на пост Обер-Прокурора Св. Синода и устроить крестные ходы по всей России, “но только поскорее”. И хотя Самарин все же был назначен, императрица на этом не успокоилась и продолжала нападки на Обер-Прокурора. — “Дружок, — писала она царю 9 сентября 1915 г., — ты должен быть тверд и заявить Синоду категорически, что ты настаиваешь на исполнении своего приказа, и величание [святителя Иоанна Тобольского, против чего выступала Обер-Прокуратура и большинство членов Св.Синода — С.Ф.] должно продолжаться!”¹⁹

В другой телеграмме (11 сентября 1915 г.) она назвала царя *главой* и покровителем Церкви, при этом заявив, что именно Самарин старается подорвать царский престиж в глазах Церкви²⁰. Наконец, уже незадолго до революции — в декабре 1916 г. — императрица откровенно заявила мужу о причинах своей политической активности. — “Так как ты очень снисходителен, доверчив и мягок, то мне надлежит исполнять роль твоего колокола, чтобы люди с дурными намерениями не могли ко мне приблизиться, а я предостерегала бы тебя”²¹.

Итак, перед нами — классическая натура диктаторского типа, характерной особенностью которой является “прямолинейное и довольно бесцеремонное отношение к человеческой индивидуальности” (хотя бы и такой “слабохарактерной” как Николай II). По мнению С.Н. Булгакова, для такого рода натур люди превращаются “как бы в алгебраические знаки, предназначенные быть средством для тех или иных, хотя бы весьма возвышенных, целей или объектом для более или менее энергичного, хотя бы и самого благожелательного, воздействия”²². Заметим, что до сих пор речь не шла еще ни о какой патологии. Сильная воля царицы и ее (этой воли) направленность не могут свидетельствовать ни о каких отклонениях от нормы в том смысле, какой вкладывают в данное слово медики и психологи.

Чтобы лучше понять “патологические” сюжеты, видимо, стоит посмотреть на изучаемый нами вопрос с иной стороны.

Мы уже не раз касались проблемы принятия Александрой Федоровной православия и отмечали факт ее пристрастия к “друзьям, посланным Богом”. Сейчас, думается, нужно остановиться на означенном сюжете более подробно.

Став православной христианкой, императрица полностью погрузилась в абсолютно неизвестный ей мир. Будучи европейски образованной женщиной (царица имела степень доктора философии), к тому же воспитанная протестантскими теологами Александра Федоровна увидела в православии прежде всего новую форму проявления религиозного сознания, где чувству открыт безграничный простор, а разум — вторичен. С.Ю.Витте, касаясь в мемуарах вопроса о религиозности царицы и отмечая ее тупой, эгоистический характер и узкое мировоззрение, считал довольно естественным, “что она впала всеми фибрами своего “я” “в то, что Витте называл “православным язычеством” и что трактовал как “поклонение формам без сознания духа — проповедь насилия, а не убеждением: или поклоняйся, или ты мой враг, и против тебя будет мой самодержавный и неограниченный меч; я так думаю, значит это так; я так хочу, значит это правда и правда — мое право”. На этой почве, по мнению Сергея Юльевича, появилась и “своего рода мистика”. “Чем больше неудач, — писал он, — чем больше огорчений, тем более душа ищет забвения, подъема оптимизма в гадании о будущем”²³. Неудач же и огорчений в жизни царицы было предостаточно: приехав в Россию накануне смерти Александра III, она вышла замуж в год траура, мало зная придворную среду и императорскую семью и не сумев добиться их расположения (а также и не стремясь особо к этому); в течение почти десяти лет она рожала только девочек. Лишь в 1904 г. императрица родила долгожданного наследника, но и тот оказался безнадежно болен гемофилией. В год рождения Алексея Россия начала вести неудачную войну с Японией, а в 1905 г. вспыхнула революция.

Все это — и опосредованно, и непосредственно — сказывалось на психическом здоровье царицы, стремившейся через религию найти для себя выход. О том, насколько тяжело было ее моральное состояние, свидетельствует митрополит Вениамин (Федченков), в то время имевший скромный сан архимандрита. “Ах, как трудно, так трудно жить! Так трудно, что и умереть хочется!” — заявила она монаху, принимая его в первый раз на аудиенции²⁴.

Ее взгляды на жизнь и будущее с течением лет все более и более окрашивались фатализмом. Так, в самый разгар русско-японской войны (в мае 1905 г.), беседуя с Ольгой Александровной Новиковой, сестрой генерала А.А.Киреева, царица заявила, что Бог карает Россию военными несчастьями за то, что православные Его оставили, мало религиозны, мало молятся. “Следовало бы исправить такое ложное богословское мнение, сваливающее все на Господа Бога, — отметил спустя день после аудиенции, данной царицей О.А.Новиковой, генерал Киреев, — и оставляющее в душе чувство, что я-то прав, я-то действовал правильно”²⁵.

А 25 мая Киреев, разбирая религиозные взгляды царицы, “разделяемые, конечно, и царем”, отметил, что “они могут нас повести к гибели. Это какое-то смешение безграничного абсолютизма, основанного, утвержденного на богословской мистике! При этом, — продолжал он далее, — пропадает всякое понятие *об ответственности*. Все, что нами совершается, совершается правильно, законно, ибо *Etat c'est moi**; затем, так как другие (наш народ, Россия) отошли от Бога, то Бог нас карает (вымещает!?) [так в тексте. — С.Ф.] ее грехи. Мы, стало быть, не виновны, мы тут не при чем, наши распо-

* Государство — это я (франц.)

ряжения, наши действия все хороши, правильны, а если Бог не благословляет, то виноваты не мы!! Ведь это ужасно!”²⁶

Старый генерал, в течение долгих лет имевший непосредственное отношение к императорской фамилии, прекрасно разбиравшийся в богословских вопросах и стоявший на консервативных позициях, тем не менее, ужасается отсутствием ответственности у венценосца и (прежде всего) у его супруги. А.А.Киреев не делает разбора причин этого обстоятельства, лишь констатируя, что религиозные взгляды царицы могут привести “нас” к гибели.

Но дело было в том, что генерал смотрел на православие совершенно по-иному, чем императрица, и поэтому не мог понять и согласиться с ее позицией “скорбной констатации” всеобъемлющего кризиса и упования лишь на чудо. Фатализм Александры Федоровны он воспринял как безответственность, что, на наш взгляд, не совсем логично: “Для Бога нет невозможного, — любила повторять императрица. — Я верю в то, что кто чист своею душою, тот будет всегда услышан и тому не страшны никакие трудности и опасности жизни, так как они непреодолимы только для тех, кто мало и неглубоко верует”. Она была убеждена, что никто не знает (и не может знать), как и когда проявится милость Божия, а также *через кого* она проявится. Александра Федоровна не уставала говорить всем близким ей людям, что необходимо на каждом шагу ждать чудес “и принимать с кротостью и смирением всякое их проявление”²⁷. Поэтому то, что А.А.Киреев считал ужасным, с точки зрения царицы было более чем естественно. Трудно заподозрить Александру Федоровну в неискренности: практически все знавшие ее современники отмечали истовую религиозность императрицы, ее любовь к Православной Церкви, стремление изучить жития наиболее прославленных Церковью русских людей, историю и повседневный быт крупнейших православных центров-монастырей и т.д. Царица любила лично посещать церковные святыни, входить в общение с духовенством, проникаться молитвенным настроением в среде простого народа, “который она считала ближе к Богу и к истинному пониманию Его, нежели людей, затронутых культурой”²⁸. Проблема, видимо, заключалась в том, что Александра Федоровна, по меткому замечанию протопресвитера русской армии и флота о.Георгия Шавельского, “старалась быть настоящей православной. Но увлекалась она, — писал далее о.Георгий, — той, разившейся у нас в предреволюционное время, крайней и даже болезненной формой православия, типичными особенностями которой были: ненасытная жажда знамений, прочеств, чудес, отыскивание юродивых, чудотворцев, святых, как носителей сврехъестественной силы”²⁹.

То обстоятельство, что императрица с чисто немецкой педантичностью “старалась быть настоящей православной” (как она это понимала) — уже само по себе, действительно, не вполне нормально.

Напряженная жизнь, вечные страхи (вначале — из-за отсутствия наследника, затем — из-за его болезни, косвенной виновницей которой она была) с течением времени привели к нервным срывам. Про императрицу стали говорить, что она — не вполне здорова (психически). Выше приводилось мнение С.Ю.Витте. Аналогичное суждение содержится и в дневнике Богданович, которая 24 февраля 1909 г. записала со слов Б.В.Штюрмера, в то время члена Государственного Совета, “что у нее страшная неврастения, что у нее на ногах появились язвы, что она может кончить сумасшествием”³⁰.

Мы не имеем возможности утверждать, что все сообщенное Штюрмером — истина, однако то обстоятельство, что про императрицу так говорили весьма лояльные (если не сказать более определенно) государственные деятели — факт сам по себе чрезвычайный.

В конце концов, “нервное расстройство” императрицы стало “притчей во языцех” и практически не подвергалось сомнению. Не претендуя на окончательное разре-

шение вопроса об этой болезни Александры Федоровны, хотелось бы воспользоваться в этой связи наблюдениями Зигмунда Фрейда. “Существуют лица, — писал он, — которые во время аналитической работы ведут себя очень своеобразно. Если их обнадеживать и выражать удовлетворение результатами лечения, они кажутся недовольными и самочувствие их обыкновенно ухудшается”. И далее — “Каждое частичное облегчение, которое должно иметь, и у других действительно имеет, своим следствием улучшение или временное прекращение симптомов, вызывает у них моментальное усиление страдания, положение во время лечения не улучшается, а ухудшается. <...> В конце концов приходишь к выводу, что дело заключается в каком-то, так сказать, “моральном факторе”, в чувстве вины, которое находит свое удовлетворение в болезни и не желает отказываться от наказания страданием”³¹. Из всего этого Фрейд делал вывод следующего содержания: “Весьма возможно, что именно этот фактор, поведение идеального Я, обуславливает серьезность невротического заболевания”³². “Истерическое Я, — писал ученый, — обороняется от тягостного восприятия, угрожающего ему со стороны критики его сверх-Я, таким же способом, каким оно обычно обороняется от невыносимой привязанности к объекту: путем вытеснения”³³.

Если принять гипотезу З.Фрейда, можно в какой-то степени объяснить поведение императрицы в последнее предреволюционное десятилетие (а может быть и ранее), а также понять “внутренние” побудительные причины, содействовавшие формированию той среды, в которой вполне комфортно могли себя чувствовать люди типа “лионского магнетизера” и сибирского странника.

Отец Георгий Шавельский абсолютно прав, заявляя, что “увлечение царицы Распутиным было совершенно благонамеренным, но последствия его были ужасны”³⁴. По нашему глубокому убеждению, именно стремление императрицы быть настоящей православной во многом и обусловило ее отношение к “Другу” и косвенно содействовало тому обстоятельству, что в годы I Мировой войны она стала играть исключительно активную роль во внутрицерковных делах, пытаясь воздействовать через мужа на назначения не только Обер-Прокуроров и епископов, но и на решение вопросов о прославлении святых (дело святителя Иоанна Тобольского), организации крестных ходов и проч.

Стремясь “быть”, императрица, разумеется, именно в простом народе видела силу самодержавия, так как по ее глубокому убеждению, “оно вошло в плоть и кровь народного сознания и неотделимо от самого существования России”³⁵. Это для Александры Федоровны было аксиомой, понятной всем, проникнутой святостью монархического принципа.

Воспитанная в протестантских традициях на конкретных и четких понятиях, императрица вполне искренне считала Распутина живым представителем того самого “народа”, в верности которого никогда не сомневалась. Единжды уверовав, она отказывалась переменить свой “символ веры”, предпочитая замыкаться в себе (и в своей семье), нежели прогнать “старца”.

Будучи цельной натурой, Александра Федоровна жила по принципу “все или ничего”, усматривая в отступлении от своих нравственных критериев предательство самой себя. В условиях того времени это выглядело по меньшей мере странно и привело в конечном итоге к самоизоляции царской четы. “Никогда и никакой интимности с кем бы то ни было, и даже была определенная оппозиция против идеи создания такого кружка подданных и приближенных лиц”, — писал вскоре после свержения самодержавия о Николае II и его супруге великий князь Николай Михайлович³⁶. Только двух друзей царицы отметил он в своем дневнике: фрейлину А.А.Вырубову и лектору Е.А.Шнейдер.

Императрицу не любили, распространяли про нее много недостоверных слухов и легенд, но все это не могло заставить ее поступать по-иному, т.е. прежде всего порвать с Распутиным.

Она оказалась права — “большое сердце” пожрало ее. Ее религиозная настроенность оказалась диссонансом духу того времени, в котором она жила. Императрица с детской непосредственностью верила в особый дар молитвы “старца” Григория; в то, что он может облегчить страдания больного наследника (хотя это последнее обстоятельство не стоит преувеличивать: в переписке с мужем (1914—1917 гг.) Александра Федоровна упоминает имя “Друга” 228 раз, однако ни разу — в связи с болезнью сына). Обобщая, возьмем на себя смелость сказать, что императрица верила с помощью Распутина, находя с его помощью путь к Богу и смысл жизни. С учетом этих оговорок мы можем полностью согласиться с мнением следователя Н.А.Соколова. — “Для Государыни Императрицы Александры Федоровны Григорий Распутин был *психологической неизбежностью*”³⁷ [выделено нами. — С.Ф.].

Не учитывать этого обстоятельства — значит не до конца понимать, насколько “ненормальность” последней русской царицы³⁸ была связана с ее религиозными убеждениями и теми психологическими стереотипами, которые, единожды создав, она не сумела (или не захотела) изменить, за все свои ошибки заплатив самую высокую цену.

Примечания

- 1 Булгаков С.Н. Карл Маркс как религиозный тип // Сочинения в двух томах. М., 1993. Т.2. Избранные статьи. С.240.
- 2 Богданович А. Три последних самодержца. М., 1990. С.190.
- 3 См. напр.: Савченко П. Государыня Императрица Александра Федоровна. Джорданвилль, 1983. С.8—9, 10.
- 4 Дневник императора Николая II. 1890—1906 гг. М., 1991. С.46.
- 5 Заноса в свой дневник впечатления дня, Николай 6 апреля замечал, что “поменьше касался вчерашнего вопроса” (т.е. вопроса о вере), а 7 апреля, описывая день свадьбы Дуску и Эрни и отмечая хорошую речь пастора на богослужении, по этому поводу восклицал, что “мне в эту минуту страшно захотелось посмотреть в душу Аликс!” (Там же. С.46, 47). Однако он нигде не пишет о взглядах своей “уже почти невесты” на вопрос о принятии православия.
- 6 Богданович А. Указ. соч. С.193.
- 7 Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1960. Т.3. С.286.
- 8 Там же.
- 9 Переписка Николая и Александры Романовых. 1916. М.:Л., 1926. Т.IV. С.204.
- 10 Фрейд Э. Я и Оно. Л., 1924. С.35.
- 11 См.: Дневник императора Николая II. С.88—89. Сообщая об этом событии, А.В.Богданович записала в дневнике фразу, что “все это дела По-бедоносцева” (Богданович А. Указ. соч. С.195). Видимо, именно Обер-Прокурор Святейшего Синода настоял на том, чтобы миропомазание принцессы было совершенно до отъезда монарха из Ливадии, стремясь представить “большому свету” невесту Николая II уже как православную.
- 12 См.: Витте С.Ю. Указ. соч. Т.2. С.264—265.
- 13 Богданович А. Указ. соч. С.197.
- 14 Ламсдорф В.Н. Дневник. 1894—1896. М., 1991. С.102. Граф в данном случае, видимо, касается отношения молодой царицы к своей племяннице. “Рассказывают, — продолжает он, — впрочем, что также было и у вел.кн Елизаветы Федоровны, которая далеко не сразу сблизилась со своей фрейлиной” (Там же).
- 15 Там же. С.125.
- 16 Витте С.Ю. Указ. соч. Т.3. С.89.
- 17 Там же. С.332.
- 18 Переписка ...1914—1915 гг. М.;Пг., 1923. Т.111. С.217.
- 19 Там же. С.325.
- 20 Там же. С.335.
- 21 См.: Козлов Н. Друг царей. [М.], 1994. С.115.
- 22 Булгаков С.Н. Указ. соч. С.244.
- 23 Витте С.Ю. Указ. соч. С.286—287.
- 24 Вениамин (Федченков), митр. На рубеже двух эпох. М., 1994. С.141.
- 25 Дневник А.А.Киреева // РГБ. Ф.126 (Киреев). Д.14. Л.42. Запись 24 мая 1905 года.

- 26 Там же. Л.43. Запись 25 мая 1905 года.
- 27 Цит. по: *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания. 1903—1911 гг. М., 1992. Книга 2. С.285.
- 28 Там же. С.283—284. То, что Александра Федоровна с “любовью и доверчивостью” протягивала “свои руки народу” отмечал и князь Н.Д.Жевахов (См.: [*Жевахов Н.Д.*] Воспоминания Товарища Обер-Прокурора Св.Синода князя Н.Д.Жевахова. М., 1993. Т.1. С.218.)
- 29 *Шавельский Г.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954. Т.2. С.296.
- 30 *Богданович А.* Указ. соч. С.470.
- 31 *Фрейд З.* Указ. соч. С.49—50.
- 32 Там же. С.51.
- 33 Там же. С.53.
- 34 *Шавельский Г.* Указ. соч. С.296.
- 35 *Коковцов В.Н.* Указ. соч. С.290.
- 36 Записки Н.М.Романова // Красный Архив. 1931. Т.6 (49). С.105.
- 37 *Соколов Н.А.* Убийство царской семьи. М., 1990. С.90.
- 38 Известный историк-марксист первой трети XX века М.Н.Покровский, с предисловием которого вышла “Переписка Николая и Александры Романовых”, постоянно заявлявший в этом предисловии о ненормальности императрицы, приводит свидетельство М.Палеолога, описывавшего царицу в виде вытянувшейся, как бы законченной в каталептическом трансе, с судорожно искривленными губами и застывшим стеклянным взглядом фигуры “помешанной или глубокой истерички, около которой десять минут казались нескончаемыми” (См.: *Покровский М.Н.* Предисловие // Переписка... Т.III. С.XXVII—XXVIII). Впрочем, М.Н.Покровский стремится доказать, “что ни распутинада, ни религиозное помешательство вообще отнюдь не были индивидуальной чертой Александры Федоровны”, а являлись симптомом болезни всей “вырождающейся” династии (Там же. С.XVIII и далее).

В.М.Лурье

Адмиралы Военно-Морского Флота СССР*

БЕКРЕНЕВ Леонид Константинович (2(15).3.1907 — г. Ярославль).

Русский. Адмирал (25.10.1967). Член компартии с 1930. В ВМФ с 1924. Окончил Военно-морское подготовительное училище, Военно-морское училище им. М.В.Фрунзе (10.1927—2.1931), Специальные курсы комсостава ВМС РККА (12.1931—7.1932).

Ст.флаг-секретарь штаба бригады линкоров (5—12.1931) МСБМ. Пом. нач. (5.1932—2.1933), нач. сектора (2.1933—01.1935) Разведуправления штаба РККА. Принимал участие в спасении челюскинцев в 1934. Пом. нач. отдела (10.1935—3.1936), нач. отделения (3.1936—8.1938) разведотдела штаба ЧФ. Участвовал в боевых действиях в гражданской войне в Испании 1936—1939. По возвращении на Родину назначен командиром ЭМ “Петровский” (“Железняков”) 8.1938—11.1939), затем ЭМ “Бойкий” (11.1939—10.1940) ЧФ.

Ком. распорядительно-строевой части Беломорской ВМБ (10.1940—4.1941), ком. по оперативной подготовке (4—9.1941), нач. 2-го отделения разведотдела (9—11.1941), нач. отдела боевой подготовки (12.1941—9.1942) штаба СФ. Нач. разведотдела штаба КБФ (11.1942—8.1944), нач. разведотдела штаба СФ (8.1944—11.1945). Б. сформировал и отправил для боевых действий в составе разведотряда штаба ТОФа отряд, командиром которого был легендарный В.Н.Леонов, впоследствии дважды Герой Сов. Союза

С конца 1945 Б. работал в Центральном аппарате ВМФ и ВС на руководящих должностях в органах военно-морской разведки. Пом. нач. Разведуправления ГМШ (11.1945—4.1950), зам. нач. 2-го Гл. управления (Разведуправление) (4.1950—7.1951), зам. нач. МГШ — нач. 2-го Гл. управления МГШ (7.1951—4.1953). С мая 1953 нач. 1-го отдела ГШ ВМС, с окт. 1953 — нач. 1-го Управления Гл. Разведуправления Генштаба ВС.

Военно-морской атташе при посольстве СССР в США (10.1962—3.1963), зам. нач. Гл. Разведуправления Генштаба ВС (3.1963—6.1967). Нач. Военно-дипломатической академии СА (6.1967—8.1973). В отставке с августа 1973.

Контр-адмирал (27.01.1951), вице-адмирал (25.5.1959).

Награжден: орденом Ленина, 4-мя орденами Красного Знамени, 2-мя орденами Красной Звезды, орденом “Знак Почета”, медалями.

БЕРЕЗКИН Всеволод Александрович (9(21).2.1899 — г. Ковно, ныне Каунас Литовской Республики — 1.2.1946 — г. Ленинград, ныне г. Санкт-Петербург). Известный советский ученый-океанолог, исследователь Арктики.

Русский. Инженер-контр-адмирал (5.11.1944). Доктор географических наук и про-

* Продолжение. См.: Новый Часовой. № 1—3.

фессор (29.5.1937). В РККА с 1918, в ВМФ с 1921. Член компартии с 1941 г. Окончил Военно-морское гидрографическое училище (12.1921—7.1922), географический факультет Ленинградского университета (11.1921—7.1924), гидрографический факультет Военно-морской академии (10.1925—10.1928), аспирантуру при Ленинградском гос. университете (1931).

Участник Гражданской войны на Севере. Чертежник Управления нач. инженеров (9.1918—9.1919), пом. производителя работ 3-го и 47-го военных строителств (9.1919—2.1920) 6-й армии. Студент Горного института в Петрограде (2.1920—01.1921), производитель морских работ на “ТЩ-21” Управления по обеспечению безопасности кораблевождения Северного моря (01—12.1921).

После окончания училища 2-й пом. ком. ГС “Соколица” с исполнением обязанностей штурмана (9—10.1922) в Белом море и Северном Ледовитом океане. Производитель работ Гидрографического Управления УМС РККА (10.1922—9.1923), в этот же период ст. производитель гидрографических работ на ГС “Мурман” с исполнением обязанностей штурмана (7—9.1923). Мл. производитель работ Отд. северного гидрографического отряда (9.1923—10.1925), в этот же период (6—11.1924) участвовал в береговой партии Северной гидрографической экспедиции у о-вов Новой Земли. В 1924 оставлен в качестве научного сотрудника, затем аспиранта при ЛГУ. В 1926 на ледоколе “Малыгин” произвел гидрографические работы в Карском море, устьях рек Оби и Енисея.

После окончания академии — инженер Гидрографического Управления УМС РККА (11.1928—3.1930), одновременно адъютант академии. Нач. Обсерватории Финлоцдистанции (3.1930—3.1931). Преподаватель (3.1931—4.1934), ст. руководитель гидрографического факультета (4.1934—4.1937), нач. кафедры гидрографии (4.1937—3.1943) Военно-морской академии им. К.Е.Ворошилова.

Б. принимал участие в многочисленных океанографических экспедициях — в Баренцевом, Карском, Гренландском и др. морях. В 1932 на ледокольном пароходе “Таймыр” исследовал сев. часть Карского моря, где наблюдал завихрения течений в р-не 78° с. ш. Б. высказал предположение об их причине — наличии к Северу от этого места мелководья и суши, что подтвердилось в 1935 во время экспедиции на ледокольном пароходе “Садко”. В 1934 участвовал в 1-м сквозном рейсе по Северному морскому пути с Востока на Запад за одну навигацию (Владивосток—Мурманск) на ледорезе “Литке”. В июле 1939 группой слушателей гидрографического факультета под руководством Б. были успешно завершены экспедиционные работы в Гренландском и Норвежском морях.

Исполнял должность зам. нач. Гл. Управления гидрометеорологической службы СССР — и одновременно нач. Управления Гидрометеослужбы ВМФ (01—3.1943). Зам. нач. Гл. Управления гидрометеорологической службы КА, нач. Гидрометеорологической службы ВМФ, нач. кафедры гидрометеорологии Военно-морской академии им. К.Е.Ворошилова — все должности с 4.3.1943 занимал одновременно. В дек. 1943 осв. от должности нач. кафедры в академии.

Нач. Гл. Управления метеорологической службы СССР (9—11.1944), нач. кафедры гидрометеорологии Военно-морской академии им. К.Е.Ворошилова (9.1944—9.1945), нач. кафедры гидрографии Военно-морской академии кораблестроения и вооружения им. А.Н.Крылова (9.1945—2.1946).

Б. опубликовал большой труд “Динамика моря”, который является не только учебным пособием для слушателей и студентов вузов, но и руководством для океанографов.

Соч: Приливы на Новой Земле // Записки по гидрографии. 1925. Т.50.

Гренландское море и Полярный бассейн: Труды Первой высокоширотной экспе-

диции на “Садко” в 1935 г. Т.1, Вып.1. Л., 1939.

Динамика моря. Свердловск.; Л., 1947.

Именем Б. назван пролив в архипелаге Земля Франца-Иосифа.

Награжден: орденом Ленина (1945), Красного Знамени (1944), Трудового Красного Знамени (1944), Красной Звезды (1934), медалями.

Похоронен на Смоленском кладбище.

БОГДАНОВ Николай Георгиевич (11(24).10.1903 — дер. Клокшино, ныне Мало-вишерского р-на Новгородской обл. — 2.5.1967 — г. Ленинград, ныне Санкт-Петербург).

Русский. Контр-адмирал (5.11.1944). В ВМФ с 1918. Член компартии с 1928. Окончил Ленинградское военно-морское подготовительное училище (10.1922—10.1924), Военно-морское училище им. М.В.Фрунзе (10.1924—10.1927), штурманский класс Спец. курсов комсостава ВМС РККА (9.1929—9.1930), командный факультет Военно-морской академии им. К.Е.Ворошилова досрочно (9.1936—4.1939).

Службу начал на Балтике юнгой, затем ученик электрика. После окончания училища вахтенный нач. МН “Свердлов” (10.1927—5.1929) Дальневосточной военной флотилии, артиллерист СКР “Воровский” (5—9.1929). Затем направлен на Каспийскую воен. флотилию. Штурман КЛ “Альфатер” (9.1930—01.1931), “Ленин” (01—3.1931), флаг-штурман (3—8.1931), врио нач. оперативной части штаба флотилии (8.1931—9.1932), ком. КЛ “Ленин” (3.1932—9.1936). Окончив академию, служил ком. див. 2-й бригады ЭМ (4—7.1939), 1-го див. 1-й бригады ЭМ (7.1939—12.1940). Участник сов.-финск. войны (1939—1940). Нач. 2-го отделения оперативного отдела штаба КБФ (12.1940—9.1941).

В период Великой Отечественной войны нач. отдела боевой подготовки штаба КБФ (9.1941—3.1945). Участник битвы за Ленинград, нач. штаба по эвакуации войск 23-й и 8-й армий, по снятию гарнизонов береговой обороны и сухопутных войск с Моонзундских о-ов. Нач. штаба Юго-Западного морского оборонительного р-на (3—5.1945) КБФ.

Нач. Тихоокеанского Высшего военно-морского училища (5.1945—6.1951), зам. нач. Управления ВМУЗов ВМС (6.1951—12.1953). Нач. Черноморского ВВМУ им. П.С.Нахимова (12.1953—5.1957). Зам. нач. Управления ВМУЗов ВМФ (5.1957—3.1959), зам. нач. Военно-морской академии кораблестроения и вооружения им. А.Н.Крылова по учебной работе (3.1959—10.1960). С окт. 1960 в запасе.

Награжден: орденом Ленина (1946), 4-мя орденами Красного Знамени (1941, 1943, 1944—2), орденом Красной Звезды (1940), медалями.

Похоронен на Серафимовском кладбище.

БОГДЕНКО Валентин Лукич (18.4.(1.5)1903 — дер. Иваново, ныне Белевский р-н Тульской обл. — 25.10.1995 — г. Санкт-Петербург).

Русский. Вице-адмирал (8.7.1945). В ВМФ с 1923. Член компартии с 1925. Окончил уездную совпартшколу (1920), рабфак при Московском институте путей сообщения (1923), Военно-морское училище им. М.В.Фрунзе (10.1923—10.1926), артиллерийский класс Спец. курсов комсостава ВМС РККА (10.1927—10.1928), артиллерийское отделение командного факультета Военно-морской академии им. К.Е.Ворошилова (1.1933—5.1937).

После окончания училища артиллерист ЭМ “Троцкий” (01—10.1927) МСБМ, затем направлен на Д.Восток. Артиллерист МН “Свердлов” (12.1928—01.1930). Участник сов.-китайского вооруженного конфликта 1929. За боевые действия на КВЖД награжден орденом Красного Знамени. Врио командира МН (1—4.1930), пом. ком. МН “Свердлов” (4.—11.1930). Артиллерист див. МН Дальневосточной военной флотилии (11.1930—

8.1931), флагманский артиллерист Амурской военной флотилии (8.1931—2.1933).

Участник гражданской войны испанского народа 1936—1939 в качестве военного советника флагманского артиллериста эскадры кораблей Республики (5.1937—2.1938), награжден орденом Красного Знамени. По прибытии на Родину назначен нач. факультета военно-морского оружия Военно-морской академии (4—8.1938). Нач. штаба ТОФ (8.1938—2.1943). Нач. Оперативного управления ГМШ ВМФ (3.1943—7.1944). Команд. Рижским морским оборонит. р-ном (7—12.1944) КБФ.

Пом. Председателя Союзной контрольной комиссии в Румынии (12.1944—2.1946). Участник подписания соглашения перемирия с Румынией в сент. 1944. Военно-морской представитель СССР в Военно-штабном комитете Совета Безопасности при ООН (2.1946—10.1948). Нач. Управления ВМУЗов ВМС (01.1949—11.1953). Нач. Высшего военно-морского училища им. М.В.Фрунзе (2.1954—12.1959). В научно-исследовательской группе № 2 при Главкоманд. ВМФ (2—6.1960), член Морского НТК ВМФ (6—12.1960), нач. Научно-исследовательского отдела Военно-морской академии (12.1960—2.1965). Контр-адмирал (4.6.1940). С мая 1965 в запасе.

Награжден: орденом Ленина (1948), 4-мя орденами Красного Знамени (1930, 1937, 1944, 1953), орденом Нахимова 1 ст. (1944), Ушакова 2 ст. (1945), Отечественной войны 1 ст. (1985), Красной Звезды (1943), медалями, именным оружием (1953), иностранными орденами и медалями.

Похоронен на Серафимовском кладбище.

БОГОЛЕПОВ Виктор Платонович (14(26).4.1896 — г. Кишинев, ныне Республика Молдова — 19.12.1974 — г. Москва).

Русский. Контр-адмирал (31.3.1944). В ВМФ с 1918. Беспартийный. Окончил гимназию в Кишиневе (1916), морское училище (1916—1918), военно-морской факультет Военно-морской академии (9.1927—5.1930), одновременно во время учебы в ВМА окончил артиллерийский класс спец. курсов комсостава ВМС РККА (1928—1929).

В старом флоте с 1917. Участник 1-й мировой войны. Гардемарин. В Гражданскую войну воевал на гидрокрейсерах ЧФ при постановках мин у Босфора, вахтенный нач. УС “Народоволец”, КЛ № 7, нач. распорядительной части штаба Онежской и Западно-Двинской военной флотилий. Нач. СНиС и ОВРа Туапсинского, нач. штаба Таганрогского, нач. Потийского УРов. Пом. нач. (7.1921—12.1922), нач. (12.1922—9.1924) оперативного отдела штаба МСЧМ. Прикомандирован к ВМА (9—12.1924).

Нач. штаба Амурской речной (12.1924—9.1927), Дальневосточной (9—11.1927) военной флотилий. После окончания академии продолжил службу на ЧФ. Нач. штаба дивизии КР (10.1930—12.1931), нач. оперативного отдела (12.1931—8.1935), нач. штаба (врио — 3—6.1935; 6.1935—5.1937) флота.

Преподаватель кафедры оперативного искусства Военно-морской академии им. К.Е.Ворошилова (5.1937—01.1938). Уволен в запас, репрессирован (01.1938), восстановлен в кадрах ВМФ и назначен доцентом кафедры стратегии оперативного искусства ВМА (12.1940—7.1941).

Нач. штаба (7—10.1941), врид. команд. (7—8.1941) Ладожской военной флотилии. “[...] За неудовлетворительно проведенную операцию по высадке десанта [...] снят с должности, отдан под суд Военного трибунала [...] с отсрочкой исполнения приговора до окончания военных действий [...]” и отправлен на фронт. Находился в распоряжении НК ВМФ (01—5.1942), выполнял задания по передаче опыта Балтийского и Черноморского флотов по обороне ВМБ на ТОФе. Нач. отдела Управ. боевой подготовки ВМФ (5—6.1942), нач. штаба Иоканьгской ВМБ (7.1942—7.1943) Беломорской воен. флотилии. В февр. 1943 “[...] за успешную работу, проявленную при этом энергию, смелость, решительность и мужество в руководстве боевыми действиями подчиненных частей

[...]” с Б. судимость была снята. Нач. штаба Беломорской флотилии (7.1943—3.1945). Штаб под руководством Б. помог командованию флотилии в период всех трех навигаций 1943—1945 совместно с Главсевморпути, Архангельским торговым портом и Архангельским дивизионным р-ном ПВО, обеспечить проводку союзных конвоев и внутренних перевозок без потерь в судах. Штаб флотилии оказывал серьезную помощь и в тралении фарватеров, уничтожении плавающих мин, несении дозоров, воздушной разведке, в поиске ПЛ пр-ка, авиационном прикрытии, аварийно-спасательном и тыловом обеспечении. За это Б. награжден орденом Ушакова 2 ст. Нач. штаба Беломорского оборонительного р-на СФ (3.1945—3.1946).

Председатель НТК ВМС (3.1946—8.1947), зам. председателя постоянной комиссии Госприемки военных кораблей при главкоме ВМС (11.1947—10.1949). В окт. 1949 уволен в запас. В дек. 1954 призван в кадры ВМС. Нач. научно-испытательного полигона (2.1955—5.1956), руководитель группы по исследованию оперативно-тактических проблем (5.1956—6.1957), научный референт зам. главкома ВМФ по военно-научной работе (6.1957—6.1958), при главкоме ВМФ (01.1959—7.1960), нач. отдела ПВО ВМФ (7.1960—3.1961), зам. руководителя научно-исследовательской группы (3—12.1961), профессор-консультант Ученого совета (12.1961—10.1963) Военно-морской академии. С окт. 1963 в отставке.

Награжден: орденом Ленина (1945), 3-мя орденами Красного Знамени (1944, 1945, 1948), орденом Ушакова 2 ст. (1944), медалями.

Автор трудов: “О тактике применения прожекторов”—1930, “Описание Черноморского театра военных действий”—1932, и др.

БОНДАРЕНКО Григорий Алексеевич (7.5.1921 — г. Кривой Рог Днепропетровской обл., Украина — 5.9.1988 — г. Москва).

Украинец. Адмирал (15.12.1972). Герой Социалистического Труда (7.2.1985). В ВМФ с 1938. Член компартии с 1943. Окончил Черноморское высшее военно-морское училище (6.1938—9.1941), Высшие специальные курсы офицерского состава ВМС, отделение ком-ов тральщиков (9.1944—6.1945), командный факультет Военно-морской академии им. К.Е.Ворошилова с отличием (9.1947—12.1950), Военную академию Генштаба ВС с отличием (9.1960—6.1962), Высшие академические курсы при Военно-морской академии (01.1971).

В годы Великой Отечественной войны ком. взвода разведки 8 БМП (9.—12.1941). Ранен. После возвращения из госпиталя ком. СКР “СК-035”, ком. звена СКР (2.1942—9.1944). Б. успешно выполнил боевые задания в Новороссийской и Керченской десантных операциях 1943 ЧФ. Ком. “ТЩ—322” 2-й бригады ТЩ во время десантных операций на Юж. Сахалине во время сов.-японской войны (1945), за что имел три благодарности ВГК.

После окончания Военно-морской Академии — ком. ЭМ “Беззаветный” (12.1950—12.1952), пом. ком. (12.1952—5.1953), ком. (5.1953—6.1956) бригады ЭМ ЧФ. Ком. дивизии ОВРа Восточно-Балтийской военной флотилии (6.1956—6.1958), нач. Управления боевой подготовки — зам. нач. штаба КБФ (6.1958—8.1960). После окончания академии Генштаба продолжил службу на Балтике. Нач. штаба — зам., 1-й зам. команд. ДКБФ (7.1962—9.1965). Нач. штаба — 1-й зам. команд. ТОФ (9.1965—5.1973). Зам. главнокоманд. ВМФ по боевой подготовке с мая 1973.

Звание Героя Соцтруда присвоено “за значительный личный вклад в разработку и освоение новой боевой техники...” Контр-адмирал (27.4.1962), вице-адмирал (8.5.1966).

Награжден: орденом Ленина (1985), Октябрьской революции (1980), 4-мя орденами Красного Знамени (1942, 1943, 1956, 1967), орденом Александра Невского (1943),

2-мя орденами Отечественной войны 1 ст. (1946, 1985), орденом Красной Звезды (1953), “За службу Родине в Вооруженных Силах СССР” 3 ст. (1975), медалями и 11-ю иностранными орденами и медалями.

Похоронен на Новодевичьем кладбище.

БОНДАРЕНКО Петр Тихонович (21.8.(3.9.)1901 — дер. Старо-Зеньковина, ныне Гомельская обл., — 28.10.1950 — г. Москва).

Белорус. Контр-адмирал (13.12.1942). В ВМФ с 1919. Член компартии с 1919. Окончил школу рулевых и сигнальщиков БФ (5.1922—5.1923), Военно-морское политическое училище им. Рошаля (11.1923—11.1926), морскую группу Военно-политической академии им. Толмачева (01.1930—5.1934).

В годы Гражданской войны воевал против белополяков в составе десантного отряда на КЛ “Мощный” Днепровской военной флотилии (4—6.1920), войск генерала П.Н.Врангеля (8—10.1920), участник подавления Кронштадтского мятежа в 1921. Уполномоченный и контролер пограничного морского отделения Особого отдела Черноморского и Азовского морей (1920—1922). Краснофлотец (2—5.1922), старшина рулевых ГС “Азимут” (5—11.1923).

После окончания училища направлен на ЧФ. Политрук роты, ответственный секретарь партбюро КР “Коминтерн” (11.1926—01.1929), военком ТЩ и исп. должн. военкома див. ТЩ (01—12.1929), ПЛ “Политрук” (12.1929—01.1930). Закончив академию, продолжил службу на ЧФ. Военком курсов ускоренной подготовки комсостава флота (5.1934—9.1937), военком ЛК “Парижская коммуна” (9.1937—2.1939), нач. Политуправления флота (2.1939—6.1942), одновременно и нач. Политуправления Севастопольского оборонительного р-на (10.1941—6.1942). После оставления нашими войсками Севастополя — в распоряжении Гл. Политуправления ВМФ (6—8.1942). Военком (8—10.1942), зам. команд. по политчасти Волжской военной флотилии (10.1942—7.1943). Нач. политотдела ВМУЗов ВМФ (7.1943—7.1944), Каспийской военной флотилии (7.1944—5.1947), зам. команд. ЧФ по политчасти (5.1947—9.1949). 29 сент. 1949 арестован за “вредительско-подрывную деятельность в партии и государственном аппарате” и приговором Военной коллегии Верховного суда СССР осужден к расстрелу. Приговор приведен в исполнение в тот же день. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 26 мая 1954 Б. посмертно реабилитирован.

Награжден: орденом Ленина (1945), 2-мя орденами Красного Знамени (1943, 1944), орденом Красной Звезды (1938), медалями.

БРАВИН Евгений Леонидович (31.01.(12.2)1885 — г. Пермь — 20.01.1972 — г. Ленинград, ныне г. Санкт-Петербург).

Русский. Инженер-контр-адмирал (21.5.1941), переехтестован — контр-адмирал-инженер (18.11.1971). Действительный член Академии Артиллерийских наук (1947), доктор технических наук (1938), профессор (1930). В ВМФ 1918—1919 и с 1920. Беспартийный.

Окончил Ярославскую классическую гимназию (1904), кораблестроительное отделение Петербургского политехнического института (1912), сдал экзамен за Морское инженерное училище (10.1912). Владел французским языком.

Зачислен юнкером во флот по кораблестроительной части в 1-й Балтийский флотский экипаж (7.1911), произведен в корабельные гардемарины-судостроители (5.1912) и назначен на ЛК “Андрей Первозванный”. С окт. 1912 прикомандирован к Севастопольской портовой конторе. 26 нояб. 1912 назначен для службы зав. артиллерийским техбюро арт. отдела на Адмиралтейский судостроительный з-д (СПб.—Пг.) где прослужил в этой должности до марта 1918. Штабс-капитан. Награжден орденами св. Стани-

слава 3 ст. (1915), св. Анны 3 ст. (1916).

После Октябрьской революции продолжил службу на Адмиралтейском 3-де инженером при техническом отделе. В годы Гражданской войны принимал участие в установке арт. батарей на Восточном фронте в 1918. Зав. проекционным техбюро (г. Казань, ст. Зеленый дол). В февр. 1919 уволен с 3-да в связи с ликвидацией бюро со всем его штатом, с сохранением должности заведующего, переведен в распоряжение Казанского губсовнархоза.

17.9.1919 избран на должность профессора Казанского политехнического института. В авг. 1920 уволен по болезни и зачислен на учет по кораблестроительному отделу Гл. мортехуправления УМС РККА (8.1920—01.1921). Избран профессором Морской академии по кафедре “Проектирование артиллерийских установок” отдела оружия (01.1921—6.1922), одновременно преподаватель в школе водного транспорта и на кораблестроительном отделении 1-го Политехнического института. Штатный преподаватель отдела факультета оружия (6.1922—12.1926) Военно-морской академии, одновременно штатный преподаватель Военно-морского инженерного училища им. Ф.Э.Дзержинского. С 1923 по 1934 по совместительству работал в Остехбюро, где были разработаны и осуществлены его изобретения — “сбрасыватель векторного изменения расстояния (ВИР)” в приборах управления стрельбой (ПУС); пороховой торпедный сбрасыватель — толкач для быстроходных торпедных катеров; кормовая тральная ледека для тралов-параванов.

Ст. руководитель по проектированию морских арт. орудий (12.1926—10.1930), преподаватель (10.1930—9.1931), ст. руководитель (9.1931—8.1934) факультета военно-морского оружия Военно-морской академии им. К.Е.Ворошилова. Пом. нач. 4-го отдела Научно-исследовательского артиллерийского института ВМС (8—10.1934), ст. руководитель (10.1934—4.1935), нач. кафедры стрелково-пушечного вооружения Военно-воздушной инженерной академии им. профессора Н.Е.Жуковского (4.1935—7.1940), где Б. выполнено 17 научных работ, в том числе основная часть книги “Стрелково-пушечное вооружение самолетов” (М., 1941).

Профессор (7.1940—11.1942), нач. кафедры артиллерийского оружия (11.1942—5.1945), артустановок артиллерийского факультета Военно-морской академии им. К.Е.Ворошилова (5—9.1945). После создания Военно-морской академии кораблестроения и вооружения им. академика А.Н. Крылова Б. там преподает; нач. кафедры артустановок (9.1945—7.1949) и артустановок и орудий (7.1949—6.1952) артиллерийского факультета. Одновременно привлечен Артиллерийским научно-исследовательским морским институтом к отработке данных полигона по обстрелу станков для орудий тяжелого калибра, что послужило Б. материалом для труда “Новый метод расчета гидравлических тормозов артиллерийских систем”. С окт. 1948 член Военно-морской экспертной комиссии. С июля 1952 в отставке.

Награжден: орденом Ленина (1945), 2-мя орденами Красного Знамени (1944, 1947), орденом Красной Звезды (1944), медалями.

Соч: Проектирование судовых артиллерийских установок. Л., 1926.

Теоретические основы проектирования артиллерийских установок. Л., 1946.

Похоронен на Большеохтинском кладбище.

БРЫКИН Александр Евстратьевич (8(20).2.1895 — г. Пенза —16.7.1976 — г. Москва).

Русский. Инженер-вице-адмирал (3.11.1951). Доктор технических наук (1963). В ВМФ с 1918. Член компартии с 1941. Окончил минное отделение факультета военно-морского оружия Военно-морской академии (3.1922—2.1928), Ленинградский высший инженерно-педагогический институт (1931—1932). Владел английским языком.

В старом флоте с 1915. Участник 1-й мировой войны. Матрос бригады морской

авиации, член бригадного комитета, член Совета рабочих и солдатских депутатов Ревеля, один из участников создания народного университета. Прапорщик по адмиралтейству (1917). Наблюдающий и приемщик авиаимущества на заводах Петрограда и Пензы (1917—1919), районный наблюдающий на авиазаводе (1919), пом. нач. центрального склада морской авиации и председатель приемной комиссии (1919—1921) отдела воздушного плавания Гл. управления кораблестроения. Пом. нач. школы рулевых и сигнальщиков по учебной части (12.1921—3.1922).

После окончания академии нач. минно-испытательной партии Гл. военного порта МСБМ (4.1928—7.1929), инженер минной секции НТК УМС РККА (6.1929—10.1932). Организатор и первый нач. Научно-исследовательского минно-торпедного института ВМС (10.1932—2.1939). Руководитель работ по созданию первой отечественной электроторпеды ЭТ-80 (принята на вооружение ВМФ в 1942), нач. минно-торпедного факультета Военно-морской академии им. К.Е.Ворошилова (2.1939—3.1942).

Будучи нач. факультета, был временно прикомандирован к военной миссии в Великобританию.

В авг. 1941 назначен членом военной миссии СССР в Великобритании, с сент. 1943 — зам. главы этой миссии. в авг. 1945 возвратился на Родину. Находясь в Великобритании, принимал участие в обеспечении перехода наших военных кораблей, шедших в Мурманск, в приемке от англичан военного снаряжения для СССР и в отправке конвоев на Север нашей страны.

В ноябре 1945 назначен членом Центральной коллегии по тралению европейских вод и членом Восточно-Атлантической зональной коллегии. Нач. минно-торпедного факультета Военно-морской академии кораблестроения и вооружения им. А.Н.Крылова (10.1946—5.1948). Нач. минно-торпедного (28.4.1951 — Главного) управления ВМС. Б. являлся организатором завершающего этапа разработки и освоения самонаводящейся торпеды ЭТ-50. В мае 1952 откомандирован в распоряжение АН СССР для работы в минно-торпедной секции с оставлением в кадрах ВМС и назначен председателем морской физической секции при Президиуме АН СССР. В распоряжении главнокомандующего ВМФ (10.1964—7.1965). Инженер-контр-адмирал (18.4.1943), перепатентован вице-адмирал-инженер (18.11.1971). Лауреат Госпремии (1943). С июля 1965 в отст.

Награжден: орденом Ленина (1945), 2-мя орденами Красного Знамени (1945, 1947), орденом Нахимова 2 ст. (1945), Красной Звезды (1944), медалями.

БУДАЕВ Михаил Михайлович (15.10.1926 — г. Нижний Новгород).

Специалист в области эксплуатации атомных подводных лодок.

Русский. Вице-адмирал (4.1985). Доктор технических наук (1977), профессор (1979). Член компартии с 1948. В ВМФ с 1944. Окончил Горьковскую военно-морскую спец. школу (1941—1943), Бакинское военно-морское подготовительное училище (1943-1944), Высшее военно-морское инженерное училище им. Ф.Э.Дзержинского (1944—1949). машиностроительный факультет Военно-морской академии кораблестроения и вооружения им. А.Н.Крылова с золотой медалью (9.1957—6.1960).

После окончания училища направлен на СФ. Ком. моторной группы (1949—1950), электромеханической части (1950—1953) ПЛ, пом. флагманского инж.-механика БПЛ (7.1953—7.1954), флагманский инж.-механик отд. БПЛ (7.1954—12.1957), флагманский механик дивизии ПЛ (6—12.1960), флагманский механик 1-го соединения в ВМФ атомных подводных лодок (12.1960—7.1961), флагманский механик флотилии АПЛ (7.1961—10.1962). Зам. команд. флотилией АПЛ по электромеханической части (10.1962—7.1969).

Зам.нач. (5.1969—4.1983), нач. (4.1983—3.1992) Центрального научно-исследова-

тельского института военного кораблестроения ВМФ. С марта 1992 в отставке. Инженер-контр-адмирал (19.2.1968). Лауреат Госпремии (1981).

Награжден: орд. Ленина (1962), Октябрьской революции (1974), 2-мя орд. Красной Звезды (1956, 1966), медалями, именным оружием (1986).

Автор более 100 научных трудов по теории и практике военного кораблестроения.

БУЛДАКОВ Иван Иванович (26.9(9.10)1903 — дер. Аполево, ныне Ржевский р-н Тверской обл. — 8.2.1987 — г. Москва).

Инженер-механик, один из крупных руководителей электромеханической службы ВМФ.

Русский. Инженер-контр-адмирал (22.2.1944). Переаттестован — контр-адмирал-инженер (18.11.1978). В ВМФ с 1923. Член компартии с 1930. Окончил рабфак (9.1919—5.1920), один курс Московского института инженеров путей сообщения (10.1922—10.1923), Военно-морское инженерное училище им. Ф.Э.Дзержинского (10.1923—9.1928), вечерний комвуз в Севастополе (1932), факультет военного кораблестроения Военно-морской академии им. К.Е.Ворошилова (9.1935—4.1938).

После окончания училища направлен на ЧФ. Трюмный механик ЭМ “Шаумян” (9.1928—2.1931), ст. инженер-механик КР “Червона Украина” (9.1931—9.1935), флагманский инженер-механик ГМШ (5.1938—5.1939), нач. электромеханической инспекции (5—10.1939), 8-го отдела (10.1939—8.1942), 14-го отдела (8.1942—8.1943) инспекции Управления боевой подготовки ВМФ.

В предвоенный период и во время Великой Отечественной войны, занимая ответственные должности в центральном аппарате ВМФ, осуществлял умелое руководство освоением на флоте технических средств кораблей, содержанием их в исправном состоянии. Проявил себя как видный организатор надежной эксплуатации электромеханических установок и подготовки личного состава кораблей к борьбе за живучесть. Находясь на ЧФ в июле 1942, принял личное участие в ликвидации последствий налета авиации противника на стоящий в Поти КР “Коминтерн”. В течение 12-ти часов руководил борьбой за живучесть корабля, который в результате остался на плаву. С авг. 1943 гл. инженер-механик ВМФ.

После войны находился в той же должности. Флагманский инженер 5-го ВМФ (Владивосток) (6.1947—2.1952). Нач. Управления эксплуатации кораблей (2—7.1952), нач. Гл. Технического управления (7.1952—4.1954) ВМС, зам. нач. вооружения и судоремонта ВМФ (4.1954—5.1956). С сент. 1956 в запасе.

Награжден: орденом Ленина (1949), 2-мя орденами Красного Знамени (1944, 1953), орденом Нахимова 1 ст. (1945), Отечественной войны 1 ст. (1943), медалями, именным оружием (1953).

Похоронен на Новокунцевском кладбище.

БУРОВ Виктор Николаевич (12.2.1914 — г. Москва).

Специалист в области атомного военного кораблестроения.

Русский. Инженер-вице-адмирал (8.11.1971). Герой Соц. Труда (1980), засл. деятель науки и техники РСФСР (1974), доктор технических наук (1969), профессор (1970). В ВМФ с 1933. Член компартии с 1939. Окончил Московский строительный техникум (1930—1933), кораблестроительный факультет Военно-морского инженерного училища им. Ф.Э.Дзержинского (6.1933—6.1938). После окончания училища — корабельный, ст. корабельный инженер Гл. управления кораблестроения ВМФ.

В Великую Отечественную войну принимал участие в обеспечении воюющих флотов и флотилий боевыми кораблями — на Каспийской военной флотилии (8—11.1941, 3—10.1942), на ЧФ (10.1943—8.1944), за что награжден орденом Красной Звезды.

Входил в состав правительственной закупочной комиссии в США (3.1945—9.1947). Зам. нач. отдела Гл. управления кораблестроения ВМС (9.1947—12.1949), районный инженер военной приемки на судостроительном заводе им. А.А.Жданова (12.1949—8.1956), гл. корабельный инженер (8.1956—10.1957), нач. 3-го Управления (10.1957—8.1965), зам. нач. (8.1965—5.1969), нач. (5.1969—4.1983) Центрального научно-исследовательского института военного кораблестроения ВМФ. С июня 1983 в отставке. С сент. 1983 — ст. ведущий сотрудник этого же института.

Лауреат Госпремии (1974). Инж.-контр-адмирал (27.4.1962).

Награжден: 2-мя орденами Ленина (1970, 1980), орденом Октябрьской революции (1988), Красного Знамени (1954), Отечественной войны 1 ст. (1985), Трудового Красного Знамени (1966), 2-мя орденами Красной Звезды (1940, 1944), орденом “За службу Родине в Вооруженных Силах СССР” 3 ст. (1975), медалями.

Автор около 100 научных трудов по теории и практике военного кораблестроения.

Соч: Отечественное военное кораблестроение в третьем столетии своей истории. СПб.. 1995.

БУРХАНОВ Василий Федотович (24.4.(7.5)1908 — с. Усть-Погоже, ныне Камышинский р-н Волгоградской обл. —14.9.1982 — г. Москва). Русский. Инженер-контр-адмирал (18.3.1943). переаттестован — контр-адмирал-инженер (18.11.1971). Доктор экономических наук, засл. изобретатель СССР (1935). В ВМФ с 1929. Член компартии с 1928. Окончил Военно-морское инженерное училище им. Ф.Э.Дзержинского (8.1929—10.1933).

Начал трудовую деятельность с 14-ти лет машинистом-крановщиком на з-де “Красный Октябрь”, на комсомольской работе (1925—1926) в Царицыне, ныне Волгограде. После окончания училища направлен на ТОФ. Ком. электромеханической группы СКР “Вихрь” (10—11.1933), ЭМ “Войков” (11.1933—10.1937), флагманский механик бригады ЭМ (10.1937—8.1938), ком. Владивостокского военного порта (8.1938—4.1939), нач. тыла — пом. команд. флотом по тылу (4.1939—5.1945) ТОФ. В качестве нач. тыла Амурской военной флотилии (5.1945—2.1946) принимал участие в советско-японской войне (1945). Нач. тыла Юго-Балтийского флота (2.1946—2.1947). Переведен в Главсевморпуть с оставлением в кадрах ВМФ. Зам. нач. (4.1947—3.1953), нач. (3.1953—6.1957), одновременно зам. министра Морского флота СССР (9.1954—2.1957). С июня 1957 в запасе.

Б. прекрасно освоил арктический морской театр, знал условия работы флота в Арктике, в навигации 1949, 1950, 1951 в тяжелых ледовых условиях лично руководил и провел ряд крупных операций по проводке кораблей по Северному морскому пути и выводу их из ледового плена. Будучи нач. Главного управления Северного морского пути, в 1954—1955 являлся нач. экспедиций, успешно организовал операции по высадке научных дрейфующих станций Север-3,4,6.

С 1960 работал в МГУ им. М.В.Ломоносова, где им была организована научно-исследовательская лаборатория по освоению Севера. С 1971 работал в Совете по изучению производительных сил при Госплане СССР, сначала ст. научным сотрудником, с 1978 — зав. сектором региональных проблем Севера. Свой богатый практический опыт Б. использовал в научных исследованиях по проблемам развития северных территорий страны.

Зам. гл. редактора последних выпусков сборника “Проблемы Севера”.

Награжден: орденом Ленина (1937), Красного Знамени (1945). 2-мя орденами Красной Звезды (1943, 1944), медалями.

Похоронен на Кунцевском кладбище.

Военно-морские атташе*

БРЮХАНОВ Евгений Николаевич (8(21).01.1907 — г. Кострома — 5.01.1979 — г. Москва).

Русский. Капитан 1 ранга (19.2.1946). В ВМФ с 1926. Член компартии с 1928. Окончил Военно-морское училище им. М. В. Фрунзе (10.1926—4.1930), Специальные курсы комсостава ВМС РККА (10.1930—4.1931), командный факультет Военно-морской академии им. К. Е. Ворошилова (12.1934—4.1938).

После окончания училища штурман ПЛ “Л-55” (5—10.1930) МСБМ, ст. специалист штурманской службы Управления ВВС МСЧМ (4.1931—7.1932), пом. нач. 8-го отдела штаба МСДВ (3.1932—6.1933), нач. 8-го отделения отдела штаба Амурской Краснознаменной военной флотилии (6.1933—12.1934).

После окончания академии нач. 7-го отделения разведотдела (5.1938—10.1939), нач. 4-го отдела 1-го Управления (РУ) (10.1939—4.1940) ГМШ ВМФ. Пом. военно-морского атташе при полпредстве СССР в Греции (4.1940—01.1941).

Военно-морской атташе при полпредстве СССР в Балканских странах (1—8.1941).

Нач. училища подготовки командиров штабной службы ВМФ (8.1941—8.1943), нач. 7-го отдела (организация и руководство спецслужбами на флотах) РУ ГМШ ВМФ (8.1943—6.1946), нач. морского отдела Союзной Контрольной комиссии в Румынии (6.1946—11.1947). В распоряжении ГРУ ГШ ВС (11.1947—3.1950), нач. учебной инспекции 2-го (РУ) Гл. управления МГШ ВМФ (3—5.1950).

Военно-морской атташе при посольстве СССР во Франции (5.1950—7.1955).

С июля 1955 в запасе.

Награжден: орденом Ленина (1952), Красного Знамени (1946). Отечественной войны 2 ст. (1945), 2-мя орденами Красной Звезды (1943, 1944), медалями.

ВЕЙНЕР Петр Аркадьевич (17.9.1872 — г. Астрахань — ?).

Русский. Капитан 1 ранга (1.01.1913). В старом флоте с 1890. В ВМФ с 1918. Окончил общие классы Морского корпуса (1890), Морское училище (1890—1893), минный офицерский класс (9.1903—3.1904), военно-морской отдел Николаевской Морской академии (9.1907—5.1909). Знал французский и немецкий языки.

С сент. 1893 мл. офицер в 29-м флотском экипаже на броненосце “Екатерина” ЧМ, с апр. 1894 — на шхуне “Псезуане” в Румынии, с марта 1896 вновь в 29-м флотском экипаже, с мая 1897 — в 18-м — на броненосце “Петр Великий”, с сент. того же года — на УК “Генерал-адмирал”, с июня 1899 — вахтенный нач. УК “Герцог Эдинбургский” БМ. Офицер ГМШ по учебной части (5.1900—5.1902), ревизор УК “Генерал-адмирал” (5.1902—9.1903), ст. офицер КР “Абрек” (3—9.1904), минный офицер УК “Генерал-адмирал” (9.1904—9.1905), ст. офицер УК “Герцог Эдинбургский” (5.1906—9.1907), ком. миноносца “Лихой” (5—10.1909) БМ, ком. КЛ “Ардаган” (5.1910—9.1915) Каспийского моря. Офицер в ГМШ по учебной части (9.1915—5.1916), нач. школы прапорщиков БМ (5—10.1916), флаг-капитан учебных отрядов (10.1916—1917), нач. штаба всех морских частей в Кронштадте (1917). Награжден орденом св. Станислава 2 ст., св. Анны 2 ст., тремя иностранными орденами.

Нач. штаба учебных отрядов в Кронштадте (2—7.1918), 1-й пом. члена РВС БМ (11.1918—3.1919), после упразднения должности переведен в “Пленбеж” по организации морских перевозок пленных и беженцев, ком. госпитального судна “Трансбалт”,

* Продолжение. См.: Новый Часовой. № 3.

председатель комиссии Красного Креста (3.1919—10.1920). Нач. базы в Кронштадте (10.1920—8.1921).

Морской представитель при представителе РСФСР на Востоке и НКИДа с сент. 1921, одновременно и консул в Астрабаде (Персия, 9.1921—6.1923). С окт. 1923 в запасе. С янв. 1926 вновь на военной службе. Инспектор учебного отдела Управления штаба РККФ (01—9.1926), в запасе (9—11.1926), преподаватель морской тактики Военно-теоретической школы ВВС (11.1926—2.1927), инспектор учебного отдела управления штаба РККФ (2.1927—6.1928), зав. военным кабинетом Ленинградского морского техникума (6.1928—4.1929), преподаватель Военно-теоретической школы ВВС в Ленинграде (4.1929—2.1931). В резерве с февр. 1932, с апр. 1934 в запасе. Дальнейшая судьба В. автору не известна.

ВОРОНЦОВ Михаил Александрович (15.11.1900 — с. Гнилицы ныне Нижегородской обл. — 16.2.1986 — г. Москва).

Русский. Вице-адмирал (25.01.1951). В ВМФ с 1918. Член компартии с 1924. Окончил военно-фельдшерскую школу (1915—1918), подготовительную школу училища комсостава флота (11.1921—10.1923), Военно-гидрографическое училище (10.1923—11.1926), гидрографический факультет Военно-морской академии им. К.Е.Ворошилова (11.1931—3.1934).

С ноября 1918 участвовал в Гражданской войне. Санитар Нижегородского военно-морского порта (11.1918—3.1919), лекпом плавмастерской “Урал” (3.1919—12.1920), делопроизводитель санчасти Центрального нижегородского экипажа (12.1920—6.1921) Волжской военной флотилии, лекпом Гл. управления сухоподъема Северного порта (6—10.1921), Центрального флотского экипажа (10—11.1921) в г. Петрограде.

После окончания училища прораб (11.1926—4.1929), ст. прораб (4.1929—3.1930) гидрографического отряда Северной гидрографической экспедиции г. Ленинграда. Ком. ГС “Азимут” и нач. судовой гидрографической партии (3.1930—11.1931). Закончив академию, был направлен на Д.Восток. Нач. гидроштурманского отдела Управления по обеспечению безопасности кораблевождения на Д. Востоке (3.1934—5.1938), пом. нач. гидрографического отдела флота (5.1938—2.1939), исп. должн. зам. нач. штаба ТОФ (2—9.1939).

Военно-морской атташе при полпредстве СССР в Германии (9.1939—8.1941), по документам, фактически по июнь 1941). Зам. нач. (8—9.1941), нач. (9.1941—4.1945) 1-го Управления (РУ) МГШ ВМФ. Нач. Бакинского военно-морского подготовительного училища (4.1945—4.1946). Нач. 3-го Управления ГРУ Генштаба ВС (4.1946—6.1947), зам. нач. 1-го Управления комитета информации при Совете Министров СССР (6.1947—3.1949), нач. 2-го Управления ГРУ Генштаба ВС (3.1959—3.1950), исп. долж. зам. нач. МГШ, нач. 2-го Главного управления (РУ) МГШ ВМФ (2—4.1950), нач. 2-го Гл. Управления и зам. нач. МГШ (4.1950—4.1952), в распоряжении Управления кадров ВМС (4—5.1952).

Ст. преподаватель кафедры стратегии и оперативного искусства (5.1952—11.1953; 9.1956—3.1957), зам. нач. кафедры стратегии (11.1953—9.1956) Высшей военной академии им. К.Е.Ворошилова, ныне Военная академия Генштаба ВС. Зам. нач. по науке и учебной работе Военно-дипломатической академии СА (3.1957—9.1959), в распоряжении главкома ВМФ (9.1959—2.1960), 2-го отдела Главного штаба ВМФ (12.1959—4.1964). Контр-адмирал (22.2.1944). С апреля 1964 в запасе.

Награжден: орденом Ленина (1945), 2-мя орденами Красного Знамени (1944, 1949), 2-мя орденами Отечественной войны 1 ст. (1943, 1985), орденом Красной Звезды (1938), медалями, иностранным орденом.

Похоронен на Кунцевском кладбище.

ЗЕЛЕНОЙ Александр Павлович (25.8(6.9)1872 — г. Одесса, Украина— 4.9.1922 — г. Петроград, ныне г. Санкт-Петербург.)

Русский. Контр-адмирал (12.9.1917). В русском флоте с 1889. В ВМФ с 1918. Окончил Морской кадетский корпус (1892), минный офицерский класс (1901).

Ст. офицер КР “Доброволец” (1906), ПС “Алмаз” (1906—1907), ЛК “Цесаревич” (1907—1908), ком. ЭМ “Боевой” (1908) и “Доброволец” (1908—1910). Флаг-капитан штаба Балтийского отряда (1910—1911), флаг-капитан нач. бригады ЛК Балтийского моря (1911—1912), ком. ЛК “Андрей Первозванный” (10.1912—6.1915), нач. штаба эскадры кораблей (6.1915—01.1916), нач. дивизии сторожевых судов (01—9.1916), нач. штаба (9.1916—01.1917), нач. минной обороны (01—3.1917), исп. должн. нач. штаба команд. флотом (3—7.1917) Балтийского моря. За активное участие в боевых действиях 1-й Мировой войны награжден орденами. В резерве чинов Морского министерства (7—12.1917). Участвовал в качестве члена Российской комиссии по перемирию в Риге (10.12.1917). Нач. минной обороны Балтийского моря (12.1917—4.1918), ст. морской нач. судов в портах Финляндии (4—6.1918) и в Кронштадте (6—11.1918).

10.9.1918 представитель РСФСР в Русско-германской комиссии по морским вопросам, 1-й нач. соединенных классов специалистов флота (11.1918—7.1920), нач. учебных отрядов и школ Балтийского моря (11.1918—01.1919), нач. Морских Сил Балтийского моря (01.1919—8.1920), постоянный сотрудник военно-морской исторической комиссии по исследованию и использованию опыта войны на море в 1914—1918 гг., с 26.10.1920 эксперт по морским вопросам при РВСР и уполномоченный морского ведомства (4—11.1921).

Военно-морской агент (атташе) (6.1921—1922) при представительстве РСФСР в Финляндии.

3. внес значительный вклад в повышение боеспособности флота, организацию и совершенствование морской обороны Петрограда, в этот период руководил морскими операциями против флота интервентов.

Похоронен в Александро-Невской лавре.

КОВАЛЕВ Александр Семенович (30.8.(19.9.)1895 — дер. Пупер, ныне Жлобинского р-на, Республика Беларусь — 28.8.1941).

Белорус. Капитан 1 ранга (14.4.1939). На военной службе в старом флоте с 1913. В ВМФ с 1918. Член компартии с 1919. Окончил школу юнг (9.1913—7.1914), минную школу (22.1915—4.1916) в Кронштадте, военно-морской факультет Военно-морской академии им. К.Е.Ворошилова (10.1926—01.1931). Знал английский язык. Ученик стрелковой команды в Ораниенбауме (7—11.1914), инструктор 2-го Балтийского флотского экипажа в Петрограде (11.1914—2.1915), моторист Учебного отряда подводного плавания в Ревеле (4—6.1916), слесарь-практик по постройке подводных лодок на Балтийском судостроительном заводе в Петрограде (6—9.1916), судостроительном заводе в Ревеле (9.1916—01.1917), старшина-моторист подводной лодки “Тур” (01—11.1917) БФ. Унтер-офицер. Демобилизован. С апреля 1918 в РККФ. Матрос-боец Ревельского отряда, в составе которого принял участие в Гражданской войне против белополяков, сотрудник ЧК Смоленского округа (12.1918—01.1919). Машинист парохода “Боевой” Гл. Военно-инженерного управления в Череповце (1919), ст. моторист подводной лодки “Тур” (“Товарищ”) (9.1919—3.1923), комиссар подводной лодки “Батрак” (3.1923—3.1924), комиссар (3.1924—3.1925; 10.1925—10.1926), пом. комиссара (3—10.1925) 2-го дивизиона бригады подводных лодок МСБМ. После окончания академии нач. сектора 4-го Управления (РУ) штаба РККА (01.1931—9.1932).

Военно-морской атташе при полпредстве СССР в Японии (9.1932—11.1939 — фак-

тически, по документам до апреля 1940). Нач. отделения РУ Генштаба РККА (4.1940—3.1941), нач. отделения Исторического отдела ГМШ ВМФ с марта 1941, историограф штаба КБФ. Погиб при переходе флота из Таллина в Кронштадт на транспорте “Вирония”.

Награжден медалью “XX лет РККА”.

КОЖАНОВ Иван Кузьмич (12(24).5.1897 — станица Вознесенская, ныне Лабинский р-н Краснодарского края — 22.8.1938 — г. Москва).

Русский. Флагман флота 2-го ранга (20.11.1935). В ВМФ с 1918. Член компартии с марта 1917. Окончил Ростовское реальное училище (1914), военно-морской факультет Военно-морской академии (10.1924—7.1927).

В старом флоте с 1915. Учился один год на курсах гардемарин флота, плавал на вспомогательном КР “Орол” Сибирской военной флотилии, в конце 1917 около месяца работал уполномоченным по советизации на флотилии. Участник Гражданской войны, с февр. 1918 добровольно был направлен на Волжскую военную флотилию. Командир небольшого отряда моряков, действовавшего в Казани, Саратове, Царицыне, Астрахани, выполнял наиболее ответственные задачи в десантных операциях. На старых, непригодных судах, отрядом были проведены десятки боев на Волге, Каспийском море. за что К. был награжден орденом Красного Знамени (18.7.1919). Отряд был преобразован в 1-ю морскую экспедиционную дивизию, начальником которой стал К. (9.1920—01.1921), на Азовском море, действовавшей против белогвардейских войск генералов С.Г.Улагая на Кубани и П.Н.Врангеля в Сев. Таврии. В марте 1921 участвовал в подавлении Кронштадтского мятежа.

Нач. Морских сил Балтийского моря (3—5.1921), член РВС Черного и Азовского морей (12.1921—12.1922), нач. и комиссар Морских Сил Д.Востока ((11.1922—7.1924, фактически 12.1922—9.1924). По окончании академии К. был защищен диплом на тему “Боевой устав Морских Сил РККА, его назначение и содержание”, что сыграло определяющую роль в деле создания уставов Красного Флота.

Военно-морской атташе при полпредстве СССР в Японии (7.1927—12.1929; фактически с 9.1927). После возвращения на Родину, К. не стремился занять высокий пост и просил “...назначить его пом. ком. плавающего корабля”. Ст. пом. (3—9), ком. (9—11.1930) ЭМ “Урицкий” МСБМ. Врид нач. штаба (11.1930—6.1931), команд. (6.1931—8.1937) ЧФ. Член Военного Совета при НКО СССР с ноября 1934. К. принимал участие в разработке способов применения ПЛ, морской авиации, торпедных катеров и др. перспективных средств войны на море, уделял большое внимание оперативно-тактической и боевой подготовке флота, взаимодействию его с армией. Арестован 5.10.1937. Обвинен в участии в военно-фашистском заговоре и по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР от 22.8.1938 в тот же день расстрелян.

7.7.1956 реабилитирован.

Награжден: орденом Красного Знамени (1919), Красной Звезды (1935).

Автор настоящих публикаций вносит дополнения и изменения в биографии, ранее опубликованные в журнале:

Н.Н.АМЕЛЬКО

Награжден 3-мя орденами Ленина (1956, 1964, 1967), 3-мя орденами Красного Знамени (1942, 1954, 1972), орденом Нахимова 1 ст. (1981), орденом Нахимова 2 ст. (1944), 2-мя орденами Отечественной войны 1 ст. (1945, 1985), орденом Трудового Красного Знамени (1979), 3-мя орденами Красной Звезды (1943, 1946, 1963), орденом “За службу Родине в Вооруженных Силах СССР” 3 ст.

Предложение "... 100 налетов бомбардировщиков..." дополнить фразой: одновременно было спасено около 300 чел.

Командир див. сторожевых кораблей дымзащитников (4.1943—4.1945)

Н.Е.БАСИСТЫЙ. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

С.С.БЕВЗ. Нач. политотдела Главного штаба и управлений.

Е.А.БЕРЕНС. После слов "при полпредствах" добавить "СССР".

В 5-м номере журнал продолжит публикацию биографий адмиралов и военно-морских атташе, одновременно откроет новую рубрику: "Военные атташе при посольствах СССР в период 1918—1945".

Автором использованы материалы ЦВМА МО РФ и РГА ВМФ.

Список сокращений

АПЛ	Атомная подводная лодка	НКВД	Народный комиссариат иностранных дел
БМ	Балтийское море	ОВР	Охрана водного района
БМП	Бригада морской пехоты	ПВО	Противовоздушная оборона
БПЛ	Бригада подводных лодок	ПЛ	Подводная лодка
ВМБ	Военно-морская база	ПС	Посыльное судно
ВМУЗ	Военно-морское учебное заведение	РККА	Рабоче-Крестьянская Красная Армия
ВС	Вооруженные Силы	СА	Советская Армия
ГРУ	Главное разведывательное управление	СКР	Сторожевой корабль
ГШ	Генеральный штаб	СНис	Служба наблюдения и связи
ГМШ	Главный морской штаб	СФ	Северный флот
ГС	Гидрографическое судно	ТОФ	Тихоокеанский флот
ДКБФ	Дважды Краснознаменный Балтийский флот	ТЩ	Тральщик
КБФ	Краснознаменный Балтийский флот	УК	Учебный корабль
КВЖД	Китайско-Восточная железная дорога	УМС	Управление Морских сил
КЛ	Канонерская лодка	УР	Укрепленный район
КР	Крейсер	ЧМ	Черное море
ЛГУ	Ленинградский государственный университет	ЧФ	Черноморский флот
ЛК	Линейный корабль (линкор)	ЭМ	Эсминец
МГШ	Морской Генеральный штаб	ком.	командир
МН	Монитор	команд.	командующий.
МСБМ	Морские силы Балтийского моря	нач	начальник.
МСДВ	Морские силы Дальнего Востока	пом.	помощник.
МСЧМ	Морские силы Черного моря	мл.	младший.
НТК	Научно-Технический комитет	ст.	старший.
		див.	дивизион

С.И.Романовский

От мессианской идеи до социальной утопии

Русская идея

Впервые понятие “русская идея” появилось в широко известных работах русских философов В.С.Соловьева (1888 г.) и Н.А.Бердяева (1946 г.)¹. Полная идентичность названий их сочинений свидетельствует, как мне кажется, только об одном: ни Соловьев, ни Бердяев не стремились к созданию оригинальной концепции или отвлеченной от российских реалий философской системы; они — каждый по своему — увидели некую провиденциальную сущность русского народа, обозначенную ими как “русская идея”.

Русская идея родилась на “перекрестье” религиозных и исторических особенностей русского пути. Сыграла свою роль и масштабность страны и тот факт, что Россия не пережила Возрождения и Реформации, а это являлось важнейшим культурно-цивилизационным рубиконом для всей Западной Европы.

Генезис русской идеи, ее сущностные начала — самостоятельная проблема, углубляться в которую не входит в нашу задачу. Для нас важнее понять, каким образом мессианское предназначение русского народа, являющееся ядром русской идеи, из религиозных корней проросло в исторический процесс и способствовало органичному впадению в сознание русских людей пагубных для страны социальных утопий; как из тюгчевского убеждения, что Россия — это “душа человечества”, мог вырасти образ России как спасательницы человечества.

Любопытно, что именно русская идея, уже многие века не делающая ее носителей счастливыми и свободными, обернулась в наши дни своеобразными нравственными перевертышами в виде равно корежащих национальное самосознание “русофилии” и “русофобии”. Они несомненно являются результатами своеобразного комплекса отчаяния, лишь противоположно ориентированными рефлексиями этого комплекса, порождениями устойчивого национального невроза, что мы никогда не сможем жить “как люди”. И хотя еще в “Наказе” Екатерины II было сказано, что “Россия есть европейская держава”, путь России к Западу вылился в многовековую борьбу культуры и исторических традиций, в постоянное единоборство Времени с русской идеей².

* * *

Русская идея целенаправленно подпитывалась, начиная с XV столетия, с первых шагов нарождавшегося самодержавия, с сознательного возвеличивания русского царя Ивана III до масштабов другого столпа православия — византийского императора Кон-

стантина³. С падением Византии в 1453 г., когда турки сокрушили мировой центр православия, актуальным стал вопрос исторической преемственности. Теперь российских православных начали убеждать в том, что столицей византийской веры станет Москва. Так появилась теория “Москва — третий Рим”. С.С.Аверинцев считает, что “Москва — третий Рим” — столько же русская идея, сколько и византийская. Важно было сохранить именно преемственность византийской веры. Это как “король умер, да здравствует король”⁴.

Если бы все свелось только к этой традиционной формуле, то утверждение “Москва — третий Рим” не вознеслось бы до уровня глубокомысленной теории, а ограничилось простой констатацией факта, что с падением Константинополя центр “истинной веры” переместился в Москву. Но оно стало именно теорией, причем теорией претенциозной. Еще Иван III своим браком с Софьей Палеолог (1472 г.), племянницей последнего византийского императора, как бы эмпирически подтвердил ее справедливость. Следствия этой теории: Богоданность и всеохватность самодержавия, слившись воедино, намертво сцементировали российское государство, сделав церковь уже полноправной союзницей российского абсолютизма.

И хотя Н.А.Бердяев полагал, что теория “Москва — третий Рим” связана с русской мессианской идеей, но представляет ее “искажение”, она — историческая данность и коли теория эта искажает русскую идею, значит на сегодня сама эта идея является искаженной. С этим уже ничего поделать нельзя.

В конце XVI века в России, как известно, было введено патриаршество, и с тех пор гегемонистский пафос теории “Москва — третий Рим” стал еще более активно внедряться в сознание православных. Причем, чем скромнее были успехи во внешней и внутренней политике государства, тем гипертрофированнее возрастало национальное и религиозное самомнение. Вероятно, срабатывал своеобразный закон сохранения нравственной чистоты нации, хотя власти — и церковные, и светские — подобную линию проводили сознательно⁵.

В XVII веке при царе Алексее Михайловиче претензии православной Москвы зашли так далеко, что ее уже не удовлетворяла роль духовной преемницы Византии, она возжелала стать не только центром истинного православия, но и родиной Христианства. По указанию патриарха Никона под Москвой был построен целый городок, в деталях повторяющий все те христианские святыни, которыми славится Иерусалим. (Российская “родина Христианства” сохранилась до сих пор, и заезжему туристу здесь могут показать даже “гроб Господень”).

Все эти крайности не случайны. Ими как бы материализовалась суть национального мессианизма. А она всегда выражалась в утверждении “русского Христа, в более или менее тонкой русификации Евангелия”⁶. Народ-мессия может быть только один — тот, кто обладает “национальной исключительностью религиозного сознания”⁷, а это, как легко догадаться, русский народ.

Вопросы русского мессианизма занимали умы А.С.Хомякова, В.С.Соловьева, С.Н.Булгакова, Н.А.Бердяева, Е.Н.Трубецкого и многих других мыслителей. Причем, когда их мысль возносилась до безвоздушного и бестелесного занебесья, с высот которого уже не просматривалась грешная матушка-Русь, их рассуждения и выводы воспринимались как некие ниспосланные Свыше откровения. Например, такое: “Та высшая сила, которую русский народ должен провести в человечество, есть сила не от мира сего, и внешнее богатство и порядок относительно ее не имеют никакого значения. Великое историческое призвание России, от которого только получают значение и ее ближайшие задачи, есть призвание религиозное в высшем смысле этого слова”. Это написал В.С.Соловьев в известной своей речи “Три силы”, прочитанной в публичном

заседании Общества любителей российской словесности в 1877 г.⁸.

Подобный духовный бальзам не только лечил кровоточащие раны, наносимые повседневной реальностью российской жизни, но и вселял в опустошенную душу русского человека самодостаточную веру в то, что именно русский народ является посредником между человечеством и откровением “высшего Божественного мира” и потому он и только он может дать человеческому развитию его “безусловное содержание” (В.С.Соловьев).

Вера в свою мессианскую роль, глубинная убежденность в своем высшем предназначении привели к тому, что именно русский народ по своему духовному складу оказался идеальным материалом для практической реализации конкретной программы “спасения” в виде коммунистической утопии. Та легкость, с которой русский народ поверил в сказку о социалистическом рае и безропотно позволил гнать себя в этот рай, указывает, как точно подметил В.Г.Короленко, “не на нашу готовность к социалистическому строю, а, наоборот, на незрелость нашего народа”⁹.

* * *

Из мессианской идеи с очевидностью вытекает и важнейшее следствие об особом пути России: она единственна в своем роде, ей не на кого ровняться, ей не с кого брать пример; одним словом, Россия самодостаточна и в своих проблемах и в способах их разрешения. Чисто содержательные резоны подобная убежденность черпает и в специфической географии страны (Россия — европейская держава, хотя 3/4 ее территории находятся в Азии). И, конечно, в истории (250 лет монгольского ига превратили страну в своеобразного двуликого Януса: одно лицо с вожделием взирает на Запад, другое брезгливо и презрительно от него отворачивается). Можно отметить еще ряд специфических российских “особостей”: малая доля жизненного пространства при необозримой территории страны, крайне неравномерная плотность населения, его пестрый национальный состав, резко выраженная полярность природно-климатических зон, приводящая к неравнозначным начальным условиям для экономического и социального развития разных территорий.

Подобные “особости” в избытке поставляет и история. Главная из них — та, что “русские” — единственная на Земле нация, поименованная (в собственном языке) как имя прилагательное. Понятно, что тому есть объяснение: когда после освобождения от Ига началось “собрание” русских земель, когда Русь трансформировалась в Россию, то население объединенных под началом Москвы княжеств стало называться “русскими”. Слово стало своеобразным гибридом между Русью и самым процессом объединения княжеств. Название “русские” оказалось просто национально-государственной биркой для тех, кто вошел в состав той России. Поэтому невольно остается ощущение некоей вторичности нации¹⁰.

Все эти специфические “особости” стали чуть ли не метафизическими (эмерджентными) характеристиками России, изначально трассирующими особый путь ее развития. “Московское ханство” (слова Г.П.Федотова), созданное после освобождения от Ига, выросло из самого этого Ига, впитало всю его атрибутику, сформировало особый менталитет нации (сила выше права). Поэтому корневая система российского государства прочно сидела в почве азиатских традиций, а крона этого необычного дерева постоянно тянулась к европейской культуре и экономике. Нужны были сильная воля и страстная целеустремленность Петра Великого, чтобы попытаться ослабить сдерживающие развитие страны традиционалистские корни, но и ему это не вполне удалось.

Эти же российские “особости” диктовали и оригинальный путь развития страны — через эпизодические реформы, причем реформы “вдгонку”, а потому неизбежно подражательные: перенималось то, что уже дало положительные всходы на Западе.

При этом сознательно закрывались глаза на тот длительный путь эволюционного развития, который прошла Западная Европа, прежде чем у нее прижились те новшества, которые явились объектом реформаторского вождения России. Ей же было необходимо пересадить европейские новации на свою почву да так, чтобы результат объявился немедленно. Итог понятен: экономическая, социальная и политическая системы оказывались расбалансированными. В результате делался неизбежный вывод о том, что реформы “не ко времени”, их быстро сворачивали и страна вновь начинала лихорадочный поиск своего “особого пути”. Так было и в первые постпетровские царствования, и после десятилетий “просвещенного абсолютизма” Екатерины II, и в заключительный период правления Александра I, и после “великих реформ” Александра II, и вслед за либеральными уступками Николая II, наконец, после семи десятилетий большевистской диктатуры.

Понятно, что подобная тактика саму русскую идею не пошатнула. Более того — чем меньше конкретных успехов добивалась в своей реформаторской деятельности Россия, тем сильнее росла уверенность в ее особом пути. Не надо, мол, тарашиться “на европы”, надо искать свой собственный путь. Одновременно крепло чувство национального самомнения. В такие периоды Европа становилась не объектом подражания, а жуелом противопоставления.

... В 1832 г. известный политический деятель эпохи Николая I граф С.С.Уваров в отчете на имя императора о ревизии Московского университета написал: следовало бы всю идейную и культурную жизнь России “нечувствительно привести к той точке, где сольются твердые и глубокие знания” с “глубоким убеждением и теплою верою в истинно русские хранительные начала православия, самодержавия и народности, составляющие *последний якорь нашего спасения* и вернейший залог *силы и величия нашего отечества*”¹¹. [Курсив мой. — С.Р.]. Выделил я эти слова потому, что именно они наглядно иллюстрируют высказанную выше мысль о национальном самомнении, набравшем силу именно тогда, когда страна цеплялась за “последний якорь спасения”.

Русское общество неизбежно оказывалось расколотым: одни, отчаявшиеся от неумелого российского реформаторства, утверждали, что отсталость России коренная, неустранимая, это чуть ли не ее метафизическая данность; другие, напротив, сознательно закрывая глаза на жизненные реалии, упорно твердили о поиске особого пути России, о “силе и величии нашего отечества”, о его будущем, которое “превосходит все, что может представить себе самое смелое воображение” (слова шефа жандармов А.Х.Бенкердорфа). Знаменитая триада С.С.Уварова стала теоретическим обоснованием превосходства России над “гибнущим” Западом. Практическое же подтверждение ее справедливости находили и в победе над Наполеоном, и в провале заговора декабристов. Национальная фанаберия — неизбежное следствие мессианской идеи — рождала особый вид патриотизма, который П.Я.Чаадаев называл “разнузданным”, П.А.Вяземский “квасным”, а Александр III “балаганным”. Профессор М.П.Погодин искренне полагал, что Россия может решать судьбу Европы и “судьбу всего человечества, если только она сего пожелает”¹².

* * *

Из мессианской идеи вытекает не только национальная фанаберия, из нее же с пугающей легкостью выводится и примитивный национализм. На самом деле, коли народ-мессия один и именно ему ниспослано Божественное откровение, коим он должен осчастливить все остальное человечество, значит такой народ выделен самим Провидением из всех прочих народов, ему дано право национальной исключительности, а это и есть пресловутый национализм, в какие бы квазинаучные обертки мы его не

заворачивали. Причем подобный национализм, выпорхнув из мессианского гнезда, оказывается крайне агрессивным. Он не приемлет никакого инакомыслия, ибо оно покушается на Высшие Истины, стремится всех обратить в свою веру, и даже свойственный любому нормальному человеку здоровый патриотизм заражает бациллами национальной исключительности, от чего он мгновенно оборачивается национал-шовинизмом.

Еще в 1891 г. В.С.Соловьев заметил, что если истинный христианский идеал принимает национально-мессианскую форму, то он сразу становится “удобопревертным” и легко может перейти “в соответствующий идол антихристианского национализма, как это действительно и случилось”¹³. Для удобопреращения мессианской идеи в национализм достаточно заменить религиозные обязанности на мирские привилегии. При этом практически никогда подобное идейное коловращение за высокими красивыми словами не замечается.

Как резонно заметил С.А.Эфирюк, мессианская идея — это идеальный мировоззренческий сосуд, из которого может черпать любая корысть. Под красивым навесом из высших идеалов обитает чистый интерес. И чем циничнее этот эгоистический чистый интерес, тем возвышеннее мифология, тем бдительнее охрана базовых догм и агрессивнее борьба за их нетленность. Дети-прагматики чтят память отцов-мечтателей, которые, возвысив мессианскую идею до Христианских первооснов, дали им прекрасную возможность весьма вольготно и безответственно паратизировать на этой идее, легко приспособивая к ней свои доктрины¹⁴.

Русский народ веками впитывал весь спектр российских “особостей” — от особого пути России до мессианской функции “народа-Богоносца”. И впитал настолько, что любые эксперименты с Россией, даже самые варварские, воспринимает как неизбежные издержки поиска этого особого пути, причем воспринимает не только со смирением, без надлома, но даже с искренним энтузиазмом.

У России “свое особое предназначение”, — написал Пушкин Чаадаеву¹⁵. Только забыл подсказать философу, в чем же оно состоит? А скорее всего, не смог бы этого сделать, ибо вера в “особый русский путь” — то иррациональное, о чем любой русский человек знает, только не может выразить словами это свое знание.

Насилие над миражами

В 1937 г. великий физик Альберт Эйнштейн дал определение политики, которое по точности и емкости напоминает красивую математическую формулу: политика — это маятник, который совершает колебания между анархией и тиранией и черпает энергию в вечно обновляемых иллюзиях.

Иллюзии, утопии, миражи питают не только политиков, но и ведомые ими народы. Искусство политики как раз в том и состоит, чтобы увлечь народ прелестями очередного миража. А то, что приближение к нему невозможно без насилия и что погоня за миражами прямиком ведет к рабству, ослепленный утопией народ начинает осознавать только после пробуждения от тяжкого наркотического дурмана¹⁶.

Россия гонялась за миражами почти все XX столетие. Во что это ей обошлось, пока неизвестно. Ясно только, что от былой России осталось лишь название. И не потому, разумеется, что “поступательный ход времени” (прошу прощения за этот штамп) свершил необратимое. Россию разъела коммунистическая утопия: перевернулись нравственные ориентиры, утрачены стимулы здоровой жизни, деформировано сознание людей, искорежена мнимыми идеологическими ценностями русская культура, в значительной мере отброшена на обочину мировой науки российская научная мысль.

* * *

Весь ход российской истории, вплоть до начала XX столетия, идеально подготовил страну для восприятия социалистической утопии. В утопии практически и воплотился тот “особый путь России”, который лучшие наши умы безуспешно искали в продолжение всего XIX века. Нельзя забывать и того, что народ в России даже понятий о собственности никогда не имел. Еще о Московской Руси говорили, что на “не знала греха земельной собственности”¹⁷. Не имел он представления и о личных свободах, не знал закона, зато весьма почитал справедливость. Почва для посадки утопических идей оказалась, как видим, весьма благодатной. И вовсе тут не причем классовая борьба, созревание революционной ситуации и прочая чисто адвокатская казуистика.

Так что же — Россия увлеклась утопией? Нет. Россию затащила утопия, как затягивает омут. Предварительно, правда, ее столкнули туда силой. А те, кто толкал, действительно были загипнотизированы утопией. В чем же ее привлекательность? В неотразимой простоте — и как первоосновы решения любых жизненных проблем и как возможность быстрого достижения вековой мечты человечества о свободе, равенстве и справедливости. Подобная “простота” действует на человека как анестезия. Он живет, не чувствуя боли, он недоедает, приближая завтрашнюю всеобщую сытость, он с энтузиазмом повторяет призывы вождей, искренне веря в них. Людей обуревают энтузиазм, порыв и жертвенность, ими овладевает единая коллективная мысль. Чтобы добиться этого, необходимо все возрастающее вытеснение национальных исторических традиций маргинальным социумом. Чем крепче маргинальное начало общества, тем монолитнее Система, тем устойчивее ее тоталитарная сущность.

* * *

Хорошо известно, что Россия хуже других стран “подставлялась” в экономические и социальные формулы марксизма — универсального “всесильного” инструмента для реализации социалистической утопии — и тем не менее именно в России он нашел свое адекватное воплощение. Сказалась пагубная черта русского национального характера — максимализм и стремление к крайностям. Поэтому то, что для других — утопия, для русских — вожденная реальность. Их не испугало гениальное пророчество М.А.Бакунина: “Если какой-нибудь народ попробует осуществить в своей стране марксизм, то это будет самая страшная тирания, какую только видел мир”¹⁸. Русский человек все должен опробовать на себе. Только тогда он начинает взвешивать и анализировать. Априорные оценки, а тем более пророчества не ужасают, а манят его своей соблазнительной жутью. Марксизм в России сплавился с народничеством и принял характерно русский окрас — большевизм, а пролетаризация общедемократического движения, набравшего обороты в начале XX века, свелась к его маргинализации¹⁹.

По словам Н.А.Бердяева, марксизм стремился “сочетать притязания просветительского разума с мессианскими притязаниями, потому что это — притязание на единственное, несущее свет сознание”²⁰. Именно поэтому он оказался удивительно “русским” учением, хотя сама Россия, повторяю, объективно была менее других стран приурочена к его “внедрению”. Марксизм, сплавив русский национальный мессианизм с русскими же максимализмом и мечтами о сказочной реальности, достигаемыми, пусть и принужденно, но зато без особого личного труда и враз, оказался тем приятным зельем, которым охотно травились лучшие умы конца XIX столетия и которое в итоге обесмыслило целую страну. Нельзя забывать и другую русскую “особость”: как только в России начинаются рассуждения об очередных реформах, аппетит мгновенно давит рассудок. Все непременно сразу — вот то, что во все времена не давало

России развиваться, она лишь реформировалась и корежилась. Пушкин говорил (уста-ми одного из своих героев), что самые прочные изменения — от улучшения нравов; та же мысль у Гоголя: “начни с себя”, и мир изменится сам. Да и зацитированные ныне слова Достоевского — красота (т.е. культура) спасет мир — о том же. Но все это очень долго, не для русских нравов.

Русские мечтатели, стремившиеся к насильственному переключению жизни, от декабристов до Нечаева и Ткачева, были себе на уме. Они строили свои “программы-теории”, отталкиваясь от русских “особостей” и не утруждали себя ни экономическими изысканиями, ни социологическим анализом. Когда родился марксизм, то значительная часть российской демократической интеллигенции искренне уверовала в него, как в панацею, — ведь доморожденные революционеры предлагали рецепты полууголовного характера по переделу российской жизни: от “Катехизиса революционера” Нечаева до откровенного призыва к истреблению половины населения страны Ткачева. Подобные интеллектуальные извращения являлись следствием взрывного развития русского общества, когда полный идеологический зажим вдруг взрывался ничем не регулируемы-ми и как бы избыточными для неподготовленного русского ума свободами. Неудивительно, что несбалансированная государственная политика рождала адекватную эмоциональную реакцию, ибо интеллектуальная свобода вдруг оказывалась явно впереди еще “скукоженной” прежним давлением нравственности, а потому идеи оказывались “выше” морали.

Так, к концу царствования Николая I стало очевидным явное отставание экономической системы и полное закиснение системы политической. Третья важнейшая система — социальная — незамедлительно начала вспухать как гнойник²¹. Александр II своим потоком реформ вскрыл его, и на страну обрушился невиданный вал терроризма и все громче зазвучали откровенные речи “бесов” — нигилистов, народовольцев, нечаевцев и т.п. публики. “Великие реформы Александра II обернулись не просто физической гибелью человека, его смерть означала полную десакрализацию монаршей власти — император стал первой жертвой покушения рядовых подданных”.

Свободы, дарованные “царем-освободителем”, оказались, как видим, непосильной ношей для русского человека. Н.А.Бердяев в автобиографии “Самопознание” признался, что в основу своего мирозерцания он положил не бытие, не сознание, не волю, а свободу²². Он пришел к выводу, что трагедия мира началась тогда, когда люди стали познавать тяжкое бремя свободы. Чтобы облегчить душевный разлад, они этот груз с удовольствием с себя сбрасывают. Наиболее радикальным средством избавления от личных свобод оказывается революция, ибо она борется за свободу для всех сразу и отдельный человек оказывается вне поля ее притязаний. Начертав на своих знаменах лозунг свободы, революция после победы неизбежно ее переплавляет в рабство. И человек таким образом замыкает круг своих порывов: он вновь надевает привычное ярмо, не отягощая себя излишками свобод.

Пророческими в отношении последствий насилия над миражами оказались сочинения Достоевского “Братья Карамазовы” и особенно “Бесы”. Писатель метко поразили самую суть русского социализма: его стремление немедленно, “на всех парах” (слова Верховенского) вломиться в рай земной. Но рай “без Бога”²³. “Если нет Бога, то все позволено” (Иван Карамазов). Эта гениальная формула будущего большевизма оказалась неопределимой находкой для русских марксистов-ленинцев. Устранив со своего пути Бога, они заменили его “светлым будущим” и стали, не щадя никого, его строить. (Не грех, кстати, заметить, что литература в России и СССР всегда в определенном смысле заменяла парламент, церковь, университет и являлась “живым нервом” русской истории. Она — воспитатель, она же — ниспровергатель. Но основной пафос

многих сочинений Гоголя и Достоевского: не преобразуй жизнь силой, — остался незамеченным. К нему не прислушались.)

Утопия, по мнению А. Камю, неизбежно отождествляет будущее с моралью, делая и мораль столь же зыбкой и призрачной, как само это недостижимое будущее: а потому любое обоснование утопии — научное прежде всего — неизбежно оказывается не только псевдонаучным, но и аморальным²⁴.

В ходе эволюционного развития общества утопия не может овладеть массами, а является лишь возбудителем радикальных умов, к призывам которых никто не прислушивается. Чтобы утопия стала бытом страны, необходимо взорвать старую систему, нужна революция. Поэтому революция — это специфическая чисто языческая форма жертвоприношения, когда живые люди, целые народы приносятся в жертву революционному божеству — утопической абстракции²⁵.

Если вновь обратиться к системному анализу российской истории, то станет ясно: в начале XX века в стране сложилась катастрофическая ситуация — экономическая система бурно развивалась (достаточно вспомнить реформы С.Ю. Витте и П.А. Столыпина), тогда как политическая система стала отчетливо разлагаться (абсолютная монархия, изжившая себя к началу века, решила как бы вписаться в новые реалии — отсюда чисто либеральные уступки социальной системе: парламентаризм и конституция). Несмотря на это, социальная система глухо бурлила, эпизодически выплескивая на поверхность излишки эмоций (непрерывные студенческие волнения, крестьянские бунты, революционный взрыв 1905 г. и т.д.). Таким образом, вновь было нарушено главное условие функционирования так называемых больших систем — устойчивость, которая определяется согласованными (синхронизированными) изменениями трех важнейших составляющих подсистем. Отсюда — вновь разбалансированность и, как следствие, неминуемый взрыв и развал.

К началу 1917 г. Николаем II были недовольны все слои общества. Традиционный призыв: “за царя и Отечество!” был разорван — за Отечество — да!, но не за царя. Отсюда — легкие “успехи” февраля, отсюда же — неизбежное отречение Николая II. “Февральской революцией, — пишет А.И. Солженицын, — не только не была достигнута ни одна национальная задача русского народа, но произошел как бы национальный обморок, полная потеря национального сознания... У русского народа не хватило стойкости к испытаниям”²⁶. Это, конечно, не историческая оценка, а всего лишь раздражение за утраченное. Реалии же были таковы, что Февраль оказался неотвратим, а А.Ф. Керенский стал достойным лидером той, “обморочной” России.

Надо сказать, что апостериорные оценки любой революции в принципе несостоятельны, ибо оглушившие человека перемены и прошедшее время неизбежно их искажают, делают смещенными. Да и вообще, так как хороших революций не бывает, то соревновательность в их отрицательных оценках теряет научный смысл.

С другой стороны, революция — это, конечно, преступление. Причем преступление с благими намерениями. И чем более “научно обоснованным” является учение, гарантирующее реальность утопических воцелений, тем более жестокой оказывается сама технология революционного передела и тем меньшим нравственным грузом обременены вожди революции. Причем те же утопические идеи, ставшие через революционные преступления основой государственной политики новообразованного строя, оказываются его добродетелями, а сама революция воспринимается не как спровоцированное насилие, а как объективный элемент исторического процесса. Все, как у Макиавелли: преступление — это основа политики, но после достижения цели оно становится добродетелью²⁷.

* * *

В России после 1917 г. социалистическая утопия стала идеологическим фундаментом победившей революции. Впервые в истории человечества новое общество стали строить по заранее составленному плану и корректировать этот план за счет устранения “мешающих излишков” общества. Все элементы экономического и социального саморегулирования были заменены насилием правящей элиты, которая интуитивно действовала так, что развитие системы было подменено ее укреплением, а вместо раскрепощения общества началось его жесткое цементирование, что естественно гарантировало полную безопасность кремлевским вождям.

Почему же марксизм стал утопией? Ведь сам Маркс считал свою экономическую теорию вполне реалистичной и был абсолютно прав. Но все дело в том, что экономические изыскания составляли лишь малую часть его социально-политического наследия. Он еще “доказал” неизбежную гибель капиталистической формации и даже указал ее могильщика — пролетариат. Поэтому творческое наследие Маркса стало неисчерпаемым кладом для “научного” обоснования революционного насилия, оно лишь ускорило гибель того, что было все равно обречено. Для последователей Маркса его учение — марксизм — перестало быть чистой наукой, оно превратилось в революционный устав, пересматривать который было бы крайне неразумно. Так, оторванный от жизненных реалий, забальзамированный марксизм, став недееспособной устаревшей научной доктриной, обернулся социальной утопией.

Прелесть строительства социалистического общества в духе марксизма — в том, что можно строить любой социализм и без труда обосновать именно данную его модель соответствующими ссылками на Маркса. Но когда выяснится, что данный рукотворный строй недееспособен, всегда можно, ссылаясь на того же Маркса, сказать, что мы строили не тот социализм и, засучив рукава, начать новую стройку. Имеет значение и игра в подмену понятий, которую очень любили коммунистические лидеры. Играли на “социалистической идее”, вкладывая в это понятие то содержание, какое им было нужно.

Резонно спросить, а что такое “социалистическая идея”? Если она в справедливом (прежде всего, в социальном смысле) устройстве жизни, то что она собою представляет эта самая справедливость? Коли по Сен-Симону: “от каждого по способности, каждому по труду”, то кто же будет возражать против очевидного? Но все дело в том, что никогда не будет придуман механизм, реализующий подобную очевидность. Он должен выкристаллизироваться сам в процессе долгой экономической, политической и социальной эволюции человеческого сообщества. (Не исключено, кстати, что и это не более, чем гипотетическое предположение).

Любое же опережающее действие будет сопряжено с насилием, ибо преждевременное внедрение “социалистической идеи” равносильно движению общества в направлении утопии. А это — смерть. Иными словами, социализм, как идею, можно уподобить асимптоте математической функции, к которой, как известно, график функции может подойти сколь угодно близко, но никогда с нею не соприкоснется.

Марксизм оказался утопией. Но винить его за это было бы непростительной глупостью. Пока ружье не оказалось в руках преступника и не стало орудием убийства, оно является лишь предметом быта. Так же и с марксизмом. Как только теория Маркса овладела умами политических экстремистов и те сделали ее средством погони за миражами, она из рядовой политико-экономической доктрины сразу превратилась во все-сильное учение, под патронажем которого и вершилось политическое и экономическое глумление над Россией.

* * *

Надо сказать, что человечество всегда мечтало о лучшей доле. А раз был спрос на несбыточное, то появлялись и предположения — утопии, описывающие эту самую сказочную жизнь как вполне реальную. Так было в течение тысячелетий.

... Уже в “Ветхом Завете” говорится о людях, пытавшихся построить Вавилонскую башню и тем самым возвыситься до Бога. Идеальное государство около 2360 лет назад описал Платон, ученик Сократа. Придуманное им общество покоилось на трёх принципах: равенство, единство и коллективная собственность. Общество, само собой, иерархично: наверху “золотой класс” (правители-философы), далее “серебряный” (военные), еще ниже “железный” (демос). На дне — заключенные. Модель Платона оказалась очень “удачной”. Именно так уже в нашем веке были устроены тоталитарные государства. В 1516 г. английский дипломат и адвокат, а в последствии канцлер Томас Мор сочинил (явно под впечатлением Платона) свой вариант идеального государства. И он в своей “Утопии” утверждал, что залог всеобщего счастья — отмена частной собственности. На придуманном им острове Утопия все общее, все трудятся и пользуются благами по потребности. В 1602 г. итальянский монах Томмазо Кампанелла поведал согражданам о “Городе Солнца”, некоей коммунистической общине, жившей по “идеальным правилам”. Причем построил он свою книгу в форме рассказа мореплавателя, якобы наблюдавшего эту самую жизнь воочию. Даже такой примитивный литературный прием действовал на читателя гипнотически. Он поддавался искушению поверить в реальность описанного. А раз где-то кто-то эту “идеальную” жизнь уже устроил, то чем хуже мы. Нам тоже хочется пожить в коммунизме. Так от желания жить сказочной жизнью начинали чесаться руки.

В XVII веке, как мы знаем, родилась наука нового времени. Человек, постигая тайны мироздания, стал считать себя “царем природы”, не желая пользоваться только ее милостью. Началось подспудное конструирование силовых технологий приближения утопий к реальной жизни. В XVIII столетии была создана идеология просвещения и человек стал верить во всеисильность просвещенного разума, и силовые полуабстрактные технологии давления на утопии стали заменяться не менее утопическими схемами конструирования жизни “по уму”. В 1755—1762 гг. Ж.-Ж.Руссо обосновал примат общественных интересов над личными, а аббат Н.Морелли вообще объявил частную собственность “высшей причиной зла”. Поняли главное: путь к проверке жизненности придуманных социологических утопий лежит через насилие. Уже в 1789 г. эксперимент на себе поставила Франция.

Заметим, что все эти “теории” были созданы до Маркса и вне России. Маркс удачно развил идеи своих предшественников о неотвратимости пришествия социализма. Я.Шер заметил с явной иронией: если ЭТО неизбежно, а твоя теория — поезд, несущийся в нужном направлении, то всегда найдется талантливый авантюрист, который захочет стать его пассажиром. Для этого от теоретика требуется одна малость: доказать именно “неизбежность” пришествия социализма, тогда он окажется не просто мечтой, а вполне достижимой реальностью, да и сама теория станет нужной²⁸. В XX веке многие страны построили свои модели социализма, так сказать сделали сказку былью. Вероятно, в XXI веке наши потомки будут поминать нас нехорошими словами, разгребая завалы понастроенной нами сказочной реальности, и... создадут свою технологию реализации утопии.

* * *

Понятно, что коммунисты, долее других занимавшиеся практикой построения утопического общества, свои идеи утопией не считали, более того — они открыто изде-

вались над утопиями. В 1933 г. Институт книги, документа и письма, который возглавлял литературовед академик А.С.Орлов, устроил выставку “социалистических утопий”. Всего экспонировалось 39 утопий. Авторы руководствовались “ценным указанием” Ленина, его статьей “Две утопии”, из которой сделали “широкие обобщения как в отношении утопий вообще, так и по поводу позиции пролетариата в отношении утопий”²⁶.

Поскольку утопия — это миф, то сознание человека надо было подстроить под такое восприятие реальности, в котором бы не различались ложь и истина, зло и добро; более того человек должен был явное зло искренне воспринимать как добро. Причем, как резонно отметил Г.С.Батыгин, эта вывернутая наизнанку нравственность не внедрялась откуда-то сверху захватившим власть тиранам, она явилась “результатом ускоренного освобождения скрытых сил, предчувствованных Ф.М.Достоевским в “смердяковщине””³⁰.

Утопия для ниспровергателей старого мира столь же неодолимо притягательна, как зелье для хронического наркомана. Поэтому никакая литература, никакие увещания остановить их не могли. Как только они почувствовали реальность обладания утопией, они стали ее беспрекословными рабами.

В.С.Соловьев очень зорко усмотрел, что для того, чтобы победить неправду социализма, нужно признать правду социализма и осуществить ее. Так сказать, доказать утопическую теорему методом от противного. Это и случилось. Но только сам процесс доказательства длился уж слишком долго — более семи десятилетий.

То, что новое общество коммунисты начали строить “от ума”, подтягивая жизнь к своей примитивной схеме, умным людям в России стало ясно довольно быстро, ибо первой жертвой их схемы стала повседневная реальная жизнь миллионов людей. Уже первые насилия, предписываемые схемой, — уничтожение частной собственности и частного капитала, привели к полному параличу промышленности. “Вы победили капитал, — писал В.Г.Короленко, — и он лежит теперь у ваших ног, изувеченный и разбитый. Вы не заметили только, что он соединен еще с производством такими живыми нитями, что убив его, вы убили также производство... Теперь... голодом поражена вся Россия”³¹. Писано это в 1920 г.

А еще раньше, в 1918 г. публицист А.С.Изгоев, насильно высланный в 1922 г. из страны, заметил, что даже годичная практика большевизма в России достаточна, чтобы мир воочию убедился, что означает насилие над миражами. Смотрите, мол, на нас, изучайте, внимайте. Может, это отобьет у вас охоту повторять подобное у себя³². Россия, как это и предрекал П.Я.Чаадаев, вновь явила миру свою суть, свое предназначение — быть не равноправной частью человечества, а неким жупелом, иметь не органическую преемственную историю, а быть полигоном для испытаний очередной авантюры, стоять не в общем цивилизованном ряду, а располагаться где-то на обочине и давать другим яркие уроки неподражания.

Между тем, утопия, тщательно упакованная идеологией абсурда, оказывается практически неуязвимой для критики, ибо все делается во имя мифического “будущего”, а потому любые практические шаги с легкостью научно обосновываются, да так, что в теории все выглядит не просто правдоподобно, но привлекательно правдоподобно, а то, что “настоящее” разительно от этих теорий отличается, воспринимается как должное, а потому — с искренним энтузиазмом и даже жертвенностью.

Подобная жизнь в утопии является резко асимметричной: будущее удалено в бесконечную перспективу, связь с остальным миром наглухо перекрыта, исторические национальные традиции полностью разорваны и жизнь начинается как бы с чистого листа, но “во имя”. Утопия при этом оказывается принципиально непотопляемой,

поскольку никакие реальные поражения не считаются таковыми: массовое обнищание народа легко объясняется агрессивным империалистическим окружением и вредительством, полное убиение свободомыслящих — идеологическими диверсиями.

Естественно поэтому, что в утопической перспективе мир воспринимается как мертвая материя, в нем нет места для отдельного человека. В этой обездушенной мертвечине люди действуют, как послушные винтики единого всепожирающего механизма утопии, они лишь “материал для”, являющий собой чистую возможность творения. “Импульс переустройства мира — глубоко иррациональный — развертывается, тем не менее, в инженерно-технологический проект, вмещающийся в хаос Вселенной “рабочим ударом” и превращающий ее в ритмично работающую машину, послушную пролетариату”³³.

И весь этот ачеловечный абсурд оказался на удивление притягательным. В жизнь ради “светлого будущего” почти сразу уверовали миллионы россиян и не замечая ужасов повседневности, почти с языческим безумием принесли себя в жертву большевистской утопии. Мудрый В.Г.Короленко искренне недоумевал затмению, поразившему русские души. “Над Россией, — писал он, — ход исторических судеб совершил почти волшебную и очень злую шутку. В миллионах русских голов в каких-нибудь 2—3 года повернулся внезапно какой-то логический винтик, и от слепого преклонения перед самодержавием, от полного равнодушия к политике наш народ сразу перешел... к коммунизму”³⁴.

Жертвенность, кстати, является одним из важнейших атрибутов утопии. И если простые люди приносят в жертву свою жизнь ради призрачного счастья детей и такая жертвенность в определенном смысле может быть окружена даже ореолом возвышенного, то вожди утопии жертвуют народом ради идеи, а такая жертвенность исторически преступна. Парадокс еще и в том, что народ для подобных деятелей предстает в виде того же двуликого Януса: одно лицо — это скорбь, жертва мирового зла, оно вызывает жалость; другое лицо — это твердость, непокорность, сопротивление и вызывает оно жгучую ненависть, ибо мешает утопии, как бы не верит во всеобщее счастье. Именно второе лицо в глазах вождей вырастает до гипертрофированных размеров, заставляя собой все остальное. С этим лицом они готовы сражаться до конца, но сколько бы они ни истребляли его, оно не только не исчезает, но даже в размерах не сокращается. “Так из великой любви к грядущему человечеству, — писал С.Л.Франк, — рождается великая ненависть к людям, страсть к устройению земного рая становится страстью к разрушению”³⁵.

Уже в 20-х годах это второе лицо было поименовано “врагом народа” и стало незаменимым козлом отпущения всех каждодневных грехов утопии. Наиболее популярным было обвинение “врагов” во вредительстве. Его было легко обосновать, в него было легко поверить и на него можно было списать любые просчеты. Верили в это все: население потому, что о вредительстве с утра до ночи шумела большевистская пропаганда и потому еще, что жизнь ухудшалась, надежд почти не оставалось и люди цеплялись за “вредительство” как за спасительную соломинку — наконец-то причина найдена, виновные будут наказаны и, возможно, жить станет легче; вожди также искренне верили во вредительство, причем с их стороны это не было циничной уловкой, ведь они делали все, как их учили основоположники, строго по теории — ни шага влево, ни шага вправо — а что-то ничего не получалось: жизнь становилась заметно хуже. Значит возникла помеха, о коей не додумали классики. И она была найдена — вредительство, сознательное сопротивление свергнутых классов, они ведь не могли так просто сдаться победившему пролетариату. значит надо изобличать, вылавливать и истреблять вредителей. Маркс до этого не додумался. Зато додумался Ленин, а внедрил в массовую практику — Сталин³⁶.

Уже потом осознали истинную значимость сделанного открытия. Ведь “вредительство” в практически безграничном смысле этого слова стало не только палочкой — выручалочкой вождей утопии, но и незаменимым чисто воспитательным средством для сознательного выращивания человека нового типа: преданного, не рассуждающего, искренне верящего в общую цель. И одновременно — злобного, подозрительного, завистливого. “Классовой ненавистью” стало легче маскировать обычную посконную зависть ко всему более талантливому. Стало чуть ли не доблестью презирать интеллигентов, людей умных и грамотных. Новый человек гордился, что “университетов не кончал”, что дед его был крепостным. Новый человек стремился порвать со своим прошлым, если в нем можно было до чего-то докопаться.

Сталин проявил себя тонким психологом. Ведь он оказался рулевым корабля социалистической утопии, когда он стал трещать по всем швам, а Сталин не обладал гибкостью, необходимой для того, чтобы видоизменять марксизм-ленинизм. Отсутствие творчества он заменил верностью утопии и не желал даже касаться ее первооснов. Он пошел напролом. Превратил страну в “зону” для изоляции “врагов народа”, вселил такой страх в каждого, что никто не мог о себе сказать с полной уверенностью, что он — не враг. Жертв не считал. Сталин свято верил в “правое дело” и был беспощаден. И люди за все это отвечали ему самой искренней, неподдельной любовью.

В укреплении тоталитарных режимов, которые всегда реализуют на практике ту или иную утопию, проявляется удивительное общее свойство, как будто всеми управляет некий единый “тоталитарный мозг”. Это свойство состоит в том, что внедряет утопию в жизнь не вождь, не диктатор, не фюрер, — утопию реализует весь народ. Как в театре: есть режиссер, есть солисты и статисты, есть и массовка. Лицеизреет же это грандиозное действо весь мир. Массы создают толпу, люди самовозбуждаются в толпе, подчиняются ее коллективному психозу и, как у Е.Замятина, миллионы ничтожных “Я” толпа переплавляет в единое несокрушимое “МЫ”. Такой толпой управлять со сцены просто: все уже пребывают в состоянии коллективного психоза, происходящее гипнотизирует людей, они становятся живыми активными участниками этого лицедейства. Через какое-то время люди уже не мыслят жизнь без подобной игры. Жизнь органично перетекает в театр и становится грандиозным спектаклем, идущим без антракта целые десятилетия.

Так было, повторяем, всегда. Во времена инквизиции, когда на площадях жгли еретиков, собирались многотысячные толпы, не воспринимавшие костер за инструмент казни. Для них это было театрализованным действием. Та же реакция толпы и во время французской революции, когда на площадях Парижа разыгрывались настоящие спектакли, зажигающие людскую массу, а потому голова с плеч казненного скатывалась под радостный рев озверевшей безумной толпы. Подобные спектакли ставились и в России: сначала на площадях, где под улюлюканье горожан хоронили “мировой капитал”, забивали громадный гвоздь в гроб последнего фабриканта, прокалывали вилами необъятный живот помещика-миродея. Затем эти спектакли пересели в театральные залы, где они разыгрывались по всем правилам режиссуры и назывались открытыми судебными процессами над врагами народа. Причем все они репетировались заранее — будь то процесс над рядовым взяточником или членом Политбюро, замыслившим убить Вождя. Даже суд стал театрализованной разновидностью классовой борьбы³⁷.

И все это во имя утопического будущего. В жертву этому языческому божеству — Будущему приносилось все и, прежде всего, повседневная жизнь. Она и воспринималась только в лучезарных отсветах этого Будущего, когда и начнется настоящая жизнь. В ней забудутся, простятся и спишутся все нынешние грехи, потому что настоящее — это как бы еще и не жизнь, а лишь прелюдии к ней.

В ночь на 24 сентября 1929 г. профессор Р.Куллэ записал в своем дневнике: “Социологически марксизм убит навсегда... Как утопия государственной системы, он кончен. И похоронен в России. 160 миллионов только несколько затянули церемонию его похорон”³⁸.

Русская идея?

И.Канту принадлежат слова: “Мертвые управляют живыми”. Для русского уха, правда, более приемлемо другое словосочетание: “былое пророчествует”. Значит былое учит? Возможно. Но не нас.

В начале XX века в России рухнуло самодержавие и вместе с ним нарождавшийся капитализм. Надо было созидать нечто принципиально новое, ранее невиданное. Из почти несовместимых идей свободы и равенства “либерализм и марксизм создали свои картины будущего”³⁹. Они и стали ориентиром для новоявленных строителей. Если брать широко, то именно либерализм во многом ответственен за социалистические эксперименты с Россией. Наш же доморощенный либерализм пророс из “русской идеи”. Именно она являлась теоретической подпиткой всех схем переустройства российской жизни, начиная от моделей славянофилов и западников и кончая народниками и социал-демократами. Поэтому “особый путь” России через построение социалистического общества также стал неизбежным следствием направленной эксплуатации той же “русской идеи”.

В конце XX века приказал долго жить и социализм. Страна решила “вернуться в прошлое” — вновь строить общество, которое было порушено. Казалось бы, что вместе с социализмом должна была уйти в небытие и русская идея. Ан, нет. Она вновь навязчиво служит уже посткоммунистической России. Теперь ее, правда, называют “современной русской идеей”. Что же это такое? А вот что: “русская идея” должна быть соединена с идеей социальной справедливости. Только на этой основе будет эффективной апелляция к соборности. Только на этом пути мы получим социальный мир и стабильность как основу для быстрого экономического развития и роста благосостояния всего народа”⁴⁰. Очень знакома эта псевдофилософская риторика. Если перевести ее на обычный язык, то станет вполне ясно: “русская идея” сегодня нужна тем, кто хочет сделать еще одну попытку построения “правильного” социалистического общества, еще раз попытаться опровергнуть истину и подтянуть асимптоту функции к ее графику, вновь пожить утопическими грезами о светлом будущем.

Русскую идею сегодня насилуют все: и коммунисты новой (прагматической) генерации, жаждущие исправить ошибки отцов-зачинателей, и откровенные националисты, для которых вообще не существует никаких “особых” проблем (взять бы только власть) и даже новые русские демократы, пытающиеся ускоренной вестернизацией страны как бы доказать, что нет у России никаких “особостей”.

Русская идея — это идея о некоем мифическом другом мире. Каждый его видит по-своему. Поэтому она и служит всем, кто того пожелает.

Произошло то, что и должно было случиться с чисто философским обобщением, ставшим “нужным” политике, — из сугубо научной сферы оно перешло в область потребления и стало обслуживать политический эгоизм “спасителей” России. Но суть, к сожалению в том, что Россия с ее интересами для них лишь щит, коим они прикрывают нетерпение мысли и политическую алчность.

Между тем, людям трезвомыслящим уже давно ясно, что не сами по себе мифические идеи соборности и тем более русского национального мессианизма сплотят нацию. Они способны сегодня объединить не нацию, а лишь отчаявшуюся толпу. Нацию

же сплачивают не абстрактные — к тому же совершенно не понятные обыкновенному обывателю идеи — а лишь исторические традиции, являющиеся своеобразной равнодействующей национального менталитета. Такой равнодействующей для русского человека испокон века было почитание власти — сильной и дееспособной. Если вспомнить русскую историю, то только тогда страна жила относительно спокойно, когда народ российский чувствовал за собой сильную власть. Когда же власть давала слабину, наступала “историческая хлябь” (С.М.Соловьев) и начинались поиски “особого русского пути”, тогда же наступало время “русской идеи”.

Примечания:

- 1 Соловьев Вл. Русская идея // Соловьев В.С. Сочинения. М., 1989. Т.2. С.219—246; Бердяев Н. Русская идея // Вопросы философии. 1990. № 1. С.77—144; № 2. С.87—154.
- 2 Кантор В.К. Западничество как проблема “русского пути” // Вопросы философии. 1993. № 4. С.24—34.
- 3 Скрынников Р.Г. Святители и власти. Л., 1990. С.114.
- 4 Аверинцев С.С. Византия и Русь: два типа духовности. Ст. первая // Новый мир. 1988. № 7. С.218.
- 5 Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С.303.
- 6 Трубецкой Е.Н. Старый и новый национальный мессианиззм // Новый мир. 1990. № 7. С.208.
- 7 Там же. С.209.
- 8 Соловьев Вл. Статьи и письма // Новый мир. 1989. № 1. С.204.
- 9 Короленко Вл. Письма к Луначарскому // Новый мир. 1988. № 10. С.207.
- 10 См. Ильин Дм. “Русская идея” на полигоне “демократии” // Наш современник. 1991. № 3. С.5—28; Кантор В. Российское “своеобразие” (гене-зис проблемы) // Свободная мысль. 1994. № 10. С.78—85.
- 11 Цит. по: Цимбаев Н.И. “Под бременем познания и сомнения...” (идейные искания 1830-х годов) // Русское общество 30-х годов XIX века в мемуарах современников. М., 1989. С.28.
- 12 Там же. С.52.
- 13 Соловьев В.С. Национальный вопрос в России // Новый мир. 1989. № 1. С.214.
- 14 Эфиров С.А. Трагедия самообмана // Вестник АН СССР. 1990. № 4. С.105.
- 15 Пушкин А.С. Письма // Полн. собр. соч. М., 1958. Т.Х. С.871.
- 16 Хайек Ф.А. Дорога к рабству // Новый мир. 1991. № 7. С.177—230; № 8. С.181—233.
- 17 Бердяев Н. Указ. соч. // Вопросы философии. 1990. № 1. С.128.
- 18 Там же. № 2. С.98.
- 19 Агаев С. Утопия и история // Свободная мысль. 1991. № 18. С.47—55.
- 20 Бердяев Н.А. Смысл истории. М., 1990. С.11—12.
- 21 См.: Булдаков В.П. У истоков советской истории: путь к Октябрю // Вопросы истории. 1989. № 10. С.61—82; Литвак Б.Г. Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М., 1991.
- 22 Бердяев Н.А. Самопознание (фрагменты книги) // Наше наследие. 1988. № 6. С.47.
- 23 Изгоев А.С. Социализм, культура и большевизм // Вехи. Из глубины. М., 1991. С.367.
- 24 Камю А. Человек бунтующий // Иностранная литература. 1990. № 6.
- 25 Капто А.С. Этика ученого // Вестник АН СССР. 1990. № 6.
- 26 Солженицын А.И. Размышления над Февральской революцией // Москва. 1995. № 2. С.162.
- 27 Бакунин М.А. О Макиавелли // Вопросы философии. 1990. № 12. С.64.
- 28 Шер Я. Вина ли Россия? // Философские исследования. 1993. Вып. 1. С.123.
- 29 Вестник АН СССР. 1933. № 7. С.39—41.
- 30 Батыгин Г.С. “Место, которого нет” (феномен утопии в социологической перспективе) // Вестник АН СССР. 1989. № 10. С.22.
- 31 Короленко В.Г. Письма к Луначарскому // Новый мир. 1988. № 10. С.210.
- 32 Изгоев А.С. Указ. соч. С.363.
- 33 Батыгин Г.С. Указ. соч. С.24.
- 34 Короленко В.Г. Указ. соч. С.204.
- 35 Франк С.Л. Этика нигилизма // Вехи. Из глубины. С.183.
- 36 Бондарев В. Сталин и Ленин (непредвзятый взгляд на деяния двух вождей) // Родина. 1995. № 1. С.44—48.
- 37 Батыгин Г.С. Указ. соч. С.21.
- 38 Куллэ Р. Несколько дней из дневника // Уроки гнева и любви (сборник воспоминаний о годах репрессий. 20—80-е годы). Л., 1991. С.17.
- 39 Радаев В.В. В борьбе двух утопий // Вопросы философии. 1992. № 4. С.34.
- 40 Калашников В. Чем наполнить “русскую идею”, или Размышления о том, что может сегодня объединить народ // С.-Петербургские ведомости. 1995. 11 апреля. С.4.

А.И.Вольский

Активная безопасность

От редакции: Предлагая читателю полемические заметки А.И.Вольского, одного из наиболее известных и авторитетных политических и государственных деятелей современной России, мы надеемся открыть на страницах журнала обсуждение актуальных проблем национальной безопасности и военной реформы.

Умный человек выберется из положения столь трудного, что мудрый в него никогда не попадет.

Современный автомобиль щедро оснащен средствами защиты пассажиров. Мягкий капот и багажник легко сминаются, не допуская разрушения жесткой кабины. Специальные рычаги при столкновении заталкивают двигатель под кузов, чтобы он не ударил водителя по ногам. Рулевая колонка ломается, спасая его ребра. Ремни безопасности и надувные подушки не дают налететь на лобовое стекло. Стекла многослойные (слои клея удерживают осколки) и закаленные (скругленные внутренними напряжениями края осколков никого не порежут).

Все это — пассивная безопасность, защита уже от происшедшей аварии. Куда важнее безопасность активная. Лучшая защита от аварии — добиться, чтобы она не состоялась.

Мощный мотор (проскочить на зеленый) и надежные тормоза (встать перед красным). Большие окна (видеть других) и яркие сигналы (чтобы видели Вас). Дальнобойные фары (заметить препятствие), правильно расположенные (ослепишь встречного, а он в тебя же и врежется)...

Безопасность России всегда числилась высшей заботой властей и народа. Мы готовы победить в любой войне. Но это безопасность пассивная. А вот об активной — предотвращении возможных конфликтов — думали далеко не всегда.

Хотя и пассивная безопасность обеспечена весьма не идеально.

Главной нашей надеждой и опорой считает себя бесчисленная армия. Ее и впрямь хватает на мелкие пограничные стычки (вроде озера Хасан или Таджикистана) и бои с соседями послабее (вроде 100 лет войн с Турцией).

Но долгий и печальный опыт показал: первые же схватки серьезной войны эту армию чаще всего истребляют. Только в 1812-м большую часть кадровых войск удалось отвести от Дриссы до Тарутина. А в 1914-м и 1941-м регулярная армия рассыпалась в приграничных сражениях. Воевали в основном мобилизованные.

Причем погибали эти мобилизованные тысячами и чаще всего без толку. Ибо обучены были, мягко говоря, не идеально. Ведь обязанные их обучать — кадровые

сержанты — гибли еще у границы. Вместе с опытными офицерами, которые должны были тех и других направлять в бою. Впрочем, этих в конце 30-х истребляли еще до войны.

— *Зато вооружение армии всегда поражало. Изобилием. Но не всегда качеством.*

История, к сожалению, подтверждает известный тезис, что генералы всегда готовы лишь к прошедшей войне.

Крымскую войну Россия проиграла прежде всего из-за гладкоствольных ружей. Англия и Франция уже давно перешли к нарезным, куда более точным и дальнобойным. Так что даже артиллерия наша была беззащитна перед пехотой противника.

В числе талантливейших за всю историю российской армии организаторов — один из главных в эпоху Александра II и III реформаторов, генерал Драгомиров. Но в истории он памятен, увы, не военными реформами. А непреклонными возражениями против вооружения армии пулеметами. “Пулемет был бы необычайно полезен, если бы человека нельзя было убить одной пулей, а требовалось бы еще и расстреливать вдогонку”, — говорил он. Хотя назначение пулемета совсем иное — восполнять неизбежные неточности стрелка множеством попыток. Стараниями Драгомирова (и его не столь талантливых, но столь же упрямых соратников) Россия встретила русско-японскую войну почти без пулеметов. Чем война кончилась, мы помним.

Армейская винтовка 1891-го года дожила до 1945-го с чисто косметическими переделками, хотя принципиальные ее дефекты были очевидны еще в прошлом веке. Но армия не потребовала никаких изменений. Солдаты рихтовали магазины после каждого падения, нагружались в дополнение к штыку ножами и пилами, теряли драгоценные в бою секунды, дотягиваясь до рукояти затвора. Но кого волнуют солдаты?

Уникальный штурмовик Ил-2 по требованию армии лишился бортстрелка и оказался беззащитен перед любой атакой сзади. Бронеспинка не спасала. Цель — нарастить скорость на десяток километров в час, ровно ничем боевому применению против наземных целей не помогающих. И только катастрофические потери во время войны вынудили армию смириться с восстановлением хвостовой стрелковой точки.

Танк Т-34 признан во второй мировой лучшим. Но против его разработки армия возражала с упорством, достойным лучшего применения. Только прямой приказ вполне еще штатского в ту пору Сталина преодолел прямые запреты генерала Кулика.

Кулик — случай вообще “героический”. За 4 года деятельности на посту заместителя по вооружениям наркома обороны он практически разоружил Рабоче-Крестьянскую Красную Армию. Чудесная автоматическая винтовка Симонова АВС-36 заменена худшей по всем показателям самозарядной винтовкой Токарева СВТ-38 — ее уже через два года пришлось модернизировать (впрочем, и СВТ-40 доброго слова от фронтовиков не дождалась). Сняты с производства противотанковые ружья — пришлось создавать заново уже в ходе войны. Пулемет-пистолеты снять с производства не удалось (их заказывали еще и погранвойска), но армию с ними разлучили. Прекращены разработка и выпуск артиллерии калибром менее 100 мм — самой распространенной и эффективной во второй мировой. Безоткатная артиллерия (больше нигде в мире такой не было) ликвидирована вместе с ее творцом Курчевским. Убит и создатель воздушно-десантных войск Гроховский, а заодно истреблена почти вся придуманная им специальная техника для десантирования... Деяния Кулика можно перечислять еще долго — их поминует в мемуарах любой, кто в Отечественную был хоть как-то связан с оружием. Конечно, понять замнаркома можно. Он сел в кресло, еще не остывшее от свежерасстрелянного Тухачевского. И держался в этом кресле пока и постольку, пока и поскольку уничтожал все Тухачевским созданное. Но как понять присвоение Кулику за все эти подвиги звания маршала?

Есть примеры и посовременнее. Но во избежание позора их объявляют военной тактикой. Ясно одно — в глазах армейского руководства по-прежнему пуля — дура. Деньги, выделяемые на армию, тратятся на совершенное оружие лишь в последнюю очередь.

Мотивировки разные. Зарплата офицерская, строительство жилья, быт военных городков и т.д. Реально же этот камуфляж нужен, чтобы скрыть заветное желание иметь многомиллионную армию. Пусть нищую, голодную, плохо вооруженную, но оправдывавшую факт наличия нелепых количества генеральских должностей! А оружие — по остаточному принципу. Так и приходим к тому, что главным оружием нашего солдата станет каменный топор. А сам солдат в свою очередь станет бесплатным приложением к нему.

Большую часть нашей истории так оно и было. Кто считал колхозных или крепостных рабов? Горами тел мостить Мазурские болота, потоками крови промывать бреши в линии Маннергейма, танкистов и вродителей КамАЗов гнать в ущелья под афганские гранатометы — все можно было себе позволить. Даже слова о высшей ценности человеческой жизни всего лишь прикрывали анекдотически ничтожную ее цену.

Ныне, в рыночную эпоху, цену обретает все, включая и нас самих. По американской методике человек стоит не меньше, чем мог бы заработать до конца дней своих. Конечно, наши зарплаты все еще баснословно малы — но, даже судя по ним, сколько причитается с тех, кто морил голодом моряков на острове Русском?

Как видно, экономия на оружии отнюдь не гарантирует сытой жизни тем, кто этого оружия лишен. Раньше, конечно, на армию выделяли столько, что даже при легендарном российском казнокрадстве кое-что перепало и солдатам. Хотя и в Крыму, и на Шипке, и на сопках Манчжурии бойцы носили гнилье и питались сухарями. Трогательна все-таки незыблемость армейских традиций!

Впрочем, время от времени и эти традиции совершенствуются. Например, дедовщина — порождение недавней эпохи процветающего застоя. Сколько ее жертв следует занести на счет любителей мариновать людей в казарме по два года?

Срок этот обоснован очень убедительно: солдат надо обучить обращению со сложной техникой. Извините, не верю. Водить автомобиль по запруженным улицам куда сложнее, чем танк в чистом поле. Но автолюбителей обучают за месяц-два.

Говорят: с тех пор боевая техника усложнилась. Тогда тем более должно упроститься обращение с ней. Для трогания с места автомобиля начала века требовалось два десятка операций; нынешнего (в зависимости от модели) — от двух до пяти.

В 20-е годы армия Германии по условиям Версальского мирного договора не могла превышать 100 тысяч. Немцы разработали новые методы обучения бойцов — и сократили срок службы до нескольких месяцев. На экспериментальных курсах артиллеристов обучали за 14 дней.

Мы не призываем сделать службу в армии двухнедельной. Но должен же кто-то из военных авторитетов задуматься — зачем всей армии служить по полному сроку?

Многие знают, что на современных подводных лодках служат в основном офицеры и мичманы. Как правило, профессионалы высокого класса. Спрашивается, зачем служить три года матросам, основная задача которых — вспомогательные работы, камбуз или в составе палубной команды драить палубу и бросать швартовы.

Если техника действительно легка в использовании и обслуживании, если обучить владеть ею можно в считанные месяцы — задерживать солдат незачем. А полгода или даже год в армии переживет практически любой. Россия получит гораздо больше подготовленных бойцов при гораздо меньших затратах.

Правда, по мере совершенствования техники нужна переподготовка. Но при грамотной постановке дела она займет неделю-две в год. Именно так организованы армии

Швейцарии и Израиля, где невоеннообязанных практически нет. В Израиле воюют даже женщины — при наших казарменных порядках дело невообразимое.

Рядовым в запасе можно быть долго. Офицер в запасе теряет квалификацию куда скорее. Так что армию сделаем кадрированной. То есть командиров (прежде всего старших) в ней должно быть достаточно для полного, после мобилизации состава. Вот и придется дело тысячам наших генералов. Даже с привычной обслугой можно не расставаться. Надо лишь отказаться от привычки под каждого генерала “класть” полк.

Конечно, у такой армии недостатков много. Но вряд ли она будет заметно хуже нынешней.

Собственно, ничего нового я не предлагаю. Именно так реорганизовал РККА Фрунзе после гражданской войны. За что, по слухам, и был уморен в Кремлевской больнице.

Конечно, есть и техника, которой за месяц не овладеешь. Авиация: слишком разнообразны ситуации в ее воздухе, слишком многим должен пилот управлять одновременно. Подводный флот и минное дело: слишком велика цена ошибок.

Есть и специальности, в которых все решают пистолет, нож и голые руки: десант, спецназ, погранвойска... Тут чем дольше учишься, тем лучше.

Для быстрой подготовки солдат нужны квалифицированные учителя. Гордость армии США и Германии — сержанты. Но чтобы они справлялись с любым солдатом в считанные недели, их самих готовят годами. А наших сержантов — шесть месяцев.

Никто не требует, чтобы армия состояла из одних краткосрочников. По вольному найму, на подходящих условиях, нужные специалисты прослужат сколько потребуется. Ведь и в нынешней армии офицеры вольнонаемные...

Правда, в такой армии, под таким чутким и мудрым руководством, мало кто согласен оставаться. Даже кадровые офицеры уходят. Кто сам, кто по собственному желанию начальника. Что же, напомним генералам: не они нанимают армию, а армия — их. И с нерадивым наемником расстанутся, в каком бы высоком звании он ни пребывал. Десяток судебных разборок с “ворседесами” не заменит одного боеспособного взвода. Их у нас скоро будет меньше, чем генералов...

Сегодня достаточно часты локальные войны. Здесь наиболее эффективны вооруженные высокоточным оружием силы быстрого реагирования. В США, свободных от угроз на суше, это прежде всего морская пехота; у нас — десантные войска. Конечно, даже десяток миллионов запасников — не защита от внезапного ядерного нападения. На этот случай и у нас и у американцев есть стратегические ядерные силы (СЯС). На них, кстати, тратится менее десятой части бюджета. И в силах быстрого реагирования, и в СЯС должны служить в основном профессионалы. Если не выбрасывать деньги на толпу в казармах, то на специалистов хватит. Даже экономнее будет!

А сэкономленные передадим конструкторам и исследователям. Чтобы всегда наготове были новейшие образцы вооружения. Усовершенствованные. Проверенные. Готовые к крупносерийному производству. И, конечно, соответствующие тем ТТТ (тактико-технические требования), которые выработают действительно знающие воины. Прежде всего те, кому это оружие, не приведи господи, придется применять. Это исключит ошибки в ТТТ, когда в их составлении участвуют в основном “паркетные” генералы.

Один из наших боевых самолетов (если скажу какой — обвинят в разглашении военной тайны) знаменит непригодностью к ремонту. Для смены почти любого агрегата приходится разбирать чуть ли не полсамолета. Казалось бы, дикая безграмотность конструкторов! Нет. Просто в ТТТ о возможности и сроках ремонта не говорилось вообще.

Наверное, прав Клемансо! Война — слишком серьезное дело, чтобы доверять его генералам! Были времена, когда и у нас это понимали. При Устинове некоторые кон-

структуры вооружений могли сказать высокопоставленным военным: “Мы лучше вас знаем, какое оружие нужно армии, и мы вам его дадим”.

Именно при Устинове была сформирована эффективная и логичная структура ВПК. Результат — известные всему миру МиГ-29. Су-27, подводные лодки “Тайфун”, стратегические ракеты “Тополь” и многое другое. Нельзя не вспомнить “Кузькину мать” — 50-мегатонную водородную бомбу. Ядерщики назвали ее так в память о знаменитом выступлении Хрущева в ООН.

Такая самостоятельность “гражданских” вызывала недовольство у военного руководства. Многие зубры от оборонки помнят фразу, брошенную на ходу тогдашним министром обороны Гречко, — “Пусть этот рыжий со Старой площади не суется в мои дела”. Устинов также не оставался в накладе, называя при случае Гречко “заслуженным кавалеристом”.

Вывод — надо попытаться вернуться к формуле военно-промышленного комплекса, созданного Устиновым. Иначе наши военные опять будут не готовы к тем вызовам, которые могут быть предъявлены России.

А они будут уже из области войны интеллектов — в сфере компьютерных, информационных и телекоммуникационных технологий. Мир стал уязвимым перед новым оружием. Более опасным, чем ядерное. Уже “Буря в пустыне” показала, что информационная война — это не виртуальная реальность компьютерных игр. Это эффективный инструмент достижения быстрой и бескровной победы в военном или политическом конфликте. Приемы внезапного заражения программного обеспечения вероятного противника логическими “бомбами” и “вирусами” на Западе уже не экзотика.

Я собирался говорить об активной безопасности. А до сих пор все о пассивной. Хотя по уважительным причинам.

Во-первых, обеспечена она, как видим, из рук вон плохо. Воюем не умением, а числом. Как будто после Суворова никто “Науку побеждать” не учил. Генералы обещают защитить Родину любой ценой. Ибо ЛЮБУЮ цену всегда платят из чужого кармана. Цена эта — вверенные командирам тысячи мальчишек — тоже часть Родины. Их тоже нужно защищать, а не перемалывать в пушечное мясо, как это было в Чечне, когда во время новогоднего штурма погибло 700 российских парней. Не зря говорил лучшей американский генерал Второй мировой войны Джордж Паттон своим солдатам: “Я не прошу вас погибать за свою родину — прошу сделать так, чтобы мерзавцы на той стороне фронта погибали за СВОЮ родину”.

Во-вторых, пассивная безопасность — тоже часть активной. Танк на шоссе в аварию вряд ли попадет. Кому охота разбивать о его броню жестяные бока “Жигулей”?

Но, конечно, одними пассивными методами активную безопасность не обеспечишь.

Казалось бы, и активные методы просты. Со всеми дружи — и никто на тебя не набросится. Со всеми договаривайся — и тебя защитят.

Увы, договоры должны соблюдаться. А с этим всегда было плохо. Пути войны устланы клочками договоров о вечном мире. Мы и сами в 1941-м надеялись на договор о ненападении с Германией. А в 1945-м расторгли договор о ненападении с Японией. Да и Варшавский договор 1955-го уже не греет.

Даже договоры о союзе и нейтралитете, подкрепленные гарантиями всех заинтересованных сторон, спасают не всех и не всегда. Англия вступила в Первую мировую войну из-за нападения Германии на нейтральную Бельгию, во Вторую — из-за нападения той же Германии на союзную Польшу. Германия оба раза была достойно наказана. Но стало ли от этого сожженным Бельгии и Польше легче?

Кстати, во Второй мировой войне Германия растоптала нейтралитет Бельгии, Дании, Люксембурга, Нидерландов, Норвегии. Вот и верь после этого в нерушимость международных соглашений!

Дружба выглядит привлекательнее. Но и тут проблем немало.

Дружба — дело недешевое. Даже между частными лицами (примеры каждый подберет из собственного опыта). А уж сколько стоит дружба между государствами — мы помним по временам соцлагеря и братской помощи освободившимся народам колониальных и зависимых стран. США и по сей день немало друзей подкармливают. Так что даже в конгрессе спорят: стоят ли ТАКИЕ друзья ТАКИХ денег.

Дружба — дело негарантированное. Слово за слово — и поссорились. А державы ссорятся куда легче людей. В скольких войнах солдаты повторяют: “Я лично против них ничего не имею — это дело государственное”.

Дружба — дело нетранзитивное. В переводе с научного — друг моего друга далеко не всегда мой друг. Когда на Фолклендах воевали Великобритания и Аргентина — как себя чувствовали США, находящиеся в военных союзах с обоими?

Дружба — дело необязательное. “У Англии нет вечных друзей и вечных врагов, у нее есть вечные интересы”. Политики всего мира охотно цитируют эту фразу, ибо вечные интересы есть у любой страны. И горе друзьям, эти интересы ущемляющим!

Это все причины общие. Но у нас хватает и собственных оснований не полагаться только на дружбу. Слишком богат наш исторический опыт. Навязывались в друзья и России, и Россия — каждый раз бескорыстно. Предавали и Россию, и Россия — каждый раз из самых высших соображений.

Так что мы давно решили рассчитывать только на себя. А потому нам не важно, чтобы нас любили. Важно, чтобы боялись.

По этой части мы достигли многого. Тем более что никогда не стеснялись рецепта “Бей свой своего, чтоб чужие боялись”. Тому в истории мы тьму примеров слышим. И не только тех, которые я уже поминал.

Но у страха глаза велики. Кого слишком боятся — против того примут ответные меры. Организация Северо-Атлантического Договора была создана в 1949-м из страха перед нашей военной машиной и мудрым сталинским руководством. Теперь наступил наш черед бояться НАТО. И кому от всего этого лучше?

Договоры зыбки. Дружба ненадежна. Вражда обоюдоостра. Неужели безопасность гарантировать нечем?

Германия в войну заняла всю Скандинавию — кроме Швеции. “Мир вертится на шарикоподшипниках SKF” — неизбежные в случае оккупации разрушения заводов знаменитой Swenska Kullager Fabrik остановили бы всю немецкую военную технику. А высоколегированную шведскую сталь весь мир покупал как парфюмерию — считанными килограммами. Но и этими крохами рисковать было невозможно: некоторые инструменты без шведской стали делать не умел никто.

Швейцария в военном отношении отнюдь не гигант. Гитлер планировал захватить ее силами двух дивизий. И в худшем случае привлек бы три — Германия могла себе это позволить. Но захвату Швейцарии воспротивились ближайшие соратники Гитлера. Больно уж много они теряли. Канал переброски разведчиков. Поле размещения резидентур. Источник приборов, слишком сложных даже для немецкой промышленности. Путь прорыва экономической блокады: прицелы немецких бомбардировщиков имели узлы, сделанные в США, а прицелы американских — сделанные в Германии. А главное, место хранения награбленного: Гитлер мог не думать о возможном поражении, но люди поумнее заботились о запасном выходе.

Страны Европейского Союза воевали между собой веками. Сейчас сама мысль о конфликте для них абсурдна — не может сердце воевать с легкими. А если попытаться... Разрыв нашего Союза уже развалил всю экономику — и бог весть когда мы вновь склеим страну и ее хозяйство.

Есть, оказывается, страх, не создающий угрозы. Это страх потерять.

А вот нас как раз потерять никому не страшно. Экспортируем мы в основном сырье, которого в мире всегда хватает: если что-то кончается, тут же находят замену или способ обойтись вообще без дефицитного товара — не зря цены на любое сырье почти всегда падают (даже нефть после скачка в 1973-м непрерывно дешевеет). Импортируем третьесортное или устаревшее: если даже производители товаров для российского рынка вообще разорятся, это мало кто заметит. В мировом разделении труда практически не участвуем: технологические цепочки и внутри СНГ разорваны, а с настоящей границей их отродясь не бывало.

Так что мы можем спастись от угроз всего мира (реальных и воображаемых) единственным способом — стать всем нужными.

Проще говоря, это означает, что Россия должна найти свою нишу в международном разделении труда!

А это — труд. Тяжкий. Непрерывный. Всеобщий.

Военно-промышленный комплекс накопил уникальные технологии. Пора на их основе создать товары, достойные таланта своих создателей. Причем принципиально новые, неожиданные: рынок известных изделий поделен давно, на него пробиться труднее.

Но тоже необходимо. Это уже работа прежде всего не инженеров, а дипломатов. Во времена СССР наши торговые представительства творили чудеса, продавая советскую технику в самых неожиданных местах. Иногда для этого отказывались от всякой прибыли. Наверное, и сейчас придется — плата за безопасность.

И заводы, продающие продукцию за бесценок (лишь бы граница к ней привыкла), еще сколько-то посидят на дотациях. Из нашего, между прочим, кармана. Ничего — научатся делать и товары, в уценке не нуждающиеся. Говорят: кто не кормит свою армию, будет кормить чужую. Торговцы воют тише солдат, но чаще. Правда, их не обязательно кормить постоянно — набравший силу промышленник сам прокормит целую армию. Так что будем считать дотации на реконструкцию ВПК вложениями и в безопасность, и в будущее процветание. Ведь доживем же мы до него!

В США за мир боролись под лозунгом “Лучше быть активным, чем радиоактивным”. Безопасность всегда стоит дорого. Но раз платим мы — мы и выберем, что покупать. Активная безопасность требует активности от нас всех. Зато она действительно безопасна.

Как некогда в Древнем Риме модно было заканчивать любую речь четырехсловным изречением “Карфаген должен быть разрушен!” — так и я завершаю свою статью призывом “Безопасность России превыше всего”.

Владимир Владимирович Гранитов

Владимир Владимирович Гранитов родился в 1915 г. в Санкт-Петербурге. В 1920 г. с родителями покинул Россию. В Югославии окончил строительное отделение технического факультета Белградского университета, трехлетние военно-училищные курсы при РОВСе. В 1941 г. стал первым офицером Русского Корпуса. Вторую мировую войну окончил в чине поручика. После войны переехал в США, где работал по специальности. Возглавлял Союз чинов Русского Корпуса, а с 1988 года является Начальником Русского Обще-Воинского Союза.

“НЧ”: *Владимир Владимирович, пожалуйста, несколько слов о себе.*

В.В.Гранитов: Я родился в 1915 году в Санкт-Петербурге. Мой отец в чине капитана служил в 13-м Лейб-гвардии Эриванском полку. В 1913 году на 300-летие дома Романовых полк вызвали с Кавказа в Кострому, а позднее отец получил назначение во Владимирское военное училище. Он довольно скоро ушел на Великую войну 1914 года, и мы встретились лишь после 1917 года в Тифлисе, куда я переехал с матерью, не пожелавшей оставаться в революционном Петрограде. Затем отец вступил в Добровольческую Армию и провоевал вплоть до крымской эвакуации русской армии. Еще во время крымской эпопеи отец отправил нас в Грецию, на остров Лемнос, и соединились мы уже в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев, как тогда называлась Югославия. В Югославии я окончил русскую гимназию. С детства мне хотелось быть военным, и после гимназии передо мной встала проблема: вступать на службу в Королевскую армию или нет. При всей моей любви к Сербии, к сербскому народу, к его языку и культуре, к королю Александру я все-таки считал, что офицерская служба — это не служба, а служение. Служить можно лишь своему Отечеству, иначе у нас не хватит моральной силы быть офицером, а не чиновником. Понимая, что русским офицером мне не стать, я поступил на технический факультет Белградского Университета и стал инженером. Одновременно с поступлением на строительное отделение технического факультета, по рекомендации моего учителя географии генерала Гернгросса, я записался на молодежные курсы при РОВСе, военно-училищного типа. Прочувшись 3 года, я получил чин младшего офицера, но само производство было отложено до того момента, пока в этом не будет необходимости. После курсов меня приняли в Объединение чинов полка отца, но, поскольку полковой центр размещался в Париже, связи было мало. Начальник курсов полковник Гордеев привлек меня как инструктора в роту допризывной подготовки молодежи. 12 сентября 1941 года, когда в Белграде началось формирование Русского Корпуса, наша рота оказалась единственной готовой боевой частью в распо-

ряжении генерала М.Ф.Скородумова. Другой боеспособный — Гвардейский казачий дивизион, оказался отрезанным в тот момент в Хорватии, и мы для Скородумова, конечно, явились кстати. От нашей роты сформировали юнкерский взвод для несения караулов и принятия казарм еще до формирования Корпуса, почему я и стал первым офицером по его спискам. Чуть позже наша рота стала первой юнкерской ротой Корпуса.

“НЧ”: *Владимир Владимирович, а почему Вы вступили в Корпус?*

— Потому что я считал это своим долгом. Я стремился в военное училище и заканчивал курсы для того, чтобы служить России, когда к этому представится возможность. Она представилась в 1941 году. Для меня, как и вообще для множества русских семей тогда, никаких сомнений в выборе не было. В нашей семье в Корпус пошли я, мой отец и мой брат. То, что пошел отец, меня не удивило, он кадровый офицер. Но то, что пошел мой брат, не имевший склонности к военной службе, меня поразило...

“НЧ”: *Бытует мнение, что в Корпус вступали, так сказать, “за чечевичную похлебку”. Мол, материальное положение многих русских было тяжелое, а немцы одевали, кормили и так далее. Как Вы относитесь к подобным заявлениям?*

— Несколько человек могло быть и таких. Но большинство шло исключительно добровольно, убежденно, шли исполнять свой долг. Говорят, что в Корпус была мобилизация, но на самом деле эта мобилизация носила условный характер. Приказ генерала Скородумова о наборе в Корпус существовал, но и только. Никаких сил, средств, чтобы заставить русскую колонию его выполнять, у Скородумова не было. Поэтому шли те, кто хотел идти.

“НЧ”: *Вы видели генерала Скородумова?*

— Не только видел, но и хорошо знал. Это был человек очень решительный, безусловно идейный, прямой. На этой почве у него имелись столкновения со многими эмигрантами еще до войны. Например, генерал Скородумов не являлся чином РОВСа, потому что был легитимист, кирилловец. Я не стремлюсь оправдывать все его поступки, но Михаил Федорович, без сомнения, очень любил Россию, был прямым и стойким офицером.

“НЧ”: *Что, с Вашей точки зрения, явилось главной причиной конфликта между генералом Скородумовым и командованием Вермахта в Югославии? Может быть, дело в характере Михаила Федоровича?*

— Нет, здесь не характер сыграл главную роль, а его деятельность. У немцев положение тоже было сложное. Наверху — Гитлер и Розенберг, а местная администрация и военное командование смотрели на события со своей точки зрения. Для них Корпус был важен как инструмент борьбы с партизанами. Это то, что их привлекало. Нас же привлекала не борьба с партизанами, а возможность попасть на Восточный фронт, в Россию. Поэтому Скородумов среди условий немцам ставил и такое, в котором оговаривалась в ближайшем будущем отправка Корпуса в Россию. И в своем приказе 12 сентября 1941 года он сказал: “Я поведу вас в Россию!” Естественно, что согласия немцы на такую акцию не дали, генерала арестовало Гестапо и отстранило от командования. Но генерал Борис Александрович Штейфон, бывший при Скородумове начальником штаба и принявший Корпус, приказа не отменил. И немцы боялись его отменить, так как понимали, что просто так воевать с партизанами никто из русских не пойдет.

“НЧ”: *Какое впечатление производил генерал Штейфон?*

— Штейфон был человеком очень замкнутым, и говорить о нем сложно. Я не могу сказать, о чем он думал. Действия Штейфона не были такими решительными, как действия Скородумова, ему приходилось быть гораздо большим дипломатом, и эту роль

он удачно исполнял. Хотя... Однажды немцы заявили, что офицер Вермахта, прибывший в Корпус майор Лихтенеккер, должен смотреть за обучением русских офицеров новым системам вооружения и за созданием соответствующего духа и морального облика. Это было жестокое оскорбление, нанесенное всему офицерскому составу Корпуса. И тогда адъютант Штейфона поехал в штаб юго-восточной группировки Вермахта и стал усиленно интересоваться, какие правила существуют в Вермахте относительно вызова на дуэль. Ему ответили, что в военное время все дуэли запрещены, а собственноручно, в чем дело? Адъютант доложил, что майор Вермахта Лихтенеккер нанес оскорбление всем офицерам, и командир Русского Корпуса генерал Штейфон не видит иного выхода, как вызвать обидчика на дуэль. Дуэль не состоялась, но Лихтенеккер через два дня был отозван. В конфликт вмешался сам командующий юго-востоком генерал Бадер, и, в общем, его погасили.

“НЧ”: *Штейфон пользовался популярностью у офицеров Корпуса?*

— Нет, не очень. К нему относились, конечно, с уважением, но популярностью не пользовался. Старые галлиполийцы, у которых Штейфон был комендантом в 1920—21 годах, его любили, но большинство молодых офицеров не очень жаловали его, именно вследствие вот такой характерной замкнутости.

“НЧ”: *А кто пользовался популярностью?*

— Генерал Зборовский, полковник Гескет, полковник Рогожин. Вот эти три офицера оказались наиболее популярными.

“НЧ”: *Какое отношение в Корпусе было к генералу Власову?*

— Очень хорошее. Наше командование с 1941 года говорило немцам, что их единственное спасение в создании РОА, русского правительства. И когда в Корпус в начале 1943 года проникли первые слухи о Власове, это у всех офицеров вызвало самые разные надежды... С началом формирования его армии в конце 1944 года, генерал Штейфон поехал в Берлин и явился к генералу Власову. Как сказал последний: “Это был единственный русский генерал, который подчинился мне без всяких условий”.

“НЧ”: *Офицеров в Корпусе, которые в массе своей были белыми, не пугало то, что генерал Власов все-таки советский генерал и командир Красной Армии?*

— Нам вполне хватало его заявлений и листовок. У нас не существовала цель завоевать Россию. Наша цель ставилась — сломать сталинский режим вместе с русским народом. А вместе с русским народом, значит, вместе и с его армией, с бывшими советскими офицерами.

“НЧ”: *После войны Вы работали в США по специальности?*

— Да.

“НЧ”: *Вы сейчас являетесь Начальником Русского Обще-Воинского Союза. Каковы цели РОВСа в нынешней России?*

— По мере сил передать наши заветы, наши традиции, нашу преемственность русской военной молодежи. Мы помогаем вновь возрождаемым кадетским корпусам, занимаемся издательской и воспитательной деятельностью.

“НЧ”: *Главный завет РОВСа?*

— Служение России.

“НЧ”: *Как Вы оцениваете состояние нынешней армии России?*

— Я могу говорить лишь о том, что видел сам. В Москве, в школе “Выстрел”, я видел материальную часть. Мне кажется, это высокий уровень и высокие системы вооружения. Но действия в Чечне меня совершенно обескураживают, именно с точки зрения профессиональной.

“НЧ”: *Есть ли у Российской армии шанс стать по духу Русской Армией, традиционной для нашей Родины?*

— Конечно, если она сумеет переродиться. Дело не в материальной части и в обучении, но, в первую очередь, в самосознании. И главная задача, как мне кажется, все-таки стать не советской, а русской, национальной армией. Поэтому первая задача РОВСа в России — помочь интересующимся у нас дома впитать, вобрать в себя дух старой армии.

“НЧ”: *Что должно стать духовной основой возрождения армии?*

— В первую очередь, это возвращение к православию. Весь уклад Русской Императорской Армии был связан с православием. Я ни в коем случае не хочу сказать, что вся наша армия была православной; у нас были и мусульмане, и католики, и лютеране, и евреи. Но было меньшинство, а в основе своей русские солдаты и офицеры — православные. Это во-первых. А во-вторых, ощущение себя именно русскими, а не советскими.

“НЧ”: *Большое спасибо.*

Сан-Франциско, 17 марта 1995 года.

Граф Генрих фон Айнзидель

Граф Генрих фон Айнзидель.

Сегодня гость нашей рубрики — граф Генрих фон Айнзидель, известный общественный деятель современной Германии, депутат Бундестага. В период Второй мировой войны он был офицером Люфтваффе, воевал на советско-германском фронте, попал в плен. В дальнейшем Г. фон Айнзидель стал вице-президентом Национального Комитета “Свободная Германия”, обучался в антифашистской школе под Москвой. После войны он был репатрирован на родину, в советскую оккупационную зону, откуда в декабре 1948 г. по идейным соображениям ушел на Запад. Вся дальнейшая жизнь графа связана с Федеративной Республикой Германией.

Осенью 1995 г. Г. фон Айнзидель принял участие в международной научно-практической конференции, посвященной окончанию Второй мировой войны, истории деятельности Национального Комитета “Свободная Германия” (НКСГ) и Союза немецких офицеров (СНО). (См. информацию в рубрике “Научная жизнь”.)

По просьбе редакции журнала “Новый Часовой” интервью у графа Г. фон Айнзиделя взяли заместитель директора Мемориального музея немецких антифашистов В.А. Всеволодов и представитель журнала в Вологде В.Б. Конасов.

“НЧ”: Это интервью, которое мы сейчас у Вас берем, будет опубликовано в журнале “Новый Часовой”. Читатели журнала хотели бы узнать Ваше мнение о конференции и о тех проблемах, которые на ней обсуждались.

Граф Генрих фон Айнзидель: Главная проблема — в отношениях между немецким рейхом и Советским Союзом, между гитлеровским рейхом и СССР. Другие страны — Италия, Румыния, Венгрия — “ехали на подножке поезда”. Я не являюсь националистом. Но факт остается фактом: Германия с населением 80 миллионов человек находится в центре Европы и обладает огромным потенциалом. Ныне вопрос о государственном устройстве в Европе решен, и не так, как хотел этого Гитлер, но при господствующем положении немецкой марки. Однако для мира в Европе, для политики безопасности и сотрудничества огромную важность имеют немецко-русские отношения.

“НЧ”: На Ваш взгляд, не опоздало ли обращение к проблеме военнопленных спустя 50 лет после войны? Ведь многих уже нет в живых.

— Уже почти запоздало. Кто еще жив? Мне уже 74 года, а я был одним из самых молодых. Я вчера уже говорил на конференции, что мы должны были начать этот разговор 40 лет назад, или, по меньшей мере, 30 лет назад. Мое личное мнение, хотя может быть и неправильное, состоит в том, что этот разговор не состоялся только по вине советских властей. На Западе были готовы объективно говорить об этом. В конце концов, доступ к секретным архивам, секретным в кавычках, стал возможен только с началом перестройки. Видите ли, когда я в первый раз был в немецком музее антифашистов в 1991 году, я был тогда “персоной нон грата”, было запрещено упоминать мое имя. Я не считаю свою личность такой уж значительной, но этот факт симптоматичен.

“НЧ”: В прошлом Вы — вице-президент Национального комитета “Свободная Германия”, а сегодня Вы еще и депутат Бундестага. Стоит ли, на Ваш взгляд, сегодня оправдывать в Германии деятельность НКСГ и СНО?

— Я полагаю, что, конечно, стоит, и я делаю это. Исследование прошлого и стремление найти истину является трудным делом: ведь “холодная война” началась так быстро после победы над Гитлером. И это невероятно усложнило исследование истории. Историография почти всегда является средством националистической пропаганды. И когда кто-то пытается найти объяснение национальным мифам, перекладыванию вины на других, то он быстро объявляется предателем. И у нас эта трудность налицо: такой поиск виноватых на другой стороне уже произошел в Германии, когда речь шла о преступлениях Вермахта, СС, которые они совершили в России. Но память искажается сознательно не только в Германии, но и в России. И это затрудняет поиск правды о прошлом. Однако обе стороны должны признать свои ошибки, свою вину, свои заблуждения с тем, чтобы создать новый фундамент доверия между двумя народами.

“НЧ”: Почему на конференции Вы не сделали официального доклада, ведь у Вас была такая возможность? Мы видели и Вашу эмоциональную реакцию на многие выступления.

— Два года назад я уже сделал большой доклад, в котором затронул многие проблемы и высказал свои соображения. Я ожидал, что с моим докладом ознакомятся. Сейчас же происходит определенное повторение “систем оправдания”. На мой взгляд, очень мало времени было отведено дискуссии, было прочитано слишком много докладов, но их содержание слишком мало обсуждалось.

“НЧ”: А увидели ли Вы что-то новое и положительное на этой конференции?

— Честно говоря, к сожалению, не слишком много нового, только некоторые детали. Для меня все это было, как прошлогодний снег.

“НЧ”: Принципиальный вопрос: считаете ли Вы правомерной постановку двух проблем вместе — антифашистского движения и военного плена?

— Да, конечно, эти вопросы неотделимы друг от друга. Немецкие военнопленные в СССР были поставлены вне закона своим собственным правительством. Во-первых, сам факт их существования отрицался немецким правительством: утверждалось, что в России нет военнопленных. Во-вторых, наши почтовые отправления, которые разрешали посылать, утаивались нацистским правительством. В-третьих, пленные после Сталинграда поняли, что война проиграна, но многие из них тогда еще не понимали, что эта война с самого начала была преступной и была обречена на поражение. Но они уже понимали, по крайней мере какая-то их часть, что Германия должна сама себя освободить из-под власти Гитлера, чтобы спасти не только само существование немецкого государства, но и восстановить самосознание и честь страны, насколько это было возможно. Мы проиграли войну и потеряли честь. А если бы руководство Вермахта само

свергло Гитлера, если бы мы сами себя освободили от него, то мы хотя бы частично спасли свою честь. Мы должны были сами освободить хотя бы часть лагерей уничтожения, таких, как Треблинка, Освенцим, а не давать это делать Красной Армии.

“НЧ”: *Когда Вы на себе почувствовали всю власть сталинской системы?*

— Какого-то резкого поворота в моей судьбе, который стал бы причиной вступления в Союз немецких офицеров, не было. Я уже раньше знал, что война проиграна, а Гитлер — преступник. Но Вы можете упрекнуть меня: несмотря на это Вы служили Гитлеру будучи летчиком, Вы сбили 35 самолетов. Но ведь я был тогда молодым заносчивым аристократом, война для меня была своего рода спортом, как и для других летчиков-истребителей всех национальностей. Я был охотником, скажем так. Английские аристократы ездят охотиться на птиц в Шотландию. А наши “птички” могли отстреливаться. Они могли защищаться. И для нас еще больший спортивный интерес представляло то обстоятельство, что советские “птички” плохо отстреливались, не могли себя защитить. Знаменитый немецкий летчик-истребитель Штернхоф, впоследствии генерал НАТО с четырьмя звездами на погонах, говорил мне еще в 70-х годах: “Да, господин Айнзидель, я понимаю Ваши политические взгляды, но Вы должны признать, что русские не были спортсменами”. Тогда я спросил его: что, когда загоняют зайца или тетерева, считает ли дичь это для себя “прекрасным спортом”?

Я был слишком молод. Я не сознавал никакой ответственности, мне тогда шел 21-й год. А годом раньше я уже был начальником над 120 солдатами, у меня было 60 грузовиков и 2 больших радиопередатчика. При всем этом по немецким законам я не имел права снять со своего счета в банке даже 10 марок без разрешения родителей. По немецким законам я считался еще ребенком.

В 1940 году никто не ожидал, что Франция так быстро потерпит поражение. Гитлер стал национальным героем. Даже граф Штауффенберг в 1940 году хотел выиграть войну для Гитлера. И если Зайдлиц в котле под Сталинградом говорил, что нужно против воли Гитлера прорываться к своим, то тем самым он не собирался свергать Гитлера. Он хотел вести войну для Гитлера, но лучше, чем сам Гитлер. Когда я попал в плен, я не знал, кто такой Маркс, кроме того, что он еврей и изобретатель коммунизма. Я ничего не знал об истории и развитии Советского Союза, о Ленине, Сталине, Троцком. Но и это не относилось к моим проблемам. Моей проблемой я считал “поставить часы на правильный ход в Германии” (*die Uhren in Deutschland richtig zu stellen*) и устранить Гитлера. Для меня было ясно, что сталинская Россия, сталинский Советский Союз в военном отношении гораздо сильнее, чем царская империя в Первой мировой войне. Когда я начал заниматься историей Советского Союза, то понял, или пришел к выводу, что нападение Гитлера задним числом способствовало оправданию сталинской тирании. Если бы Сталин не провел насильственную коллективизацию и не форсировал проведение индустриализации, Гитлер выиграл бы войну. Гитлер задним числом дал оправдание его террору. А мы надеялись и тешили себя иллюзией, что после победы над Гитлером начнется процесс либерализации и демократизации советской системы. Еще в 1944 году в антифашистской школе в Красногорске я понял, что сталинская система является антиподом социалистической идеи. Ленин написал в 1905 году, а я прочитал: “Социализм без демократии приведет к ужасным последствиям”. Гораздо позднее я понял, что Сталин был почти неизбежным продолжением Ленина. Потом я увидел, как советские оккупационные власти обходились с Восточной зоной Германии, с Венгрией, с Польшей. Где-то у Сталина написано: “Профсоюзы — это приводной ремень, сообщающий волю правительства трудящимся”. Так это же противоположность социализма — профсоюзы должны доводить волю трудящихся до правительства. И еще я тогда понял, что национализация капитала, уничтожение част-

ной собственности, экспроприация — в чью пользу она была произведена? Кому все стало принадлежать? Номенклатуре, конечно. В декабре 1948 года я ушел из советской оккупационной зоны. Как социалист! Потому что считал, что она является антиподом социализма, что господство небольшого меньшинства является своего рода завуалированной диктатурой. Нацисты говорили: “Мы — арийцы, мы — превосходящая раса, мы — господа”. Ленинцы-сталинцы говорили: “Мы — единственные, кто знает, что такое истина, и в каком направлении должно развиваться человеческое общество”. Поэтому они присвоили себе право гнать кнутом человечество вперед — к счастью. Дзержинский заявлял: “Нам все позволено, потому что только мы обладаем знанием о настоящей правде”. Но все не позволено никому! Потому что человек как сущность не может быть объяснен только с экономической точки зрения, как у Маркса. У человека есть и другие потребности. Маркс писал, что человек делает свою историю, удовлетворяя свои потребности. Но человек имеет потребность не только в еде или половых отношениях, но имеет еще и метафизическую потребность, как я ее называю. Он спрашивает, зачем я пришел в этот мир и почему я должен умереть. На этот вопрос не дает ответа ни Маркс, ни Ленин, ни Фидель Кастро, ни Коль, ни Тито, ни Мао Цзедун. И я не знаю, как ответить на этот вопрос. Но как марксисту в антифашистской школе мне говорили, что партия — это монолит. В то же время диалектический материализм учит: жизнь — это единство противоположностей. Партия без противоречий — мертвая партия. Нельзя уничтожить зло в мире, потому что с уничтожением зла не будет и добра.

“НЧ”: *Все же как относиться к тем лидерам НКСГ, которые остались в ГДР? Что это было — конформизм или преданность идее?*

— Проанализировать это очень трудно. Есть разные биографии. Это было все вместе: от самообмана или желания верить в идею, от оппортунизма — до возможности сделать карьеру. Я тоже легко мог бы сделать очень хорошую карьеру в советской оккупационной зоне и в ГДР. Но я не захотел. После моего побега из советской оккупационной зоны меня часто спрашивали о его причине. Чтобы коротко ответить на этот вопрос, я говорил: “У людей там нет чувства юмора”.

Москва—Красногорск, 2 ноября 1995 г.

Организация Российских Юных Разведчиков — О.Р.Ю.Р.

Ведущий рубрики — инс. К.Александров

ХРОНИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

(июнь—декабрь 1995 г.)

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ОТДЕЛ

(начальник СЗО ОРЮР — ски. Андрей Клочко)

1-я Санкт-Петербургская дружина «Санкт-Петербург»

(начальник дружины — инс. Петр Тищенко)

В июне 1995 г. группа руководителей и разведчиков совместно с группой скаутов из Федерации Скаутов России (ФСР) совершила 18-дневное путешествие по Европе. Автобусное турне знаменовало собой 50-летие окончания Второй мировой войны и проходило по местам европейского Сопротивления в Польше, Германии, Франции, Бельгии, Чехии и Голландии. В Мурмелоне и Париже российские члены ОРЮР встречались с представителями Европейского отдела Организации. В Мурмелоне была отслужена панихида и состоялось торжественное поминовение чинов Русской Императорской Армии, павших в Первую мировую войну.

20 июня 19 человек из 35-го отряда разведчиц Св. Бл. Ксении Петербургской и отряда разведчиков Св. Иоанна Шанхайского, получив благословение Владыки Тихона, трудились на поле Введено-Оятского монастыря.

С 22 по 30 июня 37-й сводный отряд Белого генерала М.Д.Скобелева провел свой лагерь на о-в Коневец. Начальник лагеря — ски. Андрей Клочко. В день Преставления Св. Арсения Коневского разведчики присутствовали на Божественной литургии, которую служил архиепископ Тихвинский Симон.

В июле 80 человек из 1-й и 3-й дружин совершили длинное путешествие по горному Крыму. Маршрут похода пролегал от пещеры Кызил-Коба через речки Бурульчу и Партизанскую, водопад Джур-Джур и отроги Демерджи к побережью Черного моря. В пещере Кызил-Коба разведчики спускались в подземный водоем в гидрокостюмах. Они также побывали в Большом Крымском Каньоне, совершили восхождение на Ай-Петри, а в конце похода посетили Крымскую Астрофизическую обсерваторию. Начальник похода — инс. Петр Тищенко.

29—30 августа в Вартемяки на подворье монастыря Св. Иоанна Кронштадтского, разведчики и разведчицы 1-й дружины работали на уборке территории.

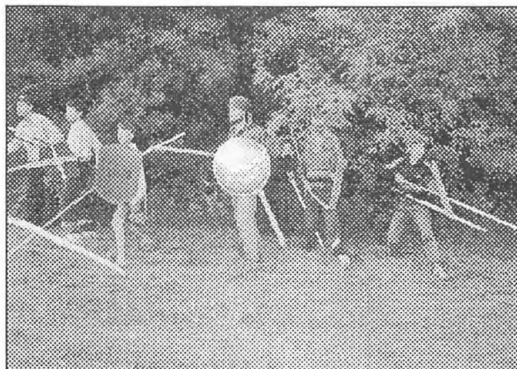
В начале сентября открылась новая штаб-квартира 35-го отряда Св. Бл. Ксении Петербургской в центре “Развитие” (бывший Дом пионеров и школьников Смольнинского района). Здесь же разместился отряд разведчиков Св. Иоанна Шанхайского. Начальники отрядов — инс. Валентина Александрова и шин. Роман Александров подготовили выставку скаутских и разведческих изданий, скаутской атрибутики и т.п. Выставку посетил Д. Булл, один из представителей Национальной Скаутской Организации Великобритании. После осмотра выставки состоялся сбор руководительского состава дружины, на котором обсуждались вопросы взаимоотношений ОРЮР и ВОСД.

В сентябре разведчики и разведчицы из 35-го отряда Св. Бл. Ксении Петербургской, Св. Иоанна Шанхайского, 37-го сводного отряда Белого генерала М.Д. Скобелева неоднократно трудились на подворьях Введено-Оятского монастыря и монастыря Св. Иоанна Кронштадтского на р. Карповке; на монастырском подворье разведчики из отряда ген. Скобелева посадили аллею елей.

В том же месяце разведчики отряда Св. Иоанна Шанхайского провели бивак на оз. Щучьем (Карельский перешеек), посвященный сдаче нормативов по топографии и ориентированию на 2-й разряд ОРЮР.

1—2 октября, несмотря на проливной дождь, в районе р. Волчья (Карельский перешеек) состоялся первый поход для новичков из 37-го сводного отряда Белого генерала М.Д. Скобелева и 39-го сводного отряда Св. Апостола Андрея Первозванного.

1—10 ноября в пос. Комарово (Карельский перешеек) состоялись Курсы Начальников Единиц (КНЕ) Северо-Западного Отдела ОРЮР, на которых присутствовали курсанты из С.-Петербурга, Ленинградской области и Архангельска — всего 27 курсантов. Инструкторский состав КНЕ обеспечивали руководители 1-й, 2-й, 3-й и 5-й дружин СЗО. Начальник КНЕ — ски. Андрей Клочко. В первые дни КНЕ на курсы приехали Ст. Скм. ОРЮР Михаил Данилевский, находившийся по делам в России и Зам. Ст. Скм. на Россию ски. Михаил Дроздов из Черногловки

Большая разведческая игра “Варяги” (на снимке) и “Славяне”.

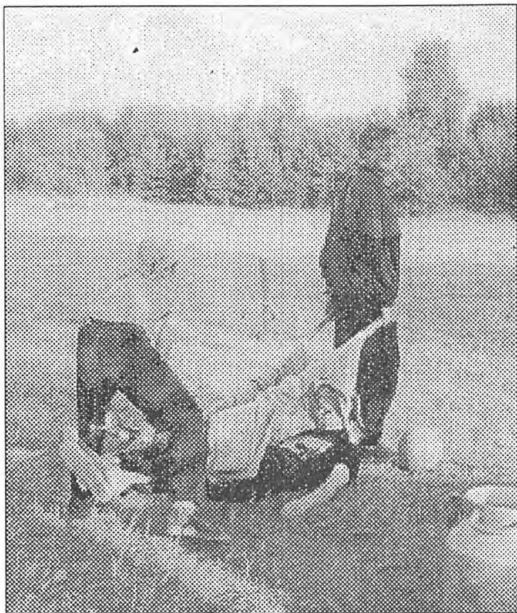
XII-й лагерь 38-го сводного отряда Ген.шт. ген.-м. М.Г. Дроздовского. “Локоть Брянский”. (август 1995 г.)

Дроздовцы на капустном поле.

На кухне. Лагерь “Локоть Брянский” (пос. Дубровка, Локотской р-н, Брянская обл.)

*Занятия по медицинской помощи.
"Транспортировка раненого".*

(Подмосковье). Главной темой, обсуждавшейся в беседах с курсантами и руководительским составом отдела, по-прежнему оставался вопрос о взаимоотношениях ОРИОР и ВОСД. Дискуссии выявили полноту подходов к указанной проблеме и вопрос по-прежнему остается открытым. Квалификация прошедших КНЕ присвоена 26 курсантам.

2-я Санкт-Петербургская дружина «КРЫМЪ»

(начальник дружины — инс. Юрий Звягин)

25 мая — 5 июня в пос. Можайское под Красным Селом прошел лагерь—коллония 22-й сводной стаи «Викинги» под руководством вит. Андрея Ниткина. В лагере принимали участие 17 ребят и 4 руководителя.

14—26 июня 10 разведчиков сводного отряда генерал-адъютанта М.В.Алексеева и два руководителя совершили поход по Карельскому перешейку. Начальник похода — вит. Максим Королев. Походники проходили в среднем в день 20—25 км.

1—10 июля 1995 г. в Екатеринбурге прошли КНЕ, организованные российским Особым Представительством ОРИОР, носившие Всероссийский характер. На КНЕ приехали 17 курсантов и около 10 руководителей из Москвы, С.-Петербурга, Нижнего Новгорода, Ноябрьска, Твери. Начальник КНЕ — скм. Георгий Лукьянов. Инструкторский состав обеспечивали старые опытные российские руководители ОРИОР из указанных городов. Все курсанты сдали зачетные задания по квалификации КНЕ. От 2-й Санкт-Петербургской дружины «Крым» были представлены 3 курсанта и 1 руководитель.

С 20 по 26 августа в Севастополе прошел заключительный этап КНЕ для новичков, витязей и дружинниц севастопольской дружины «Каламита», представители которой не смогли попасть в Екатеринбург. В течение недели инс. Олегом Денисенко и инс. Кириллом Александровым был прочитан полный курс КНЕ для севастопольских заочных участников.

16—25 июля для победителей годового звенового соревнования в 38-м сводном отряде Генерального штаба ген.-м. М.Г.Дроздовского — звена «Ягуары», состоялся поход в горный Крым по маршруту: Перевальное—Малиновый Ручей—Долгорукинский Яйл—плато Караби—водопад Джур-Джур—гора Южный Демерджи—Курлюкбаш—Перевальное. Походом руководил вит. Александр Миронов из Севастополя. От Дроздовского отряда участвовали звено «Ягуары» вожака Ст. рк. 3 Романенко Кирилла и начальник отряда инс. Кирилл Александров. В конце похода состоялось восхождение на Южный Демерджи по горной категории «1-Б», местами переходившее в категорию «2».

30 июля—14 августа под пос. Дубровка Локотского района Брянской области прошел XII-й отрядный лагерь «Локоть Брянский» 38-го сводного отряда Ген. шт. ген.-м. М.Г.Дроздовского. Начальник лагеря — инс. Кирилл Александров. Состав лагеря: 2 руководителя, 6 старших разведчиков и разведчиц, 22 школьника: разведчики, разведчицы и

Фрагмент игры “Ледовое побоище”. XIII-й лагерь 2-й Санкт-Петербургской дружины “Крым” — “Юшунь” (пос. Можайское, Ленинградская обл.)

новички. Все лагерные трудности помогало преодолевать очень теплое отношение совершенно незнакомых местных жителей. Лагерь освятил местный священник. 6 августа / 23 июля в день Свв. Бориса и Глеба двое ребят из Дроздовского отряда приняли Таинство Св. Крещения.

5—15 июня разведчики и разведчицы 18-го сводного отряда адмирала А.В.Колчака принимали участие в лагере “Древняя Русь” в Волхове.

29 сентября — 1 октября в пос. Можайское под Красным Селом состоялся бивак Дроздовского отряда. 20 октября в 114-ю годовщину со дня рождения генерал-майора М.Г.Дроздовского по инициативе дроздовцев в храме Св. Бл. Кн. Александра Невского в Красном Селе (бывший дивизионный храм 2-й гвардейской пехотной дивизии Вел. Кн. Константина Константиновича), настоятелем храма о.Евгением была отслужена панихида в память русского офицера.

5—9 ноября в пос. Можайское прошел XIII-й дружинный лагерь “Юшунь”, посвященный 75-летию последних боев Русской армии генерал-лейтенанта П.Н.Врангеля в Крыму в 1920 г. В лагере принял участие весь Дроздовский отряд и представители из отрядов адм. Колчака и ген. Алексева, всего — 35 человек. 7 ноября в храме Св. Бл. Кн. Александра Невского по инициативе членов ОРЮР — участников лагеря “Юшунь”, настоятель храма о.Евгений отслужил панихиду по всем русским солдатам и офицерам, павшим за Россию после Октябрьского переворота 1917 г. Начальник лагеря — инс. Кирилл Александров.

26 ноября 1995 г. исполнилось 4 года с того дня, когда право носить отрядные дроздовские шевроны получили первые ребята и существование 38-го сводного отряда Ген. шт. ген.-м. М.Г.Дроздовского стало фактом. Этот день считается Днем Рождения отряда. 25—26 ноября в пос. Можайское съехались около 40 дроздовцев, новичков и выпускников отряда, а также более 30 гостей из разных дружин, чтобы отметить отрядный дроздовский праздник. Перед торжественным строем был принят в члены ОРЮР новичок Дроздовского отряда Саша Васильев, к церемонии дачи Торжественного Обещания ОРЮР также были допущены новички 40-го сводного отряда Генералиссимуса А.В.Суворова из Волхова.

3-я Санкт-Петербургская дружина «Павловск» (областная) (начальник — инс. Юрий Дыляев)

1—15 июня ребята из дружины «Павловск» работали в Погах на подворье Софийского собора.

С 28 июня по 10 июля на берегах р. Волхов состоялись дружинные КДВ, в которых принимало участие 28 человек. Начальник КДВ — инс. Александр Пашехонов.

10 сентября разведчики дружины совершили поход в Усть-Ижору, где потрудились на восстановлении храма Св. Бл. Кн. Александра Невского, 7 октября состоялся дружинный поход на 15 км в Ленинградскую область.

С ноября 1995 г. в отрядах дружины началась подготовка к викторине, посвященной 300-летию Русского Военно-морского флота, которая проводится в школах Ленинградской области в начале 1996 г. Разведчики ОРЮР будут играть в одной команде против объединенной команды местных школ.

В ноябре в 74-м сводном отряде Цесаревича Алексея проходила цикловая игра «Хождение за три моря» по книге русского путешественника Афанасия Никитина. С помощью этой игры ребята серьезно занимались изучением Дванадцатых праздников Русской Церкви.

С ноября 1995 г. согласно распоряжению Ст. Скм. ОРЮР Михаила Данилевского началось переформирование 40-го сводного отряда Генералиссимуса А.В.Суворова в 5-ю Санкт-Петербургскую дружину «Волховъ» под руководством инс. Александра Пашехонова.

5—15 июня разведчики из отряда Генералиссимуса Суворова провели лагерь «Древняя Русь» на берегах р. Волхов. В этом лагере также приняли участие ребята из 74-го сводного отряда Цесаревича Алексея и из 2-й Санкт-Петербургской дружины «Крымъ».

В июле разведчики и разведчицы под руководством инс. Александра Пашехонова приняли участие в Крымском походе 1-й и 3-й дружин.

14 октября в Волхове состоялось празднование 4-й годовщины со дня начала деятельности группы ребят, которые позже объединились в 40-й сводный отряд Генералиссимуса А.В.Суворова. На праздник приехали гости из Москвы, Черноголовки и С.-Петербурга.

Крымское представительство (начальник — инс. Сергей Ревин)

Севастопольская дружина «Каламита»*

Состав дружины: 72-й сводный отряд флигель-адъютанта Его Императорского Величества, капитана 1-го ранга А.И.Казарского (начальник отряда — инс. Сергей Ревин) 36-я сводная стая «Рыцари Света» (начальница стаи — шин. Тялева Ирина); 35-я сводная стая «Зверобой» (начальница стаи — шин. Зелинская Елена)

Формирующийся сводный отряд Св. Дмитрия Солунского;

(начальник — шин. Миронов Александр)

27 мая — 3 июня — в охотничьем хозяйстве «Красный камень» прошел лагерь стаи «Рыцари Света». Участвовало 18 волчат и белочек. Начальник лагеря-колонии: инс. Сергей Ревин, руководители — држ. Ирина Ревина, држ. Тялева Ирина.

* Открыта приказом № 295 Ст. Скм. ОРЮР Михаила Данилевского от 18 июля 1995 г. (начальник дружины — инс. Сергей Ревин)

21 июля — 1 августа — состоялся лагерь-поход “Караби” 72-го сводного отряда фл.-адъют. Е.И.В. кап. 1 ранга А.И.Казарского в горном Крыму. Участвовало 13 человек. В программу лагеря входили переходы по 25—30 км, лагерные занятия, путешествия по пещерам. 4 новичка по итогам лагеря были допущены к церемонии Т.О. ОРЮР. Начальник лагеря — шин. Сергей Ревин, руководитель — држ. Настя Меснянко.

13—22 августа — в Георгиевском монастыре на мысе Фиолент прошел летний лагерь 1995 г. дружины “Каламита”. Участвовало 16 разведчиков и 2 руководителя. Начальник лагеря — шин. Ревин Сергей, руководитель — вит. Александр Миронов.

9 сентября в дружине “Каламита” состоялась церемония перевода из стаи в отряд капитана Казарского. Она проходила на Монастырской скале, среди развалин древней крепости Каламита на Инкермане. Церемонией руководила шин. Тялева Ирина.

1—9 ноября разведчики из дружины “Каламита” участвовали в пос. Большие Копани (Херсонская обл.) в лагере крымских скаутов. В подлагере “Славянская застава” объединились соединения ОРЮР: дружина “Таврическая губерния” (из города Армянск, начальник — шин. Николай Чернов), формирующийся сводный отряд вит. Игоря Иващенко (Красноперкопск), дружина “Каламита”. Начальник представительства ОРЮР — инс. Ревин Сергей, заместитель — држ. Меснянко Настя.

1 декабря традиционный праздник ОРЮР День Матери дружина “Каламита” отпраздновала в актовом зале 1-й севастопольской гимназии. Витязи и дружинницы под руководством витязя Александра Миронова поставили спектакль. Подготовкой программы разведчиков и разведчиц занималась Ст.рц.2 Меснянко Марина.

(При подготовке материалов к печати использованы № 5—7 Информационного выпуска “Северо-Запад” ОЗО ОРЮР под редакцией држ. Марины Александровой.)

Информацию и материалы для рубрики “Русский Скаут” в журнале “Новый Часовой” можно посылать по адресу “Нового Часового”, а также передавать по телефону (812) 260—61—11, инструктор ОРЮР Кирилл Александров.

Список сокращений

адм. адмирал	обл. область
Бл. Блаженная	оз. озеро
Вел. Кн. Великий Князь	пос. поселок
вит. витязь	Св. Святой (Святая)
ВОСД Всемирная Организация Скаутского Движения	Св. Бл. Кн. Святой Благоверный Князь
ген. генерал	СЗО Северо-Западный Отдел ОРЮР
ген.-м. генерал-майор	ски. скаутинструктор
Ген. шт. Генеральный штаб	Ст. рц. 2 Старшая разведчица 2-го разряда
држ. дружинница	Ст. рк. 3 Старший разведчик 3-го разряда
Е. И. В. Его Императорское Величество	Ст. Скм. Старший Скаутмастер
Зам. Ст. Скм. Заместитель Старшего Скаутмастера	Т.О. Торжественное Обещание ОРЮР
инс. инструктор	ТОВ/Д Торжественное Обещание Витязей и Дружинниц ОРЮР
кап. 1 р капитан 1 ранга	фл.-адъют. флигель-адъютант
КДВ Курсы для Вожаков	шин. штаб-инструктор
КНЕ Курсы Начальников Единиц	

Скаутмастер Р.Полчанинов

Скауты — разведчики накануне Второй мировой войны

Первые жертвы русское разведчество понесло еще до начала Второй мировой войны. 2 ноября 1938 г. в Вене состоялся раздел Чехословакии, в результате которого к Венгрии отошли главные города Подкарпатской Руси: Ужгород, Мукачево и Берегово. Во всех этих городах при русских гимназиях существовали скаутские дружины. 4 декабря 1938 г. в Подкарпатской Руси произошел переворот, организованный украинскими сепаратистами. Последние запретили все русские организации, в том числе и организацию русских скаутов им. Духновича. 15 марта 1939 г. сепаратисты переименовали Подкарпатскую Русь в Карпатскую Украину (Республику одного дня). В тот же день венгерские части оккупировали новое государственное образование и присоединили к Венгрии под названием Карпатолье (Прикарпатье). Одновременно венгры попытались захватить у Словакии Пряшевскую Русь, но были отбиты словаками. В одной из пограничных стычек погиб призванный в словацкую армию начальник Пряшевского отдела русской скаутской организации Георгий Пьешак¹.

В Венгрии местные скауты считались почти государственной организацией и назывались “черкесами”. Поэтому венгерские власти разрешили на территории бывшей Подкарпатской Руси деятельность русских скаутов под названием Бывший Центр русских скаутов им. Духновича. В 1940 г. газета “Карпатский голос” неоднократно сообщала о подготовке этим центром лагеря в июле. Фактически русская скаутская работа

велась при венгерской оккупации почти легально и не прекращалась до 1944 г. После советизации и прихода частей генерала Л.Свободы, Старший Скаут Подкарпатской Руси священник Стефан Фенцик был арестован и повешен в 1944 г.²

В Будапеште и в аннексированном у Югославии городе Нови Сад (венгерское название Уйвидек) Венгерский отдел Национальной Организации Русских Скаутов-Разведчиков (НОРС-Р) существовал легально.

По свидетельству В.Б.Федорова, работавшего в этом отделе, в Уйвидеке венгерские “черкесы” появились только в

Курсы начальников отрядов ОРЮР. Слева направо: вит. А.Пашехонов, скаутмастер Р.Полчанинов, вит. К.Александров.

Слева — эмблема курсов БКС.

Гатчина, июнь 1992 г.

Фото из коллекции инс.ОРЮР Л.Р.Селинской.

январе 1942 г. Михаил Граф — начальник отряда скаутов-разведчиков вступил с ними в контакт и к осени 1942 г. разведческая работа легализовалась полностью. Ранее в 1941—1942 гг. отряд устраивал сборы по звеньям на частных квартирах полулегально. Венгерские городские власти отвели разведчикам под штаб-квартиру каменный дом в Футогском парке. В условиях военного времени русские разведчики получили такую существенную привилегию, как право покупать элементы формы и снаряжение в венгерском скаутском магазине. Темно-синие пилотки с ремешком, значки и удостоверения на русском и венгерском языках уйвидекские разведчики получали от начальника Венгерского отдела НОРС-Р Михаила Попова-Боброва. Пребывание русских детей в отряде разведчиков, который к концу 1942 г. развернулся в дружину, освобождало их от обязательного присутствия в венгерской допризывной организации “Левенде”, что способствовало росту численности дружины. Разведческая работа в Венгрии продолжалась до свержения правительства адмирала Хорти 15 сентября 1944 г. после чего произошла немецкая оккупация страны.

В Финляндии русские скауты входили в состав местной скаутской организации и их деятельность продолжалась до самого конца войны. К 1939 г. во всей Финляндии существовал лишь один русский скаутский отряд — следопытов, как они себя называли³. Вместо традиционной эмблемы — лилии с изображением Св. Георгия, следопыты носили собственный знак — натянутый лук со стрелой. Чтобы стать членом финской организации, русский отряд должен был быть принятым в одну из бригад (финское название дружин). В Хельсинки существовали 3 бригады — финская, шведская и “свободная”. В последнюю принимали отряды, состоящие из детей любой национальности. В нее и входил русский отряд следопытов⁴. Последним начальником русских скаутов-следопытов являлся капитан В.И. Гранберг⁵. В его воспоминаниях, опубликованных в сборнике “Русские скауты” в 1969 г., можно прочитать следующее: “Начавшаяся война Финляндии с СССР прервала жизнь отряда: старшие скауты и скаутмастера ушли в армию. Военное положение страны с 1939 по 1944 гг. не позволяли вести занятия отряда полностью по целому ряду причин, но отряд как-то жил и существовал; звенья собирались и вели свои сборы, как могли. За обе войны с СССР было убито 5 скаутов нашего отряда и около 27 скаутов ранено. Все скауты были финскими гражданами и подлежали воинской повинности. Тела убитых скаутов, по прибытии в Гельсингфорс, торжественно хоронились, и все оставшиеся скауты принимали участие в этих похоронах. После заключения мира Финляндии с СССР в 1944 г., ввиду резко изменившейся политической обстановки в стране, отряд сразу пришлось закрыть и расформировать”.

В новосозданной Словакии в 1939 г. по инициативе Председателя местного Общества Галлиполийцев капитана А.Н. Лаврова возникла Организация Белых разведчиков. Она не была официально зарегистрирована и существовала на основании чьего-то устного разрешения. Общество Галлиполийцев предоставило разведчикам свое помещение для сборов по воскресеньям. Работа велась не по звеновой системе, а по отрядной. Отряд являлся сводным, т.е. в него входили мальчики и девочки. Многие дети из

*Скаут-Разведчик Ростислав Полчанинов.
Югославия, 1930-е гг.*

Фото из коллекции скм. ОРЮР Р.В. Полчанинова.

родившихся от смешанных браков исповедовали католицизм и по-русски говорили плохо, но несмотря на это, все занятия велись на русском языке. Начальником отряда вскоре стал инженер Ю.Н. Боголюбский. В программу занятий входило изучение русской истории, разведческая практика, игры и песни. Занятия по Закону Божьему не велись, так как этот предмет входил в школьную программу. Девизом белых разведчиков стали слова: “С нами Бог!”, а гимном — “Коль славен наш Господь в Сионе...”. Походной формы у этих разведчиков не существовало, а была только парадная — белая гимнастерка без погон и темные брюки для разведчиков, белая блуза и черная юбка — для разведчиц. Треугольные разведческие галстуки отсутствовали. Парадная форма одевалась только в торжественных случаях в помещении. Ни на улице, ни в лагерях парадной формой не пользовались, чтобы не вызывать ненужных разговоров. Организация хоть и стала разрешена, но должна была вести себя незаметно. С подъемом бело-синие-красного русского флага в лагерях проблем не было, так как и словацкий флаг имел те же цвета. Летние лагеря проводились в 1940, 1941 и 1942 гг. Первые два состоялись в районе города Пезинок (20 км от Братиславы в Малых Карпатах), а третий — в пограничном с Польшей местечке Хата Палота в Восточной Словакии. Лагеря продолжались несколько недель, участвовали в них одиночки из провинции и гости — максимально 50 человек. В лагерях не проводились занятия по разведческим разрядам, так как их изучали зимой.

Правительство Словакии находилось под сильным нацистским влиянием. После провозглашения независимости Словакии чехословацкие скауты, включая два отряда карпатороссов в Пряшеве и в Медзилаборце, оказались запрещены. Хата Палота находится в Пряшевской Руси, недалеко от Ладомирова (Владимирово). Во Владимирово находился русский православный Свято-Троицкий монастырь, который посещали участники лагерей. В Хата Палота приезжали и карпатороссы, которые, по воспоминаниям разведчика Н.П. Иванова, занимались практикой. По вечерам устраивались костры для всех лагерников. В работе на кухне помогали две—три мамы из числа приехавших со своими детьми в лагерь. Белые разведчики пользовались разведческой литературой НОРС-Р из Югославии, в которой организация до апреля 1941 г. легально действовала.

*Инструктора разведческих первых курсов для вожяков. Слева направо: Р. Полчанинов, Б. Мартино, С. Склевицкий, Р. Павловский.
Слева — эмблема курсов КДВ.*

Югославия, 1937 г.

Фото из коллекции скм. ОРИУР Р.В. Полчанинова.

Перепищу с Сараево, а позднее с Загребом, поддерживал Д.А. Порхаев, начальник одиночек в организации белых разведчиков. Одиночки жили в городах Пшештяны, Нитра, Тренчин, Турчанский Св. Мартин, Банска Бистрица, Михаловце и Бардеев. Политические и военные события после 1942 г. стали главной причиной прекращения разведческой работы, которая фактически кончилась в 1944 г. после оккупации Словакии немцами. При приближении Советской армии более половины русского населения покинуло Словакию, уйдя на Запад⁶.

Скаутское движение в Японии возникло в 1909 г., но его популярность возросла после посещения японским наследником престола в 1921 г. Великобритании. Японские скауты стали пользоваться поддержкой императорской семьи и прави-

тельства⁷. Поэтому японские оккупационные власти не преследовали любое национальное скаутское движение в Маньчжурии и оккупированном Китае в 1939—1940 гг., благодаря чему русская разведческая работа шла там довольно успешно.

В Югославии в 1937—1940 гг. наблюдался небывалый ранее подъем разведческой деятельности. В августе 1935 г. Р.В.Полчанинов окончил IX югославский курс БКС (“Будь как солнце!”) для руководителей. Основателем и руководителем югославянских БКС-курсов был русский скаутмастер М.В.Агапов-Таганский. При содействии Р.В.Полчанинова осенью 1935 г. в Загребе возникло звено одиночек “Жар-Птица” и начальник Югославянского отдела НОРС-Р генерал В.Н.Колюбакин приказом № 34 от 31 декабря 1935 г. назначил Р.В.Полчанинова начальником Отделения Одиночных скаутов-разведчиков. 3 января 1937 г. звено “Жар-Птица” развернулось в отряд Петра Великого. Осенью 1937 г. приехавший учиться в Белград боснийский мусульманин член НОРС-Р М.И.Мулич основал 3-й Белградский отряд Ермака Тимофеевича. Приехавшему вместе с ним Б.Б.Мартино поручили организовать 2-й Белградский отряд А.В.Суворова (Суворовский). В начале 1938 г.⁸ сараевец С.В.Пелипец основал 4-й Белградский отряд генерала М.Г.Дроздовского. В Белградской дружине никогда не было более двух отрядов, а в 1937—1938 гг. их вдруг стало сразу четыре. В это время в провинции при содействии Р.В.Полчанинова возникли отряды в Цетинье и Субботице, а после летних лагерей 1938 г. — в Белой Церкви. М.И.Мулич создал отряд в Крагуевце, С.В.Пелипец — в Скопле. В сентябре 1938 г. Сараевский отряд генерала Л.Г.Корнилова под руководством Р.В.Полчанинова развернулся в дружину, а одиночное звено в Панчеве в отряд. В 38 городах Югославии, включая отряды в провинции, насчитывалось более 200 членов НОРС-Р, а с белградскими отрядами в Югославском отделе — более 400. Таким образом Югославянский отдел НОРС-Р занимал в Организации по численности третье место после Маньчжурии (1100 членов) и Франции (500 членов). Югославянский отдел являлся центром работы НОРС-Р в Европе, так как его начальник генерал В.Н.Колюбакин был по совместительству и заместителем Старшего Русского Скаута полковника О.И.Пантюхова на Европу. Однако эта должность носила более почетный характер; начальник отдела реально не имел никаких прав и обязанностей. Ее упразднение состоялось в сентябре 1939 г.⁹

Фактическим центром скаут-разведческой деятельности Югославия стала после назначения скаутмастера М.В.Агапова-Таганского Старшим Русским Скаутом Пантюховым приказом № 295 от 1 августа 1936 г. заведующим инструкторским отделом¹⁰ или начальником Инструкторской части (ИЧ). К работе в ИЧ М.В.Агапов привлек своих учеников, окончивших югославянские руководительские курсы БКС: Б.Б.Мартино, которого назначил своим помощником, и Р.В.Полчанинова в качестве секретаря. С осени 1939 г. М.В.Агапов-Таганский приступил к выпуску “Вестника Инструкторской части”, выходившего в Сараево в 1940—41 гг. под редакцией Б.Б.Мартино (№ 7 от 15 декабря 1940 г. и № 8 от 15 января 1941 г.). В № 7 “Вестника” приводился план работы на 1940—41 гг., в том числе и издательский план, включавший издание “Вестника”, журнала для младшей ветви Организации волчат и пчелок (в ОРЮР последние называются сейчас белочки) под названием “Тайга”, пособия по 2-му разряду, Устава НОРС-Р 1934 г., “Краткого спутника руководителя”, “Сборника положений” и конспектов для Руководителей (КДР).

Оккупация Югославии немцами и их союзниками в апреле 1941 г. положила конец многим, но не всем планам ИЧ. Сотрудники ИЧ Б.Б.Мартино и Р.В.Полчанинов под руководством М.В.Агапова-Таганского приобрели опыт работы, который пригодился в годы последующей подпольной работы. 17 сентября 1939 г. Красная Армия вступила на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии. Всякая скаутская

*Основатель курсов БКС и начальник
Инструкторской части НОРС-Р
Максим Владимирович Агапов-Таганский.
Фото из коллекции инс.ОРЮР Л.Р. Селинской.*

ботал только один русский отряд, который прекратил свою работу, когда начались сильные германские бомбардировки. В Египте также существовал лишь один отряд, не входивший в НОРС-Р. Он перестал существовать в 1939 г. после призыва в армию его начальника В.Беллина¹³.

Сложнее все обстояло в Германии, которая стала третьей страной после коммунистического Советского Союза и фашистской Италии, запретившей скаутское движение. 17 июня 1933 г. в Германии было объявлено о ликвидации всех скаутских организаций, связанных с Бойскаутским интернациональным бюро в Лондоне. Католические и протестантские «пфадфиндеры», не имевшие связей с Лондоном, временно смогли себя сохранить. Начальник дружины русских скаутов в Берлине В.С.Слепнян немедленно переименовал свое соединение в дружину «православных пфадфиндеров-витязей». Берлинские витязи назывались витязями при Русском Студенческом Христианском Движении (РСХД) и не входили в Национальную Организацию Витязей (НОВ) Н.Ф.Федорова, так как не имели права подчиняться центру в другой стране¹⁴. В своих летних лагерях витязи поднимали только русский флаг. После лета 1937 г. нацисты потребовали от витязей подчинения командованию Гитлерюгенд. Витязи отказались, равно как и отказались поднимать в своих лагерях флаг со свастикой, после чего объявили о самоликвидации¹⁵.

Чтобы контролировать русскую эмигрантскую молодежь, нацисты поручили своему доверенному лицу в русской колонии С. фон Таборицкому создать Национальную Организацию Русской Молодежи (НОРМ)¹⁶. Фактически Таборицкий в Германии руководил созданным нацистами Управлением по русским делам. У него не было ни знаний, ни времени заниматься созданием НОРМ, и он назначил начальником штаба НОРМ И.А.Мелких, который вместе со своей женой И.Правосудович руководил всей практической работой новой организации. И.А.Мелких являл тип человека умного,

деятельность была немедленно запрещена. После советской оккупации летом 1940 г. Литвы, Латвии и Эстонии в прибалтийских республиках начались аресты всех общественных деятелей, в том числе и русских скаутов. В июле 1940 г. некоторые дружины и отряды провели свои последние лагеря. 9 октября 1940 г. официально была запрещена скаутская организация в Литве¹¹ и примерно в то же время — в Латвии и Эстонии. Имущество, включая знамена, приказывалось сдать комсомолу, но в Печерах и Риге некоторые знамена удалось спасти.

Упомянув союзников Германии, необходимо отметить, что в Болгарии скаутская деятельность не запрещалась. В этой стране существовала одна русская дружина в Софии. Ее работа, включая летние лагеря, продолжалась до вступления на территорию Болгарии Советской армии и захвата власти просоветскими элементами 9 сентября 1944 г.¹²

В Англии и Египте русских скаутов никто не запрещал. В Великобритании ра-

энергичного, амбициозного и получил известность у Таборицкого своими пронацистскими взглядами. Параллельно он служил в “Арбайтдинст” (Рабочая служба). Какое-то время Мелких работал на одном из новых строителей простым рабочим, хотя имел диплом инженера. Супруги Мелких за свою работу в НОРМ жалования не получали. В обязанности начальника штаба входило раз в месяц являться в Управление к Таборицкому с докладом о делах НОРМ, получать деньги на аренду помещения, освещение, отопление, телефон и канцелярские расходы. Помещался НОРМ в Берлин-Шенеберге, Эльсхольцштрассе 3, недалеко от площади Ноллендорф. Помещение состояло из большой комнаты, небольшой кухни, канцелярии и подвала. Сам Таборицкий никогда НОРМ не посещал и в дела молодежи не вмешивался. Он лишь писал отчеты командованию Гитлерюгенд и иногда выступал от имени организации на страницах русской газеты “Новое Слово” В.Деспотули. Многочисленные русские юноши и девушки, приезжавшие на работы в Германию, находили для себя в лице НОРМ привычную среду и защиту от возможных недоразумений. Каждому вставшему на учет в Управлении С. фон Таборицкого и подхившему по возрасту давалась рекомендация вступить в НОРМ¹⁷.

Первыми подпольную работу начали русские скауты в Варшаве. Правда она велась с ведома Русского Комитета, возглавляемого С.Л.Войцеховским, которому оккупанты доверили все русские дела в Генерал-губернаторстве. Весной 1940 г. служащий Комитета П.А.Жирицкий, бывший до оккупации в Лодзи харцером, с разрешения начальства основал Дружину русских вожатых и разведчиков, переименованную летом того же года из осторожности в НОРМ¹⁸. 13 июля 1940 г. при содействии Русского Комитета под Варшавой в Свидаере состоялось открытие летнего лагеря НОРМ. Накануне в варшавском православном храме Св. Троицы был отслужен молебен. Лагерь устраивался на незастроенном участке на берегу мелководной реки. Обстановка была примитивной и бедной. Разведчицы жили в полотняных палатках, участники — в деревянных шалашах. Столовую заменял вырытый в земле ров, сидя на краю которого участники и участницы лагеря ели, получив пищу из кухни под открытым небом. Посуду они мыли в реке. Начальником лагеря являлся П.А.Жирицкий, его помощницей и начальницей женского подлагеря — Е.Навроцкая. Над лагерем развивался русский флаг. Воскресные богослужения, для каковых сооружался шалаш, совершал приезжавший из Варшавы протоиерей Г.Лотоцкий. В августе в лагере состоялось приведение его участников и участниц к скаутскому Торжественному Обещанию с вручением скаутского значка, описания которого не сохранилось. Скаутская эмблема — традиционная лилия — была сложена у подножья флага-мачты из камней. Осенью 1940 и зимой 1940—41 гг. собрания членов НОРМ проходили в особняке графа Тышкевича на Аллее Роз, 4 в Варшаве, предоставленном владельцем особняка, женатым на падчерице Великого Князя Николая Николаевича, Русскому Комитету Войцеховского. 11 ноября 1940 г. отряд НОРМ присутствовал со знаменем на панихиде по русским воинам, павшим и скончавшимся в 1914—1915 гг. и погребенных на варшавском кладбище Повонзки. Панихиду сослужили митрополит Серафим (Ляде), архимандриты: Филофей (Нарко), Феофан (Протасевич); протоиереи: Александр (Субботин), Михаил (Помазанский), Дмитрий (Сайкович), Антоний (Калишевич), Георгий (Лотоцкий) и др.¹⁹ После присоединения к Германии западной Польши под названием Вартегау в местах русского рассеяния стали возникать при русских комитетах не связанные друг с другом объединения под общим названием НОРМ, а при них — отряды разведчиков и разведчиц. Так в 1940 г. возникли объединения НОРМ в Лицманштадте (Лодзь), Торне (Торунь) и НОРМ Катовицы-Сосновицы.

На оккупированной летом 1940 г. части территории Франции все скаутские организации, в том числе и русская, были запрещены. Начальник Французского отдела

НОРС-Р скаутмастер В.А.Темноверов, проживавший в Париже, будучи гражданином США, скрывался. Руководители НОРС-Р во Франции от работы отошли, а начальники патрулей (вожаки звеньев) не были готовы к самостоятельной работе. Работа продолжалась в неоккупированной Франции и в присоединенной к Германии Лотарингии.

Лишь НОРМ в Германии, которая не являлась скаутской организацией, получала небольшую денежную помощь от немцев, преследовавших в работе с русской молодежью свои цели. Скаут-разведческая работа зависела целиком от русских людей, от их таланта, идей, от степени идеализма и человеческих недостатков. Скаутмастера работали, не только не получая ни от кого жалованья, но расходуя свои средства на эту деятельность. Для основателя скаутизма генерала Р.Баден-Пауэлла скаутизм был “большой игрой”. Для российских руководителей разведчество стало инструментом служения Богу и России. Поэтому рост скаутского движения в 1914—1917 гг. оказался связан с патриотическим подъемом Первой мировой войны, а идейность и жертвенность — со многими годами сопротивления Советской власти. Для молодых зарубежных руководителей пример скаутмастеров старшего призыва оказался заразительным и толкнул их на риск подпольной работы в 1939—1945 гг. Поэтому закономерно, что те русские скаутмастера, для которых скаутизм был всего лишь “игрой”, в подпольной работе участия не приняли и после Второй мировой войны оказались не у дел.

Примечания

- 1 Свидетельство профессора М.М.Заречняка автору.
- 2 Бюллетень радио “Свобода” // Мюнхен, 22.07.1986. С.8.
- 3 Русские скауты 1909—1969. Сан-Франциско, 1969. С.243.
- 4 Там же. С.244.
- 5 Там же. С.243.
- 6 Письмо Д.Порхаева от 24.01.1993 автору.
- 7 An Outlook of the Boy Scout Movement in Japan Historical Background, National Headquarters. Токио, s.a. P.1.
- 8 9 апреля 1938 г.
- 9 Русские скауты... На С.278 указано, что ген. В.Н.Колубакин в сентябре 1939 г. вышел в отставку.
- 10 Циркулярное письмо начальникам и заместителям начальников отделов М.В.Агапова-Таганского от 15.09.1936 г.
- 11 White Badge, Lithuanian Boy Scouts-In-Exile, 1957. P.14.
- 12 Свидетельство профессора В.Н.Буткова автору.
- 13 Письмо В.Беллина от 19.03.1987 автору.
- 14 Письмо Д.Савицкого, заведующего центральным архивом немецких пфадфиндеров от 6.08.1989 автору.
- 15 Свидетельство О.Г.Сампсидиса автору; “Старые” и “новые” берлинцы // Единение. Сидней. № 2262. 3.06.1994.
- 16 Там же.
- 17 Свидетельство И.А.Мелких автору.
- 18 Письмо С.Л.Войцеховского от 13.05.1975 автору.
- 19 Там же.

Борис Георгиевич Врангель

23 июля 1995 г. в Пскове после тяжелой болезни скончался родной племянник Главнокомандующего Русской армией генерал-лейтенанта барона П. Н. Врангеля Борис Георгиевич Врангель.

Он родился 2 марта 1917 г. А уже в 1920 г. вместе с семьей покинул Россию. Получил образование, окончив колледж иезуитов. Жил в Болгарии, Югославии и других странах русского рассеяния. Желание посвятить себя России в 1938 г. привело его в ряды Национально-Трудового Союза Нового Поколения (НТСНП). В 1943 г. через Варшаву по нелегальным каналам НТСНП он переправился в Россию для союзной работы среди молодежи и отстройки групп НТСНП антинемецкого и антисталинского характера. В оккупированном Пскове Борис Георгиевич работал в Православной миссии. При эвакуации в апреле 1944 г. под Островом Врангель был арестован органами контрразведки «СМЕРШ» и провел более 10 лет в сталинских лагерях. После освобождения Врангель остался на Родине, полностью посвятив себя православной общественной деятельности.

До конца своих дней Борис Георгиевич оставался светлым и чистым церков-

ным человеком. В последние годы, будучи тяжело больным, он активно занимался благотворительностью, помогал немым и всячески способствовал обустройству церковной жизни в Пскове.

Мы познакомились с Борисом Георгиевичем в сентябре 1992 г., когда случайно оказались вместе в группе палом-

ников, совершавших паломничество в Валаамский монастырь. Произведя неизгладимое впечатление, он остался нам другом и сделал очень многое для организации помощи нашим летним лагерям.

Летом 1993 г. Борис Георгиевич откликнулся на предложение помочь созданию «Нового Часового» и внес свое пожертвование для первого номера. Уже сраженный страшным недугом, Борис Георгиевич больше всего беспокоился о строительстве нового храма в Пскове. Память об этом замечательном человеке останется в сердцах тех, кто его знал.

**38-й сводный отряд Ген. шт. ген.-м.
М. Г. Дроздовского,
Организация Российских Юных
Разведчиков (С.-Петербург)**

Георгий Викторович Месснер

В Си-Клиффе под Нью-Йорком 24 января 1996 г. скоропостижно скончался Георгий Викторович Месснер — скаутинструктор Организации Российских Юных Разведчиков (ОРЮР), человек, который в своем мировидении всегда отождествлял общественную деятельность с деятельностью для России.

Его отец был офицером Русской армии генерал-лейтенанта П.Н.Врангеля, дядя — начальником штаба Корниловской Ударной дивизии. Родился Георгий Викторович 10 апреля 1928 г. в Скопье (Югославия), учился в немецкой, а затем в Белградской русской гимназиях. Здесь он впервые познакомился с русскими скаутами и членами Национально-Трудового Союза (НТС), которые тогда находились в подполье. В 1944 г. после немецкой эвакуации Белграда Георгий Викторович Месснер оказался в Эгере (Судеты), а затем в лагере Сент-Йоханн (Австрия), в котором скрывались от репрессий Гестапо многие русские, связанные с НТС. После расформирования немцами лагеря большинство его русских обитателей вступило в офицерскую школу Вооруженных Сил КОНР в Мюнзингене. В марте 1945 г. оказался там и Георгий Викторович Месснер. Как югославскому подданному ему удалось избежать выдачи.

После капитуляции Германии Георгий Викторович Месснер включился в кипучую общественную, скаутскую и политическую деятельность в беженских лагерях “Ди-Пи” под Мюнхеном. В 1946 г. он вступил в НТС, с которым не порывал до своего конца, деятельно работал в ОРЮР, помогал в обустройстве русской гимназии в Мюнхене. В 1950 г. он переехал в США, работал на заводе, учился на электротех-

ническом факультете Нью-Йоркского университета и ни на минуту не оставлял своей общественно-политической деятельности. По окончании университета, поступив в техническую фирму, Георгий Викторович оказался у истоков технологии печатных схем. Им опубликовано более 150 научных статей. Он был членом, а порой и председателем ряда профессиональных объединений в области микроэлектроники.

До конца своих дней Георгий Викторович поддерживал издание журнала ОРЮР “Скаут-разведчик”, организовывал благотворительные акции программы “Дар жизни” по оперированию в США детей из России, нуждавшихся в неотложных операциях на сердце. В 1994—1995 гг. он посещал Россию и выступал в Москве с публичными докладами.

Избегавший громких фраз, он остался очень скромным для всех, кто его знал. В 1995 г. он передал журналу “Новый Часовой” материалы из архива своего дяди — Генерального штаба полковника Е.Э. Месснера, надеясь их увидеть в русской военно-исторической печати. “Новый Часовой” вел переговоры об издании монографии полковника Е.Э. Месснера, и Георгий Викторович дал свое принципиальное согласие, но увы... Мгновенная смерть нарушила многие его благородные планы и начинания.

Георгий Викторович Месснер был похоронен 27 января 1996 г. в Лейквуде (Нью-Джерси) на русском кладбище, рядом с могилой своей жены Елены в присутствии большого количества друзей.

“Русский Скаутъ”

Олег Олегович Пантюхов

20 сентября 1995 г. в Вашингтоне скончался полковник Олег Олегович Пантюхов — сын Гвардии полковника Русской Императорской Армии, основателя русского разведчества, Старшего Русского Скаута О.И.Пантюхова.

Олег Олегович родился в С.-Петербурге 15 мая 1910 г. В 1923 г. вместе с семьей, которая покинула Россию в 1920 г., переехал в США. В 1935 г. после прохождения военной подготовки в артиллерии Олег Олегович получил чин второго лейтенанта армии США. Интересно, что свою военную карьеру он начал в Русской батарее, которая просуществовала в американской армии до 1933 г.

В 1942 г. Олег Олегович командовал зенитной батареей в системе ПВО Вашингтона. В январе 1943 г. окончил курсы Генерального штаба США и был откомандирован в Иран, где прослужил полтора года в чине майора в должности адъютанта главнокомандующего американскими войсками в Иране и офицера связи с советским военным командованием. Будучи переводчиком генерала Д.Коннолли, Пантюхов сопровождал последнего в поездках по территории СССР (Москва, Киев, Ленинград) в 1944 г. для проверки выполнения Советским Союзом соглашений по

“ленд-лизу”. Ему пришлось быть переводчиком на всех главных союзнических конференциях Второй мировой войны — в Тегеране, Ялте и Потсдаме, при этом встречаться и общаться со всеми первыми лицами антигитлеровской коалиции, включая глав государств.

После войны служил в армии США, вышел в отставку в 1959 г. в чине полковника. Принимал живое участие в жизни Русского Зарубежья, являлся одним из создателей Конгресса Русских Американцев — самой крупной организации русского Зарубежья, в течение 15 лет входил в состав правления Толстовского фонда. В 1990 г. в составе делегации ОРЮР Олег Олегович присутствовал на съезде по возрождению скаутизма в Москве и убедительно доказал, что ОРЮР является исторической правопреемницей русского разведчества и скаутизма. Он сделал очень много для возрождения разведчества в России, оставшись верным делу своего отца.

Похороны состоялись 25 сентября 1995 г. на кладбище Mt. Herbon, В Upper Montclair (штат Нью Джерси, США)

**2-я Санкт-Петербургская дружина
“КРЫМЪ”, Организация Российских
Юных Разведчиков**

Франкфурт-на-Майне, 1945 или 1946 г. Слева направо: фельдмаршал Б.Л.Монтгомери, маршал Королевских ВВС Великобритании А.У.Теддер, генерал Д.Д.Эйзенхауэр, подполковник О.О.Пантюхов, маршал Г.К.Жуков, генерал И.А.Серов и др.
Фото из журнала “Русский Американец” (1995. № 20).

Межвузовская научная конференция

“Элита российского общества XIX — начала XX веков: состав, отдельные судьбы, деловые и родственные связи”

7—9 июня 1995 г. в С.-Петербургском государственном университете телекоммуникаций им. проф. М.А.Бонч-Бруевича (СПб ГУТ) состоялась 2-я межвузовская научная конференция “Элита российского общества XIX — начала XX веков: состав, отдельные судьбы, деловые и родственные связи”. Конференция была организована по инициативе кафедры истории ГУТ совместно с С.-Петербургским филиалом института истории Российской Академии наук (СПбФ ИРИ РАН), Российским государственным историческим архивом (РГИА), Российской Национальной Библиотекой (РНБ), Российским генеалогическим обществом (РГО), С.-Петербургским научным обществом историков и архивистов.

На пленарном заседании выступили профессор кафедры истории СПб ГУТ, д.и.н. А.В.Островский, проанализировавший результаты деятельности Творческой группы по изучению элиты российского общества начала XX века за прошедший после 1-й межвузовской конференции год; директор Института-студии “Биографика”, научный руководитель альманаха “Лица”, к.ф.н. Б.Л.Бессонов с докладом “Из опыта работы над биографическим словарем “Русские писатели””, старший научный сотрудник РНБ, к.п.н. Д.К.Равинский, сделавший сообщение о библиографических источниках по истории российской элиты.

В прениях выступили заведующий кафедрой новейшей истории России СПбГУ, академик, профессор, д.и.н. Г.Л.Соболев, поддержавший идеи создания научно-информационного центра и издания профильно-биографических справочников, высказанные в докладе профессора, д.и.н. А.В.Островского; старший научный сотрудник РНБ, д.п.н. Г.В.Михеева, поделившаяся опытом издания биографического словаря сотрудников РНБ (т.1).

В первой секции “Состав элиты” (руководители — профессор кафедры истории С.-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, д.и.н. М.П.Ирошников, директор департамента гуманитарной подготовки, доцент кафедры истории СПб ГУТ, к.и.н. С.А.Лосев) было заслушано 25 докладов. В докладе ведущего научного сотрудника РГИА Б.М.Витенберга был рассмотрен опыт параллельного жизнеописания российских литераторов рубежа XVIII—XIX вв. Директор Института генеалогических исследований при РНБ, президент РГО, к.г.н. И.В.Сахаров вычленил вопрос о преодолении межсословных перегородок в дореволюционной России. В центре внимания доклада доцента кафедры новой и новейшей истории С.-Петербургского государственного университета, к.и.н. С.Н.Короткова были французские эмигранты-аристократы в Петербурге начала XIX в. В докладе заведующего отделом РГИА, к.и.н. Д.И.Раскина были

проанализированы образование, профессиональный опыт, продвижение по службе губернской администрации в России XIX — начала XX вв. В двух докладах студента Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена (РГПУ) С.В.Куликова была дана социальная характеристика бюрократической элиты России накануне Февральской революции и показана динамика кадровых перемен в составе Временного правительства. Доклад старшего научного сотрудника РГИА В.В.Берсенева был посвящен генерал-губернаторскому корпусу как составной части правящей элиты России XIX — начала XX вв. Отдельную группу составили доклады докторанта Института истории и археологии УрО РАН, к.и.н. Л.В.Сапоговской о российской золотопромышленной элите; учителя, к.и.н. Ю.В.Тихомирова о руководящем составе Петербургского общества заводчиков и фабрикантов; преподавателя кафедры истории С.-Петербургского медицинского университета им. акад. И.П.Павлова А.Ю.Кальянова о новых представителях предпринимательской элиты России начала XX в. на примере кинематографического бизнеса; научного сотрудника РГИА, к.и.н. С.Г.Беляева, посвятившего свое выступление петербургским банкирам начала XX в. В докладе старшего научного сотрудника Института языка, литературы и истории АН Татарстана, к.и.н. Е.В.Липакова рассмотрена роль Казанской духовной академии в формировании высшего духовенства России (середина XIX — начало XX вв.). Тематически к нему примыкают доклад старшего научного сотрудника Музея истории религии, к.ф.н. З.А.Лучшевой, посвященный судьбе петербургских митрополитов первой половины XIX в., и доклад доцента кафедры истории РГПУ им. А.И.Герцена, к.и.н. Т.Г.Фруменковой, озаглавленный “Высшее православное духовенство в 1917 г.” Доклад старшего научного сотрудника РНБ, д.и.н. В.Е.Кельнера был посвящен генезису и проблеме национальной идентификации русско-еврейской интеллигенции конца XIX — начала XX вв. В докладе доцента кафедры истории СПб ГУТ, к.и.н. О.А.Яковлева была рассмотрена роль Русского собрания в формировании руководящих кадров правых партий. В центре внимания выступления младшего научного сотрудника СПбФ ИРИ РАН, к.и.н. И.В.Лукоянова были тайные корреспонденты Николая II. В выступлении директора Департамента гуманитарной подготовки, заведующего кафедрой истории СПб ГУТ, доцента, к.и.н. С.А.Лосева проанализирован состав руководителей почтово-телеграфного ведомства России в период с 1884 по 1917 гг. Тема совместного доклада старшего преподавателя кафедры истории, к.и.н. О.А.Поливанова и ассистента этой же кафедры, к.и.н. А.Б.Николаева — “Члены IV Государственной думы на всероссийских форумах 1917 г.”. Отдельный доклад к.и.н. А.Б.Николаева назывался “Комиссары Временного комитета Государственной думы. Февраль-март 1917 г.”. В совместном выступлении доцента кафедры истории Северо-Западного заочного политехнического института, к.и.н. В.С.Измозика и старшего научного сотрудника Государственного музея политической истории В.С.Тихоновой была дана социально-политическая характеристика Временного правительства, а в докладе заведующего кафедрой истории СПб ГУП, профессора, д.и.н. М.П.Ирошниковой — анализ персонального состава первого Совнаркома. В заключение работы секции был заслушан доклад старшего научного сотрудника СПбФ ИРИ РАН, д.и.н. А.П.Купайгородской “Судьбы ученых в теории и практике партии большевиков и Советской власти. 1917—1930-е гг.”.

Во второй секции “Отдельные судьбы” (руководители — заведующий кафедрой истории РГПУ, профессор, д.и.н. В.И.Старцев, ведущий научный сотрудник СПбФ ИРИ РАН, д.и.н. В.Г.Чернуха) было заслушано 22 доклада. Выступление аспиранта Казанского государственного университета Р.Р.Муратова было посвящено одному из основателей Казанского университета М.Д.Магницкому. Ведущий научный сотрудник РНБ, д.п.н. Г.В.Михеева посвятила свое выступление известному русскому философу,

богослову Г.П.Федотову. Студент СПбГУ А.В.Бутенин познакомил участников конференции с личностью государственного деятеля, царедворца А.С.Меншикова. Ведущий научный сотрудник СПбФ ИРИ РАН, д.и.н. В.Г.Чернуха проанализировала основные этапы биографии общественно-политического деятеля 60-х гг. XIX в. графа В.П.Орлова-Давыдова. Старший научный сотрудник ГМИР К.К.Чекодаева обратила внимание участников конференции на малоизвестные факты биографии и религиозные взгляды княгини Елизаветы Григорьевны Волконской. Темой доклада студентки СПбГУ Н.А.Сусловой стали дипломатическая деятельность и незаурядные человеческие качества Д.П.Татищева. В выступлениях доцента РГПУ, к.и.н. В.С.Брачева был прослежен жизненный путь одного из руководителей политического сыска царской России П.И.Рачковского; старших научных сотрудников ГМИР О.А.Коробко и Г.А.Ченской — судьба археолога, этнографа, публициста и издателя И.А.Голышева; ведущего научного сотрудника СПбФ ИРИ РАН, к.и.н. В.И.Мусаева — военная карьера К.Г.Маннергейма на русской службе. Сотрудник РНБ Т.В.Партаненко и ведущий научный сотрудник РНБ, д.п.н. О.С.Острой посвятили доклады незаслуженно забытым представителям интеллектуальной элиты российского общества — Вадиму Гарднеру, русскому поэту серебряного века, и Э.Ф.Голлербаху — писателю и искусствоведу. Старший научный сотрудник РГИА Т.К.Никольская и научный сотрудник РГИА А.А.Попов познакомил участников конференции с биографией М.Я.Герценштейна, а доцент СПбИТМО, к.и.н. Ю.В.Тот — С.С.Ланского. Новые архивные материалы, касающиеся биографии князя Д.И.Бебутова, были введены в научный оборот профессором, д.и.н. В.И.Старцевым. В докладе ведущего научного сотрудника ИРИ РАН, д.и.н. Ю.И.Кириянова была дана подробная характеристика лидеров правого движения в период с 1913 по 1917 гг. Темой доклада профессора СПбГУП, д.и.н. И.П.Лейберова стала биография видного государственного деятеля советского периода российской истории А.Г.Шляпникова. Доцент С.-Петербургской Государственной Академии культуры, к.п.н. О.М.Зусьман посвятил свое выступление математическим методам выявления и изучения научной элиты. Эту тему продолжил сотрудник СПбФ ИРИ РАН, к.п.н. П.Н.Базанов, познакомив участников конференции с опытом поиска библиографических материалов о политической и интеллектуальной элите русской эмиграции.

В третьей секции “Деловые и родственные связи” (руководители — директор ИГИ при РНБ, президент РГО, к.г.н. И.В.Сахаров, профессор кафедры истории СПбГУТ, д.и.н. А.В.Островский) было заслушано 23 доклада. Старший научный сотрудник ИГИ РНБ А.В.Краско рассмотрела генеалогическо-демографический аспект “элитных родов” России и персональной принадлежности их членов к элите. Старший научный сотрудник Государственного мемориального музея А.В.Суворова Б.В.Голенко рассказал о потомках славного рода генералиссимуса А.В. Суворова. Профессор СПбГУТ, д.и.н. А.В.Островский показал родственные связи семьи Познеров, обратив внимание, как революционные события начала века разводили членов одной семьи по разные стороны баррикад. Член Совета РГО Р.Г.Красюков сделал два доклада: в первом докладе он рассказал о деятельности представителей рода Пилкиных в наиболее переломный момент истории русского флота при переходе от парусного к винтовому и от деревянного к броненосному; во втором — о потомках одного из сподвижников А.В.Суворова И.О.Куриса. Учитель, к.э.н. М.Г.Штейн посвятил свой доклад дворянскому роду Лениных, чья фамилия, по мнению докладчика, и стала партийной фамилией Владимира Ильича Ульянова. В докладах аспирантки Казанского государственного университета Р.Х.Галиуллиной о казанском роде Мусиных-Пушкиных и доцента ПРГИ, к.и.н. А.А.Михайлова об истории дворянского рода Шильдеров и деятельности отдельных представителей этой фамилии на псковской земле был использован краеведческий

материал. Несколько докладов были посвящены иностранцам, нашедшим в России вторую родину. Так, вице-президент РГО В.Н.Рыхляков посвятил свой доклад семейству Тимме, все представители которого верно служили России. Два семейства ювелиров — Фаберже и Болин, не одно поколение которых трудилось в Петербурге, тоже были выходцами из-за границы. Их генеалогическое древо было рассмотрено в докладах старшего научного сотрудника НИИ ювелирной промышленности В.Скурлова. Старший хранитель фондов РГИА С.В.Богданов посвятил свое выступление российской аристократии французского происхождения.

Сотрудник РГПУ М.Г.Муравьева исследовала аналогичное явление в английском обществе на примере потомков графа С.Р.Воронцова. Несколько докладов были посвящены именам, связанным с русской литературой и искусством. Так, старший научный сотрудник Пушкинского дома, к.ф.н. Б.Л.Бессонов познакомил присутствующих с новыми открытиями относительно недворянского происхождения предков Н.А.Некрасова. Научный сотрудник ИГИ РНБ Д.В.Сизоненко сообщил о вкладе в историю русской науки, литературы и искусства семейства Майковых, а старший научный сотрудник Государственного музея политической истории России В.Д.Бобров — о династии Кшесинских. Сотрудник РНБ Л.Б.Борисковская привлекла внимание присутствующих к роду негоциантов, промышленников и финансистов Кусовых; заместитель руководителя Государственной герольдии при Президенте РФ, д.и.н. Л.Е.Шепелев — к князю М.И.Хилкову. Два доклада были посвящены известным историческим персонажам: сотрудник СПбФ ИРИ РАН, к.и.н. Т.В.Андреева рассказала о предках и потомках графа А.Х.Бенкендорфа, а заведующий кафедрой РГПУ, член-корреспондент РАН, д.и.н. Ю.А.Лимонов — о взаимоотношениях А.Ф.Кони с императорской фамилией. В работе секции принимали участие и ныне живущие представители отдельных знаменитых фамилий. Так, вместе с Т.Г.Федоренко (Музей истории революционно-демократического движения) о большой и дружной семье Фигнер рассказала М.Э.Фигнер, продемонстрировавшая при этом старинные семейные фотографии и документы, а Е.В.Марьянова (Музыкально-художественный салон Дворянского собрания г. Москвы) — о своих предках и ныне живущих родственниках из старинного дворянского рода Давыдовых. На заключительном заседании руководители дали оценку работы секций, высказали ряд предложений по совершенствованию организации и проведению конференции. Было отмечено, что по итогам 1-й конференции опубликовано 2 сборника: альманах «Из глубины времен» (вып. 3. СПб., 1994; вып.4. СПб., 1995 общим объемом около 25 п.л.) Было принято решение о созыве очередной межвузовской конференции в июне 1996 г. и издании к этому времени материалов 2-й научной конференции.

Международная конференция в Москве и Красногорске

31 октября—2 ноября 1995 года в Москве и Красногорске (Московская область) проходила международная научно-практическая конференция, посвященная окончанию войны, завершению деятельности Национального Комитета “Свободная Германия” (НКСГ) и Союза Немецких Офицеров (СНО) и началу репатриации военнопленных.

Инициатором проведения конференции выступил Мемориальный музей немецких антифашистов (г. Красногорск) при активном участии и поддержке Министерства культуры Российской Федерации, Центрального музея Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., Главного Управления Генерального штаба ВС РФ, Администрации Красногорского района и Российского государственного архива кино-фотодокументов.

В работе конференции принимали участие представители научно-исследовательских центров, архивов, музеев, издательских фирм, средств массовой информации и общественных организаций России, Германии, Белоруссии, Австрии, Италии и Финляндии, таких как: Центр германских исторических исследований Института Всеобщей истории Российской Академии Наук, Институт военной истории (г. Москва, Россия), Академия военных наук Российской Федерации, Центр хранения историко-документальных коллекций (г. Москва), Центр хранения и изучения документов новейшей истории (г. Москва), Государственный архив кино-фотодокументов (г. Красногорск, Россия), Институт повышения квалификации педагогических кадров (г. Вологда), Центральный музей Вооруженных Сил (г. Москва), Центральный Музей Министерства внутренних дел (г. Москва), Государственный объединенный Владимиро-Суздальский музей, журнал “Новый Часовой” (г. Санкт-Петербург), Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны (г. Минск, Белоруссия), Военно-исторический и исследовательский центр бундесвера (гг. Потсдам, Фрайбург, ФРГ), университет г. Тампере (Финляндия), университет г. Триест (Италия), Немецкий исторический музей (Берлин-Карлсхорст, ФРГ), Союз бывших участников Сопrotивления (г. Берлин, ФРГ), Институт исследований последствий войны (г. Грац, Австрия) и др.

31 октября в конференц-зале Центрального Музея Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. состоялось первое пленарное заседание. Во время торжественного открытия конференции было зачитано приветствие министра культуры РФ Е.Ю.Сидорова. К собравшимся с приветственным словом обратился директор Центрального музея Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Л.К.Котляр, руководитель отдела культуры посольства ФРГ д-р В.Драутц. От имени ветеранов Великой Отечественной войны к участникам обратился Генеральный секретарь международной организации бывших борцов Сопrotивления профессор, д-р И.С.Кремер. В президиум вошли бывший вице-

президент НКСГ, депутат бундестага граф Генрих фон Айнзидель, ведущий эксперт управления по делам музеев министерства культуры Российской Федерации А.М.Серпенский, военно-воздушный атташе Венгерской республики Ж.Темешвари, бывший руководитель 7-го управления Глав ПУ РККА Бурцев М.И., эксперт комиссии по реабилитации жертв репрессий при президенте РФ Л.Е.Решин.

Заседание первого дня работы конференции проходило под председательством руководителя Центра германских исторических исследований Академии наук Российской Федерации профессора, доктора исторических наук Я.С.Драбкина. На пленарном заседании сделали доклады: д-р Герд Юбершер (Институт военной истории ФРГ, г.г. Фрайбург / Потсдам, Германия) “Новые исследования о НКСГ и СНО в историографии ФРГ”; Решин Л.Е. (эксперт Комиссии по реабилитации жертв репрессий при президенте РФ):

1. “Инициатива советского руководства по роспуску НКСГ и СНО”,
2. “Привлечение фельдмаршала Паулюса к работе в НКСГ и СНО”, Бабиченко Л.Г., (к.и.н., ст. н. сотр. РЦХИДК) “Антифашистские школы и курсы — система подготовки активистов движения “Свободная Германия”, кузница кадров для администрации Восточной зоны оккупации Германии и ГДР”, Бурцев М.И. (ветеран Великой Отечественной войны, бывший начальник 7-го управления Глав ПУ РККА) “Влияние деятельности НКСГ и СНО на послевоенное развитие Германии”. На конференции состоялась презентация нескольких книг и изданий. Среди них книга Л.Е.Решина о Вальтере фон Зайдлице “Генерал между двумя фронтами”, подготовленная и изданная в Германии. С рассказом о концепции книжного сериала “Период национал-социализма” в издательстве Фишер Ташенбух, издаваемого в 1977—1995 гг., выступил д-р Вальтер Пеле, (руководитель отдела издательства Фишер Ташенбух Ферлаг, г. Франкфурт/Майн, Германия). О принципах построения издательской серии многотомника пропагандистских документов Второй мировой войны сообщил издатель д-р К.Кирхнер (г. Эрланген, ФРГ). Затем участники конференции заслушали следующие доклады: Намазова А.С. (Центр германских исторических исследований, Институт всеобщей истории РАН) “Судьба бельгийских военнопленных” д-р Горыня В.В. (музей Берлин-Карлсхорст, Германия) “Бывшие участники движения “Свободная Германия” в военной администрации советской оккупационной зоны и ГДР”; д-р Гертруд Кершбаумер (Институт исследований последствий войны, г. Грац, Австрия) “Опыт антифашистского движения австрийских военнопленных в их воспоминаниях”; Рудольф Фай (Союз бывших борцов Сопротивления, г. Берлин, Германия) “Реакция гитлеровского руководства против деятельности НКСГ/СНО”. В дискуссии участвовали: Ибатуллин Т.Г., представитель Санкт-Петербургского центра “Примирение”, Федорова А.В., зав. кафедрой Оренбургского университета, граф Г. фон Айнзидель, Л.Е.Решин и др.

1 ноября работа конференции была продолжена. Заседание конференции вел директор Мемориального музея немецких антифашистов (ММНА), руководитель подготовительного комитета конференции, профессор Академии Военных наук, к.и.н. А.А.Крупенников. С сообщениями выступили: профессор д-р Марина Росси, (г. Триест, Италия) “Характеристика врага в дневниках и свидетельствах итальянских солдат и АРМИР (1941—1946 гг.)”; Галицкий В.П. (д-р, профессор Военной академии) “Репатриационная политика советского правительства в период II мировой войны и в послевоенные годы”; д-р Габриэла Кампхаузен (музей Берлин-Карлсхорст, Германия) “Переговоры о возвращении немецких военнопленных из СССР в 1952/53 гг.”; Иваницкий Г.М. (ст. н. сотр. Института военной истории) “Репатриация немецких военнопленных”; Черноглазова Р.А. (Белорусский Гос. музей истории Великой Отечественной войны, г.Минск, Беларусь) “Лагерь советских военнопленных на территории Белоруссии”;

Гуринович В.Э. (зав. отделом Государственного объединенного Владимиро-Суздальского музея) “Память о плене”; Тимо Малми (г. Тампере, Финляндия) “Финские военнопленные в СССР”; Конасов В.Б. (к.и.н., г. Вологда) “Узники войны: попытки решения проблемы военнопленных на дипломатическом уровне”; Эрнст Кром (организация “Проевропа”, ФРГ); Всеволодов В.А. (к.и.н., зам. директора по науке Мемориального музея немецких антифашистов) “Образ врага. К вопросу о характере советской пропаганды накануне и в ходе войны”; Власова И.В. (к.и.н., н. сотр. Института военной истории МО РФ) “Некоторые проблемы эвакуации военнопленных противника из фронтовых районов в годы Великой Отечественной войны”. С сообщениями также выступили: Лебедев В.Г., представитель Ассоциации “Военные мемориалы”, и Гвидо Каллепио, ветеран и исследователь из Италии.

2 ноября работа конференции проходила в г. Красногорске. После посещения участниками конференции Российского Государственного архива кино-фотодокументов, где перед ними выступили директор архива Л.П.Запругаева и зам. директора по науке В.Ф.Рунге, конференция продолжила свою работу в здании Мемориального музея немецких антифашистов (ММНА).

В третий день работы конференции были сделаны доклады: Запругаева Л.П. (директор ЦРГАКФД) “Обзор коллекций архива”; Рунге В.Ф. (зам. директора по науке ЦРГАКФД) “Комментарий к материалам кинохроники”; Баранова И.Д. (ст.н.сотр. ЦМВС) “Коллекция Центрального музея Вооруженных Сил по теме антифашистского движения военнопленных”; Безрукова Л.А. (ст. н. сотр. музея МВД) “Военнопленные в системе лагерей МВД” — обзор коллекции музея МВД; Носырева Л.Л. (ст. н. сотр. ЦХИДК) “Путь домой, растянувшийся на десятилетия. К вопросу о репатриации военнопленных 1945—1949 гг.”; Сапожникова Г.Н. (Центр германских исторических исследований Института военной истории РАН) “Судьбы бывших военнопленных в послевоенной Германии”; Андреев Н.И. (Главное Управление Генштаба) “Традиции и современное состояние Российско-германского военного сотрудничества”; Крупеников А.А. (профессор Академии военных наук, к. и. н., директор Мемориального музея немецких антифашистов) “О некоторых судебных процессах над военными преступниками”. Один из авторов и создателей документального фильма о советском плене Т.Назарова после краткой информации о фильме вручила копию этого фильма директору музея.

Начальник Историко-архивного и военно-мемориального центра Генштаба ВС РФ В.А.Семидетко в своем выступлении поделился с коллегами некоторыми выводами по результатам трехдневной работы конференции. В торжественной обстановке им были переданы в дар музею несколько экземпляров второго тома только что вышедшей Военной энциклопедии..

После перерыва состоялось подведение итогов конференции. С заключительным словом выступила заместитель главы администрации Красногорского района С.Д.Грачева, которая, отметив особый характер конференции, пригласила участников провести возложение цветов к памятнику погибшим советским воинам, к мемориальной доске на здании ДК “Салют”, где состоялась учредительная конференция НКСГ, и на кладбище военнопленных лагеря № 27.

В заключение участники конференции поблагодарили сотрудников Мемориального музея немецких антифашистов за подготовку и проведение конференции.

Зам. директора ММНА В.А.Всеволодов

Межвузовская научная конференция
«Вторая волна эмиграции
(1939—1947)»

21 марта 1996 г. в Санкт-Петербургском государственном техническом университете состоялась межвузовская научная конференция «Вторая волна эмиграции (1939—1947)», организованная кафедрой истории Гуманитарного факультета СПбГТУ. В конференции приняли участие историки СПбГТУ, студенты, исследователи из разных научных и образовательных учреждений Петербурга. Проблемы, затронутые на конференции, никогда еще не являлись объектами специальных исследований петербургских историков. Тем важнее значение этого первого шага в области изучения наследия Русского Зарубежья послевоенной поры.

Открылась конференция вступительным словом д. ф. н., профессора М.А. Василек — декана Гуманитарного факультета СПбГТУ и д. и. н., профессора Р.Б. Дегтяревой — заведующей кафедрой истории СПбГТУ. В выступлении д. и. н., профессора кафедры истории СПбГТУ Л.Н. Жуковой, посвященном жизни и деятельности историка Н. Ульянова, значительное место было уделено причинам, по которым отечественная историография не затрагивала проблематики военного и послевоенного прошлого Русского Зарубежья. Трагической судьбе известного русского литератора и критика Р.Б. Иванова-Разумника был посвящен доклад профессора Калифорнийского технологического института Ж. Шерона. В развернутом докладе к. и. н., доцента кафедры истории СПбГТУ А.Н. Кашеварова говорилось о развитии историографии Русского Зарубежья в период с 1917 по 1945 гг. по проблемам взаимоотношений Советской власти и Русской Церкви. Особое место в программе конференции занял доклад аспиранта кафедры истории России СПбУЭФ К.М. Александрова о причинах возникновения и истории основных политических организаций второй волны эмиграции, которые, по мнению докладчика, явились своеобразным памятником эмиграции из СССР в период Великой Отечественной войны и после нее.

Проведенная конференция обозначила целый круг весьма дискуссионных проблем и вопросов, которые должны занять свое место в сфере научных исследований петербургских историков.

Книжные новинки

С 1992 г. в Санкт-Петербурге выходит исторический альманах “Из глубины времен” (главный редактор А.В.Островский), издаваемый кафедрой истории Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М.А.Бонч-Бруевича. Вып.1 (1992) и 2 (1993) были изданы совместно с Санкт-Петербургским государственным университетом, вып.3 (1994) и 4 (1995) совместно с Санкт-Петербургским филиалом Института российской истории Российской Академии наук, Российским государственным историческим архивом и Санкт-Петербургским научным обществом историков и архивистов.

На страницах выпусков 3 и 4 опубликованы материалы первой межвузовской научной конференции “Элита российского общества XIX — начала XX вв.: состав, отдельные судьбы, деловые и родственные связи” (СПб., 7—8 июня 1994 г.).

Содержание выпуска 3:

I

А.В.Островский. Элита российского общества конца XIX — начала XX вв.: некоторые проблемы истории и историографии.

Т.Г.Фруменкова. Обер-прокуроры Святейшего Синода (1722—1917).

Д.И.Раскин. Специализация высшей российской бюрократии XIX — начала XX вв.: образование, профессиональный опыт, продвижение по службе.

С.В. Куликов. “Министерская чехарда” в России периода Первой мировой войны.

Хроника событий (июль 1914 — февраль 1917).

А.Б.Николаев, О.А.Поливанов. Парламентская элита России в 1912—1917 гг.

II

Н.И.Веденяпина. Карьера А.Н.Радищева: влияние родственных связей.

В.Н.Рыхляков. Граф А.А.Аракчеев и генерал Ф.К. фон Фрикен.

Н.М.Корнева. Княжна Мария Михайловна Дондукова-Корсакова.

В.А.Нардова. Александр Данилович Шумахер.

В.Г.Чернуха. Государственный деятель 1860-х: Петр Александрович Валуев (1814—1890).

Р.Г.Красюков. Великий князь Николай Константинович. Опыт биографии.

В.С.Измозик, Б.В.Павлов. Великий князь Николай Михайлович.

Л.Е.Шепелев. Министр торговли и промышленности С.И.Тимашев и его "Записки".

III

С.А.Лосев. Российские Сиверсы. Материалы к родословной.

А.А.Михайлов. Псковская ветвь рода Кульневых.

М.В.Сидорова. Л.В.Дубельт и его родственники.

М.Г.Штейн. О немецких родственниках В.И.Ульянова (Ленина).

Содержание выпуска 4:

I

М.В.Сидорова. Штаты III отделения е.и.в. Канцелярии.

Б.Г.Кипнис. Офицерский корпус русской армии весной 1828 г. (к вопросу о его боеготовности и социальном составе).

II

В.Д.Ермаков. П.А.Кропоткин — самый родовитый анархист: материалы к библиографии.

III

Р.Г.Красюков. Русская ветвь Мекленбург-Стрелицкого дома.

О.А.Яковлев. Шеф жандармов П.А.-Шувалов: материалы к родословной.

П.В.Ильин. М.С.Воронцов и его окружение.

Л.А.Булгакова. Граф Петр Андреевич Клейнмихель (из истории генеалогических связей).

З.И.Перегудова. Материалы к биографии В.Ф.Джунковского.

И.И.Иванова. Лев Троцкий и его земляки.

В.Б.Бронштейн. Л.Д.Троцкий, его ближайшие и дальние родственники.

А.В.Островский. О родственниках Л.Д.Троцкого по материнской линии.

IV

Во главе департамента полиции. Формулярные списки барона И.О.Велию, В.К. фон Плеве, П.Н.Дурново и Н.И.Петрова.

В следующем номере журнала мы познакомим читателя с содержанием 5-го и 6-го номеров Альманаха.

Вышел из печати первый выпуск Санкт-Петербургского военно-исторического сборника "Марсово поле" (С.-Петербург: Третья Россия, 1996. Тираж 300 экз.) Научный редактор: А.Б. Николаев.

Содержание:

А.В. Аранович. Развитие походного обмундирования и снаряжения в Русской армии 1907—1914 гг.

Д.Ю. Алексеев. Белая Эстония против Красной России.

А.В. Лысев. Живой язык Порт-Артура.

Б.П. Миловидов. Положение пленных в годы Крымской войны (по мемуарам участников событий).

В.Г. Пежемский. Границы Великого Княжества Литовского и России в конце XVI—начале XVII века.

И.А. Батожок. Русские в Китае. Поиск документов в архивах КНР.

Рецензия на книгу А.Н. Кашеварова

“Государство и Церковь: Из истории взаимоотношений Советской власти и Русской православной церкви. 1917—1945 гг.”

(С.-Петербург, 1995. 9,25 п. л. Тираж 1000 экз.)

Читателям “Нового Часового” имя А.Н. Кашеварова должно быть хорошо известно. В рубрике “Исследования” публиковались статьи Анатолия Николаевича, посвященные различным малоизученным аспектам взаимоотношений Православной церкви в России и Советской власти.

В 1995 г. вышла из печати книга А.Н. Кашеварова, в которой автор впервые в отечественной историографии предпринял попытку всесторонне и глубоко проанализировать историю церковно-государственных отношений на протяжении почти трех десятилетий — от бурных революционных событий 1917 г. до окончания Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Отрадно, что появился труд, в котором на основании широкого круга источников и литературы освещены наиболее важные, в известном смысле переломные моменты, характеризующие процесс формирования государственной политики в отношении Церкви, реакцию в самой церковной среде на шаги, предпринимавшиеся властью.

Немаловажным является и то обстоятельство, что автор реконструирует картину исторического прошлого с методологически оправданных позиций, в соответствии с принципом историзма. Это важно еще и потому, что отечественная наука, увы, никак не может избавиться от функций служанки государства, официальной идеологии. Синдром конъюнктурности, готовность выполнить (или даже предвосхитить?) социальный заказ продолжают оставаться злым роком российской исторической науки. Сегодняшний “ажитажный” интерес к церковной истории и Церкви вообще, как мне представляется, обусловлен не столько проснувшимся у многих людей религиозным чувством и искренним интересом к основам христианского вероучения, сколько соображениями моды, престижа, политической конъюнктуры. Особенно кощунственно этот поворот к Храму выглядит в исполнении некоторых современных политиков, которые еще совсем недавно принадлежали к когорте воинствующих атеистов.

В этом отношении книга А.Н. Кашеварова представляет собой примере очень честного, в высшей степени корректного исследования, которое является результатом многолетних поисков и, главное, искреннего устойчивого интереса к истории формирования государственной политики в отношении Церкви.

С точки зрения своих содержательных параметров рецензируемый труд имеет ряд особенностей, продиктованных стремлением автора вынести на суд читателя не систематический очерк истории Православной Российской Церкви, а исследование, акцентирующее ключевые проблемы, которые могут рассматриваться как своего рода вехи на тернистом пути Православия в советскую эпоху. Именно поэтому в фокусе внима-

ния А.Н. Кашеварова оказались: первые мероприятия правительства в религиозной политике (ноябрь 1917 — февраль 1918 гг.); кампания по вскрытию святых мощей (1918—1920 гг.); попытки Советской власти “ликвидировать реакционное духовенство” и саму церковную жизнь в конце 1920-х—начале 1930-х гг; наконец, такая серьезнейшая и по большому счету еще не изученная проблема, как Церковь и война 1941—'945 гг.

Наблюдения, выводы, сделанные автором, представляются обоснованными, это у в немалой степени способствует продуманная эффективная система аргументации. Кроме того, читатель, который возьмет в руки книгу А.Н. Кашеварова, наверняка с удовлетворением отметит, что, будучи академическим изданием, строго говоря, научной монографией, она написана хорошим литературным языком, легко может быть воспринята как учеными, искушенными в научной лексике, так и широким кругом людей, просто интересующихся историей Церкви.

Разумеется, как любое оригинальное исследование, настоящий труд в некоторых своих аспектах полемичен. И это можно только приветствовать, ибо автор во многих случаях как бы приглашает читателя к дискуссии, к сопоставлению различных, зачастую взаимоисключающих позиций. Не поддаваясь соблазну немедленно поучаствовать в такой дискуссии, хотел бы обратить внимание на один примечательный момент. Характеризуя факторы, повлиявшие на содержание церковно-государственных отношений в рассматриваемый период, Анатолий Николаевич, как мне думается, несколько недооценивает последствия образования в начале 1920-х гг. Заграничной церкви (Русской Православной Церкви за границей) и ее отношений с Московской патриархией. Характерно, что разрыв канонических отношений между Церквями произошел лишь в 1927 г. В контексте этой микропроблемы стоило, наверное, обратиться и к истории созыва в период Гражданской войны Южно-Русского Церковного Собора в Ставрополе.

Однако вышесказанное не следует рассматривать как замечание, это, скорее, предложение еще одного вектора поисков, еще одного русла, в котором может идти конструктивная дискуссия.

Резюмируя, хотел бы еще раз привлечь внимание заинтересованного читателя к тому, что на прилавках книжных магазинов Санкт-Петербурга появилась интересная книга, не просто обогащающая отечественную историографию, но рисующая яркую, реалистичную картину исторического прошлого.

А.В. Терещук

От редакции:

Читатели “Нового Часового”, по всей видимости, обратили внимание на то, что в журнале появились три новые рубрики — “Мелодрамы”, “Научная жизнь” и “Из редакционной почты”. Это продиктовано стремлением сделать журнал более разнообразным в содержательном отношении. Что же касается последней рубрики, то ее появление, помимо всего прочего, обусловлено нашим желанием вести диалог с читателями, учитывать их мнения и предложения. Многие материалы, опубликованные на страницах “Нового Часового”, являются полемичными, что глубоко закономерно, ибо журнал стремится знакомить читателей с малоисследованными, дискуссионными сюжетами. В редакционной почте есть письма, в которых содержатся замечания, уточняются исторические факты. Рубрику “Из редакционной почты” мы открываем двумя письмами из Москвы, которые являются откликами на статью Игоря Федоровича Цветкова “Эхо трагедии “U-250” (Новый Часовой. 1995. № 3).

Случай с подводной лодкой «U-250» и торпедами «Цаункениг»: иной ракурс

Всем известно, что в истории Великой Отечественной войны “белых пятен” более, чем достаточно. Особенно хорошо скрывают свои тайны моря и океаны, бывшие пятьдесят лет назад аренами кровопролитнейших сражений. Желание пролить свет истины на ту или иную проблему, воздать должное неизвестному подвигу, расставить точки над “i” в сложнейших исторических хитросплетениях — благородная задача для любого историка. Именно это делает тему статьи И.Ф.Цветкова “Эхо трагедии “U-250” в № 3 “Нового Часового” крайне интересной для рядового читателя. Решила ли данная статья свою задачу?

Безусловно, статья представляет интерес. Особое впечатление создают детализация представленного материала, а также примирительное отношение автора к бывшим противникам, хотя с нашей точки зрения, статье, где описывается трагедия двух кораблей — немецкого и советского, больше подошло бы другое название. Автор постарался раскрыть перед читателями не только события, связанные непосредственно с потоплением субмарины и захватом новейшего оружия противника, но и те события, которые словно бумерангом ударили по тем, кто верой и правдой служил своей Родине. Вместе с тем глаз с болью задерживается на тех моментах, которые могли и должны были быть рассмотрены автором более глубоко, поскольку от них зависит не только доверие читателей, но и общие выводы по работе в целом.

К сожалению, глубокий анализ боевых действий иностранных флотов во Второй мировой войне, а тем более флотов противников СССР, — достаточно новое дело для отечественных историков. Здесь нет накатанных дорог и готовых подходов. Видимо, именно этим приходится объяснять значительные фактические ошибки, допущенные автором. Хотелось бы остановиться на некоторых наиболее вопиющих моментах:

— Силы сторон на Балтийском ТВД (театре военных действий) к рассматриваемому моменту (июлю 1944 г.) были далеко не равны. Автор сам косвенно признает это, не указывая численность ВВС противника, использовавшихся для ведения боевых дей-

ствий в небе над акваторией Финского залива. В тому времени они были значительно истощены в предшествующих боях и частично переброшены на другие участки фронта. Люфтваффе лишь в отдельные дни могли выставить для взаимодействия с ВМС не более 6—7 эскадрилий самолетов, финские ВВС — и того меньше.

— Когда автор пишет о легкой досаде командира “U-250” капитан-лейтенанта Шмидта, что его не посылают воевать в Атлантику, он, видимо, шутит. В середине 1944 г. мог только радоваться, что его не посылают “безнаказанно топить невооруженные торговые суда”. С января по март 1944 г. Северную Атлантику пересекло 105 конвоев союзников — всего 3360 судов. Из них было потоплено только три судна, в то время как немецких подводных лодок в этой районе было потоплено 36¹. Общие же потери подводного флота фашистской Германии за этот период составили 61 субмарину².

— На Гогландском противолодочном рубеже никогда не было сетевых заграждений. Стальные противолодочные сети выставлялись только на нарген-порккала-уддской позиции в 1943 и 1944 гг.

Однако не эти фактические ошибки заставили автора настоящего письма взяться за перо. Дело в том, что, к сожалению, статья И.Ф.Цветкова не совсем верно информирует читателя о главном предмете разговора — подводной лодке “U-250”, ее торпедах, а также о тех последствиях, которые имел захват образцов новейшего немецкого вооружения нашими моряками.

К началу Второй мировой войны Германия значительно обогнала остальные страны в разработке систем торпедного вооружения. Достаточно сказать, что Кригсмарине оказался единственным флотом, который вступил в войну, имея на вооружении бесследные электрические торпеды (тип G 7e). В ходе войны боевые возможности этих торпед значительно возросли за счет установок на них различных систем наведения. Так, с марта 1943 г. немецкие подводники получили электроторпеды, оснащенные прибором маневрирования (FAT II Feder-Apparate—Torpedo-Пружинная торпеда). Этот прибор мог изменять направление движения торпеды через каждые 500 м или задавать ей движение зигзагом с шагом зигзага 1200—1900 м³. Диапазоны возможностей маневрирования были еще более увеличены в серии торпед, оснащенных приборами маневрирования LUT (Lage Unabhängiger Torpedo — Торпеда, независимая от положения, т.е. маневрирующая независимо от предыдущего курса и скорости). Кроме того, была разработана и прошла успешные испытания телеуправляемая торпеда “Лерхе” (Lerche — Жаворонок), которую можно считать первым прообразом современных торпед, стоящих на вооружении подводных лодок. Однако наибольшим успехом немецких конструкторов явилось создание на базе торпеды G 7e целого семейства торпед с акустической системой самонаведения.

Первая торпеда T IV “Фальке” (Falke — Сокол) была создана в конце 1942 г. Ее система наведения (исключительно акустическая, а не комбинированная с прибором маневрирования, как пишет И.Ф.Цветков) обеспечивала захват целей, находящихся на расстоянии 300 м от торпеды и движущихся в диапазоне скоростей от 8 до 14 узлов. Необходимость снизить собственные шумы привела к снижению числа элементов в электрической батарее торпеды с 52 до 36, из-за чего скорость торпеды снизилась с 30 до 20 узлов. Система наведения, монтировавшаяся перед боевым зарядным отделением, несколько снизила вес взрывчатого вещества⁴. После внесения целого ряда изменений, в т.ч. увеличения скорости до 24,5 узлов, торпеда в середине 1943 г. была принята на вооружение Кригсмарине под названием T V “Цаункениг” (Zaunkönig — Крапивник). По замыслам командования германского ВМФ, эти торпеды предназначались в первую очередь для поражения атакующих эскортных кораблей, в то время как торговые суда конвоев предполагалось поражать обычными или маневрирующими торпедами.

Первое боевое применение торпед Т V состоялось во второй половине сентября 1943 г. против атлантических конвоев “ON-202” и “ONS-18”. В ходе пятидневного сражения конвой потеряли 6 торговых судов и 3 корабля охранения при собственных потерях в 3 лодки, в то время как немецкое командование объявило о потоплении 11 торговых судов и 15 эскадренных миноносцев⁵.

Немецких подводников нельзя обвинить в преднамеренной подтасовке донесений. Дело в том, что далеко не все взрывы акустических торпед свидетельствовали о поражении цели!

Вот что пишет по этому поводу известный английский историк С. Роскилл: “Таким образом, немцы впервые применили акустические самонаводящиеся торпеды в сентябре 1943 года [...] Однако для адмиралтейства это не было сюрпризом [...] Противоядие, по сути дела, представляло собой шумящее устройство, буксируемое за кормой корабля. “Фоксер” — так называли это устройство — привлекал акустическую торпеду на себя, не позволяя ей пойти на шум корабельных винтов, и детонировал ее на безопасной от корабля дистанции [...] Поэтому можно утверждать, что это оружие, на которое Дениц [главком ВМС Германии — М.М.] возлагал столько надежд, не оправдало его ожиданий. Оно послужило причиной гибели нескольких ценных противолодочных кораблей, но ни разу не задержало надолго движение наших конвоев и не смогло изменить в пользу немцев ход битвы за Атлантику”⁶.

И действительно, реальные потери союзников от нового “чудо-оружия” начали стремительно падать. Так, если в октябре 1943 г. потери торговых судов от подводных лодок составили 20 единиц, то к маю 1944 г. они синизились до 4⁷. Собственные же потери лодок при этом были весьма велики. В июне-августе 1944 г. в ходе противодействия Нормандской высадке германские подлодки потопили 17 судов и 5 кораблей охранения, но потеряли при этом 20 субмарин⁸.

Союзникам удалось свести до минимума эффект от применения акустических торпед еще до получения материалов, добытых с поднятой “U-250”. В связи с этим, вывод И.Ф. Цветкова о том, что “передача технической документации, а позднее и самой торпеды Великобритании [...] предотвратила гибель большого числа союзных кораблей и судов в Атлантике” кажется нам более чем сомнительным.

В противоположность союзникам, применение новых торпед против советского ВМФ явилось для нас полной неожиданностью. Первая успешная атака немецких подлодок в Финском заливе имела место 28 июля 1944 г.⁹ Был торпедирован, но остался на плаву малый охотник “МО-107”. Однако спустя два дня, т.е. 30 июля, “МО-105” потопил лодку “U-250” и уже после первых допросов ее командира В. Шмидта выяснилось, оружием какого типа наносят немцы урон кораблям и катерам КБФ¹⁰. Несмотря на это, а также на получение после подъема субмарины исчерпывающих материалов о торпедах “Цаункениг”, наш флот так и не сумел до конца войны найти эффективных контрмер в этой области.

С августа до конца 1944 г. на Балтике торпедами германских подлодок было потоплено 2 тральщика, 2 малых охотника, 1 десантная баржа и 3 вспомогательных судна ВМФ. Однако еще более трагические события разыгрались в Баренцевом и Карском морях. 12 августа 1944 г. германская субмарина “U-365” в одиночку сумела разгромить арктический конвой “БД-5” в составе транспорта “Марина Раскова” и 3 тральщиков охранения¹¹. Погибло 298 пассажиров и членов экипажей кораблей. Тральщики не смогли не только обнаружить подлодку, но и даже защитить себя, хотя имели совершенную гидроакустическую аппаратуру и акустические охранители (все три были получены из США по ленд-лизу). В конце 1944—1945 гг. на Севере в результате попаданий акустических торпед были потоплены эсминцы “Деятельный” (также получен от союзников),

сторожевой корабль “Бриллиант”, тральщики “Т-883”, “Т-120”, большой охотник “БО-229”, гидрографическое судно “Норд”, пароходы “Революция”, “Пролетарий”, “Тбилиси” и “Онега”¹². На Балтике в 1945 г. погиб тральщик “Т-76”. В чем же причина трагической гибели многих сотен моряков военного и торгового флота от оружия, секрет которого уже перестал быть секретом? Почему наш собственный опыт нас ничему не научил?

Ответ на этот вопрос продолжает быть актуальным и в наше время. Тяжелые условия войны заставляли экономить время и средства на разработке принципиальных вопросов науки, на подготовке не только ученых, но и специалистов для флота. Таким образом, имевшиеся научные кадры не могли решить в полном объеме насущные проблемы, связанные с военно-техническим прогрессом, а войсковые специалисты не могли в необходимой мере пользоваться даже той аппаратурой, которой обладали их корабли. Если сравнить то время с сегодняшним днем, то можно прийти к выводу, что положение не только не улучшилось, но даже ухудшилось по целому ряду позиций. В настоящее время наш флот находится на завершающей стадии утраты своего боевого потенциала. Безвозвратно утрачены многие подготовленные кадры флотских специалистов. Учебно-материальная база находится в плачевном состоянии. К сожалению, не приходится сомневаться в том, что в случае возникновения любой критической ситуации трагические события прошлого повторятся на новом качественном этапе с куда большими людскими и материальными жертвами.

Примечания

- 1 Хийянен Л.П. Развитие зарубежных подводных лодок и их тактики. М., 1988. С.68.
- 2 Lakowski R. U-Boote. Zur geschichte einer Waffengattung der Seestreitkräfte. Berlin, 1989. S.342.
- 3 Schiffner V., Dohmen K.-H., Friedrich R. Torpedobewaffnung. Berlin, 1990. S.107—108.
- 4 Ibidem. S.121.
- 5 Морисон С. Битва за Атлантику выиграна (май 1943 — май 1945). Сокр. пер. с англ. М., 1959. С.151.
- 6 Роскилл С. Флот и война. Сокр. пер. с англ. Т.3. М., 1970. С.61—62.
- 7 Там же. С.680.
- 8 Хийянен Л.П. Указ. соч. С.69.
- 9 Meister J. Der Seekrieg in den osteuropäischen Gewässern 1941—45. München. 1958. S.90.
- 10 Кроме “МО-105”, 30 июля от торпед ПЛ врага погибли КТЩ “№ 804” и “№ 807”. 31 июля торпеда противника настигла и потопила “МО-101”.
- 11 Погибло судно и два тральщика. Подробнее об этом см.: Вайнер Б.А. Советский морской транспорт в Великой Отечественной войне. М., 1989. С.185—186.
- 12 Составлено по материалам: Богатырев С.В. Потери боевых кораблей и катеров ВМФ СССР в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Львов. 1994.; Суда министерства морского флота, погибшие в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1989. С.21—22.

**М.Э.Морозов,
Москва**

Письмо адмирала Н.Н. Амелько, участника событий в Выборгском заливе

В июле 1944 г. 10-й Краснознаменный Дивизион сторожевых катеров-дымзавесчиков — это его действительное наименование (10-й КДСК) — базировался в поселке Койвисто, а 1-й гвардейский ДСК МО в бухте Катерлахти. Оба дивизиона несли дозорную службу в Выборгском заливе. Катера 10-го КДСК, кроме дозорной службы, прикрывали тральщики, производившие траления мин на фарватерах с целью постановки дымзавес в случае их обстрела береговыми батареями с мыса Хел финского берега, что было обычным явлением. Дымзавесчики ставили дымзавесу, и огонь прекращался (радиолокации тогда еще не было).

В день потопления “У-250”, как обычно, шло траление, группа катеров-дымзавесчиков прикрывала тральщики, в том числе и КМ-910. Рулевой сигнальщик этого катера Николай Бондарь прямо по курсу заметил бурун и доложил командиру, главному старшине Виктору Павлову: “Прямо по курсу 4 кабельтова бурун, видимо, подводный камень.” Павлов изменил курс катера, а потом заметил, что “камень” опять оказался прямо по курсу. Катер подошел ближе к “камню”, и Павлов понял, что это бурун от винтов подводной лодки (из-за малых глубин в этом районе лодка не могла увеличить глубину). Павлов дал 3 белых ракеты, но “СКА-103”, стоящий на якоре на расстоянии около 3-х миль, на выпущенные ракеты не

реагировал. Тогда Павлов, продолжая наблюдать за лодкой по буруну, послал один из катеров группы к “МО-103”, экипаж которого обнаружил на палубе катера группу матросов, чистивших картошку, и объяснил обстановку. Матросы усомнились, но вызвали командира ст. лейтенанта Коленко, который, выслушав доклад, снялся с якоря и вместе с дымзавесчиком пошел к “КМ-910” (металлический бывший пограничный катер водоизмещением 35 тонн), увидел бурун и начал бомбометание.

Все остальное — как в тексте статьи И.Ф.Цветкова. Только командира подводной лодки, всплывшего на поверхность, первым поднял из воды СКА “У-50” и привез Шмидта в Койвисто, где и передал на “МО-103”, который и доставил всех спасенных в Кронштадт.

Славный старшина В. Павлов и ст. матрос Бондарь были награждены медалями. Оба живы. Павлов — в городе Ейске, Бондарь — на Украине.

**Бывший кап. 3 ранга — командир
10-го КДСКа, ныне адмирал Н.Н. Амелько
Москва, 20.11.95.**

Р.С. 22 июня ежегодно в п. Койвисто собираются оставшиеся в живых служившие в 10-м КДСК. Там похоронены погибшие во время взятия островов в Выборгском заливе моряки 10-го КДСКа.

**К публикации воспоминаний Я.А.Трушновича
“Русские в Югославии и Германии. 1941—1945 гг.”
с комментариями К.М.Александрова (Новый Часовой. 1994. № 2)**

“Новый Часовой” — журнал важный, нужный, необходимый в ключевом деле — восстановлении нашей исторической памяти. И самое главное — *журнал хороший* [курсив автора. — прим. ред.]. Тем досаднее видеть в нем погрешности, которых не должно было бы быть.

Во-первых, это опечатки, которые замечены мною в № 2. Начальные слова Пражского Манифеста 14 ноября 1944 г. звучат так: “В час тяжелых испытаний мы должны решить судьбу нашей Родины, наших народов...” А на с.176 вместо “народов” напечатано “предков”, на с.150 вместо аббревиатуры КОНР — КОНТ и т.д.

Во-вторых, вкрались некоторые фактические ошибки в комментарии К.М.Александрова к воспоминаниям Я.А.Трушновича, опубликованным в том же № 2 журнала. Сами комментарии — по существу огромный самостоятельный труд, достойный всяческой похвалы, но ряд огрехов присутствует.

1. Историк С.Г.Пушкарев печатался в изданиях НТС, но членом каких-либо политических организаций не являлся, за исключением РСДРП в дореволюционной России. Членом НТС он также не был (с.149).

2. Рутиков А.Г. — опечатка. Рытиков Анатолий Григорьевич, представитель журнала “Вече”, жив и здравствует, проживая в Нью-Йорке (с.157).

3. Кирилл Дмитриевич Вергун был руководителем всего Чехословацкого отдела НТСНП, а не Пражского; бомбардировка Пльзеня, при которой он погиб, произошла 17, а не 12 апреля 1945 г. (с.162).

4. Общая численность НТС — вопрос спорный, учет кадров никогда не был полным. Во время войны вообще никакого учета не было, а затем он долгое время оставался засекречен руководством НТС. Тем не менее цифра в 1500—1600 человек, о которой идет речь, может быть отнесена к концу 30-х гг. В начале 50-х гг. в Зарубежье по данным Исполнительного Бюро НТС числилось 823 человека; после раскола в 1955 г. эта цифра уменьшилась до 698 человек (с.160).

5. Схема НТС 1942 г. печаталась в Дятлово тиражом в 5 000 экз. под обложкой чуждой нам партии Б.В.Каминского. Этот тираж был отчасти распространен, но в основном, действительно, погиб. Однако весьма широкое распространение получило второе типографское издание, выпущенное монахами в Ладомирово в “независимой” Словакии в 1944 г. Оно ущербно лишь тем, что при перевозе рукописи в Словакию была

утеряна первая страница с “Введением” к Схеме. Поэтому единственно полный текст — это тот, который печатался ротаторным способом в Вустрау в самом конце 1942 г. и потом размножался (с.166).

В № 3 журнала очень ценна статья скм. Р.В.Полчанинова по истории скаутизма. Однако автор слишком много внимания уделяет чисто административным вопросам: кто когда какой группой руководил; создается впечатление сплошных конфликтов, которые на самом деле не касались ни детей, ни педагогики. Хотелось бы видеть продолжение, в котором был бы описан идейный и педагогический вклад группы Б.Б.Мартино в дело воспитания российского юношества и приведены примерные данные о численности ОРЮР. В бытность мою секретарем Б.Б.Мартино в начале 50-х гг. такой учет велся и отражался в журнале ОРЮР “Опыт”.

**С пожеланиями дальнейших успехов журналу
Борис Сергеевич Пушкарев. Москва, ноябрь 1995 г.**

К истории русских скаутов-разведчиков

На мою статью “К истории юных разведчиков — русских скаутов” (Новый Часовой. 1995. № 3) откликнулся проживающий в Архангельске историк русского скаутизма Ю.В.Кудряшев, сообщивший мне, что Император Николай II после Высочайшего смотра потешным в 1911 г. все же назначил, кроме смотра воспитанников средних учебных заведений Петербургского округа (См.: Новый Часовой. № 3. С.228), состоявшегося 5(18) июня, Второй Царский смотр потешным 1(14) августа. Следовательно, разочарование в движении потешных пришло Императору не после первого, а после второго смотра.

На с.229 было напечатано: “скаутмастер (скаутмастер, как тогда говорили), — а надо скаутмастер (скаутмастор, как иногда тоже говорили). На с.230 в нескольких местах напечатано “Всеобуч”, — а надо “Всеовбуч”. На с.231 указано, что Эстония до 1937 г. разрешала своей русской молодежи состоять в эмигрантских скаутских организациях с центром в Нью-Йорке, а надо — в эмигрантской скаутской организации в Нью-Йорке, то есть речь может идти лишь об одной русской скаутской организации. Появлявшиеся иногда скаутские группы были недолговечны, отрицали всякую связь со скаутизмом. Следовательно, никакого русского скаутского движения в Зарубежье нет и не было.

На с. 232 напечатано: “В 1920 и 1930 гг. Совет так и не был создан”, а надо: “В 1920-х и 1930-х гг...” Далее, на той же странице необходимо добавить Болгарию к списку государств, которые О.И.Пантюхов посетил в 1929 г. На с.233 напечатано: “Национальная английская Организация Русских Скаутов-разведчиков — НОРС-Р и замену терминологии на русскую”, а надо: “Национальная Организация Русских Скаутов-Разведчиков и замену английской терминологии на русскую”. На с.234 сообщается, что скаутская елка в Париже устраивалась 30 декабря 1945 г. Точная дата — 26 декабря 1945 г. (журнал “Разведчик”, Менхегоф, Германия, № 1 (4), январь 1946 г.).

**Скаутмастер Ростислав Владимирович Полчанинов
Нью-Йорк, декабрь 1995 г.**

Дорогая редакция!

Совершенно случайно попавший в мои руки новый русский военно-исторический журнал “Новый Часовой” (всего-то два номера: № 1 — 1994 г. и № 3 — 1995 г.) был прочитан почти от корки до корки на одном дыхании. В журнале все материалы (статьи, исследования, письма, воспоминания) посвящены историческому прошлому России — нашему Отечеству.

Опубликованы очень интересные материалы по истории русской армии и флота царского и советского периодов, о роли духовенства в армии (Шишов А.В., Фирсов С.Л.), факты Гражданской войны (Лампе Л.А., Росс Н.Г., Бортневский В.Г.), загадки императорской семьи и Распутина (Чепарухин В.В.), новые материалы о Финской войне 1939—40 гг. (Александров К.М.), о Великой Отечественной войне — к 50-летию Победы (Почтарев И.Ф., Ржешевский О.А., Цветков И.Ф., Александров К.М.).

Представляет интерес интервью с историками (Хоффман Й., Жеребов Д.К.), которые проливают дополнительный свет на сомнительные факты событий Великой Отечественной войны. Интересны и познавательны материалы из истории возрождения скаутского движения, казачества, истории создания оружия и др.

Все статьи написаны лаконичным понятным языком, документированы и, что самое главное, убедительны.

Очень важным для журнала является его представительство за пределами России — это позволит, видимо, редакции получать исторические материалы от наших соотечественников, волею судьбы оказавшихся за пределами Родины.

Желаю новому журналу счастливого и большого плавания в огромном море исторической правды, успехов редакционному совету.

Песков Михаил Ильич,
доктор технических наук,
участник Великой Отечественной войны.
Москва, февраль 1996 г.

Глубокоуважаемые гг. издатели журнала “Новый Часовой”!

Ознакомившись с первыми номерами Вашего издания, хотел бы поздравить Вас с прекрасным замыслом и великолепным началом его исполнения. Журнал хорош уже потому, что каждый материал: а) нов; б) конкретен; в) документирован; г) интерпретирован без популяризаторского пафоса и публицистических пророчеств, — словом, отличается основательным профессионализмом издателей и авторов.

Хотелось бы пожелать следующее:

1. Хорошо было бы, если бы Ваш журнал поступал в более-менее широкую продажу в Москве — до сих пор я не видел номеров “Нового Часового” там, где имеют обыкновение покупать книги московские гуманитарии, — в магазине “19 октября”, в Академкниге, в киосках 1-го гуманитарного корпуса МГУ.

2. Поскольку журнал издается в Петербурге — может быть, имело бы смысл создать рубрику: Петербургско-Ленинградская военная история.

3. Очень неплохо было бы обратить специальное внимание на некоторые события новейшей военной истории, особенно любопытные (за недостатком опубликованных документов) в настоящее время — например, на историю формирования РОА, или на практику уличных боев в столицах братских государств (Будапешт, Прага, Кабул), или

на сравнительный анализ партизанской тактики (например, на материале Брянской области в 1942—43 гг. и Кандагарской провинции в 1980—89 гг.).

4. Может быть, следовало бы ввести рубрику “Исторические портреты”; причем очень любопытна была бы галерея разных портретов (выполненных разными авторами) одного исторического лица. Один генерал Власов стоит такой галереи. На одном и том же материале можно построить диаметрально противоположные концепции. Я, например, всегда полагал (вполне сознаю, что это предположение воспитано моими занятиями историей XVIII—XIX вв.), что Власов — это человек дважды не застрелившийся: один раз, когда после разгрома 2-й Армии он блуждал в лесу; другой раз — когда Красная Армия окружила РОА. Но вот в интервью Д.К.Жеребова (№ 3, с.221) читаю: “Встретился бы я с Власовым, я бы пожал ему руку”. Если так рассуждает человек, сам прошедший войну, в два раза старше меня (а значит, переживший слом понятий о жизни куда тяжелее, чем мое поколение, изначально не доверявшее советской мифологии) — значит, тут есть повод для осмысленной полемики. Фигур, подобных Власову, особенно тех, что деятельно сакрализуются современной публицистикой, очень много (Тухачевский, Жуков и т.д.).

5. Хотелось бы видеть в “Новом Часовом” материалы по военной истории не только XX столетия, но и более ранних времен, ибо изучение военной истории XVIII—XIX вв. в последние 30—40 лет фактически прекращено.

Желаю Вам многих успехов. Всего самого доброго.

**Песков Алексей Михайлович, историк,
доцент филологического факультета МГУ.
Москва, февраль 1996 г.**

Уважаемая редакция!

Познакомившись с интервью Д.К.Жеребова, опубликованном в вашем журнале, не могу не написать в связи с этим хотя бы несколько строк.

Сознаюсь, будучи женщиной и не являясь специалистом в области военного дела, никогда особенно не интересовалась вопросами военной истории.

Однако личное знакомство с Д.К.Жеребовым, а также знакомство с его предыдущими публикациями и фильмом “Битва за Ленинград” заставили меня обратить взор в прошлое.

К счастью, я отношусь к послевоенному поколению, которое знает о войне по литературным произведениям, по фильмам. Лишь чуть-чуть прикоснулась ко мне война рассказами отца, который партизанил в Белоруссии, и матери с бабушкой, которые работали на военном заводе в тылу — на Урале.

С годами возник диссонанс между тем, чему учили в школе, что знала по публикациям застойного времени, и тем, что вспоминали близкие, — сплошной героизм, если верить (если верить?) средствам массовой информации, а по рассказам участников событий все выглядело не совсем так, вернее совсем не так. Были и страх смерти, и предательство, и просто лояльное отношение к немцам больших слоев населения, в том числе и в Белоруссии — партизанской республике, и незаслуженное представление к наградам “красными командирами” “своих людей”, и забвение героев... И вот сейчас, в свои почти 47, я вынуждена посмотреть на войну под другим углом зрения. Этому, безусловно, способствовали и публикации “Огонька”, особенно те, которые касались ленинградской блокады, и книги В.Суворова, и, конечно же, как предыдущие

статьи, так и это интервью Д.К.Жеребова.

Ужасает, как однобоко была представлена эта общечеловеческая трагедия нашими “историками”, как примитивно в связи с этим на протяжении долгих лет воспринимали ее мы, более молодые люди, еще не родившиеся к тому времени на свет. Как можно было молчать тем, кто жил тогда и видел все это, всю грязь, которая всегда сопровождает любые катастрофы и, особенно, войны, безнравственность командования, которое отдавало приказ взять очередную безымянную высоту ко дню рождения “вождя всех времен и народов”, сложив на поле боя солдат, мародерство, людоедство в блокадном Ленинграде?..

Тем более поражают своей последовательностью и неординарностью взгляда на суть происходившего статьи Доната Константиновича, которые он публиковал на протяжении 25 лет в любых, даже малотиражных газетах. В них подкупают искренность, отсутствие ортодоксальности мышления, свойственное людям пожилого возраста, особенно ветеранам. Удивляет свежий взгляд с высоты прожитых лет на события, связанные с войной вообще и с ленинградской битвой в частности. Безусловно, “у каждого была своя война”.

Это глубокая, несмотря на кажущуюся простоту, мысль. Тем более ценной представляется публикация в журнале подобных материалов, в особенности тех авторов, которые прошли через горнило Второй мировой, не сломались, а сохранили в себе мужество и с высоты прожитых лет могут взглянуть по-новому на прошлое, переоценить его и, несмотря на боль и разочарование, признать, что многое было напрасным или куплено слишком дорогой ценой.

Я бесконечно благодарна судьбе за то, что она подарила встречу с мудрым, принципиальным, честным человеком —военным историком Донатом Константиновичем Жеребовым.

С уважением.
Кулябко Татьяна Борисовна.
С.-Петербург, 10.11.95 г.

Юрий Давидович Марголис

14 февраля 1996 года, после тяжелой болезни, скончался Юрий Давидович Марголис — талантливый ученый и прекрасный человек, профессор исторического факультета Санкт-Петербургского университета.

Круг его научных интересов был необычайно широк: шевченковедение и история Украины; проблемы революционно-демократического движения и вопросы внутренней политики самодержавия XIX — начала XX вв.; история русской общественной мысли и история Петербургского университета, а также многое другое. Однако прежде всего хотелось бы отметить не общеизвестные факты научной и педагогической деятельности Ю.Д. Марголиса, а его человеческие качества.

Все, кто знал Юрия Давидовича, никогда не смогут забыть его колоссального жизненного оптимизма, искрометного юмора и редких нравственных качеств: он умел слушать и слышать окружающих, понимать их. Редкое, ныне почти не встречающееся, качество духовной доброты и щедрости было присуще ему в полной мере.

Пройдя достаточно сложный жизненный путь, многое пережив и переоценив, он не разочаровался в людях, до последних дней не переставая поражать всех, кто его знал, своим искренним желанием всегда оказать посильную помощь нуждавшемуся в его содействии человеку. С годами он стал по-философски спокоен, своим примером научая прощать ошиб-

ки другим, быть честным и чутким к чужой боли. Он мог одним словом, сказанным как бы невзначай, поддержать сомневавшегося, заставить поверить его в собственные силы.

Юрий Давидович всегда следил за успехами своих учеников, любил их и гордился ими. С учениками он часто встречался не только на семинарах, но и в неформальной обстановке, совершенно естественно чувствуя себя в студенческой компании.

С ним всегда было тепло и светло. А это, пожалуй, главное...

Юрий Давидович Марголис ушел, но эти тепло и свет навсегда остались в сердце каждого, кому посчастливилось встретиться с ним на своем жизненном пути.

Ученики и коллеги

НОВЫЙ ЧАСОВОЙ

Военно-исторический журнал

№4

Зав. редакцией *Г.И.Чердниченко*
Редактор *Е.Михайлова*
Тех. редакторы *Л.Иванова, Е.Миллер*

Лицензия ЛР № 040050 от 05.08.1991 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 20.05.96. Формат 70×100/16. Печать офсетная.

Физ. печ. л.18. Усл. печ. л.23,22. Уч.-изд. л.26,73. Тираж 2000 экз.

Издательство С.-Петербургского университета.

Российская Федерация, 199034, С.-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Центр офсетной печати типографии издательства СПбГУ
199061, С.-Петербург, Средний пр., 41

